РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

HYPANIS

ТРУДЫ ОТДЕЛА КЛАССИЧЕСКОЙ АРХЕОЛОГИИ ИА РАН

Под общей редакцией В. Д. Кузнецова

2



Редколлегия:

О. М. Ворошилова (секретарь), Н. Д. Двуреченская, А. А. Завойкин, В. Д. Кузнецов (главный редактор), А. А. Масленников

Рецензенты:

д. и.н. Е. М. Алексеева д. и.н. А. А. Масленников

Утвержден на заседании Ученого совета Института археологии РАН

Hypanis. Труды отдела классической археологии ИА РАН. Т. 2. – М., H99 2020. 244 с.: илл.

ISBN 978-5-94375-324-4

Сборник научных статей по археологии, истории, эпиграфике и нумизматике Боспора, Абхазии, Средней Азии античной эпохи, раннесредневекового и Нового периодов истории.

В сборнике публикуются материалы исследований, выполненных по преимуществу сотрудниками отдела классической археологии РАН и иными специалистами по теме НИР «Археологические культуры евразийских степей и античный мир – контакты и взаимовлияния».

УДК 902/904 ББК 63.4

ISBN 978-5-94375-324-4

DOI: 10.25681/IARAS.2020.978-5-94375-324-4

- © Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии РАН, 2020
- © Авторы статей

СОДЕРЖАНИЕ

Абрамзон М. Г., Завойкин А. А., Кузнецов В. Д., Сапрыкина И. А.	
Боспорские серебряные монеты классического времени из Фанагории	5
Абрамзон М. Г., Ворошилов А. Н., Ворошилова О. М.	
Золотые индикации из позднеантичного склепа Фанагории	27
Абрамзон М. Г., Кузнецов В. Д., Остапенко С. Н.	
Раннесредневековые монеты из случайных находок в Кепах	37
Волков И.В., Голофаст Л.А.	
Керамические находки 17-18 вв. из Фанагории	46
Ворошилов А. Н., Гараев И. А.	
Эллинистическое погребение воина на Азиатском Боспоре	71
Ворошилова О. М.	
Погребение в «каменном ящике» (Фанагория, 2016 г.)	93
Гаибов В. А., Никитин А. Б.	
Сфрагистика парфянской периферии	109
Двуреченская Н. Д.	
Коллекция терракотовых статуэток Маргианы (Материалы ЮТАКЭ)	116
Завойкин А. А., Кузнецов В. Д.	
Хронология архаического дома из Фанагории	129
Завойкин А. А., Павличенко Н. А.	
Перепланировка на акрополе Фанагории в середине 4 в. до н.э.	141
Завойкина Н.В.	
Граффити первых веков н. э. из Фанагории	169
Мокробородов В. В.	
Керамические комплексы типа Яз III памятников Юго-Западного Гиссара	184
Пилипко В. Н.	
Материалы к стратиграфии Старой крепости в городе Керки	203
Требелева Г.В.	
. Исследования Маркульского городища в 2019 году: Дальняя башня	224
Трейстер М. Ю.	
лительный полотой перстень из Фанагории	233
Сокращония	2/1

CONTENTS

Abramzon M. G., Zavoykin A. A., Kuznetsov V. D., Saprykina I. A.	
Bosporan Silver Coins of the Classical Period from Phanagoria	5
Abramzon M. G., Voroshilova A. N., Voroshilov O. M.	
Gold Danakes from Late Antique Tomb of Phanagoria	. 27
Abramzon M. G., Kuznetsov V. D., Ostapenko S. N.	
Early Mediaval Coins from Chance Finds in Kepoi	. 37
Volkov I. V., Golofast L. A.	
Pottery of the 17 th -18 th Centuries from Phanagoria	. 46
Voroshilov A. N., Garaev I. A.	
A Hellenistic Burial of a Warrior from Asian Bosporos	. 71
Voroshilova O. M.	
A Burial in a Stone Cist (Phanagoria, 2016)	. 93
Gaibov V. A., Nikitin A. B.	
Sphragistics of the Parthian Periphery	109
Dvurechenskaya N. D.	
A Collection of Terracotta Figurines from Margiana (the YuTAKE Materials)	116
Zavoykin A. A., Kuznetsov V. D.	
The Chronology of an Archaic Dwelling in Phanagoria	129
Zavoykin A. A., Pavlichenko N. A.	
Re-planning of the Acropolis of Phanagoria in the Middle of the 4th century B.C.	141
Zavoykina N. V.	
Grafitti of the First Centuries A.D. from Phanagoria	169
Mokroborodov V. V.	
Pottery Assemblages of Yaz III Type from Foothills of Southwestern Hissar	184
Pilipko V. N.	
Materials on the Stratigraphy of the Old Fortress in the City of Kerki	203
Trebeleva G. V.	
Investigations at the Markulskoe City-site in 2019: the Remote tower	224
Treister M. Ju.	
Late Archaic Gold Finger Ring from Phanagoria	233
Abbraviations	044
Abbreviations	241

М. Г. Абрамзон, А. А. Завойкин, В. Д. Кузнецов, И. А. Сапрыкина

БОСПОРСКИЕ СЕРЕБРЯНЫЕ МОНЕТЫ КЛАССИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ ФАНАГОРИИ*

Аннотация. Статья является продолжением публикации раннего боспорского серебра из раскопок Фанагории. К изданному в Hypanis 1 (2019) материалу прибавилось еще 20 монет, которые делятся на две хронологические группы. Первая – 4 анэпиграфных монеты первой половины 5 в. до н.э.; вторая – 16 монет с этниконами периода после 438 г. и до 360-х гг. до н.э. Последняя группа представляет важный хронологический индикатор для датировки слоев классической Фанагории. По эмитентам монеты второй группы распределяются следующим образом: чеканка $A\PiO\Lambda-4$ экз.; Пантикапей – 5; «синдские» – 5; Фанагория – 1; Нимфей – 1. Находки перечисленных чеканок в слоях Фанагории подтверждают то, что на боспорском денежном рынке монеты данных эмитентов ходили параллельно, не подвергаясь дискриминации.

Новый материал из Фанагории дает возможность уделить специальное внимание вопросу о монетном стандарте на Боспоре в классическое время. Недавнее исследование Фанагорийского клада архаических монет показало, что до 480 г. боспорское серебро чеканилось по полному эгинскому стандарту. С утверждением Археанактидов в Пантикапее происходит переход на персидскую систему, применявшуюся до прихода к власти Спартокидов. Можно предполагать, что политический переворот на Боспоре в 438/7 г. мог найти отражение и в боспорском монетном деле, как ранее это произошло при Археанактидах, поддержанных Персией. При Спартокидах такие изменения в чеканке отмечены, во-первых, помещением на монетах Пантикапея этникона в сокращенной форме – ПА, ПАN, ПАNTI. Во-вторых, происходит переход пантикапейской чеканки с персидского на аттический стандарт. Однако этот переход произошел не сразу после утверждения Спартокидов, но спустя некоторое время. Поскольку в их чеканке одни и те же типы соответствуют то персидской системе, то аттической, можно полагать, что до 422/418 г. правители сохраняют привычный в Пантикапее персидский стандарт, а затем заменяют его аттическим, согласно «Монетному постановлению». Можно также констатировать, что если Пантикапей (и, возможно, греческие центры, чеканившие монету с легендой $\Sigma IN\Delta\Omega N$), в последней трети 5 в. используют аттическую систему, то Фанагория и Нимфей – персидскую.

Рентгено-флуоресцентный анализ публикуемых монет позволяет предварительно выделить два разных источника серебра для чеканки Боспора классического времени: серебро Балканской рудной провинции (преимущественно, регион Фракии), используемое для чеканки группы «синдских» монет, а также Фанагории и Нимфея, и серебро рудных месторождений Лавриона (Аттика) – для чеканки пантикапейских монет. В то же время, ранее проведенные исследования изотопного состава Рb в серебре монет по методу Рb—Рb, указывают на то, что уже в поздеархаический период для боспорской чеканки использовалось серебро из нескольких рудных источников.

Ключевые слова. Боспор Киммерийский, Фанагория, монеты из раскопок, ранняя серебряная чеканка, денежное обращение, источники серебра, рентгено-флуоресцентная спектроскопия.

M. G. Abramzon, A. A. Zavoykin, V. D. Kuznetsov, I. A. Saprykina BOSPORAN SILVER COINS OF THE CLASSICAL PERIOD FROM PHANAGORIA

Abstract. The present article expands the publication of Early Bosporan coin finds from the excavations at Phanagoria. In addition to the coins published in *Hypanis* 1 (2019), 20 more specimens have been examined. They fall into two chronological groups. The first one includes four unepigraphic coins of the first half of the 5th century B.C.; the second group comprises 16 coins with legends

^{*} Исследование выполнено в рамках НИР ИА РАН по теме «Археологические культуры евразийских степей и античный мир – контакты и взаимовлияния» (АААА-А18-118011790093-2).

spanning the period from 438 to the 360s B.C. The latter makes an important chronological indicator for dating the strata of Classical period in Phanagoria. The issuing authorities of the coins from the second group are as follows: $A\PiO\Lambda-4$ coins, Pantikapaion – 5, "Sindians" – 5, Phanagoria – 1, Nympaion – 1. The finds of all these coins at Phanagoria demonstrate that the issues of the abovementioned mints circulated in the Bosporos all together, without any discrimination.

New finds from Phanagoria allow revisiting the problem of the weight standard used in the Bosporos during the Classical period. The recent studies of the Phanagorian hoard of Late Archaic coins have revealed that before 480 B.C. Bosporan silver was minted to the full Aeginetan standard. The rise of the Archeanactids in Pantikapaion was followed by the shift towards the Persian standard, which continued till the coming of the Spartocids. It may be suggested that the political changes of 438/7 were reflected in Bosporan coinage in the same way as it happened under the Archeanactids supported by the Persians. Under the Spartocids, these changes were marked by the appearance of the abbreviated name of the city on the coins of Pantikapaion: ΠΑ, ΠΑΝΤΙ, as well as by the shift from the Persian to the Attic standard. However, it took place not immediately after the establishment of the Spartocid dynasty but a while later. As we know, some of their coins of the same type were struck on the Persian standard, while others – on the Attic one. Therefore, it is possible to suggest that before 422/418 B.C. these rulers followed the Persian standard, well-known in Pantikapaion, but later accepted the Attic one in accordance with 'Coinage Decree'. It should also be taken into consideration that in the last third of the 5th century B.C. Pantikapaion and (presumably) the mint producing $\Sigma IN\Delta\Omega N$ coins followed the Attic standard, whereas Phanagoria and Nymphaion used the Persian one.

The X-ray-fluorescent analysis of the published coins reveals two different sources of silver for Bosporan coinage of the Classical period: the Balkan mines (mainly Thracian) for "Syndian", Phanagorian and Nymphaion coins, and the mines of Laurion in Attica for Pantikapaion coins. At the same time, the earlier studies of Pb isotopes in silver with the help of the Pb-Pb method demonstrate that in the Late Archaic period Bosporan coins were minted from silver coming from different sources.

Key-words. Kimmerian Bosporos, Phanagoria, coins from excavations, early silver mint, money circulation, sources of silver, X-ray-fluorescent spectroscopy.

В нашей предыдущей статье в *Hypanis* 1 рассматривались находки ранних серебряных монет из Фанагории, имеющие важное значение для уточнения датировки слоев поздней архаики – ранней классики на акрополе и открытого в них целого ряда объектов: жилищ, общественных зданий и фортификационных сооружений. В свою очередь, хронология этих объектов стала основанием для корректировки датировки ряда монетных типов. Всего этих слоях было найдено 23 монеты, все — анэпиграфные. 1

Настоящая статья является продолжением публикации раннего боспорского серебра из раскопок Фанагории. К изданному материалу прибавилось еще 20 монет, которые делятся на две хронологические группы. Первая – 4 анэпиграфных монеты первой половины 5 в.^2 из случайных находок в 2020 г. (№ 1-4); вторая – 16 монет с этниконами периода после 438 г. и до 360-х гг. (№ 5-19). Последняя группа представляет важный хронологический индикатор для датировки слоев классической Фанагории. По эмитентам монеты второй группы распределяются следующим образом: чеканка $A\PiO\Lambda-4$ экз.; Пантикапей – 5; «синдские» – 5; Фанагория – 1; Нимфей – 1. Находки перечисленных чеканок в слоях Фанагории подтверждают то, что на боспорском денежном рынке монеты данных эмитентов ходили параллельно, не подвергаясь дискриминации. Важно подчеркнуть, что все боспорские центры чеканили в целом один и тот же набор номиналов.

При исследовании публикуемых выпусков неминуемо встает вопрос о монетном стандарте, по которому они чеканились. В Новый нумизматический материал предоставляет нам возможность кратко рассмотреть процесс смены монетных систем на Боспоре в классическое время.

5.45 г, указанный у В. А. Анохина (1986, 23,

табл. III), хотя он говорит о персидской си-

³ В англоязычных работах по метроло-

стеме.

Абрамзон и др. 2019.
 Здесь и далее все даты в статье – до н.э.

гии боспорского серебра 437–375 гг. данный вопрос вообще не рассматривается, поскольку постулируемые выводы А. Л. Бертье-Делагарда (2009), А. Н. Зографа (1951), Д. Б. Шелова (1956), Н. А. Фроловой (1988) об использовании редуцированного эгинского стандарта (все драхмы – 5.6 г) в боспорской чеканке до конца 5 в. принимаются исследователями априори. См., например: MacDonald 2005, 11; Hourmouziadis, Weisser 2007; Hourmouziadis 2011. Последние авторы ссылаются также и на вес драхмы

1. Весовые стандарты монет Боспора 5 – первой половины 4 в.

Как показал анализ Фанагорийского клада архаических монет, до 480 г. боспорское серебро чеканилось по полному эгинскому стандарту. С утверждением Археанактидов в Пантикапее происходит переход на персидскую систему, серебряный сигль которой весил 5.43–5.5 г. В.А. Анохин считал, что этот переход состоялся ок. 490 г. и в целом правильно определил нормы боспорских номиналов, соответствующих весовым нормам персидской системы. Но выделенная исследователем его серия П–5 (ок. 490–480 гг.) персидского стандарта (драхма, триобол, гемиобол, тетартеморий) в действительности скомпонована из ранних боспорских монет эгинского стандарта указанного периода, поскольку драхма той же пары штемпелей из Фанагорийского клада чеканена по эгинскому стандарту. Хорошо известны и аналогии позднеархаическому триоболу. Подобные гемиоболы весят 0.48–0.69 г¹⁰, что тоже не позволяет связать их с персидской системой.

Таким образом, первой серией пантикапейского серебра персидского стандарта является Π –6, по В. А. Анохину, которую сам исследователь датирует временем уже после 480 г. ¹¹ Типология новой серии заметно отличается от монет доархеанактидского периода: на триоболах quadratum incusum приобретает четкую форму свастики ("swastika" pattern); на реверсе гемиоболов и тетартемориев появляются две и четыре точки. Археологический контекст таких монет, найденных в слое раннеклассического времени Фанагории, позволяет надежно датировать их временем ок. 480–460 гг. ¹²

В корпусе Н. А. Фроловой, считавшей, что все боспорские монеты до конца 5 в. чеканились по эгинской системе, выделенный исследователем тип II (со свастикой на реверсе) также включает пантикапейские монеты персидского стандарта. ¹³ Наиболее тяжелые из учтенных Н. А. Фроловой триоболов со свастикой весят 2.80 и 2.68 г (средний вес – 2.73 г, по В. А. Анохину), что коррелирует с весом сигля. ¹⁴ Норма пантикапейского диобола, чеканенного по персидской системе, составляет 1.82 г. ¹⁵ Диоболы со свастикой ¹⁶ с таким весом (с колебаниями) – не редкость. ¹⁷ По персидскому стандарту чеканены также триоболы и диоболы с двумя звездами на таблетках на реверсе ¹⁸, которые мы датируем на основании археологического контекста их находок в Фанагории временем ок. 460–440 гг. ¹⁹

Важно отметить, что переход на персидский стандарт сопровождается увеличением объема чеканки мелких фракций серебра. Среди номиналов первых выпусков (со свастикой на реверсе триоболов и диоболов) драхма отсутствует. Старшим номиналом выступает триобол.

Затем чеканится серия с вдавленным квадратом со звездами на двух таблетках: номиналы — тетробол, триобол, диобол, гемиобол и тетартеморий²⁰, драхма же по-прежнему не выпускается. При этом, на боспорском денежном рынке до 460-х годов безусловно преобладают гемиоболы типа «голова льва/вдавленный квадрат с двумя точками». ²¹ Они являются одними из самых многочисленных среди мелких номиналов раннего пантикапейского серебра. О продолжительности их чеканки свидетельствует разностильность аверсов; среди них выделяются группы раннего и позднего стиля. ²² Доминирование на рынке именно этого вида серебра и количественное соотношение его с другими типами отражает, например, Нимфейский клад 1949 г., в котором из 17 монет большинство составляют именно такие гемиоболы (11 экз.). Далее следуют гемиоболы со звездой на реверсе (4 экз.) и единственный диобол. ²³ В «кладе» из Пересыпи 1948 г. ²⁴ из 28 монет археанактидского времени 20 составляют гемиоболы

- ⁴ Кузнецов, Абрамзон 2020, 24–26.
- ⁵ О весе сигля см.: Alarm 2012, 64–65; Psoma 2015, 103.
- 6 Анохин 1986, № 7–10.
- ⁷ Там же, № 7. Вес 4.54 г.
- ⁸ Кузнецов, Абрамзон 2020, 61, № 8. Вес 6.22 г.
- ⁹ Мюнцкабинет Государственного музея в Берлине (Munzkabinett, Staatliche Museen zu Berlin. Inv. 274). См. Frolova 2004, Nr. 19. Taf. 1. 19.
- ¹⁰ Frolova 2004, Nr. 23–29; Abramzon, Frolova 2004, nos. 1–4. Норма гемиобола эгинского стандарта около 0.50 г.
- 11 Анохин 1986, № 11–13.
- 12 Абрамзон и др. 2019, 12-14.
- ¹³ Frolova 2004, 18–20, Nr. 31–79. Однако сюда же примешались и монеты эгинского стандарта: драхма (Nr. 31) и триоболы (Nr. 41, 47, 48/2), отчеканенные теми же штемпелями, что встречаются в Фанагорийском кладе. ¹⁴ Ibid., Nr. 33, 38. Известны и другие многочисленные экземпляры триоболов персидского стандарта из находок последних лет. Приведем лишь несколько примеров: 1) Крым, вес - 2.82 г. (https://bosporan-kingdom.com/000-1005/1.html); 2) 2.75 r. (https://bosporan-kingdom.com/000-1127/4.html); 3) 2.65 г. (https://bosporan-kingdom.com/000-1127/3. html); 4) 2.71 r. (https://bosporan-kingdom.com/ 011-1100/3.html); 5) Тамань 3, вес – 2.80 г. (Гарбузов и др. 2011, 140, рис. 12. 7); 6) Фанагория, вес – 2.72 г. (Абрамзон и др. 2019, 19, № 5).
- ¹⁵ Анохин 1986, 23.
- ¹⁶ Frolova 2004, Nr. 72, 73, 78.
- ¹⁷ Например: 1) Фанагория, вес -1.85 г. (Абрамзон и др. 2019, 19, № 16); 2) Тамань 3, вес -1.84 г. (Гарбузов и др. 2011, 140, рис. 12. 13); 3) Таманский 4, вес -1.86 г. (Там же, 143, рис. 15. 6); 4) ОАМ, вес -1.87 г. (Frolova 2004, Nr. 72); 5) ГЭ, вес -1.70 г. (Ibid., Nr. 78).
- ¹⁸ Ср. Frolova 2004, Nr. 215–227 (диоболы), 229 (триобол). Приведем несколько примеров монет с весом, близким к норме. Триоболь: ГЭ, вес -2.89 г (Frolova 2004, Nr. 229). Диоболы: 1) Британский Музей, вес -1.79 г. (SNG BM 840); 2) 1.80 г. (https://bosporan-kingdom.com/020-2083/3.html); 3) 1.74 г. (https://bosporan-kingdom.com/020-2083/11.html); 4) Волна 1, вес -1.74 г. (Абрамзон и др. 2018, 18, № 7).
- 19 Абрамзон и др. 2019, № 18, 19.
- 20 Анохин 2011, № 969–973.
- 21 Тип: Анохин 1986, № 17; Frolova 2004, Таf. 4. 96 ff.
- 22 Голенко 1974, 69-70.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Abramzon, Frolova 2004. Этот комплекс представляет смешение двух кладов, один из которых датируется временем Археанактидов, другой относится к эпохе Спартокидов.

с двумя точками на реверсе. Среди массы учтенных единичных находок анэпиграфного серебра времени Археанактидов триоболы и диоболы насчитываются несколькими десятками, гемиоболы с двумя точками – сотнями.²⁵

Ситуация на боспорском рынке не уникальна. Преобладание мелких номиналов вообще характерно для греческого денежного обращения 5 в. Как нельзя лучше это отражает клад из Ориоля 1867 г. (IGCH 2352), зарытый ок. 480–470 гг. Он содержал 2130 анэпиграфных монет мелких номиналов²⁶, из которых 1928 составляли оболы и мельчайшие фракции неизвестного ионийского центра. Драхм и тетроболов же в нем всего несколько экземпляров. Известны и другие клады мелких фракций серебра 5 в. из Эгеиды, Фракии, Пелопоннеса, Причерноморья, Южной Анатолии (см., например, CH VIII 20, 22, 36, 38, 72, 75).

Анэпиграфное серебро выпускалось до прихода к власти Спартокидов. 27 Можно предполагать, что политический переворот на Боспоре в 438/7 г. мог найти отражение и в боспорском монетном деле, как ранее это произошло при Археанактидах, поддержанных Персией. При Спартокидах такие изменения в чеканке отмечены, во-первых, помещением на монетах Пантикапея этникона в сокращенной форме – Π A, Π AN, Π ANTI. Это означает не просто «постепенное развитие типа оборотной стороны, что и ранее» 28 , а то, что территория государства Спартокидов ограничивалась в это время только Пантикапеем.

Во-вторых, происходит переход пантикапейской чеканки с персидского на аттический стандарт. Выбор последнего определяло два важнейших обстоятельства: политическое (Спартокиды были ставленниками и союзниками Афин) и экономическое (после этого времени начинается нарастание боспоро-афинской торговли зерном²⁹). Отметим, что в 5 в. аттический стандарт приняли, в частности, Клазомены и многие ионийские города, сохранявшие его и в 4 в. Все это подчеркивает возрастающую значимость аттического стандарта, приобретшего характер международного – в Малой Азии, Фракии, Причерноморье, Ликии и т. д. ³⁰

Между тем, самая первая серия монет Спартокидов, состоящая из драхм, диоболов, гемиоболов с буквами ПА и звездами на таблетках, была отчеканена еще по персидскому стандарту. Зарегистрированы драхма весом 5.25 г, диоболы 1.79 и 1.81 г, гемиобол 0.48 г, соответствующие нормам номиналов персидской системы. Однако вскоре те же типы стали чеканиться по аттической системе (вес аттической драхмы – 4.29–4.32 г). Известны драхмы и диоболы тех же типов с которых составил: драхмы – около 4.33 г диобола – около

сидскому стандарту вновь приходит стандарт эгинский. Отказ от персидской системы и переход на аттическую, по всей видимости, может быть связан с началом масштабной хлебной торговли Боспора с Афинами. Поэтому монеты, соответствующие по весу аттической драхме, не могут являться пентоболами эгинской системы, как полагали А.Л. Бертье-Делагард, Д.Б. Шелов и Н.А. Фролова, или персидской системы, как полагает В.А. Анохин. В пользу того, что это драхмы аттической системы, выпускаемые Пантикапеем (так же, как и другими союзниками и торговыми партнерами Афин) свидетельствует то, что ни до, ни после того номинал в пять оболов не был чеканен на Боспоре, в то время как драхма обычный для этого региона номинал.

²⁵ Например, только интернет-ресурс Каталог-архив «Монеты Боспора» учитывает 220 гемиоболов с двумя точками (https://bosporan-kingdom.com/017-2169/1.html и далее), в то время как диоболов – до 50 штук (https://bosporan-kingdom.com/015-1012/1.html и далее). Ту же пропорцию отражает и корпус Н. А. Фроловой – тип IV (Таf. 4–8).

²⁶ Furtwängler 1978.

²⁷ Возможно, исключение составляют триоболы типа «голова льва в фас/вдавленный квадрат с восьмилучевой звездой» и гемиоболы «голова льва в фас/вдавленный квадрат с четырехлучевой звездой» (Frolova 2004, Nr. 204, 205–213), средний вес которых (ок. 2.20 и 0.36 г.) коррелирует с номиналами аттического стандарта.

²⁸ Анохин 1986, 27.

²⁹ Cm. Moreno 2007, 169 ff.

³⁰ Psoma 2015, 99.

³¹ См. https://bosporan-kingdom.com/000–2211/ 1.html (драхма); https://bosporan-kingdom. com/039–2026/17.html (диобол, 1.81 г); https:// bosporan-kingdom.com/039–2026/5.html (диобол, 1.79 г.); https://bosporan-kingdom.com/ 040–2012/21.html (гемиобол).

³² Frolova 2004, Nr. 293–297 (драхмы), 298–300 (диоболы).

³³ Н. А. Фроловой (Frolova 2004, Nr. 293–297) учтены 5 экз.: 4.61, 4.35, 4.71, 4.34, 4.31 г. Средний вес таких монет в 4.33 г. был определен еще А. Л. Бертье-Делагардом (2009, 164, № 84), которому были известны 3 экз.: 4.35, 4.32 и 4.31 г. Исследователь считал их пентоболами эгинской системы и относил к концу 5 в. Д.Б. Шелов (1956, 64, 74) также считал эти монеты пентоболами. Между тем эгинский стандарт после 480 г. на Боспоре уже не использовался. К рассматриваемому времени Эгина уже утратила прежнюю роль одного из ведущих торговых центров в Восточном Средиземноморье и Понте. Поэтому нет оснований предполагать, что на смену пер-

 $1.40 \, \Gamma^{34}$, что точно соотносится с аттическим стандартом. Прежде одни исследователи датировали такие монеты ранее середины $5 \, \text{в.}^{35}$, другие — 450— $438 \, \text{гг.}^{36}$, или началом третьей четверти $5 \, \text{в.}^{37}$, но их точное соответствие аттической весовой системе свидетельствует о дате выпуска после $438/7 \, \text{г.}$ К ним примыкают и дидрахмы с мордой льва/четырьмя квадратами и звездой, $\Pi A N.^{38} \, \text{Самые тяжелые из них весят } 8.54 \, \text{и } 8.50 \, \text{г}^{39}$, что соответствует дидрахме аттического веса. Таким образом, веса перечисленных номиналов позволяют нам констатировать переход от персидской системы на аттическую спустя некоторое время после утверждения Спартокидов при поддержке Афин, а не в 449 г., которым некоторые исследователи датируют первое издание Монетного закона Клеарха. Орхеанактидам, ставленникам персов, в 449 г. незачем было вводить афинскую систему мер и весов. Логично предположить, что это могли сделать Спартокиды, союзники Афин, согласно Монетному декрету Клеарха, предписывающему членам Афинского союза чеканить деньги по аттическому стандарту.

Возможно, что Монетный закон был издан в период от заключения перемирия в Пелопоннесской войне в 422 г. и Никиева мира в 421 г. до возобновления военных действий между Афинами и Спартой в 418 г. Верхней хронологической границей для декрета является 414 г. – год постановки комедии Аристофана «Птицы» (Ar. Aves. 1040–1041), где есть упоминание о Монетном постановлении. ⁴¹ Это заключение А.В. Стрелкова позволяет объяснить, почему в чеканке Спартокидов одни и те же типы соответствуют то персидской системе, то аттической: до 422/418 г. правители сохраняют привычный в Пантикапее персидский стандарт, а затем заменяют его аттическим, согласно «Монетному постановлению».

В последней четверти 5 в. в пантикапейской чеканке появляется новый тип оборотной стороны – голова барана. ⁴² Средний вес диоболов типа «голова льва в фас/голова барана вправо, $\Pi ANTI$ » составляет около 1.45 г⁴³, что тоже коррелируется с весом аттической драхмы.

Что касается синхронных пантикапейским серий монет с легендой $\Lambda\PiO\Lambda$, то стилистическая однородность головы льва на аверсе тех и других, совпадение номиналов и метрологии ⁴⁴ позволили В. А. Анохину и Н. А. Фроловой говорить о чеканке и тех, и других монет на монетном дворе Пантикапея. ⁴⁵ Первые выпуски $\Lambda\PiO\Lambda$, также как и вышеупомянутая пантикапейская серия с буквам $\Pi\Lambda$ и звездами на таблетках, соответствуют персидскому стандарту: зарегистрированы диоболы весом 1.73–1.80 г. ⁴⁶ Однако концентрация большинства весов, учтенных Каталогом-архивом «Монеты Боспора» – 206 диоболов самого распространённого типа ⁴⁷, укладывается в диапазон 1.3–1.5 г (чаще всего 1.40–1.45 г), что соответствует весовой норме аттической системы. То же касается гемиоболов (вес 0.35–0.37 г). ⁴⁸

Наконец, изменения в монетном деле Боспора последней четверти 5 в. отмечены кратковременным расцветом чеканок других боспорских эмитентов, прекращение которых несомненно связано с экспансионистской политикой Спартока І. ⁴⁹ Полагаем, что в монетном деле Пантикапея после 438/7 г. не было возможным ни возвращение к эгинскому стандарту (к этому времени Эгина утратила лидерство в понтийской торговле), ни сохранение персидского стандарта (Афины стремились насаждать на монетных дворах союзников аттический стандарт).

Теперь обратимся к стандартам других эмитентов. Со времен А.Л. Бертье-Делагарда в нумизматической литературе доминирует мнение о том, что все боспорское серебро до конца 5 в. чеканилось по эгинской системе. 50 При

- ³⁴ Н. А. Фроловой (Frolova 2004, Nr. 298–300) учтены 13 экз.: 1.37 г.; 1.38 г.; 1.28 г.; 1.48 г. и т. д.; В. А. Анохиным (1986, № 30/1) экземпляр весом 1.43 г. А. Л. Бертье-Делагард (2009, 164, № 85) высчитал средний вес этих диоболов в 1.39 г., а Д. Б. Шелов (1956, 65) уточнил его 1.42 г. Таким образом, средний вес диоболов идеально соотносится с весом аттической драхмы.
- ³⁵ Frolova 2004, 27.
- ³⁶ Анохин 1986, № 29 (драхма), 30 (диобол). В. А. Анохин относит их к персидской системе, как и серию П–13.
- 37 Шелов 1956, 64.
- ³⁸ Frolova 2004, Nr. 311.
- ³⁹ Ibid., Nr. 311/6; Бертье-Делагард 2009, 164, № 81.
- ⁴⁰ См.: Карышковский 1960, 62–63; Mattingly 1996, 5–52.
- 41 Стрелков 1999, 35-46.
- 42 Анохин 1986, № 54–56.
- ⁴³ Ср. Frolova 2004, Nr. 355 сл.
- ⁴⁴ О химическом состава металла этих эмитентов см. ниже.
- ⁴⁵ Анохин 1986, 13; Frolova 2004, 11–16.
- ⁴⁶ https://bosporan-kingdom.com/048–2041/1. html; https://bosporan-kingdom.com/048–2123/ 1.html; https://bosporan-kingdom.com/048–2123/ 2.html.
- $^{
 m 47}$ https://bosporan-kingdom.com/026-2004/42. html и далее.
- ⁴⁸ https://bosporan-kingdom.com/027-2062/25. html и далее.
- 49 Анохин 1986, 28.
- ⁵⁰ Шелов 1956, 70–71; Frolova 2004. Только В. А. Анохин (1986, 23. Табл. III) относил все боспорское серебро, выпускавшееся, по его хронологии, около 490–379 гг., к персидскому стандарту с весом драхмы 5.45 г.

- ⁵¹ Cp. Aнохин 1986. № 51.
- ⁵² Коваленко 2020, 288. С.А. Коваленко ссылается на исследование А. Брессона (Bresson 2006, 8–10).
- 53 Анохин 1986, 22–23.
- 54 Там же, № 43.
- ⁵⁵ Если В. А. Анохиным было учтено 4 экз., то благодаря электронному Каталогу-архиву «Монеты Боспора» на данный момент таких монет зарегистрировано 13 экз. Указанные веса см. https://bosporan-kingdom.com/043-2038/1.html; https://bosporan-kingdom.com/043-2038/9.html; https://bosporan-kingdom.com/043-2038/11.html.
- 56 Ср. Анохин 1986, № 51.
- ⁵⁷ Cp. 1) https://bosporan-kingdom.com/052-2024/21.html (0.40 г); 2) https://bosporan-kingdom.com/052-2024/37.html (0.35 г); 3) https://bosporan-kingdom.com/052-2024/23.html (0.33 г)
- ⁵⁸ Анохин 1986, № 42.
- ⁵⁹ Frolova 2004, 55.
- 60 Анохин 1986, 23.
- ⁶¹ Cp. https://bosporan-kingdom.com/061-2117/2.html.
- 62 Cp.: 1) https://bosporan-kingdom.com/062-2040/30.html (1.76 r); 2) https://bosporan-kingdom.com/062-2069/9.html. = CNG. Electronic Auction 383. Lot: 135 (1.77 r); 3) Frolova 2004. Nr. 5/1 (1.68 r).
- 63 Cp. 1) https://bosporan-kingdom.com/063-2220/3.html (0.44 r); 2) https://bosporan-kingdom.com/063-2100/25.html (0.45 r).
- 64 Анохин 1986, 29.
- ⁶⁵ См. Завойкин 2013, 289.
- 66 Frolova 2004, 71.
- 67 Анохин 1986, 23.
- Cp.: 1) https://bosporan-kingdom.com/077-2146/1.html (5.17 r); 2) https://bosporan-kingdom.com/077-2146/2.html (5.40 r); 3) https://bosporan-kingdom.com/077-2146/6.html (5.17 r).
 Cp. 1) Frolova 2004. Nr. 2/1–3 (1.75, 1.79,
- ⁶⁹ Cp. 1) Frolova 2004. Nr. 2/1–3 (1.75, 1.79, 1.76 г); 2) https://bosporan-kingdom.com/078-2031/17.html (1.73); 3) https://bosporan-kingdom.com/078-2031/7.html (1.77 г).
- 70 Cp. https://bosporan-kingdom.com/079-2130/1.html (0.45 r).
- ⁷¹ Кузнецов 2016, 266 слл.
- 72 Анохин 1986, 37 (серия П−19).
- ⁷³ Там же, 39 (серия П–27).

рассмотрении, например, «синдской» чеканки С. А. Коваленко считает данный факт установленным, отмечая, что при теоретическом весе эгинской драхмы и диобола 6.12 и 2.02 г соответственно, среднестатистический вес (1.30-1.60 г) учтенных исследователем 86 диоболов самого распространённого типа «голова Геракла/голова коня вправо» 51 «не дотягивает» до весовой нормы около 0.5 г или 25%, что связано с целенаправленным понижением веса мелких фракций для получения прибыли от их чеканки. 52 Между тем В. А. Анохин не сомневался в том, что «синдское» серебро, как и другие синхронные боспорские монеты, чеканилось по персидскому стандарту. 53 Однако вопрос о весовой системе «синдских» монет остается открытым. Например, «тригемиоболы» (по В. А. Анохину)⁵⁴ типа «коленопреклоненный Геракл с луком и стрелой/сова» весом 1.44, 1.50, $1.30, 1.41 \, г.^{55}$ (средний вес $1.41 \, г$) на самом деле могут являться диоболами аттической системы. Концентрация весов диоболов «голова Геракла/голова коня вправо; $\Sigma IN\Delta\Omega N^{56}$ укладывается, как правильно указывает С. А. Коваленко, в интервал 1.3-1.6 г (в среднем 1.44 г), что точно коррелирует с весовой нормой аттической драхмы 4.33 г. Средний вес гемиоболов того же типа – 0.36 г⁵⁷ также соотносится с аттическим стандартом. В то же время «синдские» гемидрахмы 58 чеканены по персидской системе. Может быть следует предположить, что первые выпуски «синдских» монет чеканились по персидскому стандарту, а затем - по аттическому? Во всяком случае, при определении стандарта «синдских» монет речь не может идти об эгинской монетной системе.

Чеканка Нимфея представлена единственной серией из трех номиналов – драхмы, диобола и гемиобола. Н. А. Фролова традиционно отнесла их к эгинской системе 59 , а В. А. Анохин – персидской. 60 Весовые данные драхм (5.04, 5.01, 5.20 г) 61 , диоболов (1.68, 1.76, 1.77 г) 62 , гемиоболов (0.44, 0.45 г) 63 позволяют безусловно поддержать мнение В. А. Анохина о чеканке их по персидскому стандарту. Этот факт тем более любопытен, что Нимфей – единственный полис Боспора, который *безусловно* входил в состав Афинской архэ, и, следует полагать, на него должно было распространяться действие декрета Клеарха. В. А. Анохин объясняет этот казус тем, что чеканка Нимфея началась после того, как он покинул Афинский союз. 64 Однако фактура нимфейских монет не позволяет датировать их после так называемой измены Гилона (между 410/09 и 405/4 гг.). 65

Фанагория выпускает драхму, диобол и гемиобол. Н. А. Фролова опять относит фанагорийские монеты к облегченному эгинскому стандарту 66 , В. А. Анохин – к персидскому. 67 Весовые данные драхмы $(5.17, 5.40 \ r)^{68}$, диоболов $(1.73, 1.75, 1.76, 1.77, 1.79 \ r)^{69}$, гемиоболов $(0.45 \ r)^{70}$ позволяют согласиться с мнением В. А. Анохина в определении им весовой системы фанагорийских монет как персидской. Как и в случае с Нимфеем, нумизмат объясняет это тем, что данная чеканка относится ко времени после поражения Афин в Пелопоннесской войне. В хронологическом плане это предположение допустимо, но оно никак не объясняет, почему немедленно после распада Афинского союза происходит «возвращение» к персидской весовой системе.

Таким образом, можно констатировать: если Пантикапей (и, возможно, греческие центры, чеканившие монету с легендой $\Sigma IN\Delta\Omega N)^{71}$, в последней трети 5 в. используют аттическую систему, то Фанагория и Нимфей (Феодосию здесь мы не рассматриваем) – персидскую.

На рубеже первой и второй четвертей 4 в. монетный стандарт в Пантикапее снова меняется. Публикуемые триоболы (№ 11–12) ок. 375–360 гг. относятся к персидской системе⁷², а чуть более поздняя драхма № 13 (ок. 360 г.) – к хиосской. ⁷³



«Реставрация» персидского стандарта чеканки, видимо, свидетельствует о том, что торговые связи Боспора в значительной степени были ориентированы на те центры Эгеиды, в которых превалировал персидский стандарт. Возвращение Пантикапея к чеканке по персидской системе никак не препятствовало тому, что на это время приходится расцвет торговли Боспора зерном с Афинами.

Рис. 1. Раннебоспорское (1) и пантикапейское (2-4) серебро первой половины 5 в. из Фанагории

2. Характеристика материала

Первую группу публикуемой коллекции составляют четыре анэпиграфные монеты, случайно найденные жителями пос. Приморский у западной окраины городища. Самая ранняя – триобол (№ 1; рис. 1. 1) эгинского стандарта, отчеканенный общей парой штемпелей с экземпляром из раскопа «Верхний город»⁷⁴, а также монетами № 124-128 из Фанагорийского клада. Он относится к финальным выпускам раннего боспорского доархеанактидского серебра, близко к 480 г. Остальные монеты – пантикапейские диоболы персидского стандарта (№ 2-4; рис. 1. 2-4).

Чеканка АПОЛ⁷⁵, представленная тремя однотипными диоболами самого распространенного типа 76 (рис. 2. 5-7) и гемиоболом 77 (рис. 2. 8), принадлежит третьей четверти 5 в. 78 Диоболы АПОЛ встречались в слоях Фанагории и прежде. ⁷⁹ Большинство исследователей, вслед за В.А. Анохиным⁸⁰, относит эти монеты к чекану храма Аполлона в Пантикапее. Существует мнение⁸¹, что монеты с легендой АПОЛ принадлежат союзной чеканке боспорских полисов, объединенных в военную симмахию и религиозную амфиктионию под эгидой храма Аполлона Врача в Пантикапее.

Финальный этап чеканки Пантикапея 5 в. представлен в публикуемых материалах двумя диоболами типа «голова льва в фас/вдавленный квадрат с головой барана вправо: ПАNTI»82 (рис. 2. 9. 10) аттического стандарта, выпуск которых принадлежит последней четверти столетия (после 422 г.).

«Синдская» чеканка отмечена в находках тремя диоболами самого распространённого типа «голова Геракла / голова коня вправо; ΣINΔΩN»83 (№ 14–16; рис. 3. 14-16), а также диоболом типа «грифон и зерно / голова коня вправо; Σ IN Δ ΩN»⁸⁴ (№ 17; рис. 3. 17). Кроме того, нами учтен еще один диобол с грифоном и зерном на реверсе, найденный местными жителями на окраине городища

⁷⁴ Абрамзон и др. 2019, рис. 1. 3; Кузнецов, Абрамзон 2020, илл. 11. 3.

 $^{^{75}}$ Анализ проблемы чеканки АПОЛ см. Завойкин 2013, 352-357.

⁷⁶ Анохин 1986, № 26; 2011, № 1140.

⁷⁷ Там же, № 27.

⁷⁸ Frolova 2004, 494/1 ff.

⁷⁹ Шелов 1960, № 837; 1057.

⁸⁰ Анохин 1986, № 25 сл.

⁸¹ См. Толстиков 1984, 47, прим. 95.

⁸² Frolova 2004, Nr. 355/2. 83 Анохин 1986, № 51.

⁸⁴ Там же. № 59.



Рис. 2. Пантикапейские монеты ок. 438–360-х гг. из Фанагории

у пос. Приморский и попавший в частную коллекцию (№ 17А; рис. 3. 17А). «Синдские» монеты выпускались, по-видимому, в последней четверти 5 в. В Вопрос определения эмитента по-прежнему остается открытым; скорее всего, что их было несколько, включая Фанагорию. Один из вариантов состоит в предположении о союзной чеканке греческих полисов Синдики. В соответствии с еще одной точкой зрения, отвергающей возможность существования такого монетного союза, предлагается видеть в «синдской» монете чеканку государственного объединения греческих полисов Азиатского Боспора во главе со святилищем Афродиты в Фанагорийском Апатуре.

Впервые в Фанагории зарегистрирован гемиобол типа «голова юноши в венке / зерно, ΦA », отчеканенный в самом конце 5 в.⁸⁹ (№ 18; рис. 3. *18*).

Также впервые фиксируется в Фанагории и находка драхмы Нимфея (№ 19; рис. 3. *19*), выпущенной в последней четверти 5 в. ⁹⁰ Нимфейские монеты крайне редко встречаются на Тамани: нам известен еще только один гемиобол, найденный на поселении Тамань 3 в округе Гермонассы. ⁹¹

Наконец, крайне редко встречается в слоях Фанагории и пантикапейское серебро 4 в.: до сих пор единственной находкой оставался тетробол середины 4 в. 92 Публикуемые материалы включают триоболы типа «голова бородатого сатира влево / крадущийся лев, ПАNTI» 93 из серии ок. 375—360 гг. 94 (№ 11, 12; рис. 2. 11 , 12) и драхму типа «голова бородатого сатира в 34 влево / голова быка, ПАN» 95 серии ок. 360—340 гг. (№ 13; рис. 2. 13).

К сожалению, немногочисленные серебряные монеты рассматриваемого времени, найденные в Фанагории при раскопках, мало что могут дать как для их хронологии, так и для датировки слоев или объектов, в которых эти монеты были найдены. Применительно к району акрополя (раскоп «Верхний город») прежде всего это связано с тем, что слои второй половины 5–4 вв. сохранились здесь довольно плохо. Это объясняется главным образом тем, что на территории этого общественного центра Фанагории неоднократно производились масштабные перестройки, подготовительной фазой которых была нивелировка поверхности, в ходе которой не только разбирались остатки предшествующих построек, но и в большом объеме перемещался грунт слоя, с ними связанного.

В рассматриваемый период мы можем говорить, по крайней мере, о четырех таких перестройках. Первая из них последовала за тотальным разрушением середины 5 в. ⁹⁶; вторая относится к рубежу 5/4 или самому началу 4 в. ⁹⁷; следующая фиксируемая перепланировка относится к середине — началу третьей четверти того же столетия ⁹⁸; наконец, в конце 2 или начале 1 вв. данный участок акрополя становится строительной площадкой для возведения комплекса дворцовых построек — так наз. резиденции Митридата VI Евпатора. ⁹⁹

По этой причине до наших дней сохранились (местами) почти исключительно заглубленные относительно древнего горизонта части некоторых построек. Ситуация усугубляется тем, что в последующие столетия культурный слой очень сильно пострадал в результате хозяйственной деятельности: многочисленные ямы прорезали (уничтожили) его во многих местах. 100

Таким образом, почти все монеты имеющейся выборки были найдены в перемещенном слое: либо в заполнении хозяйственных ям значительно более позднего времени (№ 6, 13, 19), либо в грунте, перемещенном на восточный склон террасы Верхнего города в ходе нивелировок (№ 8, 12). 101 (То же самое, разумеется, относится и к диоболу № 10, найденному на «Нижнем городе» в слое средневекового города, и к диоболу № 5 из тризны на Восточном некрополе.) Точно не

- ⁸⁵ 1) Последняя четверть 5 в. Шелов 1956, 44; 2) 433–403 гг. см. Анохин 1986, 14–15; 3) вторая половина 5 в. Фролова (Frolova 2004, 63–69). Обзор точек зрения см. Завойкин 2013, 360–363.
- ⁸⁶ Наиболее детальный анализ проблемы см.: Кузнецов 2016, 262–272.
- ³⁷ Завойкин, Болдырев 1994, 43–47.
- 88 Кузнецов 2016, 266-267, 272.
- 89 О датировке 405–400 гг. см. Завойкин 2013, 363.
- ⁹⁰ Н. А. Фролова (Frolova 2004, 55, Nr. 1) датирует нимфейскую чеканку суммарно второй половиной 5 в., В. А. Анохин (2011, 142, № 948) 405–400 гг., А. А. Завойкин (2013, 365) 437–405 гг.
- ⁹¹ Гарбузов и др. 2011, 142, рис. 14, 3.
- ⁹² Шелов 1960, 115, № 1052. Тип: Анохин 1986, № 122.
- 93 SNG BM I 857.
- ⁹⁴ Здесь и далее датировки и композиции серий даны, в основном, по: Шелов 1956.
- ⁹⁵ SNG BM I 880. Это второй известный экземпляр из раскопок: первый происходит из раскопок 1955 г. (Шелов 1962, 115, № 1052). В.А. Анохин (2011, № 1034) относит данный выпуск к 293–283 гг., С.А. Коваленко (SNG SPMFA 867–868) к первой четверти III в.
- ⁹⁶ Абрамзон и др. 2019, 6, 12.
- ⁹⁷ Завойкин 2018, 136-140.
- ⁹⁸ Завойкин 2019, 316–318. См. также статью А. А. Завойкина и Н. А. Павличенко в настоящем сборнике.
- ⁹⁹ См.: Абрамзон, Кузнецов 2015, 41–43; Завойкин 2019, 318.
- ¹⁰⁰ Мы уже не говорим об ущербе культурному слою «пробными траншеями» наших предшественников 19 века.
- 101 Сугубо предположительно гемиобол № 8 (АПОЛ) может быть соотнесен с 1-й или 2-й упомянутой перестройкой, а пантикапейский триобол № 12 (ок. 375–360 гг.) – с перестройкой середины 4 в.



Рис. 3. Монеты, Фанагории, Нимфея и «синдские» из раскопок Фанагории

Таблица 1. Хронологическое распределение серебряных монет из объектов и слоя

Nº ⊓/⊓	Место находки	Номинал монеты и датировка	№ по каталогу
	ВН, тризна 1	Диобол, ок. 438–400 гг.	5
	ВГ, яма 446	Диобол, ок. 438–400 гг.	6
	ВГ, кв. 56, шт. 12	Диобол, ок. 438–400 гг.	7
	ВГ, у восточного фаса стены 679/2, у ямы 865.	Гемиобол, ок. 438-400 гг.	8
	ЮГ, кв. XVI, шт. 16, кладка № 151.	Диобол, ок. 425–400 гг.	9
	НГ, кв. Е1, шт. 16.	Диобол, ок. 425–400 гг.	10
	ЮГ, кв. L, об. 50.9.	Диобол, ок. 425–400 гг.	14
	ЮГ, кв. L, об. 50.9.	Диобол, ок. 425–400 гг.	15
	ВГ, яма 643.	Драхма, Конец 5 в. ок. 425–400 гг.	19
	ВГ, кв. 33, шт. 25.	Триобол, ок. 375–360 гг.	11
	ВГ, кв. 123, шт. 17	Триобол, ок. 375–360 гг.	12
	ВГ, яма 361.	Драхма, ок. 360-340 гг.	13

локализованная находка триобола (№ 11) ок. 375–360 гг. из кв. 33, шт. 25 не может быть соотнесена ни с одним из синхронных ему объектов: он зафиксирован ниже подошвы фундамента здания первой половины 4 в. (№ 460), расположенного в площади этого же квадрата. Диобол (№ 7), датируемый ок. 438–425 гг., напротив, был обнаружен в слое разрушения того же здания (ок. 360–350 гг.).

Исключение представляют лишь два «синдских» диобола (№ 14,15), найденные в помещении 50.9 на раскопе «Южный город». 103 Здание на каменном фундаменте, построенное в 30-х года 5 в., которому принадлежало это помещение, погибает в конце 5 в. наряду с другими постройками этого района города. 104 Таким образом, контекст находки лишь подтверждает традиционную датировку монет этой серии (с головой Геракла на аверсе). К сожалению, уточнить контекст находки диобола (№ 9) последней четверти 5 в. из раскопок 1981 г. не представляется возможным ввиду того, что результаты исследований этого объекта (кладка № 151) не получили отражение в отчете.

3. Исследование химического состава серебряных монет по методу РФА

Исследование химического состава металла публикуемых монет по методу безэталонного неразрушающего РФА проводилось в лаборатории Государственного историко-археологического музея-заповедника «Фанагория» в 2018–2020 гг. Аналитическая выборка включает 19 монет. Предварительно все экземпляры прошли реставрационную очистку поверхности до «живого» металла. Анализ выполнялся на РФА-спектрометре М1 Mistral (Bruker); методика измерений опубликована. 105 Статистическая обработка полученных результатов проводились на основе средних значений.

Все монеты выборки демонстрируют высокое содержание серебра в пределах от 90,4 до 98,6% (среднее значение – 94%) (рис. 4). Некоторое понижение пробы серебра (до 90,4%) спорадически происходит в последней трети 5 в.

 $^{^{102}}$ Стоит напомнить, что в том же контексте найден гемиобол ок. 480–450 гг. (Абрамзон и др. 2019, 8, № 12).

¹⁰³ Абрамзон, Горлов 1998, 143, рис. 1.

¹⁰⁴ Завойкин 2004, 63-64

 $^{^{105}}$ Сапрыкина, Гунчина 2017, 272–274, табл. 1.

По пробности серебра в выборке выделяются две группы монет. Первую составляют монеты с содержанием серебра выше 95% — это раннебоспорский триобол эгинского стандарта (№ 1) и три пантикапйские монеты первой половины 5 в. (№ 1–4), «синдские» (№ 14–17А), фанагорийский (№ 18) и нимфейский (№ 19) выпуски. Вторая группа объединяет монеты, в сплаве которых содержание серебра относительно волатильное, варьируясь от 90,04 до 98,18% — это выпуски Пантикапея после 438 до 360-х гг. (№ 5–13). В то же время, «синдские», фанагорийские и нимфейские монеты из высокопробного серебра хронологически коррелируют с пантикапейскими монетами последней четверти 5 в., отчеканенными из металла более низкой пробы.

В серебре исследованных монет зафиксировано присутствие таких элементов, как медь, железо, свинец, золото, висмут, цинк и олово. Эти элементы относятся к группе «коренных» примесей серебра. Изучение количественного состава микропримесей дает возможность выделить в выборке несколько различных групп металла по содержанию в нем золота, свинца, цинка. Вариации пар «коренных» примесей в серебре также позволяют гипотетически определить районы добычи серебра в древности. 106

Так, в сплаве ранних боспорских монет (доархеанактидский триобол эгинского стандарта и три пантикапейских диобола персидского стандарта – № 1-4), характеризующимся достаточно высоким содержанием серебра (что говорит в пользу использования рафинированного серебра для их чеканки), выделяется экземпляр № 1 с повышенным содержанием золота в серебре – в среднем, 1,28% (рис. 6). Такое же высокое (по сравнению со средним значением) содержание золота зафиксировано в серебре одной из четырех «синдских» монет (№ 17) – в среднем, 1,20%. Установлено, что содержание золота в процессе купелирования серебра не изменяется – оно связано с исходным типом руды. Сочетание пары элементов Au-Ві считается достаточно перспективным для определения вероятных источников добычи серебра. Одним из традиционных античных источников серебра являются рудники Фракии, как раз относящиеся к Au-Ag типам месторождений, характеризуемым присутствием в серебре высоких концентраций золота и висмута. 107 В рассматриваемой выборке обращает на себя внимание в целом стабильно низкое содержание висмута в серебре монет, за исключением одной пантикапейской монеты 425-400 гг. (№ 11) - 1,38% в среднем (рис. 6). В целом же, рассматриваемая выборка достаточно однородна и не показывает широкого разброса значений по этим «коренным» примесям серебра.

Серебро пантикапейских монет № 5–13, как отмечено выше, демонстрирует некоторое понижение пробы металла в период с 438 по 360-е гг. Кроме того, выборка этого периода показывает использование серебра с довольно высоким содержанием свинца (в среднем – 4,08%), единично – цинка (до 1,97%) – рис. 5. Известно, что «итоговое» содержание свинца в серебре сильно зависит от процесса купелирования (отделения серебра от свинца). Можно полагать, что для изготовления пантикапейских монет этой группы, в отличие от более ранней группы, использовалось плохо очищенное серебро. В то же время, известно, что серебро из рудников Лавриона, считающихся основным рудным источником античности, обогащено свинцом, цинком и железом, в отличие от золота, содержание которого в лаврионских рудах крайне низко. 108

Выборка монет ок. 425–400 гг. характеризуется в целом общими средними значениями по содержанию серебра. Между тем в ней выделяются монеты, сильно «загрязненные» свинцом. Это один экземпляр серии АПОЛ – № 7 (Pb.

Gitler, Pontig 2007, 378; Rodriges et al. 2011, 984.

¹⁰⁷ Voudouris et al., 2019.

¹⁰⁸ Skarpelis, Argyraki 2009, 1.

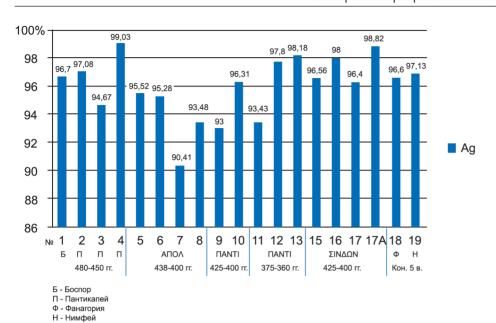


Рис. 4. Гистограмма содержания серебра в металле монет

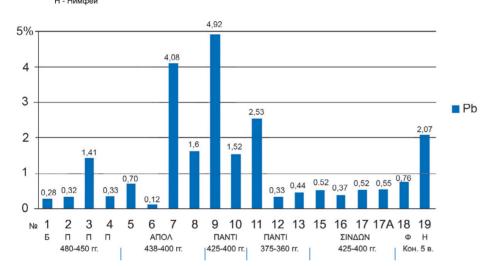


Рис. 5. Гистограмма содержания свинца в металле монет

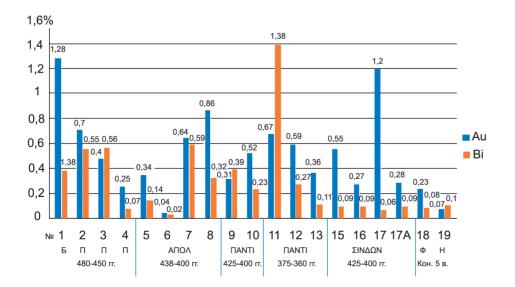


Рис. 6. Гистограмма содержания золота и висмута в металле монет

в среднем 4,08%, при максимуме 4,73%) 109 , пантикапейский диобол с головой барана — № 9 (4,92%, при максимуме 5,90%), а также драхма Нимфея — № 19 (2.11%). 110 Столь высокий процент свинца роднит их с серебром анэпиграфных пантикапейских диоболов со звездами на таблетках ок. 460—450 гг. (ср. № 3: Pb — 1,41%; см. также нашу предыдущую статью в *Hypanis* 1, прил. 2, № 18—20). 111 Поскольку в кладах анэпиграфные монеты ок. 460—450 и монеты 425—400 гг. с этниконами не пересекаются 112 , то более ранние анэпиграфные выпуски могли служить сырьем для чеканки монет последней четверти столетия.

Серебро четырёх «синдских» (№ 15-17А) и одной фанагорийской (№ 18) монет из выборки ок. 425-400 гг. по содержанию свинца, напротив, отличается от пантикапейского – в среднем 0.52 и 0.76% соответственно (прил. 2, 15-19). «Синдские» монеты отчеканены из лучшего серебра по сравнению с синхронными пантикапейскими: в среднем - 97,8% против 94% соответственно. Только одна «синдская» монета № 17 из четырех подвергнутых РФА, как отмечено выше, выделяется повышенным содержанием золота – в среднем, 1,20%. В металле остальных «синдских» монет процент золота даже несколько меньше, чем в синхронных пантикапейских, и такой же как в фанагорийской и нимфейской монетах. Таким образом, данные Т. Н. Смекаловой и Ю. Л. Дюкова о повышенном содержании золота в сплаве «синдских» монет в целом 113 не подтверждаются. Новейшие исследования по методу РФА двух десятков «синдских» монет из коллекции ГИМ¹¹⁴ также не подтверждают эти наблюдения Т. Н. Смекаловой и Ю.Л. Дюкова, которые, не будучи перепроверенными, легли в основу целого ряда выводов исследователей как об удревнении даты «синдской» чеканки, так и технологии изготовления этих монет и источниках сырья. Так, Н. А. Фролова на этом основании перенесла начало «синдской» чеканки в первые десятилетия 5 в., поскольку греческие города в это время использовали для чеканки своих монет серебро из Пангейских рудников во Фракии, отличавшееся повышенным, по сравнению с Лаврионским, содержанием золота. 115 С. А. Коваленко предложил сомнительное объяснение присутствию высокого процента золота в металле «синдских» монет технологией изготовления их из электровых монет Кизика и Митилены. По мнению исследователя, электр специально для переплавки завозимых в Синдику этих монет разделялся на золото и серебро, а пониженный вес чеканенных из него «синдских» монет обеспечивал эмитенту прибыль. 116

Между тем, как установлено в ходе последних исследований, поскольку большинство «синдских» монет не отличается по содержанию золота от синхронных им пантикапейских, то отсутствует и почва для объяснения несуществующего факта «высокого» процента этого металла в сплаве «синдских» монет.

Таким образом, по данным РФА, выборка серебряных монет классического времени из раскопок Фанагории демонстрирует, что боспорская чеканка после 438 г. велась из высокопробного серебра, преимущественно 920 и 950 проб (содержание серебра варьирует в пределах 90–98%). Результаты исследования определенно позволяют говорить о различных партиях серебра, возможно, связанных с разными центрами добычи этого металла. О разных источниках серебра свидетельствуют разные наборы микропримесей – цинк, олово, висмут и золото и т. д. В публикуемой выборке можно предварительно выделить два разных источника серебра: серебро Балканской рудной провинции (преимущественно, регион Фракии), использованное для чеканки группы «синдских» монет, Фанагории и Нимфея, и серебро рудных месторождений Лавриона (Аттика) – для чеканки пантикапейских монет. В то же время, проведенные исследования изотоп-

 $^{^{109}}$ В металле другого экз. АПО Λ (№ 11) также содержится заметное количество свинца – в среднем, 1,60%, при максимуме 1,76%.

¹¹⁰ Результаты РФА близки к данным Т.Н. Смекаловой и Ю.Л. Дюкова (2001, 28) о содержании в сплаве свинца до 2%.

¹¹¹ См. Абрамзон et al. 2019, 24, прил. 2, № 18 (Рb, в среднем, -4,2%, при максимуме 5,17%), 19 (в среднем -3,52%, при максимуме 4,26%), 20 (2,75%).

¹¹² «Клад» 1948 г. из Пересыпи мы в расчет не берем. См. прим. 24.

¹¹³ Смекалова, Дюков 2001, 28.

¹¹⁴ Результаты готовятся к публикации Е.В. Захаровым. Авторы искренне его благодарят за информацию.

¹¹⁵ Фролова 2002, 83.

¹¹⁶ Коваленко 2020, 276-278, 288.

ного состава Pb в серебре монет по методу Pb-Pb¹¹⁷, указывают на то, что уже в поздеархаический период для боспорской чеканки использовалось серебро из нескольких рудных источников. В более позднее время, судя по полученным данным¹¹⁸, в качестве сырья для чеканки могли служить, в частности, и монеты предыдущей эпохи. Дальнейшие исследования микропримесей позволят более детально выделить рудные источники серебра для боспорской чеканки последней четверти 5 – второй четверти 4 в.

Приложение 1

КАТАЛОГ

ГРУППА І. ОК. 490-440 ГГ.

Ранний Боспор. Кон. 480-х гг.

Триобол

Л.с. Голова льва в фас.

О.с. Вдавленный квадрат, разделенный на четыре равных отсека.

1. Ф-20-3; 13.5 мм; 2.19 г.

Место находки: пос. Приморский, случ. нах. *Лит.*: ср. Кузнецов, Абрамзон 2020, № 124–128.

Пантикапей. Ок. 480-460 гг.

Диобол

Л.с. Голова льва в фас.

O.c. Вдавленный квадрат, разделенный на четыре равных отсека, рисунок которого напоминает свастику.

2. Φ-20-4; 13.5 мм; 1.39 г.

Место находки: пос. Приморский, случ. нах. *Лит.*: ср. Frolova 2004. Nr. 38. Taf. 2. *38*.

Ок. 460-450 гг.

Диобол

Л.с. Голова льва в фас.

О.с. Вдавленный квадрат, разделенный на четыре равных части, в двух из которых по диагонали четырехлучевые звезды. Свастика закручена вправо.

3. Ф–20–5; 13.5 мм; 1.54 г.

Место находки: ВГ, пос. Приморский, случ. нах.

Лит.: ср. Frolova 2004. Nr. 220. Taf. 9. 220.

¹¹⁷ Сапрыкина, Чугаев, Гунчина и др. 2020.

¹¹⁸ Сапрыкина, Чугаев, Абрамзон и др., 2020, 161–163.

4. Φ-20-6; 12 мм; 1.01 г.

Место находки: западная окраина городища, полоса прибоя у пос. Приморский, случ. нах.

Лит.: ср. Frolova, 2004. Nr. 226. Taf. 9. 226.

ГРУППА II. ОК. 438-360/340 гг.

1. Пантикапей

АПОЛ. Ок. 438-400 гг.

Диобол

Л.с. Голова льва в фас.

О.с. Вдавленный квадрат с буквами АПОЛ.

5. Ф-08-25; 12 мм; 1.03 г. *Место находки:* ВН, тризна 1.

Лит.: cp. SNG BM I 845; Frolova 2004, 502/5.

6. Ф-09-248; 13 мм; 0.83 г. *Место находки:* ВГ, яма 446.

Лит.: cp. SNG BM I 846; Frolova 2004, 494/1.

7. Ф-10-140; 13 мм; 1.07 г.

Место находки: ВГ, кв. 56, шт. 12.

Лит.: ср. Анохин 1986, 26/1; Frolova 2004, 497/7.

Гемиобол

Л.с. Голова льва в фас.

О.с. Вдавленный квадрат с буквами АПОЛ.

8. Ф-19-86; 8 мм; 0.195 г.

Место находки: ВГ, у восточного фаса стены 679/2, у ямы 865.

Лит.: ср. Анохин 1986, №27/1.

Ок. 425-400 гг.

Диобол

Л.с. Голова льва в фас.

О.с. Голова барана вправо и надпись ПАNTI в углубленном квадрате.

9. Ф-81-1: 13 мм; 0.92 г.

Место находки: ЮГ, кв. XVI, шт. 16, кладка № 151.

Лит.: ср. Анохин 1986, 54; 2011, 989; SNG PSMFA 772.

10. Ф-16-167; 13 х 11 мм; 0.55 г. То же.

Место находки: HГ, кв. Е1, шт. 16.

Ок. 375-360 гг.

Триобол

 $\Pi.c.$ Голова бородатого сатира в $\frac{3}{4}$ вправо. *О.с.* Крадущийся лев вправо; Π ANTI.

11. Ф-05-4; 14 мм; 1.80 г. *Место находки:* ВГ, кв. 33, шт. 25. Лит.: ср. SNG BM I 862.

12. Ф–19–83; 14.5 г; 2.27 г. *Место находки:* ВГ, кв. 123, шт. 17.

Ок. 360-340 гг.

Драхма

Л.с. Голова бородатого сатира в $^{3}4$ влево. *О.с.* Голова быка в влево; ПАN.

13. Ф-08-38; 15.5 мм; 3.19 г. *Место находки:* ВГ, яма 361. Лит.: ср. Анохин 1986, 121; SNG BM I 880.

2. Синдика

Ок. 425-400 гг.

Диобол

Л.с. Голова Геракла в львиной шкуре вправо. *О.с.* Голова коня вправо; вверху $\Sigma IN\Delta\Omega N$.

14. Ф-83-1; 13 мм; 1.527 г.

Место находки: ЮГ, кв. L, об. 50.9.

Лит.: Cp. Анохин 1986, 51; SNG BM I 1008; Frolova 2004, taf. 29, 11/2.

Изд.: Абрамзон, Горлов 1998, 143, рис. 1. 1; Абрамзон, Фролова 2010, 339, I, 18.

15. Ф–83–2; 13 мм; 1.07 г. То же.

Место находки: ЮГ, кв. L, об. 50.9.

Изд.: Абрамзон, Горлов 1998, 143, рис. 1. 2; Абрамзон, Фролова 2010, 339, I, 17.

16. Ф-12-130; 13 мм; 1.48 г. То же.

Место находки: южная хора Фанагории, 5 км к Ю, около ст. Вышестеблиевская, Темрюкский р-н.

Л.с. Грифон вправо, справа зерно.

 $\emph{O.c.}$ Голова коня вправо; вверху $\Sigma IN\Delta\Omega N.$

17. Ф-17-7; 14 мм; 0.918 г. *Место находки:* ВГ, случ. нах. *Лит.*: Ср. Анохин 1986, 59.

17А. 14 мм; 0.74 г.

Место находки: западная окраина городища, полоса прибоя у пос. Приморский, случ. нах. Частная коллекция. *Лит.*: Ср. Анохин 1986, 59.

3. Фанагория

Ок. 405-400 гг.

Гемиобол

Л.с. Голова юноши в венке влево. *О.с.* Зерно; Φ –A.

18. Ф-20-2; 7 мм; 0.29 г. *Место находки:* ВГ, случ. нах. *Лит.*: Ср. Анохин 1986, 79; SNG BM I 989.

4. Нимфей

Ок. 425-400 гг.

Драхма

Л.с. Женская голова влево. О.с. Виноградная лоза; вверху NYN.

19. Ф-12-36; 14 мм; 2.48 г. *Место находки:* ВГ, яма 643.

Лит.: ср. Анохин 2011, 948; Frolova 2004, taf. 28, 1/1.

Приложение 2

ХИМИЧЕСКИЙ СОСТАВ СЕРЕБРЯНЫХ МОНЕТ 119

№ по	Ag	Cu	Sn	Pb	Zn	As	Sb	Bi	Fe	Au
каталогу										
					I. 480-e-45					
1.	96.69	1.32		0.28	ор, кон. 48 ∣	U-X II.		0.33		1.32
1.	96.69	1.15		0.28				0.36		1.32
	96.74	1.13		0.28				0.36		1.21
	90.74	1.10			40	0 450		0.40		1.21
	07.00	0.70		Б. Пантика	пеи, ок. 48	43011.	0.00	0.45	0.00	0.05
2.	97.23	0.78	0.29	0.30			0.08	0.45	0.20	0.65
	97.00	0.76	0.39	0.42				0.59	0.16	0.69
	97.02	0.78	0.29	0.41				0.62	0.10	0.77
3.	94.93	2.44	0.02	1.39		0.14	0.06	0.54		0.48
	94.85	2.14	0.03	1.54		0.18	0.10	0.59	0.13	0.46
	94.23	3.22		1.32		0.13	0.06	0.55		0.48
4.	99.09	0.11		0.33				0.18		0.28
	98.93	0.32		0.36				0.03		0.20
	99.09	0.16		0.31				0.13		0.28
				Группа II.	Ок. 438–36	0/340 гг.				
					АПОЛ					
5.	95.43	2.86	0.38	0.73	0.01	0.01	0.01	0.12	0.01	0.47
	95.55	3.12	0.22	0.66	0.01	0.01	0.01	0.13	0.01	0.31
	95.57	2.91	0.32	0.72	0.01	0.01	0.01	0.17	0.01	0.31
	95.56	2.91	0.36	0.72	0.01	0.01	0.01	0.16	0.01	0.29
6.	96.50	2.08	0.14	0.04	0.91	0.01	0.01	0110	0.32	0120
01	94.32	2.06	0.18	0.12	2.66	0.01	0.01	0.01	0.61	0.04
	96.32	1.70	0.12	0.11	1.08	0.01	0.01	0.02	0.63	0.02
	94.01	0.43	0.14	0.22	3.26	0.01	0.01	0.04	1.82	0.07
7.	90.11	2.66	0.54	4.73	0.27	0.10	0.14	0.71	0.01	0.74
	91.41	2.76	0.57	3.15	0.61	0.01	0.17	0.46	0.43	0.44
	89.72	3.55	0.40	4.37	0.38	0.05	0.16	0.40	0.40	0.75
8.	93.50	3.04	0.70	1.57	0.69	0.00	0.10	0.35	0.01	0.90
U,	93.66	3.14		1.47	0.45			0.33	0.25	0.90
	91.88	4.78	0.02	1.76	0.43			0.29	0.23	0.73
	91.88	2.39	0.02	0.83	0.27		0.30	0.30	0.15	0.83
	34.00	2.38	0.10				0.30	0.23	0.10	0.03
	00.00	0.50	0.05	1	антикапей		0.04	0.00	0.04	0.04
9.	93.86	0.52	0.35	4.22	0.38	0.01	0.01	0.36	0.01	0.31
	93.55	0.87	0.26	4.33	0.25	0.04	0.01	0.40	0.01	0.30
	92.62	0.86	0.25	5.24	0.19	0.18	0.01	0.35	0.01	0.29
	92.03	0.57	0.33	5.90	0.31	0.06	0.01	0.43	0.01	0.35

¹¹⁹ Номера в таблице соответствуют номерам Каталога (см. Прилож. 1). Монета № 14 не исследовались, в таблице отсутствует.

№ по										
каталогу	Ag	Cu	Sn	Pb	Zn	As	Sb	Bi	Fe	Au
10.	96.28	1.82	0.33	0.46	0.01	0.01	0.28	0.26	0.09	0.49
	95.47	2.92	0.32	0.6	0.01	0.01	0.01	0.19	0.01	0.51
	96.95	0.84	0.27	1.15	0.01	0.01	0.01	0.22	0.01	0.57
	96.54	0.41	0.28	1.89	0.01	0.01	0.01	0.27	0.09	0.52
11.	93.56	1.35	0.48	2.43	0.01	0.18	0.05	1.31	0.01	0.65
	93.49	1.33	0.41	2.57	0.01	0.17	0.01	1.36	0.01	0.67
	93.24	1.38	0.47	2.62	0.01	0.11	0.05	1.42	0.01	0.70
	93.44	1.34	0.41	2.50	0.01	0.17	0.01	1.46	0.01	0.68
12.	97.73	1.00		0.38				0.27		0.62
	97.81	0.91		0.29				0.29		0.62
	97.84	1.03		0.32				0.27		0.55
13.	98.11	0.78	0.13	0.49	0.01	0.01	0.01	0.13	0.01	0.37
	97.94	0.84	0.21	0.53	0.01	0.01	0.01	0.13	0.01	0.34
	98.49	0.56	0.18	0.30	0.01	0.01	0.01	0.09	0.01	0.38
					Синдика					
15.	96.60	1.59	0.27	0.61	0.34	0.01	0.01	0.10	0.01	0.49
	96.49	1.41	0.23	0.56	0.64	0.01	0.01	0.09	0.01	0.57
	96.88	0.87	0.24	0.41	0.9	0.01	0.01	0.08	0.01	0.61
16.	98.48	0.80	0.22	0.24	0.01	0.01	0.01	0.06	0.01	0.21
	98.26	0.73	0.31	0.30	0.01	0.01	0.01	0.09	0.01	0.32
	97.27	1.39	0.33	0.59	0.01	0.01	0.01	0.14	0.01	0.29
17.	97.10	1.39		0.51	0.05			0.11	0.26	0.58
	96.68	1.54		0.47				0.04		1.27
	95.16	2.39		0.76	0.24			0.07		1.22
	96.82	1.56		0.40				0.05		1.13
	96.25	2.06		0.47				0.04		1.18
17A.	98.46	0.34		0.87				0.11		0.22
	98.96	0.34		0.41				0.08		0.20
	99.14	0.09		0.32				0.12		0.33
	98.79	0.25		0.56				0.10	İ	0.31
	98.75	0.20		0.62				0.07		0.36
				•	анагория					
18.	96.57	2.11		0.77				0.08	0.26	0.21
	96.98	1.57		0.64				0.07	0.49	0.25
	96.38	2.22		0.87				0.09	0.21	0.24
					Нимфей				•	
19.	97.20	0.53	0.13	2.00	0.00	0.00	0.00	0.09	0.00	0.06
	97.10	0.54	0.09	2.09	0.00	0.00	0.00	0.11	0.00	0.07
	97.09	0.50	0.11	2.13	0.00	0.00	0.00	0.09	0.00	0.07

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон М. Г., Горлов Ю. В. 1998. Два «синдских» диобола, найденные в Фанагории // PA 3, 5–15.
- Абрамзон М. Г., Кузнецов В. Д. 2015. Монетные клады времени Митридата VI Евпатора с хоры Фанагории (Фанагория 3). Москва.
- Абрамзон М. Г., Завойкин А. А., Кузнецов В. Д., Сапрыкина И. А. 2019. Монеты позднеархаического и раннеклассического времени из Фанагории // Hypanis 1, 5–27.
- Абрамзон М. Г., Мимоход Р. А., Сударев Н. И., Успенский П. С. 2018. Комплекс пантикапейских серебряных монет V в. из некрополя поселения Волна 1 // КСИА 252, 15–24.
- Анохин В. А. 1986. Монетное дело Боспора. Киев.
- Анохин В. А. 2011. Античные монеты Северного Причерноморья. Каталог. Киев.
- Бертье-Делагард А. Л. 2009. Материалы для весовых исследований монетных систем древнегреческих городов и царей Сарматии и Тавриды // Бертье-Делагард А. Л. Автобиография. Избранные труды по нумизматике. Симферополь-Москва.
- Гарбузов Г. П., Завойкин А. А., Строкин В. Л., Сударев Н. И. 2011. Освоение греками Таманского полуострова в VI–V вв. // ДБ 15, 90–172.
- Завойкин А. А. 2004. Фанагория во второй половине V начале IV вв. до н.э. (по материалам раскопок «Южного города») (ДБ Suppl. I). Москва.
- Завойкин А. А. 2013. Образование Боспорского государства. Археология и хронология становления державы Спартокидов (БИ Suppl. 11). Симферополь–Керчь.
- Завойкин А. А. 2018. Общественное здание 4 в. до н. э. на акрополе Фанагории // В. Д. Кузнецов, А. А. Завойкин (ред.), Материалы по археологии и истории Фанагории 3 (Фанагория 6). Москва, 101–141.
- Завойкин А.А. 2019. Эллинистическое общественное здание на акрополе Фанагории // ПИФК 4, 297–321.
- Завойкин А.А., Болдырев С.И. 1994. Третья точка зрения на монеты с легендой « Σ IN $\Delta\Omega$ N» // БС 4, 43–47.
- Зограф А. Н. 1951. Античные монеты (МИА 16). Москва-Ленинград.
- Карышковский П.О. 1960. Ольвия и Афинский союз // Материалы по археологии Северного Причерноморья 3, 57–100.
- Коваленко С. А. 2020. Монеты синдов: некоторые замечания о причинах, характере и хронологии чеканки // А. В. Белоусов, Е. В. Илюшечкина (ред.), Homo omnium horarum: Сб. статей в честь 70-летия А. В. Подосинова. Москва, 272—496.
- Кузнецов В. Д. 2016. Фанагория и Синдика: некоторые заметки // А. А. Завойкин (ред.), Материалы по археологии и истории Фанагории 2 (Фанагория 4), Москва, 250–278.
- Кузнецов В. Д. 2018. Боспор Киммерийский в 5 в. до н.э. (древнеперсидская надпись из Фанагории) // В. Д. Кузнецов, А. А. Завойкин (ред.), Материалы по археологии и истории Фанагории 3 (Фанагория 6). Москва, 160–185.
- Кузнецов В. Д., Абрамзон М. Г. 2020. Клад позднеархаических монет из Фанагории (Фанагория 8). Москва.
- Сапрыкина И. А., Гунчина О. Л. 2017. Химический состав металла боспорских статеров Фанагорийского клада 2011 г. // Абрамзон М. Г., Кузнецов В. Д. 2017. Клад поздне-боспорских статеров из Фанагории (Фанагория 5). Москва, 272–483.
- Сапрыкина И. А., Чугаев А. В., Абрамзон М. Г., Смекалова Т. Н., Новичихин А. М. 2020. Исследование серебряных античных монет методами РФА и изотопного состава Рb (фонды Анапского археологического музея) // Сибирские исторические исследования 2, 148–169.
- Сапрыкина И. А., Чугаев А. В., Гунчина О. Л., Пельгунова Л. А., 2020. Химический состав металла и изотопный состав Рb в серебряных монетах из клада // Кузнецов В. Д., Абрамзон М. Г. 2020. Клад позднеархаических монет из Фанагории (Фанагория 8). Москва, 66–89.

- Смекалова Т. Н., Дюков Ю. Л. 2001. Монетные сплавы государств Северного Причерноморья: Боспор, Ольвия, Тира. Санкт-Петербург.
- Стрелков. А. В. 1999. Афинский монетный декрет // НЭ 16, 25-49.
- Толстиков В.П. 1984. К проблеме образования Боспорского царства (опыт реконструкции военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI первой половине V в. до н.э.) // ВДИ 3, 24–47.
- Фролова Н. А. 1981. Монеты из раскопок Фанагории с 1962 по 1975 гг. // ВДИ 1, 100–135. Фролова Н. А. 2002. Корпус монет синдов (первая половина конец V в.) // ВДИ 3, 71–84. Шелов Д. Б. 1956. Монетное дело Боспора VI–II вв. Москва.
- Шелов Д. Б. 1962. Haxoдки монет в Фанагории в 1947–1957 гг. // H3 3, 56–129.
- Abramzon M., Frolova N. 2004. The Hoard of Silver Coins of the 6th–4th Centuries BC from the Taman Peninsula // Revue Numismatique 160, 27–48.
- Alarm M. 2012. The Coinage of the Persian Empire // W. E. Metcalf (ed.), The Oxford Handbook of Greek and Roman Coinage. Oxford, 61–87.
- Caley E. R. 1964. Analyses of Ancient Metals. Pergamon.
- Civici N., Gjongecaj Sh., Stamati F., Dilo T., Pavlidou E., Polychroniadis E. K., Smit Z. 2007. Compositional Study of Illrd Century BC Silver Coins from Kreshpan Hoard (Albania) Using EDXRF Spectrometry // Nuclear Instruments and Methods in Physics Research Section B: Beam Interactions with Materials and Atoms 258, 412–420.
- Frolova N. A. 2004. Die frühe Münzprägung vom Kimmerischen Bosporos (Mitte 6. bis Anfang 4. Jh. V. Chr.). Berlin.
- Furtwängler A. E. 1978. Monnaies grecques en Gaule. Le trésor d'Auriol et le monnayage de Massalia 525/520–460 av. J.-C. (Typos. Monographien zur antiken Numismatik 3). Fribourg.
- Gitler H., Ponting M. 2007. Rome and the East. A Study of the Chemical Composition of Roman Silver Coinage during the Reign of Septimius Severus AD 193–211 // M. Sartre (ed.), Proceedings of the Colloquium: Production and échanges dans la Syrie gréco-romaine (Topoi Suppl. 8). Leon, 375–397.
- Hourmouziadis Y. 2011. Silver Denominations and Standards of the Bosporan Cities // N. Holmes (ed.), Proceedings of the XIVth International Numismatic Congress, Glasgow, 203–212.
- Hourmouziadis J., Weisser B. 2007. A Metrological Study of Bosporan Silver Coins, 437–375 BC // The Numismatic Chronicle 167, 1–8.
- Mattingly H. B. 1996. The Athenian Empire Restored: Epigraphic and Historical Studies. Ann Arbor.
- McKerrell H., Tylecote R.F., 1972. The Working of Copper-arsenic Alloys in the Early Bronze Age and the Effect on the Determination of Provenance // Proceedings of the Prehistoric Society 38, 209–218.
- Moreno A. 2007. Feeding the Democracy. The Athenian Grain Supply in the Fifth and Fourth Centuries BC. Oxford.
- Rodrigues M., Cappa F., Schreiner M., Ferloni P., Radtke M., Reinholz U., Woyteke B., Alramef M. 2011. Further Metallurgical Analyses on Silver Coins of Trajan (AD 98–117) // Journal of Analitic Atomic Spectrometry 26, 984–991.
- Skarpelis N., Argyraki A. 2009. Geology and Origin of Supergene Ore at the Laurion Pb–Ag–Zn Deposit, Attica, Greece // Resource Geology 59/1, 1–14.
- Voudouris P., Spry P. G., Melfos V., Haase K., Klemd R., Mavrogonatos C., Repstock A., Alfieris D. 2019. Gold Deposits in Greece: Hepogene Ore Mineralogy as a Guide Precious and Critical Metal Exploration // Proceedings of the 1st International Electronic Conference on Mineral Science. [https://sciforum.net/paper/view/conference/5452].
- Whitehead T D. 1997. The Athenian Standards Decree (IG I³ 1453): "The (?) Preceding Decree Which Klearchos Proposed" // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik 118, 169–173.

М. Г. Абрамзон, А. Н. Ворошилов, О. М. Ворошилова

ЗОЛОТЫЕ ИНДИКАЦИИ ИЗ ПОЗДНЕАНТИЧНОГО СКЛЕПА ФАНАГОРИИ*

Аннотация. Во время работ 2019 г. на Восточном некрополе Фанагории в богатом двухкамерном склепе найдены золотые индикации и имитации монет. Они обнаружены в пяти гробах обеих камер грунтовой усыпальницы. Все индикации и имитации монет из склепа 315/2019 были использованы при погребении в качестве «обола Харона». При этом четыре из пяти предметов во время погребальной церемонии находились во рту умерших, преимущественно за правой щекой. В одном случае достоверно установлено, что «монета» была вложена под нижнюю губу над подбородком человека. И только один предмет найден на животе, вероятно, он был спрятан в кошельке. Для трех из пяти золотых «монет» удалось определить патрицы. Одна, происходящая из гроба 4 северной камеры, оттиснута с аверса монеты Констанция II (351–361 гг.н.э.). Вторая индикация из гроба 1 южной камеры оттиснута с реверса бронзовой монеты Прокопия (365–366 гг.). Обе монеты были отчеканены на монетном дворе Константинополя. Индикация из гроба 7 южной камеры была оттиснута с римской бронзовой монеты 4 в. н.э. Все индикации, безусловно, изготавливались в местной мастерской с монет, обращавшихся на денежном рынке города, в связи с чем эта категория предметов рассматривается в общем контексте с находками синхронных монет. Еще две находки из склепа относятся к имитациям монет. Поскольку в большинстве случаев оттиски синхронны обращавшимся монетам-патрицам, они играют важнейшую роль в определении хронологии погребальных комплексов. В рассматриваемой гробнице датировка нумизматического материала органично дополняет хронологические позиции других категорий погребального инвентаря и позволяет говорить, что захоронения, обнаруженные в двухкамерном склепе, были совершены в последней трети 4 в. – после 366 г. н. э.

Ключевые слова. Фанагория, некрополь, склеп, погребальный обряд, обол Харона, золотые индикации.

M. G. Abramzon, A. N. Voroshilova, O. M. Voroshilov GOLD DANAKES FROM LATE ANTIQUE TOMB IN PHANAGORIA

Abstract. In the 2019 field season, a number of gold danakes and imitations of coins were found in a rich two-chamber tomb in the East Necropolis of Phanagoria. They come from five coffins arranged in both chambers. All the danakes and imitations from tomb 315/2019 were used as 'Charon's obol'. Four of the five objects were placed in the dead persons' mouth by the right cheek. In one case 'the coin' was arranged under the lower lip over the chin. Only one object was found upon the stomach, possibly hidden in the dress. For three of the five 'gold coins' found it is possible to identify their architypes. The danake from coffin 4 in the north chamber is stamped from the obverse of the coin of Constantius II (A. D. 351–361). The second danake from coffin 1 of the south chamber is impressed from the reverse of the bronze coin of Procopius (A. D. 365–366). Both coins were produced by the Constantinople mint. The danake from coffin 7 of the south chamber is impressed from the obverse of a 4th-century Roman bronze coin. All the danakes were doubtlessly made in a local workshop from locally circulated coins. The other two finds from the tomb are imitations of coins. Along with the other grave-goods, all these finds indicate that the burials in the tomb date from the last third of the fourth century, after 366 A. D.

Key-words. Phanagoria, necropolis, tomb, funeral rites, Charon's obol, gold danakes.

В конце античной эпохи Фанагория оставалась богатым и цветущим городом. Об этом недвусмысленно свидетельствуют открытые в столичном некрополе роскошные гробницы представителей городской элиты, имевшей связи с Восточной Римской Империей и державой Сасанидов. Именно в них обнаружены предметы

^{*} Исследование выполнено в рамках НИР ИА РАН по теме «Археологические культуры евразийских степей и античный мир – контакты и взаимовлияния» (АААА-А18-118011790093-2).

¹ Ворошилов, Ворошилова 2019, 174–181.

из золота.² Особенно яркую категорию золотых изделий составляют индикации и имитации монет, коллекция которых быстро увеличивается в результате масштабных исследований последних лет.³ Поскольку в большинстве случаев оттиски синхронны обращавшимся монетам-патрицам, они играют важнейшую роль в датировке погребальных комплексов. Находки индикаций отражают и приток римской монеты в Северное Причерноморье и на Боспор, увеличившийся начиная с эпохи Константина Великого. Отдельным интересным направлением исследований является выяснение места этих предметов в погребальном обряде северопричерноморских эллинов. Большинство фанагорийских индикаций происходит из комплексов позднеантичного времени. Находки, сделанные на Восточном некрополе столицы Азиатского Боспора в 2019 г., не стали исключением.

1. Археологический контекст

Склеп 315 относится к редкому типу семейных усыпальниц, возникающему в погребальной практике жителей Фанагории на закате римской эпохи – двух-камерным грунтовым склепам. До недавнего времени в Фанагории было известно всего четыре таких усыпальницы. Три из них открыты В. Д. Блаватским (погребения № 21, 50, 97). ЧЕще один склеп (№ 170) исследован в 2011 г. Два новых двухкамерных склепа открыты в ходе исследований 2019 г. В склепе 315/2019 были найдены три индикации и две имитации римских монет (рис. 1). Они обнаружены в обеих погребальных камерах склепа. Следует отметить, что северная погребальная камера полностью сохранилась и не пострадала от рук грабителей, в то время как южная камера была потревожена. В каждой камере стояло по семь гробов. Индикации были обнаружены в пяти гробах: в двух захоронениях из северной камеры и в трех из южной.

Гробы с индикациями из северной камеры:

Гроб 2 содержал погребение воина. На правой тазовой кости обнаружена имитация монеты из золотой фольги (рис. 1. 5). Помимо нее из этого захоронения происходит обширный ременной гарнитур. Серебряные пряжки и наконечники ремней из него относятся к IV хронологической группе по типологии В. Ю. Малашева и датируются серединой 4 — началом 5 в. н. э.). Здесь же обнаружены четыре серебряные накладки-лунницы. Похожие накладки происходят из склепа второй половины 4 — первой половины 5 в. Боспорского некрополя.

Гроб 4 был вместилищем останков ребёнка. У нижней челюсти обнаружена золотая индикация. Положение предмета свидетельствует о том, что индикация находилась во рту ребенка, за его правой щекой (рис. 1. 1; 2). Здесь же были найдены серебряные пряжки характерные для середины 4 — начала 5 в. н. э. 9

Гробы с индикациями из южной камеры:

Гроб 1 содержал захоронение взрослой женщины. Под костями черепа, у зубов верхней челюсти на органической подстилке, устилавшей дно гроба, обнаружена индикация из золотой фольги. Судя по ее положению (рис. 1. 2; 3), изначально она находилась за правой щекой умершей. Захоронение в гробу относится, очевидно, к концу 4 — началу 5 в.н.э., на что указывают находки золотых трубочек-пронизей, аналогии которым происходят из фанагорийских комплексов этого времени. 10 Такие украшения хорошо представлены в памятниках гуннского времени на территории Боспора Киммерийского 11, в Танаисе 12, на памятниках юго-западного Крыма. 13 Известны они и в аристократических погребениях гуннского времени на Среднем Дунае. 14 Указанную дату подтверждают и находки

- ² Ворошилов, Ворошилова 2015а, 74.
- ³ Абрамзон, Ворошилов, Ворошилова 2016, 7–21; Абрамзон и др. 2017, 282–290.
- ⁴ Блаватский 1941, 36–37, 42–43, рис. 25. *44–48*; 26; 1951, 204; Строков 2018.
- ⁵ Ворошилова 20136, 110–111; 2019, 145–161; Ворошилов, Ворошилова 20156, 17.
- ⁶ Ворошилов, Ворошилова 2019, 175–177.
- ⁷ Малашев 2000, 203–205.
- ⁸ Засецкая 1993. табл. 62. *374*.
- 9 Там же.
- ¹⁰ Блаватский 1941, 37; Ворошилова 2011, 141, рис. 2. *5*; 2013, 126, рис. 3. *2*; Медведев 2013, 393, рис. 46.
- ¹¹ Ермолин 2009, 74, рис. 3. *6*; Ханутина, Хршановский 2009, 62, рис. 4. *10*; Засецкая 1993, 152, табл. 47. *220*; 162; табл. 57. *324*, *325*.
- ¹² Арсеньева и др. 2001, 316, 337, табл. 6. *60*; 40, 484
- ¹³ Айбабин, Хайрединова 2008, 50, рис. 26. 1.
- ¹⁴ Мастыкова 2014, 144.

× 2 × 2 × 2 × 2

Рис. 1. Золотые индикации и имитации монет из погребения 315/2019

треугольных нашивных бляшек, аналогии которым известны в позднеантичных комплексах Боспорского некрополя. ¹⁵

Гроб 3 содержал скелет взрослого мужчины. На лицевой части черепа, поверх зубов сомкнутых челюстей обнаружена индикация (рис. 1. 4; 4), которая была вложена умершему под нижнюю губу над подбородком. Найденные с мужчиной элементы ременного гарнитура аналогичны материалам из гробов 2 и 4 северной камеры склепа и датируются серединой 4 – началом 5 в.н.э. 16

Гроб 7 был потревожен в древности. В нем обнаружен скелет взрослого человека. В области черепа обнаружена индикация из золотой фольги (рис. 1. 3; 5). Ее расположение на правой наружной стороне нижней челюсти может свидетельствовать о том, что золотой жетон изначально находился за правой щекой человека.

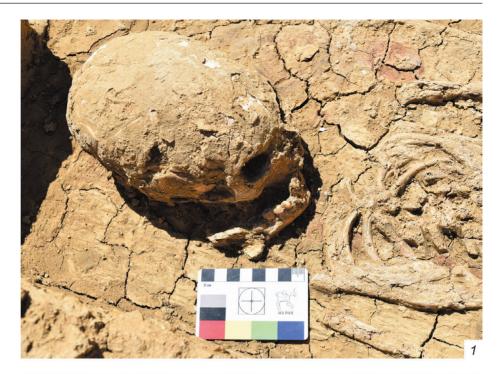
2. Золотые индикации с монет и их имитации

Из погребения 315 происходят три золотые индикации с римских монет и две имитации монет – по одному изделию в гробах 2, 4 северной камеры и гробах 1, 3, 7 южной камеры. Эти предметы погребального инвентаря, безусловно, выступают

¹⁵ Засецкая 1993, 55, табл. 25. *96*в.

¹⁶ Малашев 2000, 203–205.

Рис. 2. Индикация из 4 гроба северной камеры склепа





индикаторами существования местного ювелирного производства, поскольку чрезмерная хрупкость изделий препятствовала их перевозке на большие расстояния. Так как в большинстве случаев оттиски синхронны обращавшимся монетам, индикации играют важнейшую роль в датировке погребальных комплексов.

2.1. Индикация с монеты Констанция II (рис. 1. 1).

Индикация на пластине округлой формы, края обрезаны. Бюст Констанция II вправо; вокруг легенда:

[DN C]ONST[AN]— TIVS PF AVG.

Сохранность: обрезана, разрывы по гурту.

¹⁷ Журавлев и др. 2017, 170.





Размеры: 17–18 мм. Погребение 315, северная камера, гроб 4. Оттиснута с л.с. бронзовой монеты Констанция II.

Рис. 3. Индикация из 1 гроба южной камеры склепа

Размер кружка индикации точно соответствует диаметру номинала AE 3. Как отмечено выше, в фанагорийской ювелирной мастерской, где изготавливались подобные золотые изделия для погребального обряда, естественно, использовались монеты, обращавшиеся на местном денежном рынке. Следовательно, патрицей должна была послужить медная монета Констанция II, поступившая в Фанагорию в потоке монет Константина I – Феодосия I.

На данный момент, в Фанагории зарегистрировано 7 монет Констанция II.

Неопределенный двор *9 сентября 337 г. – весна 340 г.*

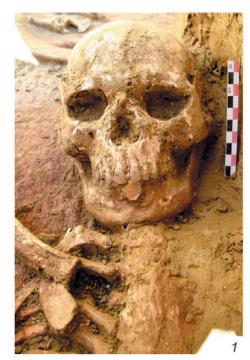
- Л.с. DN CONSTANTIVS PF AVG. Голова Констанция II в жемчужной диадеме вправо.
- O.c. GLORIA EXERCITVS. Два воина стоят прямо и смотрят друг на друга, каждый держит копье и опирается на щит, стоящий на земле; между ними один штандарт.
- 1. № оп. Ф-13-49; 15 мм; 1.43 г; Раскоп ВГ, кв. 96, шт. 11. Для типа ср.: RIC VIII, 472, no. 19 (Никомедия), etc.

Константинополь

15 марта 351 г. – 6 ноября 355 г. н.э.

- Π .c. DN CONSTAN— TIVS PF AVG. Бюст Констанция II в плаще вправо; на голове жемчужная корона; слева Δ .
- O.c. FEL TEMP RE—PARATIO. Воин в шлеме влево; в левой руке держит щит, в правой руке копье, которым поражает безбородого всадника в остроконечном колпаке; тот падает на шею лошади. В поле Г•. Под обрезом CONSГ.

Рис. 4. Индикация из 3 гроба южной камеры склепа





- 2. № оп. Ф-16-134; ФМ-КП-41/46, Инв. № H-320; 21 мм; 2.28 г; Раскоп ВГ, яма 741. *О.с.* В поле Г•. Под обрезом CONSГ. Обломана. Ср. RIC VIII, 457, no. 109.
- 3. № оп. Ф-18-12; 19 мм; 3.89 г; Раскоп НГ, кв. В7, шт. 20. *О.с.* В поле €. Под обрезом CONSГ. Ср. RIC VIII, 457, no. 115.

Л.с. То же.

- O.c. FEL TEMP RE—PARATIO. Воин в шлеме, влево, держит щит в левой руке и поражает копьем упавшего всадника, чей щит лежит на земле справа. Всадник, бородатый и без головного убора, обернулся лицом к воину и поднимает левую руку. Под обрезом CONSA.
- 4. № oπ. Φ-11-57; 17 mm; 2.25 г; ПР. Ср. *RIC* VIII, 458, no. 118.¹⁸
- 5. № oπ. Φ-11-178; ΠР. To же.¹⁹
- 6. № оп. Ф-11-179; 17 мм; 1.69 г; ПР. То же.

Кизик

15 марта 351 г. – 6 ноября 355 г. н.э.

- Л.с. DN CONSTANTIVS PF AVG. Бюст Констанция II в плаще и панцире вправо; на голове жемчужная диадема.
- O.c. FEL TEMP RE—PARATIO. Воин в шлеме, влево, держит щит в левой руке и поражает копьем упавшего всадника, чей щит лежит на земле справа. Всадник обернулся лицом к воину и поднимает левую руку. Слева Г. Под обрезом SMK[...].
- 7. № оп. Ф-07-83; 24 мм; 5.60 г; Раскоп ВГ, кв. 66, шт. 8.; Ср. RIC VIII, 497, no. 95.²⁰

Абсолютное большинство найденных монет (6 из 7) относится к типу FEL TEMP RE—PARATIO продукции монетных дворов Константинополя (5) и Кизика (1). Этот тип чеканился в двух весовых вариантах — тяжёлом (21–24 мм, ок. 4.85 г) и легком (17–19 мм, весом ок. 2.45 г.). В фанагорийских находках преобладают легкие моне-

¹⁸ Абрамзон 2013, 83, рис. 5. *139*.

¹⁹ Там же, 83, рис. 5. *140*.

²⁰ Abramzon 2011, 271, pl. 1. *4*; Абрамзон 2013, 83, рис. 5. *142*.

ты диаметром 17–19 мм. Размер индикации и иконография портрета императора (без буквы в поле) позволяет утверждать, что патрицей для индикации послужил монета лёгкого варианта типа FEL TEMP RE—PARATIO – скорее всего константинопольской чеканки. Именно такие легкие монеты Констанция II чаще, чем тяжелые, поступают на денежный рынок Фанагории той эпохи. Датировка константинопольских выпусков DN CONSTAN— TIVS PF AVG/ FEL TEMP RE—PARATIO охватывает период 351–361 гг.²¹ Соответственно, изготовление индикации и погребение, в котором она найдена, могут датироваться от 350-х – 360-х гг.

2.2. Индикация с монеты Прокопия 1 (рис. 1. 2).

Индикация на пластине округлой формы. Фигура император в рост с лабарумом в правой руке; левая рука опирается о щит; вокруг легенда:

[REPA]RATI—O FEL T[EMP].

Сохранность: пластина помята в центре, обрезана.

Размеры: 17-18 мм.

Погребение 315, южная камера, гроб 1.

Оттиснута с реверса бронзовой монеты Прокопия (365–366), отчеканенной на монетном дворе Константинополя.

Константинополь

28 сентября 365 г. – 27 мая 366 г. н.э.

- *Л.с.* DN PROCO—PIVS PF AVG. Бюст Прокопия в плаще и панцире вправо; на голове жемчужная диадема.
- O.c. REPARATI—О FEL TEMP. Император стоит анфас; голова повернута вправо; в правой руке держит лабарум, левой опирается о щит. Слева у ног неопределенный объект. Вверху справа ⊀. Под обрезом CONS€•.

Лит.: RIC IX, 215, no. 17(a).

Данный выпуск Прокопия относится к первому периоду чеканки монетного двора Константинополя (25 февраля 364 – 24 августа 367 г., от имени Валентиниана I, Валента и узурпатора Прокопия). Монеты Прокопия в Фанагории еще не встречались, однако зарегистрированы выпуски Валента, Грациана, Валентиниана II, Феодосия I, Аркадия и др., а также индикации с монет Валента (или Валентиниана II) и Грациана. ²² Таким образом, находка индикации свидетельствует о том, что монеты Прокопия также поступали в Фанагорию.

Время изготовления индикации – начиная со второй половины 360-х гг. и позднее: монеты перечисленных императоров, обращавшиеся на рынке одновременно, активно поступают на Боспор (и в Фанагорию) в последней трети 4 в.

Как и предыдущая, индикация принадлежит ко второй хронологической группе подобных изделий погребальной практики из некрополя Фанагории, объединяющей оттиски с монет римских императоров, начиная с Константина I и членов его семьи и заканчивая правителями последней трети 4 в. (Валент, Прокопий, Валентиниан II, Грациан).

2.3. Индикация с римской монеты (рис. 1. 3).

Индикация на овальной пластине. Мужской бюст вправо? Следов легенды не видно. Сохранность: поверхность «жеванная», разрывы по краю. Край частично завернут внутрь.

²¹ RIC VIII, 458, 460 – Nos. 118–128, 135–155. ²² Кропоткин 1961, 39, № 15а; Абрамзон 2015, 190, рис. 4. *3*; 192; Трейстер 2015, 418, № 97; 419, табл. 26. *4*; Абрамзон и др. 2016, 13, табл. 1. № *7, 8*.





Рис. 5. Индикация из 7 гроба южной камеры склепа

Размеры: 18-19 мм

Погребение 315, южная камера, гроб 7

Возможно, оттиснута с аверса римской монеты 4 в.

Ранее такие предметы рассматривались как элемент венка.²³

2.4. Пластина шестиугольная, орнаментированная (рис. 1. 4).

Тонкая пластина в форме неправильного шестиугольника. Изображение представляет квадратную рельефную рамку, разделенную перекрестием на четыре квадрата. Все линии рисунка выпуклые. В центре, а также на всех углах рамки и соединениях линий выпуклые точки. В центре каждого квадрата кружок, обозначенный выпуклой линией; в центре каждого кружка – выпуклая точка.

Сохранность: хорошая, слегка помята, края обрезаны ножницами. Один край частично завернут внутрь. Красная патина трихлората золота.

Размеры: 14-12 мм

Погребение 315, южная камера, гроб 3.

Оттиснута с рельефного штампа. Близкая по мотиву рисунка и размерам (15 мм) патрица (рис. 6) найдена в составе Фанагорийского клада 2007 г.: л.с. поверхность гладкая; о.с. выпуклый кружок в центре поля, разделенного на четыре сектора лучами; в каждом секторе по точке. ²⁴ В некрополе Фанагории подобные изделия прежде не встречались.

2.5. Имитация монеты из гроба 2 (рис. 1. 5).

Тонкая пластина подпрямоугольной формы с скругленными краями.

Сохранность: хорошая, слегка помята, по гурту разрывы.

Размеры: 13,5-12 мм.

Погребение 315, северная камера, гроб 2.

 ²³ Ср., например: Трейстер 2015, 479, табл.
 51. 5; 501, табл. 62. 3; 515, табл. 69. 3а, г (также из Восточного некрополя Фанагории).
 ²⁴ Абрамзон, Кузнецов 2015, 315, № 7901.

3. Выводы

Контекст находок свидетельствует в пользу того, что все индикации и имитации монет из склепа 315/2019 были использованы при погребении в качестве «обола Харона». Подобная практика известна в позднеантичных комплексах столичной элиты Азиатского Боспора. ²⁵ При этом четыре из пяти предметов во время погребальной церемонии находились во рту умерших, преимущественно (три случая) за правой щекой. В одном случае достоверно установлено, что «монета» была вложена под нижнюю губу над подбородком человека. И только одна из «золотых монет» найдена на животе справа, вероятно она была спрятана в одежде (кармане?), заткнута за пояс или лежала в кошельке. Для трех из пяти золотых «монет» удалось определить патрицы. Одна, происходящая из гроба 4 северной камеры, оттиснута с аверса монеты Констанция II 351-361 гг.н.э. Вторая индикация из гроба 1 южной камеры оттиснута с реверса бронзовой монеты Прокопия (365-366 гг.). Обе монеты были отчеканены на монетном дворе Константинополя. Индикация из гроба 7 южной камеры была оттиснута с римской бронзовой монеты 4 в. н. э. Все индикации, безусловно, изготавливались в местной мастерской с монет, обращавшихся на денежном рынке города, в связи с чем эта категория предметов рассматривается в общем контексте с находками синхронных монет. Еще две находки из склепа. вероятно, относятся к имитациям монет. Поскольку в большинстве случаев оттиски синхронны обращавшимся монетам-патрицам, они играют важнейшую роль в определении хронологии погребальных комплексов. В рассматриваемой гробнице датировка нумизматического материала органично дополняет хронологические позиции других категорий погребального инвентаря и позволяет говорить, что захоронения, обнаруженные в двухкамерном склепе, были совершены в последней трети 4 в. – после 366 г. н. э.

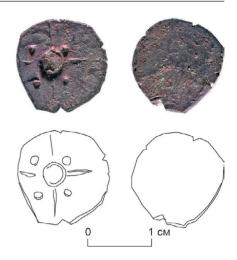


Рис. 6. Патрица из Фанагорийского монетного клада

ЛИТЕРАТУРА

Абрамзон М. Г. 2013. Античные иноземные монеты из раскопок Фанагории // В. Д. Кузнецов (ред.), Материалы по археологии и истории Фанагории 1 (Фанагория 1). Москва, 61–107.

Абрамзон М. Г. 2015. Золотые индикации с античных монет из раскопок Фанагории // М. Ю. Трейстер (ред.), Золото Фанагории (Фанагория 2). Москва, 182–193.

Абрамзон М. Г., Ворошилов А. Н., Ворошилова О. М., Внуков С. Ю. 2017. Золотая индикация с полуфоллиса Константина I из восточного некрополя Фанагории // КСИА 249, 282–290.

Абрамзон М. Г., Ворошилов А. Н., Ворошилова О. М., Сапрыкина И. А. 2016. Новые находки золотых индикаций в Фанагории // А. А. Завойкин (ред.), Материалы по археологии и истории Фанагории 2 (Фанагория 4). Москва, 7–21.

Абрамзон М. Г., Кузнецов В. Д. 2015. Монетные клады времени Митридата VI Евпатора с хоры Фанагории (Фанагория 3). Москва.

Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. 2008. Могильник у села Лучистое (БИ Suppl. 4). Симферополь–Керчь.

Арсеньева Т. М., Безуглов С. И., Толочко И. В. 2001. Некрополь Танаиса. Раскопки 1981—1995 гг. Москва.

Блаватский В. Д. 1941. Отчет о раскопках Фанагории 1936—1937 г. // ТГИМ XVI, 5—74. Ворошилов А. Н., Ворошилова О. М. 2015а. Золото в некрополе Фанагории // М. Ю. Трейстер (ред.), Золото Фанагории (Фанагория 2). Москва, 29—76.

²⁵ Абрамзон и др. 2016, 10–11; Ворошилов, Ворошилова 2018, 134.

- Ворошилов А. Н., Ворошилова О. М. 2015б. Население Фанагории по материалам позднеантичного некрополя // Социальная стратификация населения Кавказа в конце античности и начале средневековья: археологические данные. Материалы конференции. Москва, 16–19.
- Ворошилов А. Н., Ворошилова О. М. 2018. Позднеантичное захоронение с погребальным ременным гарнитуром из Фанагории // ПИФК 3, 125–142.
- Ворошилов А. Н., Ворошилова О. М. 2019. Тайник в позднеантичном склепе Фанагории (предварительная публикация) // КСИА 257, 174—181.
- Ворошилова О. М. 2011. Позднеантичное погребение с монетами из некрополя Фанагории // ПИФК 4, 137–145.
- Ворошилова О. М. 2013. Склеп позднеантичного времени из раскопок Фанагории в 2011 году // Stratum plus 4, 123–131.
- Ворошилова О. М. 2019. Двухкамерный склеп 170 из Фанагории // ПИФК 4, 145-161.
- Ермолин А. Л. 2009. Кроваво-золотой стиль «клаузоне» в ювелирных изделиях Боспора (по материалам некрополя Джурга-Оба) // БФ: Искусство на периферии античного мира. Санкт-Петербург, 70–77.
- Журавлев Д.В., Новикова Е.Ю., Коваленко С.А., Шемаханская М.С. 2017. Золото Херсонеса Таврического (Ювелирные изделия из собрания Государственного Исторического музея). Москва.
- Засецкая И.П. 1993. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV первой половины V вв. н. э. // МАИЭТ 3, 23–105.
- Кропоткин В. В. 1961. Клады римских монет на территории СССР (САИ Г4–4). Москва.
- Малашев В.Ю. 2000. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону (Материалы и исследования по археологии Дона 1). Ростов-на-Дону, 194–232.
- Медведев А. П. 2013. Позднеантичный некрополь Фанагории 4–5 вв. (раскопки 2005 г.) // В. Д. Кузнецов (ред.), Материалы по археологии и истории Фанагории 1 (Фанагория 1). Москва, 330–402.
- Строков А. А. 2018. Склеп эпохи Великого переселения народов из раскопок В. Д. Блаватского в Фанагории // КСИА 251, 204–217.
- Трейстер М. Ю. 2015. Каталог. Институт археологии РАН // М. Ю. Трейстер (ред.), Золото Фанагории (Фанагория 2). Москва, 391–534.
- Ханутина З.В., Хршановский В.А. 2009. Погребальный комплекс гуннского времени из некрополя Китея // БФ: Искусство на периферии античного мира. Санкт-Петербург, 58–69.
- Abramzon M. 2011. The Roman and Early Byzantine Coins from the 1988, 2005–2010 Excavations at Phanagoria // N. Povalahev, V. Kuznetsov (Hrsg), Phanagoreia, Kimmerischer Bosporos, Pontos Euxeinos (Altertümer Phanagoreias 1). Göttingen, 251–274.

М. Г. Абрамзон, В. Д. Кузнецов, С. Н. Остапенко

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ МОНЕТЫ ИЗ СЛУЧАЙНЫХ НАХОДОК В КЕПАХ*

Аннотация. В статье публикуются раннесредневековые монеты, случайно найденные в пос. Сенном (Темрюкский р-н Краснодарского края) летом 2020 г. и поступившие в фонды Государственного историко-археологического музея-заповедника «Фанагория». Коллекция насчитывает 10 монет. Семь из них – византийские: две золотых и пять медных. Золотые монеты: солид Василия I Македонянина (867-886) и гистаменон Никифора III Вотаниата. (1078-1081). Медные: херсонские выпуски Василия I и Никифора II Фоки (963-969), а также три анонимных фоллиса 11 в. Остальные три монеты - тмутараканские подражания милиарисиям Василия II и Константина VIII (одно билонное и два медных). Находки связаны со средневековым слоем городища Кеп: все византийские монеты происходят из его западной части, размываемой морем, тмутараканские - восточной. Публикуемая коллекция случайных находок включает редкие экземпляры. Так, солид Василия I представляет особый интерес, поскольку византийские золотые монеты 9 в. крайне редко встречаются на Северном Кавказе и в Восточной Европе. Херсонская монета Никифора II – единственный известный нам экземпляр, найденный на Тамани. Так же очень редкую находку представляет анонимный фоллис класса М (по классификации Ф. Грирсона) или чеканки Трапезунда (согласно атрибуции М. Хенди). Византийские золотые и медные монеты 11 в., как и тмутараканские имитации византийских милиарисиев, характеризуют денежное обращение на путях византийской имперской черноморской торговли через земли Тмутараканского княжества, защищавшего эту торговлю от кочевников в конце данного столетия. Публикуемые находки являются свидетельством бытования средневекового поселения в Кепах в 9-11 вв. Они расширяют представление о денежном обращении на Таманском полуострове в раннем средневековье и в целом пополняют базу данных по византийской и древнерусской нумизматике Юга России.

Ключевые слова. Боспор Киммерийский, Кепы, раннее средневековье, византийские монеты, денежное обращение.

M. G. Abramzon, V. D. Kuznetsov, S. N. Ostapenko FARLY MEDIAVAL COINS FROM CHANCE FINDS IN KEPOL

Abstract. The publication is devoted to early mediaeval coins found at the village of Sennoi (Temryuk District of Krasnodar Region) in the summer of 2020. The collection, now kept at the 'Phanagoria' State Historical and Archaeological Museum-Reserve, consists of ten coins. Seven of them – two gold and five copper specimens – represent Byzantine currency. The gold coins include a solidus of Basil I the Macedonian (867-886) and a histamenon of Nicephorus III Botaniates (1078-1081), The copper ones are coins of Basil I and Nicephorus II Phokas (963-969) minted in Chersonesus and three anonymous 11th-century follisi. The other three coins are Tmutarakan imitations of miliarisia of Basil II and Constantine VIII (one billon and two copper specimens). All the finds come from the mediaeval strata of Kepoi, only the Tmutarakan imitations were discovered in the eastern part of the city-site while the Byzantine coins – in its western part currently washed away by the sea. Among the finds there are some rare coins. Thus, the solidus of Basil I is of special interest since only a few 9th-century Byzantine gold coins have been found in Eastern Europe and the North Caucasus. The Chersonesus issue of Nicephorus III is the only coin of this type from the Taman Peninsula. Quite rare is also the anonymous follis of the M type (after F. Grirson) or of the Trapesund mint (after M. Handy). Byzantine gold and copper coins of the 11th century, as well as Tmutarakan imitations of Byzantine miliarisia are characteristic of the money circulation along the Byzantine trade routes through the Tmutarakan

^{*} Исследование выполнено в рамках НИР ИА РАН по теме «Археологические культуры евразийских степей и античный мир — контакты и взаимовлияния» (АААА-A18-118011790093-2).

realm, which protected them from nomadic tribes in the second half of the 11th century. The coin finds prove the existence of the flourishing settlement at Kepoi in the 9th–11th centuries. They also expand our knowledge of the early mediaeval money circulation on the Taman Peninsula and add to the database of the Byzantine and Old Russian coin finds in South Russia.

Key-words. Kimmerian Bosporos, Kepoi, Early Middle ages, Byzantine coins, currency.

В июле 2020 г. в полосе прибоя у западной части городища Кепы были случайно найдены ранние византийские монеты – две золотых и пять медных. Золотые – солид Василия I Македонянина (867–886) (\mathbb{N} 1) и гистаменон Никифора III Вотаниата (1078–1081) (\mathbb{N} 7). Медные – херсонские выпуски Василия I (\mathbb{N} 2) и Никифора II Фоки (963–969) (\mathbb{N} 3), а также три анонимных фоллиса 11 в. (\mathbb{N} 4–6). Кроме того, во время работ на огородах, расположенных в восточной части городища Кеп, местные жители случайно нашли три тмутараканских подражания милиарисиям Василия II и Константина VIII – одно билонное и два медных (\mathbb{N} 8–10). Все 10 монет поступили в фонды ГИАМЗ «Фанагория».

Публикуемая коллекция безусловно связана со средневековым слоем городища Кеп. В 1950–1960-е гг. здесь были выявлены и исследованы остатки средневекового сельского поселения. В раннесредневековом слое найдены фрагменты «воротничковых» и реберчатых амфор, кувшинов с рифлеными стенками 7–10 вв. и первой четверти – середины 11 в., а также иной керамический материал (фрагменты пифосов, высокогорлых кувшинов с плоскими ручками, амфор с граффито), датируемый суммарно последней третью 9 – началом 12 вв. (именно к этому времени и принадлежат публикуемые монеты). Раскопки в 1984—1989 гг. также дали небольшое количество раннесредневековых находок среди которых фрагмент венчика «воротничковой» амфоры датируемой в пределах первой четверти — середины 11 в. Кроме слоя на городище был открыт обширный средневековый некрополь.

В целом, средневековый слой городища Кепы, сильно разрушенный позднее, датируется временем до 11 в. Раннесредневековое поселение на верхнем плато и в восточной части городища существовало именно в данный период, о чем свидетельствуют строительные остатки. При этом оно не совпадает с контурами и планировкой античного поселения. Жизнь на средневековом поселении продолжается и позднее, о чем свидетельствуют находки фрагментов «татарских амфор», датируемых 14 в.⁷

Солид Василия I и Константина VII (№ 1; рис. 1. 1; 2. 1) относится к классу II по классификации Ф. Грирсона. В Это уже вторая находка золота этих императоров на Тамани: солид такого же типа происходит из раскопок Таматархи. Следует отметить редкость находок золота этих императоров в регионе при значительном количестве их херсонской литой меди. Ближайшие находки подобных солидов зарегистрированы на Житомирщине и в Запорожье — в составе кладов. Значение находки в Кепах возрастает в связи с тем, что золотых монет 8—9 вв. в регионе открыто крайне мало: это наиболее «глухое» время, когда экономические связи Византии с Восточной Европой и Закавказьем почти полностью прекратились. Всли солиды 8 в. еще встречаются на Северном Кавказе В Крыму и Подонье (что связано с укреплением отношений Хазарии и Византии), то монет 9 в. зарегистрировано совсем мало.

Херсонская литая медь Василия I (№ 2; рис. 2. *2*), принадлежащая классу 4 по классификации Ф. Грирсона, ¹⁴ – периоду его одиночного правления (879–886), представлена целым рядом находок на Тамани (например, она встречается

- ¹ См.: Сокольский 1957; Чхаидзе 2006, 488 (с библиографией), 494–495.
- ² Чхаидзе 2006; Булгаков 2000, тип 2, 1Р, рис. 37; тип 5, 1Р, рис. 43.
- ³ Кузнецов 1992, 28–29.
- ⁴ Кузнецов 1989, рис. 21. *4*.
- ⁵ Булгаков 2000, тип 4, 1Р, рис. 40.
- ⁶ Сорокина 1969; Паромов 2003, 129.
- ⁷ Sazanov 1997, type 58, tab. 1. *58*.
- 8 DOC 3/2, 487, No. 2c.1,
- ⁹ Зеест 1966, 131; Чхаидзе 2008, 235, № 5, рис. 133. *5*.
- 10 Кропоткин 1962, № 150, 158.
- ¹¹ Там же, 11.
- ¹² Известен также единственный клад из ст. Крымской Краснодарского Края (см. Кропоткин 1962, № 13).
- ¹³ Пропорцию находок отражает, например, сводка В.В. Кропоткина (1962, 11): солиды 8 в. найдены в 15 пунктах (63 экз.), 9 в. в 5 пунктах (5 экз.).
- ¹⁴ DOC 3/2, 505–506. No. 20a.1–10. В. А. Анохин (1977, 159, № 360 и т. д.) относит данный тип к II выпуску.



Рис. 1. Византийские золотые монеты из Кеп: *1* – солид Василия I Македонянина; *2, 3* – гистаменоны Никифора III Вотаниата

в слоях Таматархи 15). Напротив, очень редкую находку представляет херсонская монета Никифора II (№ 3) – единственный известный нам экземпляр на Таманском полуострове.

Большой интерес вызывают анонимные фоллисы 11 в. классов В, G и М, по с классификации Ф. Грирсона (№ 4–6; рис. 2. 4–6). Среди них присутствует очень редкий экземпляр (№ 6; рис. 2. 6), который Ф. Грирсон относит к классу М 16 , а М. Хенди — типу V чеканки Трапезунда 17 , причем оба исследователя приводят в фототаблицах один и тот же экземпляр! Ф. Грирсон отмечает чрезвычайную редкость данного выпуска, одного из финальных в серии анонимных фоллисов 18 , отмечая, что ему известно всего три экземпляра такого типа, все очень плохой сохранности. 19 Таким образом, кепский экземпляр — четвертый зарегистрированный на данный момент.

¹⁵ Кропоткин 1962, № 29.

¹⁶ По классификации Ф. Грирсона (DOC 3/2).

¹⁷ DOC 4/1-2.

¹⁸ Ibid. 3/2, 638–639.

¹⁹ Ibid., 705.



Рис. 2. Раннесредневековые монеты из Кеп: 1-7, A – византийские монеты; 8-10 – тмутараканские подражания

- ²⁰ Ibid., 825, No. 2,
- ²¹ См. Абрамзон и др. 2017, рис. 4, *4*. Тип: DOC 3/2, Pl. LXIX, 3a.1, 3b.7. Кроме того, известна находка серебра Никифора III в соседней Фанагории (см. Кропоткин 1962, 47, № 21a).
- ²² Пьянков, Юрченко 2016; 2017.
- ²³ ААМ. Инв. № КМ 8365/22239, АЗ-29. Изд.: Новичихин 2018.
- ²⁴ Парусимов 1985, 315–316, рис. 6. *5*.
- ²⁵ Толстой 1991, 98, табл. 85. *1*; Сидоренко 2015, 397–399.
- ²⁶ Кропоткин 1962, № 338, 398, 423, 432, 442, 452, 460, 461.
- ²⁷ Там же, 13.

Гистаменон Никифора III Вотаниата относится к классу II по классификации Ф. Грирсона.²⁰ Это уже вторая находка золота данного императора в Кепах: в 2017 г. жители пос. Сенной приносили в Фанагорийскую экспедицию ИА РАН гистаменон класса III, случайно найденный на огородах на окраине городища Кеп. 21 (рис. 1. A; 2. A). Находки гистаменонов Никифора III были известны на Таманском полуострове и прежде – например, на Ильичевском городище. ²² С учетом гистаменона класса I из Анапского археологического музея ²³, публикуемый экземпляр – уже четвертая золотая монета этого императора из зоны Северо-Западного Кавказа. Среди ближайших находок золота Никифора III – гистаменоны из могильника Бубнов Ерик IV в дельте Дона²⁴, а также Крыма. 25 Подавляющее же большинство гистаменонов этого императора происходит из Азербайджана, Грузии, Абхазии. ²⁶ Это не случайно: установлено, что в 11 в. топография находок золотых монет значительно меняется по сравнению с предыдущими веками: основная масса их сосредоточена в Закавказье. 27 Если учесть еще один зарегистрированный гистаменон из Черкасской области (Украина), то топография этих находок маркирует путь, по которому византийские монеты 11 в. распространялись через Закавказье и от черноморского

№ в списке	№ описи	Ag	Cu	Au	Sn	Pb	Bi	As	Sb	Fe
8.	Ф-20-7	34.81	63.12	0.10	0.17	1.28	0.03	0.13	0.27	
		32.18	66.00	0.07	0.18	1.00	0.05	0.12	0.29	0.10
		37.06	60.80	0.10	0.18	1.24	0.07	0.14	0.30	0.11
		34.68	63.30	0.09	0.18	1.17	0.05	0.13	0.29	0.10
9.	Ф-20-8	0.07	98.98		0.05	0.37	0.03	0.29	0.12	0.08
		0.06	99.16		0.05	0.31		0.25	0.14	0.04
		0.06	98.86		0.04	0.41		0.34	0.12	0.09
		0.06	99		0.05	0.36	0.03	0.29	0.13	0.06
10.	Ф-20-9	0.09	94.92		0.06	3.10	0.07	1.05	0.39	0.33
		0.10	95.18		0.05	2.71	0.06	0.85	0.36	0.67
		0.08	96.45		0.04	2.23	0.06	0.69	0.33	0.13
		0.09	95.51		0.05	2.68	0.06	0.86	0.36	0.37

Таблица 1. Химический состав тмутараканских подражаний из Кеп (РФА)²⁸

побережья Кавказа на Тамань и далее в Крым и Поднестровье, на известный маршрут «из варяг в греки».

Наконец, три тмутаракаских подражания милиарисиям Василия II и Константина VIII завершают ряд случайных находок из Кеп. Чеканку таких монет принято датировать временем правления Мстислава Владимировича (990/1010-1036). Между тем имитации византийских милиарисиев выпускались в Тмутараканском княжестве и позже. 29 Одно подражание (№ 8) изготовлено из низкопробного серебра (содержание драгоценного металла в сплаве не превышает 35%), два других – из меди, причем в первом (№ 9) содержание меди составляет 99%, во втором (№ 10) – 95%. Считается, что серебряные монеты являются наиболее ранними³⁰, однако все три экземпляра относятся к поздним группам подражаний – имитация легенды на реверсе передана квадратиками или выпуклыми точками. Ближайшие находки подражаний серебру Василия II и Константина VIII зарегистрированы в соседней Фанагории и на памятниках. расположенных вдоль ведущих к ней и Кепам древних дорог Таманского полуострова. 31 Подражания византийским милиарисиям получили широкое распространение на Тамани и Керченском полуострове, а единичные экземпляры найдены на территории Киевской Руси. Они чеканились в Тмутараканском княжестве в конце 10 в. – первых двух десятилетиях 11 в. и являлись основным средством денежного обращения.³²

Итак, публикуемые византийские золотые и медные монеты и тмутараканские имитации византийских милиарисиев отражают денежное обращение на путях византийской имперской черноморской торговли через земли Тмутараканского княжества, защищавшего эту торговлю от кочевников в конце столетия. Данные находки являются свидетельством бытования средневекового поселения в Кепах в 9–11 вв. Монеты из Кеп расширяют представление о денежном обращении на Таманском полуострове в раннем средневековье и в целом пополняют базу данных по византийской и древнерусской нумизматике Юга России.

²⁸ Авторы выражают искреннюю благодарность руководителю отдела реставрации Государственного историко-археологического музея-заповедника «Фанагория» О.Л. Гунчиной за проведенные РФА-исследования.

²⁹ Чеканка подражаний продолжалась и после смерти Мстислава Владимировича. Поздняя часть их представляет имитации милиарисиев Константина X Дуки и Евдокии (1059–1067), а также Михаила VII и Марии (1071–1078). См. Бабаев 2009, 66–67; Чхаидзе 2012, 192.

³⁰ Сергеев 2001; Бабаев 2009, 41.

³¹ Чхаидзе, Атавин 2005, 351–352; Абрамзон и др., 2017, 19–20; Абрамзон, Сударев 2018, 84–85. 87.

за Бабаев 2009, 36-66.

СПИСОК СЛУЧАЙНЫХ НАХОДОК ИЗ КЕП (2020 г.)

І. ВИЗАНТИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ

Василий I Македонянин (867-886 гг.)

Константинополь, Василий I и Константин VII Ок. 868–879³³ / 871–876 гг.³⁴

AV Солид

- Л.с. **bASINIOSET CONSTANT'AVSS'b'**. Христос, в тунике и гиматии, сидит на небольшом троне со спинкой в форме лиры анфас; вокруг головы крестообразный нимб; правая рука поднята в жесте благословления; левой придерживает Евангелие, поставленное на левое колено.
- O. c. +IhSXPSREX RESNANTIUM **. Два бюста анфас; слева Василий I, с короткой бородой, одетый в лорум, на голове корона, увенчанная крестом; справа бюст поменьше Константин, безбородый, в хламиде, на голове корона с крестом; оба правыми руками держат длинный патриарший крест между ними.
- 1. Φ-20-10 4.229 19 Cp. DOC 3/2, 487. No. 2c.1. Pl. XXX, 2c.1; Fueg 3.C.2.

Херсон, Василий I, одиночное правление

Класс 4, 879-886 гг.35

ΑE

Л.с. В. Линейный ободок.

О.с. Крест флористический на двухступенчатом основании; по сторонам точки. Линейный ободок.

2. Φ-20-12 3.31 19 Cp. DOC 3/2, 505–506. No. 20.a.1–10. PI. XXXIII, 20.a.3, 9; Ahoxuh 1977, № 365.

Никифор II Фока (963-969 гг.)

Херсон ок. 963-969 гг.



 $^{^{33}}$ По классификации Ф. Грирсона (DOC 3/2).

³⁴ По: Füeg 2007.

 $^{^{35}}$ По классификации Ф. Грирсона (DOC 3/2).

3. Ф-20-13 2.94 19 Cp. DOC 3/2, 588. No. 9. Pl. XLI, 9; Анохин 1977, № 435–437.

Анонимные фоллисы

Класс В, 1030/35-1042 гг.³⁶

Л.с. [+∈мма NOVH∧]. Христос, бородатый, в тунике и гиматии, сидит на небольшом троне с квадратной спинкой анфас; вокруг головы – крестообразный нимб; правая рука в жесте благословления, в левой держит евангелие с обложкой, украшенной ♣•••, поставленное на левое колено. В полетитла: С и ХС.

IS XS

basile

O.c. **bAS IL**€. Крест на основании из двух ступеней; на концах перекрестий – точки.

4. Ф-20-16 5.76 27 Л.с. полностью стерта. Отверстие. Ср. DOC 3/2, 676, Nos. B.1 ff. Pl. LV, B.8, В.40, В.48, В.64.

Класс G, 1065-1070 гг. ³⁷

- Л.с. Христос, бородатый, в тунике и гиматии, анфас; вокруг головы крестообразный нимб; правая рука в складках плаща, в левой держит свиток. По сторонам титла: IC и XC.
- *О.с.* Бюст Богоматери Оранты, в тунике и мафории, анфас; вокруг головы нимб. По сторонам $\overline{M-P}$ $\overline{\Theta V}$.
- 5. Φ-20-17 3.94 26 Cp. DOC 3/2, 692, Nos. G.6, G.7, G.10, G.12, G.17. Pl. LXVI, G.6, G.7, G.10, G.12, G.17.

Анонимный фоллис / Трапезунд?

Класс М, 1080(?) г.³⁸ / тип V, 1080-1090 гг.³⁹

- Л.с. Христос, бородатый, в тунике и гиматии (колобионе), сидит на троне с квадратной спинкой анфас; вокруг головы крестообразный нимб; правая рука в жесте благословления, в левой держит евангелие. По сторонам титла: IC и XC.
- O.c. Украшенный драгоценными камнями латинский крест на большом полумесяце.
- 6. Φ-20-14 1.19 23 Cp. DOC 3/2, 705, No. M.1, Pl. LXVIII, M.1 = DOC 4/1, 430. No. 5.2; DOC 4/2. Pl. XXV. *5.2*.

³⁶ По классификации Ф. Грирсона (DOC 3/2).

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ По М. Хенди (DOC 4/1-2).

Никифор III Вотаниат (1078-1081 гг.)

Константинополь

1078-1081 гг.

Класс II

EL Гистаменон

- Л.с. Христос, в тунике и гиматии, сидит на небольшом троне с квадратной спинкой анфас; вокруг головы крестообразный нимб; правая рука в жесте благословления, в левой держит евангелие с обложкой, украшенной ♣••, поставленное на левое колено. В поле титла: С и ХС. Двойной точечный ободок.
- О. с. +NІКНФРДЕСП ТШКОТАNІАТ'. Император, бородатый, одетый в лорум, стоит анфас на подиуме, на голове корона с крестом и пендилией; в правой руке держит лабарум, в левой держава, увенчанная крестом. Двойной точечный ободок.
- 7. Φ-20-11 4.393 31 Cp. DOC 3/2, 825. No. 2. Pl. LXIX, 2.

II. ТМУТАРАКАНСКОЕ КНЯЖЕСТВО

Мстислав Владимирович (990/1010-1036 гг.)

Кон. 10 в. – ок. 1020-х гг.

AR, AE подражания милиарисиям Василия II и Константина VIII (977–989 гг.) 40

- Л.с. Крест с перекрестиями на трех верхних концах, украшенными точками. Посредине древка креста точка, окруженная полукругом снизу. В поле имитация бюстов Василия II и Константина анфас.
- О.с. Имитация пятистрочной легенды ряды точек.

8.	Ф-20-7	0.98	22	Bil. Два отверстия для пришивания.
				Ср. Сергеев 2012, № 539.
9.	Ф-20-8	1.28	22	AE. Cp. Бабаев 2009, 56, Тип IIIc-2;
				Сергеев 2012, № 556, 560.
10.	Ф-20-9	0.93	22	АЕ. Ср. Сергеев 2012, № 559, 570.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамзон М. Г., Остапенко С. Н., Сударев Н. И. 2018. Раннесредневековые монеты на торговом пути через Фанагорию (находки 2015–2017 гг.) // В. Д. Кузнецов, А. А. Завойкин (ред.), Материалы по археологии и истории Фанагории 3 (Фанагория 6). Москва, 6–34. Абрамзон М. Г., Сударев Н. И. 2018. Древнерусские и византийские монеты X–XI вв. из некрополя поселения Виноградный 7 // Средневековая нумизматика Восточной Европы 7, 81–90. Анохин В. А. 1977. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н. э. – XII в. н. э.). Киев.

^{40 № 5 –} серебро, № 6-7 – бронза.

- Бабаев К. В. 2009. Монеты Тмутараканского княжества. Москва.
- Булгаков В. В. 2000. Византийские амфоры IX–XIV вв.: основные типы // Восточноевропейский археологический журнал 4 (5) [Электронный ресурс. Код доступа: URL: http://archaeologe.kiev.ua/journal/040700/bulgakov.htm (дата обращения: 05.10.2018)].
- Зеест И.Б. 1966. Раскопки Гермонассы // Археологические открытия 1965 года. Москва, 129–131.
- Кузнецов В. Д. 1989. Отчет о работах Кепской экспедиции в 1989 г. Москва (Архив ИА РАН. Р-1, № 17259—17260).
- Кузнецов В. Д. 1992. Раскопки в Кепах в 1984–1989 гг. // Очерки археологии и истории Боспора. Москва, 28–44.
- Новичихин А. М. 2018. Номисма Никифора III Вотаниата из собрания Анапского археологического музея // С. Н. Малахов (ред.), АЕПТОN. Сборник статей в честь археолога А. В. Пьянкова. Армавир–Краснодар, 71–77.
- Паромов Я. М. 2003. Поселения и дороги на Таманском полуострове в VII–XIII веках. Хазарский период (VIII начало X в.) // Т. И. Макарова, С. А. Плетнева (ред.), Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века (Археология). Москва, 161–167.
- Парусимов И. Н. 2007. Воинские позднекочевнические погребения с левобережья и дельты Дона // Средневековые древности Дона. Москва-Иерусалим, 312–324.
- Пьянков А.В., Юрченко Т.В. 2016. О номисме Никифора III Вотаниата, найденной на Ильичевском городище // С.М. Малахов, С.Г. Немченко (ред.), Отрадненские историко-краеведческие чтения IV. Материалы Международной научной конференции, посвящённой 130-летию со дня рождения краеведа П.М. Галушко. Армавир—Отрадная, 34—38.
- Пьянков А.В., Юрченко Т.В. 2017. Номисма стамена Никифора III Вотаниата (1078—1081 гг.): из новых поступлений в КГИАМЗ // С.М. Малахов, С.Г. Немченко (ред.), Отрадненские историко-краеведческие чтения V. Материалы международной научной конференции, посвященной 160-летию основания станицы Отрадной Отрадненского района Краснодарского края. Армавир—Отрадная, 48—49.
- Сергеев А. Я. 2012. Монеты варварского чекана на территории от Балкан до Средней Азии. Каталог коллекции А. Я. Сергеева в ГИМ. Москва.
- Сидоренко В. А. 2015. Монетный клад времени Алексея I Комнина (1081–1118 гг.), найденный на античном поселении Ортли // История и археология Крыма II, 397–399.
- Сокольский Н.И. 1957. Отчет о раскопках в Кепах в 1957 г. Москва (Архив ИА РАН. Р-1, № 1493–1493а).
- Сорокина Н. П. 1969. Средневековые погребения из некрополя города Кепы на Таманском полуострове // В. П. Левашова (ред.), Экспедиции Государственного Исторического музея. Москва, 124–130.
- Толстой И.И. 1991. Византийские монеты. Вып. 13. Барнаул.
- Чхаидзе В. Н. 2006. Средневековое сельское поселение на городище Кепы // ДБ 10, 487-517.
- Чхаидзе В. Н. 2008. Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. Москва.
- Чхаидзе В. Н. 2012. Фанагория в VI-X веках. Москва.
- Чхаидзе В. Н., Атавин А. Г. 2005. Средневековые монеты из Фанагории (к вопросу о бытовании городища в X–XVIII вв.) // МИАСК 5, 348–358.
- Füeg F. 2007. Corpus of the Nomismata from Anastasius II to John I in Constantinople 713–976. Structure of the Issues, Corpus of Coins Finds, Contribution to the Iconographic and Monetary History. Lancaster–London.
- Sazanov A. 1997. Les amphores de l'Antiquité tardive et du Moyen Age: continuité ou rupture? Le cas de la mer Noire // La céramique Médiévale en Méditerranée. Aix-en Provence, 87–102.

И.В. Волков, Л.А. Голофаст

КЕРАМИЧЕСКИЕ НАХОДКИ 17–18 ВВ. ИЗ ФАНАГОРИИ*

Аннотация. В статье детально проанализирована небольшая коллекция керамики 17–18 вв., найденной в Фанагории в ходе раскопок на участке Нижний город в 2015–2016 гг. На основе подробного анализа карт Таманского полуострова 18–19 вв. и их соответствия реальной ситуации на полуострове на момент их составления определено местонахождения ближайшего к Фанагории поселения османского времени, которое, скорее всего, располагалось в юго-западной части современной станицы Сенной и было известно под названием Алибей. Немногочисленные находки керамики 17–18 вв. в Фанагории, скорее всего, являются результатом хозяйственного освоения территории его жителями.

Выделено несколько групп керамики, каждая из которых подробно проанализирована: дается подробная характеристика формовочной массы, подробное описание особенностей обжига, глазури, обработки поверхности, способы нанесения декора; детально рассматриваются особенности формовки; выделяются формы, характерные для каждой из них.

Наиболее многочисленны две группы. Для одной из них из-за отсутствия данных о ее происхождении предлагается временное название группы «Алибея» (рис. 10). Вторая группа, т. н. группа Юго-Восточного Крыма, хорошо известна по раскопкам различных памятников Крыма и Таманского полуострова, где она составляет абсолютное большинство находок (рис. 11–13). Остальные группы представлены единичными находками. В частности, один сосуд принадлежал широко распространенной на причерноморских памятниках золотоордынского времени т. н. «белоглиняной» поливной керамике (рис. 14. 1), которая судя по отсутствию в Фанагории других находок золотоордынского времени, продолжала бытовать без существенных изменений технологических признаков, по крайней мере, до 17 в. Одним фрагментом представлена неполивная керамика Нового времени (рис. 14. 2) группы «урн с горизонтальными ручками», повсеместно зафиксированная на поселениях Таманского полуострова. Конкретное место производства единственной найденной на участке курительной трубки в настоящее время определить крайне затруднительно.

Ключевые слова. Таманский полуостров, карты, селение Алибей, Фанагория, 17–18 вв., поливная керамика, курительные трубки, технологические особенности, проблемы происхождения.

I. V. Volkov, L. A. Golofast POTTERY OF THE 17th-18th CENTURIES FROM PHANAGORIA

Abstract. The article presents a detailed analysis of a small collection of the 17th–18th-century pottery found at the Lower City excavation site at Phanagoria in 2015–2016. The 18th-and 19th-century maps of the Taman Peninsula allowed locating the Ottoman settlement nearest to Phanagoria. Most probably, it was situated in the southeast part of the present-day village of Sennoi and known as Alibei. A few pottery artifacts of the 17th and 18th centuries found at Phanagoria could be the result of the activities of its inhabitants.

Based on the quality of clay, technology of kilning and glazing, and decoration techniques, several groups of pottery have been distinguished. Special attention has been given to specific features of pottery shaping and the forms characteristic of each group.

Two groups appeared to be the most numerous. One of them, since nothing of its origin is known, can be conventionally called the 'Alibei' group. The second one, the so-called group of the Southeast Crimea, is well-known from the excavation of different sites of the Crimea and the Taman Peninsula, where it considerably prevails. The other groups are represented by single finds. In particular, one vessel belongs to a group of white-clay glazed pottery, which is quite

^{*} Исследование выполнено в рамках НИР ИА РАН по теме «Археологические культуры евразийских степей и античный мир – контакты и взаимовлияния» (АААА-А18-118011790093-2).

common for the sites of the Golden Hoard period in the North Black Sea area. As there are no other finds of the Golden Horde time from Phanagoria, this type of vessels must have continued without any noticeable changes in technology to at least the 17th century. There is one fragment of the New Time unglazed vessel belonging to the group of 'urns with horizontal handles', which often occur among finds from the Taman settlements. The origin of the only ceramic smoking pipe ever found at Phanagoria is currently impossible to establish.

Key-words. The Taman peninsula, maps, Alibei settlement, Phanagoria, 17th–18th centuries, glazed pottery, smoking pipes, technological peculiarities, problems of origin.

В результате военных компаний 1475 и 1479 гг. Османская империя заняла Крым, вторглась на территорию Северо-Западного Предкавказья и захватила Таманский полуостров. На рубеже 15–16 вв. Порта развертывает в регионе сеть крепостей и опорных пунктов, в которых размещаются турецкие гарнизоны, а в Тамани базируется османский флот. На Таманском полуострове, включенном в систему административного деления Османской империи, находились Таманский и Адахунский санджаки, входившие в Каффинский эйялет. Только в 1783 г. Таманский полуостров был присоединен к Российской империи. 1

Следует отметить, что османский период в истории Таманского полуострова остается малоисследованным: описана часть надгробий конца 17–18 вв. из Тамани², опубликован керамический комплекс из слоя 17–18 вв. поселения Гаркуша³ и несколько комплексов 15–18 вв. из раскопок Тмутаракани.⁴ При охранных работах последних лет слои турецко-татарского времени фиксировались на многих памятниках полуострова.⁵ Что касается Фанагории, то к настоящему моменту опубликованы 16 фрагментов поливной посуды и 10 курительных трубок 16–18 вв.⁶, якорь, обнаруженный в акватории затопленной части города⁷, а также несколько монет 16–18 вв. турецкого и крымского происхождения.⁸ Иногда фиксировался слой нового времени.⁹

В 2015–2016 гг. в ходе исследований верхних слоев на раскопе «Нижний город» (рис. 1) была выявлена небольшая группа керамики 17–18 вв., хотя сам слой этого времени не выявлен. Следует отметить, что культурные слои Фанагорийского городища в значительной степени пострадали в результате строительной деятельности местных жителей в 19 и 20 вв., когда городище служило своего рода каменоломней, где добывали камень для нового строительства. В результате была нарушена последовательность напластований, и поздние предметы часто оказывались на определенной глубине. Именно этим объясняется довольно глубокое залегание некоторых из публикуемых фрагментов поздней керамики.

На территорию юго-западной части современного пос. Сенной выразительно приходится деревня (кишлак) Алибей, отмеченная на серии планов и карт. В частности, селение без подписи названия помещено на «Плане части Фанагорийского уезда» 10, скопированном инженером прапорщиком Петром Бекетовым (рис. 2). План восходит к русским съемкам времени занятия этой территории войсками под командованием А. Ф. Бринка и, возможно, отражает несколько более раннюю ситуацию. По общему контексту можно предположить, что протограф плана был сделан в 1770-х гг. Примечательно, что количество точек в окружностях, условно соответствующих домовладениям, достаточно велико – не менее 10. Это больше, чем в таманских деревнях, в целом и в ближайших поименованных на плане: Шемардан (7), Аджи кишласы (8), Шумукай (7).

Для датировки позднесредневековых памятников традиционно используются нумизматические материалы, что облегчается относительно узким периодом

¹ Некрасов 1990, 42, 73, 89; Приймак 1997, 15–21, 28–29, 49.

² Волков 2009, 51–52, рис. 1. *1–5*; Волков 2018, 104–109; Зайцев, Чхаидзе 2019, 40–56.

³ Волков, Петерс 2003, 251–253, рис. 7, 8.

⁴ Сударев, Майко 2015, 368–369, 370, 374, рис. 13. *8*; 15–17.

⁵ Паромов, 19936; Безуглов 2016; Белов и др. 2016; Каргин 2016; Кладченко, Горошникова 2017.

⁶ Чхаидзе 2012, рис. 126; 130. *17*, *72*; 139. *10–19.*

⁷ Кузнецов и др. 2003, 161, рис. 14.

⁸ Шелов 1962, 84, 99, 111, 116, 120, № 350, 353, 685, 946–954, 1064, 1158, 1163, 1181; Чхаидзе, Атавин 2005.

⁹ Паромов 1993а, 141.

¹⁰ РГВИА, Ф. 349, оп. 40, д. 4380.

Рис. 1. Космоснимок городища Фанагории, раскопы: 1 – «Верхний город»; 2 – «Нижний город»; 3 – Восточный некрополь



обращения гиреевского «серебра». Однако, в нашем случае отсутствие находок монет не позволяет определить дату существования деревни Алибей. Недоступны в настоящее время и материалы османских архивов. Поэтому предварительно приходится пользоваться немногочисленными нарративными и картографическими источниками.

К сожалению, описание Эвлии Челеби, касающееся Таманских островов, очень неполное и непоследовательное. ¹¹ Для нашего участка у него есть несколько фраз с хорошей географической привязкой, поскольку там упоминается сале Шан-Мерд (Шемардан), соответствующее центральной части поселка Приморский (поселение Приморский 23, по Я.М. Паромову ¹²), где, однако, средневеко-

¹¹ Волков 1999, 42–43.

¹² Паромов 1992, 61, 62, рис. 9.



Рис. 2. «План части Фанагорийского уезда» (РГВИА, Ф. 349, оп. 40, д. 4380)



вый слой выявлен не был. «На заливе Адахун [расположена] сале Шан-Мерд. Это черкесская деревня шахского острова. В пяти часах [ходьбы] от нее, опять [по направлению] к востоку, между заливом Адахун и Азовским морем мы нашли место, называемое Диль-бурун». Если судить формально, то за 5 часов движения на восток от пос. Приморский путешественник непременно должен был пройти мимо ЮЗ части современного Сенного. Казалось бы, это свидетельствует об отсутствии деревни в середине 17 в. Однако делать выводы на основании отсутствия сведений — путь ненаучный. К тому же попытки выстроить описание Эвлии, как последовательное 14, приводит к очевидным ошибкам. В частности, даже современный Таманский залив турецкий путешественник называет то озером, то заливом Адахун, то морем при условии, что Адахун у него — также и Кизилташский лиман. 15

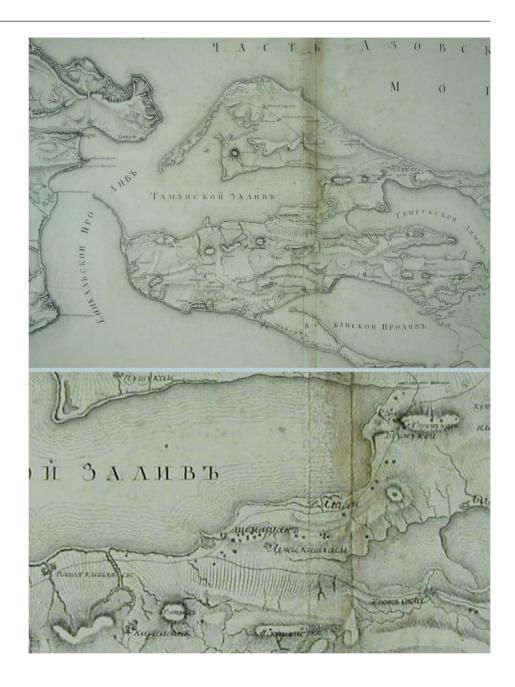
То, что номенклатура пунктов у Эвлии Челеби и на картах русского происхождения конца 18 – начала 19 в. существенно отличается, скорее свидетельствует о неточной передаче топонимики турецким путешественником. Тогда вполне может оказаться, что нашей деревне соответствует сале Рамазан-бей: «Здесь живет Мустафа-бей – старший сын Рамазан-бея. Эта деревня является

¹³ Эвлия Челеби 1979, 46.

¹⁴ Волков 1999, 53, рис. 1.

¹⁵ Эвлия Челеби 1999, 43, 45, 46.

Рис. 3. Фрагмент карты Еникальского пролива с частями Азовского и Черного морей



благоустроенным поселением на берегу озера, выплеснутого Черным морем. Мы ели здесь маринованные дыни и арбузы. Она не приписана к какой-либо области, хотя и расположена на Таманском острове. Потом [мы] прошли много благоустроенных деревень». ¹⁶ Но если строго следовать источнику, то у турецкого путешественника Алибей не упомянут.

Другой, также ненадежный путь датировки – это карты. Увы, информация на них запаздывает, иногда на значительный срок. И напротив, степень подробности морских карт часто бывала низкой, и существующие населенные пункты не обозначались.

Кроме уже упоминавшегося «Плана части Фанагорийского уезда» (рис. 2), близкого к первой инструментальной съемке, для датировки потенциально могут быть использованы и другие карты, на которых Таманский полуостров показан

¹⁶ Эвлия Челеби 1979, 45.



Рис. 4. Военная топографическая карта полуострова Крыма, составленная генерал-майором С. А. Мухиным в 1817 году (фрагмент). «Военная топографическая карта полуострова Крыма, составленная по новейшим астрономическим наблюдениям, исправленная и пополненная из лучших военных съемок, Свиты Его Императорского Величества по квартирмейстерской части Генерал-майором Мухиным 1816 года, по приказанию Г-на Генерал-адъютанта Князя Волконского 2-го во время управления Его оною частью». http://www.etomesto.ru/mapkrym 1817muhin/

на основе той же съемки 1770-х гг. Например, Алибей обозначен на «Карте Керчинского и Таманского полуострова с нанесением дорог и переправ», относимой к 1780-м годам. ¹⁷ Здесь также обозначены соседние Шемардан и Аджибеи кишласы. Показательна подробность: на водоразделах отмечены курганы. Алабей фигурирует также на «Карте Еникальского пролива с частями Азовского и Чёрного морей» ¹⁸ (рис. 3).

Прекращение жизни в деревне «шахского острова» на основании карт определяется условно. Самый яркий пример: на карте 1817 г. (лист А5) деревня Алабей значится как развалины (Алабеи раз:), хотя сохранены изображения домов (рис. 4). Здесь почти все населенные пункты времени турецкого владычества объяснены как развалины, и появились новые: Фанагория, Вышестеблиевское, Пересыпь, Татарское. Само обозначение старых деревень – результат копирования с простой редакторской добавкой «раз:».

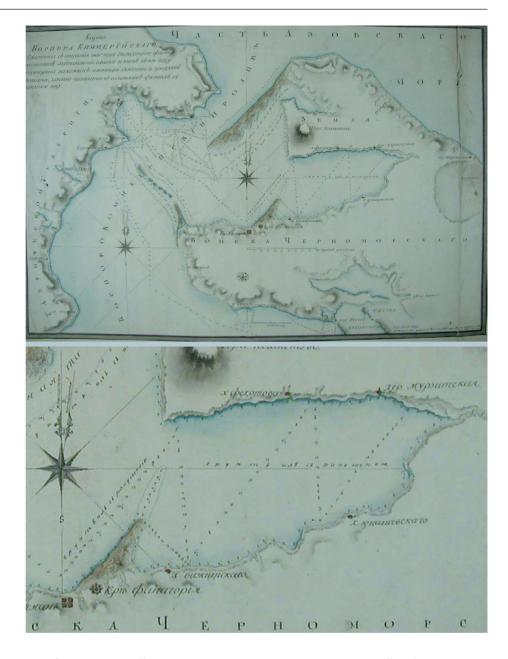
Но отсутствие обитаемых сел отмечалось и раньше. На рукописной «Карте Боспора Киммерийского» (Сочинена с описания 1803-го года экспедициею флота... и вновь в 1814 году...) старой хорографической номенклатуры вообще нет (за исключением Тамани) (рис. 5), а на побережье Таманского залива обозначены хутора, в частности, на месте Сенного (и турецкого Алибея) – хутор Юнашевского. ¹⁹ То есть и после запустения адыгской деревни место было обитаемым, но незначительно, и уже с другой культурой.

¹⁷ Васильев 2001, 17, 102, рис. 99; РГВИА, Ф. 422, д. 615.

¹⁸ Васильев 2001, 17; РГВИА, фонд ВУА, д. 23629.

¹⁹ РГВИА, фонд ВУА, д. 22907.

Рис. 5. «Карта Воспора Киммерийскаго. Сочиненная с описания 1803-го года экспедициею флота капитанов лейтенанта влита и вновь в 1814 году переверена на компас имеющий склонение 8. градусов западное, глубина назначена в аглинских футах в среднюю воду». (Васильев 2001, л.62; РГВИА, Ф. ВУА, д. 22907)



Однако при всей сложности интерпретации запаздывающей информации исчезновение деревни Алибей можно относить к еще более раннему времени. В Национальной библиотеке Франции хранится рукописная «Карта острова Тамань», датированная библиографами временем около 1820 г. (рис. 6). На ней, как дань традиции, обозначены многие населенные пункты времени османского владычества, но нашего Алибея нет. В действительности карта относится к значительно более раннему времени, когда Карл Иванович Габлиц интенсивно работал в этом регионе. ²⁰ Летом 1784 г. он объехал горную и степную части Крыма, а также «остров Тамань и едва осенью успел закончить... объезды». ²¹ В мае следующего года он получил отпуск, а «перед тем положил съездить еще раз на остров Таманъ для осмотра некоторых мест вверх по реке Кубани лежащих, коих прежде мне осмотреть не удалось, ... и провел там целый месяц» ²², а возвратился с острова Таман в конце июля. Таким образом, сбор материала этот автор проводил в 1784—1785 гг.

²⁰ Габлиц 1821, 19-23.

²¹ Там же, 19.

²² Там же, 22.



Рис. 6. Карта острова Тамань. Hablitz [K.I.] Carte de l'Isle de Taman Levée par Mr Hablitz [Document cartographique manuscrit] // http://catalogue.bnf.fr/ark:/12148/cb40665228w; ark:/12148/btv1b8492735s (дата обращения 25.09.2019)



В его опубликованных работах об этом регионе²³ обнаружить эту карту не удалось. Время окончания его основной работы по теме определяется более точно – 1787 г. Сведения об этом содержатся в подготовленной Евгением Болховитиновым публикации его «Плана развалинам древнего Херсона», входившего в подборку неопубликованных до того картографических произведений. «Так покойный К.И. Габлиц описал следы древнего города Херсона и окрестностей оного. Он снял в 1786 году и топографическую карту со следов сих, которую вместе с историческим своим описанием всего Крыма, сочиненным по повеленью императрицы Екатерины II, поднес ей в Крыму же 1787 года. Книга сия и все при ней приложенные карты осталися не изданными; а сочинитель в списках только сообщал их многим своим приятелям. В 1808 году и я получил от него таковую топографическую карту с описанием оной, которая полезна может быть не только любопытным посетителям тех мест, но и для исторических изследований. Карта сия с описанием здесь прилагается». 24 Таким образом, карта из Национальной библиотеки Франции должна была входить в неопубликованное сочинение К.И. Габлица с историческим описанием Крыма, а окончание работы над ней следует относить именно к 1787 г. Не обозначенный на карте Алибей к этому времени, вероятно, запустел.

Подтверждает это и «Карта снятая по инструменту Фанагорийского уезда, 1786 г.» с южной ориентировкой²⁵, где нет обозначения Алибея, но на месте центральной части современного Сенного показана небольшая деревня с плохо

²³ Например, Габлиц 1785; 1803.

²⁴ Габлиц 1822, 13.

²⁵ Васильев 2001, 17, 100, рис. 97; РГВИА, д. 25887.

Рис. 7. «Карта снятая по инструменту Фанагорийского уезда, 1786» (Васильев 2001, л.17, 100, рис. 97; РГВИА, д. 25887)



читаемым названием «Макры», не обозначавшаяся на произведениях, восходящих к первой съемке (рис. 7).

Алибей все же встречается на более поздних картографических произведениях. Например, «Карта составленная в области Фанагорийского уезда, 1792 г. » имеет обозначение Алибея (рис. 8), что, вероятно, свидетельствует о ее копировании с существенно более раннего протографа.²⁶

Другой пример – «Подробная милитерная карта по границе России с Турциею» 1800 г., выполненная в императорском депо карт, показывает здесь малую деревню (рис. 9). Впрочем, было бы странно, если бы использовался знак «большой деревни», увенчанный крестом, в землях с мусульманским и языческим населением. Существенно же то, что это «монументальное» картографическое произведение, при составлении которого было трудно прове-

²⁶ Васильев 2001, 17, 101, рис. 98; РГВИА, фонд ВУА, д. 21468.

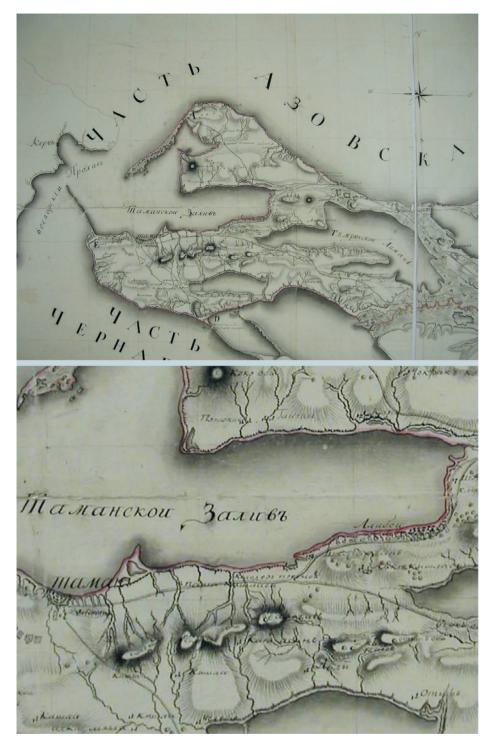
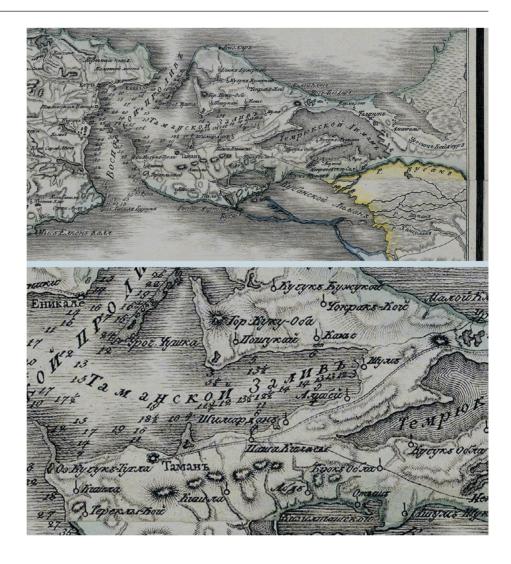


Рис. 8. «Карта составленная в области Фанагорийского уезда, 1792 г.» (Васильев 2001, л.17, 101, рис. 98; РГВИА, Ф. ВУА, д. 21468)

рить соответствие современности каждого участка, а отсутствует наш населенный пункт на картах специальных, созданных при непосредственной работе на месте.

Таким образом, с высокой степенью вероятности позднесредневековые материалы с поселения можно относить ко второй половине 17–18 вв. Наличие слоя развитого средневековья (золотоордынского времени) на памятнике крайне сомнительно, поскольку полуостров в этот период не был плотно заселен.

Рис. 9. «Подробная милитерная карта по границе России с Турциею, сочинена и гравирована при собственном его императорского величества депо карт. Часть 1-я. Его императорскому величеству всеподданнейше преподносит адмирал граф Кушелев. 1800 года» http://www.etomesto.ru/map-krym 1800-militernaya/



Надо полагать, немногочисленные находки керамики 17–18 вв. – лишь результат хозяйственного освоения территории жителями соседних селений, общее количество которых в ближайшей округе в это время было весьма велико. После Великого переселения народов было только четыре периода с сопоставимым количеством населенных пунктов: хазарское время (8–10 вв.), эпоха Тмутараканского княжества (11 в.), 17–18 вв. и 20 в. (в 20 в. за весь интервал количество населенных пунктов было больше, чем в текущем столетии). В золотоордынское время поселений здесь было совсем немного, а в остальные периоды они вообще единичны.

При характеристике керамического комплекса памятника рационально в первую очередь выделить местную продукцию. Для сельского поселения, даже крупного, это проблематично, поскольку все потребности в керамической посуде могли быть решены за счет торговых поставок, особенно если поселок находится на морском побережье. К тому же в коллекцию отобраны почти исключительно поливные изделия, а это в общем случае – городская продукция. Осознавая, что местное производство поливной керамики здесь почти невозможно, рассмотрим группу, которая представлена на памятнике в значительном количестве.

Группа «Алибея» (рис. 10).

Эта группа импортной поливной керамики встречена на городище Фанагории впервые. По крайней мере, обнаружить описанных изделий в публикациях не удалось.

Остановимся на названии группы. Источником группы является явно не таманская деревня. Но название все же требуется. И решают вопрос о наименовании разными способами. Лучше всего, если мы знаем источник поступления керамики и называем ее по экспортеру. Можно просто давать номер или буквенное обозначение, но такое название оказывается совершенно безликим, не дающим никаких оснований для определения происхождения. Часто за неимением данных называют по месту находки. Всем известны «тип Инкерман» или «Солоха II» и др. Со временем такие названия могут получать совершенно конкретное определение, но иногда это затруднительно. Сказать «какая-то Малая Азия» или «какая-то Эгеида» едва ли правильнее, чем использовать названия по месту первоначальной находки.

Иногда оказывается, что имеющиеся находки просто невозможно сопоставить с опубликованными материалами. Например, на памятниках Приазовья встречается устойчивый импорт 12 в., временно называвшийся группой Казачьего Ерика, который в действительности оказался продукцией Херсона, но выполнить это сопоставление по публикациям без натурного знакомства было невозможно. При достаточном количестве опубликованных целых форм и представительных фрагментов из Херсонеса, никто не отметил выразительный признак, позволяющий определять группу по фрагментам стенок: следы выбивания колотушкой на внутренней поверхности. Но в качестве рабочего инструмента название «группа Казачьего Ерика» временно имело пользу: экспортера надо было искать среди причерноморских памятников предмонгольского времени, но не из самых значительных.

Иногда название группы дается по наиболее характерной форме сосудов, например, группа «урн с горизонтальными ручками», хотя ассортимент группы значительно шире, чем сами «урны». Это было весьма полезно, поскольку очень характерная форма, не имеющая аналогий в других группах, сразу давала возможность по отдельным находкам получить технологическую характеристику группы в целом.

Напротив, неудачны названия групп по морфологическим признакам, если они не являются исключительными, свойственными только одной группе. Например, название «группа горшков с рельсовидными венчиками» неудачно не только потому, что в группе кувшинов не меньше, чем горшков. Главное, что аналогичные, отдаленно напоминающие рельсы венчики встречаются также в продукции групп «Юго-Восточного Крыма» и «урн с горизонтальными ручками». ²⁷ И.В. Тесленко посчитала, что «урны» и горшки входят в одну и ту же группу, но, на наш взгляд, оснований для этого недостаточно, поскольку они существенно отличаются по базовым признакам. Сама характеристика по форме венчика не дает никаких оснований для определения происхождения группы. Наличие этой импортной группы в количестве приблизительно 1/3 всего керамического комплекса на могильнике Черный Ерик-1 с узкой датой (15 в.) дает основания для поисков экспортера: это должен быть крупный ремесленный центр, связанный с генуэзцами, контролировавшими внешнюю торговлю морского побережья района дельты Кубани.

Однако у такого наименования есть противники. Например, И.В. Тесленко посчитала, что «И.В. Волков предложил называть эту группу «Черный Ерик»

²⁷ Каргин 2016, рис. 7. *1, 2*; 9. *1, 3, 4, 6, 7, 9.*

Рис. 10. Керамика группы Алибея. 1 — донная часть большой тарелки (внутри поддона) с изображением рыб, из трех фрагментов: 2015, Б3/11; случайная находка; А3/12; 2 — венчик горшка, 2016, Д6/14; 3 — поддон крупной тарелки, 2016, Об. 10/13; 4 — венчик тарелки, 2015, Γ 2/11; 5 — венчик тарелки, 2016, B5/13; 6 — стенка горшка или кувшина, 2015, случайная находка



(сокращенно ЧЕ) по месту находки кувшина на одноименном могильнике в плавнях Кубани. В Однако ареал распространения (sic!) этой керамики значительно больше плавней легендарной реки, а первые находки, на которые обратили внимание археологи, отмечены примерно за полвека до того на территории Крыма. Поэтому справедливо будет воспользоваться названием «группа горшков с рельсовидными венчиками (ГРВ), что устоялось в среде крымских археологов». 29

В данном случае мы имеем дело с классическим примером непонимания того, что было написано, и почему дано именно такое название. ³⁰ Название дано не по мелкому ерику, вовсе не легендарному, а по огромному адыгскому могильнику, связанному с крупным племенным центром 15 в. На курганах (в могилах и насыпях) эта группа импорта составляет приблизительно треть всей керамики, почти столько же, сколько и группа Юго-Восточного Крыма. То есть это вовсе не один кувшин, а огромная доля керамического импорта. О ее местном происхождении речь вообще не шла, поскольку общий технологический уровень неизмеримо выше, чем в гончарстве адыгов. Наименование важно для поисков потенциального источника группы. Внешние связи территории почти полностью контролировали генуэзцы. Следовательно, источником группы должен быть какой-то центр, находящийся в активной связи с генуэзцами, переживший в 15 в. значительный подъем по сравнению с 14 в., т.к. на памятниках степной зоны золотоордынского времени этой группы просто нет. И пока источник не определен, такое название лучше, чем «группа горшков с рельсовидным венчиком».

Возвращаясь к нашей группе, повторимся, что наименование ее группой Алибея – временное, оно может использоваться до того момента, когда будет установлен ее экспортер.

Формовочная масса имеет определенное сходство и с группой Юго-Восточного Крыма, и с группой «тазов на ножках». Но и отличия весьма показательны. Цвет черепка красный, с бурым оттенком, темный, какой обычен у русского кирпича 17–18 вв. В составе формовочной массы присутствует некоторое количество мелкого шамота; в составе глины мало мелкодисперсной фракции (по сравнению с группой ЮВК). Песок в составе невооруженным взглядом не виден, но поверхность шероховатая из-за недостатка мелкодисперсной массы. При этом фактура формовочной массы значительно более мелкозернистая, чем у группы «тазов на ножках».

Как и всякая поливная керамика она выполнена на этапе около РФК-7.³¹ По имеющимся фрагментам сложно сказать, налепными или вырезными были поддоны. Однако на обоих фрагментах нижней части хорошо видны следы срезания глины деревянным (?) гончарным ножом (рис. 10. 1A). При этом край поддона имеет характерный желобок в средней части, каким часто сопровождаются «сплющенные» поддоны группы Юго-Восточного Крыма, и на этой части просматриваются следы заглаживания мокрой рукой (рис. 10. 3).

При вытягивании на круге обычно не остается следов «анатомического» строения керамики. Однако посуда этой группы, видимо, могла вытягиваться по частям, поскольку на одном фрагменте венчика видна явная плоскость спая с наложением верхнего элемента изнутри (рис. 10. 4A).

Глазурь нанесена без ангоба, непосредственно на глиняную основу. Самой характерной особенностью группы являются точечные образования глазури на поверхности (рис. 10. 1, 4, 6). На участках, не покрытых поливой целенаправленно, присутствуют бессистемно образовавшиеся округлые пятна глазури, иногда с потеками от большего количества стекловидной массы, в центре каждого

²⁸ Волков 2007.

²⁹ Тесленко 2011, 60: «І.В. Волков запропонував називати цю групу кераміки «Чорний Єрик» (скорочено ЧЄ) за місцем знахідки глека на однойменному могильнику в плавнях Кубані (Волков 2007). Проте ареал поширення цієї кераміки значно більший за плавні легендарної річки, а перші знахідки, на які звернули увагу археологи, відзначені приблизно за півстоліття до того на території Криму. Через це справедливіше буде скористатися назвою «група горщиків з рейкоподібними вінцями» (ГРВ), що усталилася в середовищі кримських археологів».

³⁰ Волков 2007, 31–32.

³¹ РФК – Развитие Функций гончарного Круга

из которых присутствует углубленная фасетка. Очевидно, что глазурь образовывалась из частицы, располагавшейся в керамической основе у поверхности.

При этом в изломах пятен расплава глазури не замечено, за исключением одного места, где слой глазури лежит на линии спая элементов (упоминавшийся венчик этой чаши был вытянут из отдельной порции глины), а ее поверхность – глянцевая, сформировавшаяся без контакта с соседним элементом (рис. 10.4A). Здесь, надо полагать, часть стенки откололась еще между первым и вторым обжигом. Такое явление для группы не является исключительным: на фрагменте поддона одной из тарелок оказался скол, на края которого глазурь наплыла во время второго обжига (рис. 10.3). В целом, особенности нанесения глазури не вполне понятны.

Декор может показаться примитивным. Для него использовалась гравировка, которая при отсутствии ангоба давала линии со слабым контрастом. Наиболее распространена волна (рис. 10. 1, 4, 5), которая часто приближается к ломаной линии (рис. 10. 1, 4). Выделяется большая тарелка с более сложным сюжетом в центральной части: из центра расходятся три ломаных волны, а в каждом образовавшемся секторе — грубое изображение рыбы (рис. 10. 1). Столь примитивные образы, скорее, свидетельствуют о происхождении группы из какой-то провинции Османской империи.

Фрагментарные материалы показывают, что ассортимент группы не ограничивался чашами и тарелками. Один фрагмент принадлежит горшку (рис. 10. 2), один — закрытому сосуду (скорее всего, кувшину) (рис. 10. 6), остальные — разным видам тарелок (рис. 10. 1, 3-5). Одна из них — очень большая: склеенный из трех фрагментов кусок относится к части дна только внутри поддона, что соответствует внутреннему диаметру не менее 14 см. Остальные тарелки — обычных для разных групп этого времени форм.

Путь к определению экспортера – статистика находок доступных памятников позднего средневековья и нового времени. Точных аналогий пока найти не удалось. Ориентироваться приходится на изданные фотографии, которые в удовлетворительном для определения качества виде стали появляться совсем недавно. Сосуды со сходной «пятнистой» поливой встречаются на памятниках раннего средневековья на Балканах, в Болгарии и Румынии. Однако вовсе не гарантировано, что там эта поливная керамика была местной; так же маловероятно, что особенная примитивная традиция глазурования сохранялась в одном очаге гончарства более семи веков. Искать место производства этой группы следует в первую очередь в Турции того времени, в тех местах куда эмигрировало население Таманского полуострова после его (и Крыма) присоединения к России.

Группа Юго-Восточного Крыма ожидаемо составляет абсолютное большинство находок (рис. 11–13). Эта группа многократно описана на материалах золотоордынского времени.³³ Отмечены ее особенности для более позднего времени.³⁴ На Таманском полуострове ее находят на всех поселениях 17–18 вв.³⁵

Группа представлена стандартным набором продукции, характерным для этого времени. Формовочные массы – с примесью шамота, отдельными известковыми зернами, часто образующими на поверхности фасетки, и специфическими по форме порами. Сплошной обжиг имеет очень светлый цвет, причем в процессе сушки и обжига на внешней поверхности образовывалась тонкая еще более светлая прослойка толщиной до 0,05–0,2 мм. Керамика этой группы с таким светлым цветом традиционно приписывается Каффе. Объясняется

³² Борисов 2007; Diaconu, Vilceanu 1972, 265–266.

³³ Волков 1992; Масловский 2006, 355–371; Бочаров, Масловский 2015, 189–190.

³⁴ Волков 1989, 38; 1998а; 19986; 2005; 2006; 2007; Каргин 2016, 105–109.

³⁵ Паромов 1992; Безуглов 2016, 15, рис. 4. *7*; Горошников, Кладченко 2015, 25, рис. 3. *2–11*; Белов, Горошников, Раев, Шаров 2016, 29, рис. 8, *2–11*; Кладченко, Горошникова 2017, 93, 94, рис. 1. *10–13*, *16–18*; 2. *1–5* и др.

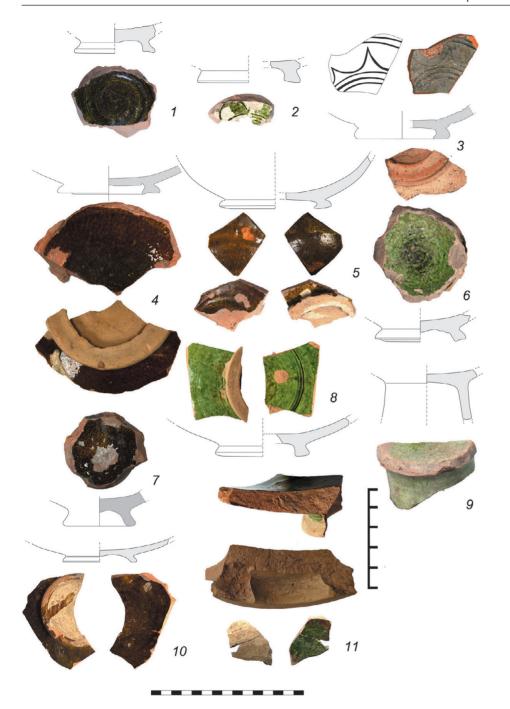
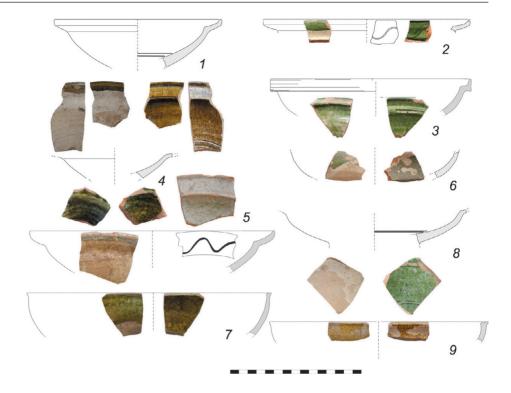


Рис. 11. Керамика группы Юго-Восточного Крыма. 1-2016, Д7/14; 2-2016, случайная находка; 3-2015, И2/7; 4-2015, К5/10; 5-2015, И4/10 (2 фрагмента); 6-2016, В5/13; 7-2015, И3/8; 8-2015, Ж5/12; 9-2016, К2/8; 10-2016, Д6/14 и Д7/15 (2 фрагмента); 11-2015, И3/8

это немногими светлыми экземплярами из раскопок гончарной печи в Феодосии и светлым цветом большей части продукции группы в 17–18 вв.

Глазури имеют существенное отличие от золотоордынских, применявшихся для этой группы. Они обычно имеют неровный фон и сама масса фритты недостаточно измельчена и промешана. Прежде для характеристики использовалась формулировка «грязные глазури» и «вытертые ангобы». Свойства подготавливаемых фритт, видимо, устраивали мастеров этого времени, поскольку при минимальном количестве гравировки и незначительной ее контрастности поверхность получалась не совсем однотонной. При этом для растирания стекла

Рис. 12. Керамика группы Юго-Восточного Крыма. 1-2015, 34/12; И6/15; 2-2015, 37/12; 3-2015, Ж5/10; 4-2015, 37/12; 5-2015, K5/10; 6-2017, 37/17; 7-2015, K4/10; 8-2015, E5/10; 9-2016, K8/13



требовалось значительно меньшее количество труда, фритту можно было делать более тугоплавкий или же проводить второй обжиг при более низкой температуре. Кажущаяся современному зрителю неаккуратность исполнения во многом напоминает такие варианты китайских глазурей на фарфоре, как «заячий мех» или «снежная буря», «грудь куропатки», получаемых целенаправленно.

Практически полное вытягивание изделий этой группы на круге дает мало информации об «анатомическом» строении сосудов. Заглаживание поверхности мокрой рукой на заключительном этапе формовки также сопровождается небольшим количеством особенных черт. Все же отметим некоторые характерные признаки. Господствующие в 17–18 вв. на сосудах открытых форм «сплющенные» кольцевые поддоны явно получались путем наклеивания кольца на перевернутое частично сформованное на круге изделие. При этом внутренняя плоская часть поддона всегда заглажена мокрой рукой. Реконструировать последовательность формовки при таком наборе признаков затруднительно, поскольку оказывается, что центровку на круге надо было проводить 3 раза: вытягивание основы, переворот и наклеивание поддона, переворот и гравировка и обработка венчика.

Первоначально должна была получаться на этапе РФК-7 плоскодонная чаша. Затем ее требовалось перевернуть, сцентрировать, наклеить кольцо поддона и сформовать из него поддон. Затем требовалось опять перевернуть изделие и окончательно сформовать венчик, в процессе чего поддон сминался и приплющивался. Схема представляется неоправданно трудоемкой, но все же исходить приходится не из наших представлений о целесообразности, а из технологических признаков, имеющихся на чашах. Возможно, второго переворота не было, но на краях венчика (к сожалению, под поливой) не удалось заметить следов установки на горизонтальном круге, которые должны были появляться при наклеивании кольца. С другой стороны, на поддонах также нет выразитель-

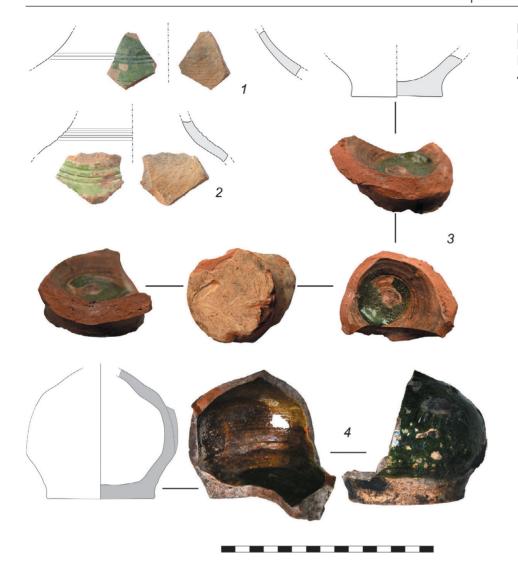


Рис. 13. Керамика группы Юго-Восточного Крыма. *1* – 2015, E5/10; *2* – 2016, Ж6/14; *3* – 2015, Д5/11; *4* – 2015, И4/9

ных следов установки на плоскости, а только правильные ротационные борозды от мокрой руки. Также допустимо, что после частичной подсушки поверхность дополировывали на круге или без него.

Кувшины – плоскодонные (с незначительной вогнутостью), со следами срезания нитью с круга. Отсутствие у них поддонов объясняется технологией. Закрытые сосуды нельзя размещать в горне, располагая один в другом, как чаши, поэтому и нет необходимости делать поддон, сокращающий область контакта соседних сосудов.

Можно говорить о еще двух подгруппах продукции Юго-Восточного Крыма (кроме описанной) на основании «субстратных» технологических признаков, на основании формы и способа получения поддона. Одну составляют сосуды на высоких поддонах, но без признаков «сплющенности». Вероятно, при такой форме поддоны вытягивались отдельно, а затем приклеивались после непродолжительной подсушки (рис. 11. 9). Вторую – низкие поддоны чаш без признаков налепливания. Возможно, они получались путем вырезания полости при вращении перевернутой чаши. Но более вероятно, что это просто иная традиция оформления нижней части (рис. 11. 10).

«Белоглиняная» поливная керамика представлена двумя фрагментами дна одного горшка (рис. 14. 1). Группа широко представлена на причерноморских памятниках золотоордынского времени, описана А. Н. Масловским 36, причем атрибутирована как византийская (группа 16). Аргументация для такого определения на тот момент не была представлена совершенно, и остается догадываться, что это тот очевидный факт, что белоглиняная поливная керамика производилась в Византии уже с 7 в. Такая позиция имеет право на существование как предположение. При этом надо учитывать, что технологический уровень расписной керамики 10–11 вв. несопоставимо выше. Существенны и отличия по видимым невооруженным взглядам технологическим признакам. К сожалению, без определения конкретного места или области производства довольно сложно относить эту группу к продукции Византии, поскольку площадь империи в 14 в. существенно сократилась. Совсем нелепым было бы называть византийской керамику, найденную на памятнике 17–18 вв.

Как уже говорилось, вероятность находки керамики золотоордынского времени невелика: сопутствующих более близких импортов должно было бы быть на порядки больше. Если исходить из общей даты позднего слоя, то придется констатировать, что группа продолжала бытовать (сохранялось производство) по крайней мере, до 17 в. без существенных изменений технологических признаков. Действительно, наиболее вероятный источник – современные Турция, Греция и другие Балканские страны (что приблизительно соответствует территории Византии периода расцвета при Македонской династии). На текущий момент оснований для более точной локализации нет.

Находки неполивной керамики нового времени представлены только одним венчиком кувшина с прилепом ручки (рис. 14. 2), относящимся к группе «урн с горизонтальными ручками». Группа была многократно описана, что, впрочем, не решает проблемы ее происхождения. На поселениях таманского полуострова она зафиксирована повсеместно. Здесь можно только добавить, что наименование эпонимных сосудов урнами было сделано довольно случайно: так они были названы в Каталоге Новочеркасского музея, который не являлся вполне научным и качественным изданием. Есть все основания полагать, что на территории Османской империи их называли кюпами (кüp), а в варианте французской транскрипции они фигурируют в трактате Шарля Пейсонеля как куфы. В современном азербайджанском языке кюпами обычно называют очень крупные сосуды типа хума или пифоса, что привычно для археологов. Однако в турецком, надо полагать, это сосуды меньшего размера. До некоторой степени об этом можно судить по «Трактату о торговле на Черном море» Шарля Пейсонеля. Из него следует, что в сосудах с этим названием могли перевозить зерно: «от 500 до 600 куф (coffes) риса из Каира и Филиполи по 2 пиастра за кило». 38 Если керамическую тару использовали для перевозки зерна, то резонно предполагать, что это был объем, переносимый одним человеком. Кстати, это косвенная подсказка направления импорта: если рис в кюпах везли из Пловдива (Филиппополя), то и тару должны были производить неподалеку.

Существенно еще одно место из перечисления импорта в Черкесию, оставленное отечественным издателем без перевода: «1000 cauffes de noix de Pipes из Константинополя по 500–600 noix la cauffe». В На наш взгляд, эта фраза переводится довольно просто, и среди поступающих в год товаров указаны «1000 куф орехов (т.е. головок, насадок) курительных трубок из Константинополя по 500–600 головок в куфе». Зная размер курительных трубок из Константинополя, легко понять,

³⁶ Масловский 2006, 401–403, рис. 37. *1–7.*

³7 Там же, 401–403; 2012, 131–133.

³⁸ Адыги... 1974, 193.

³⁹ Там же, 194.

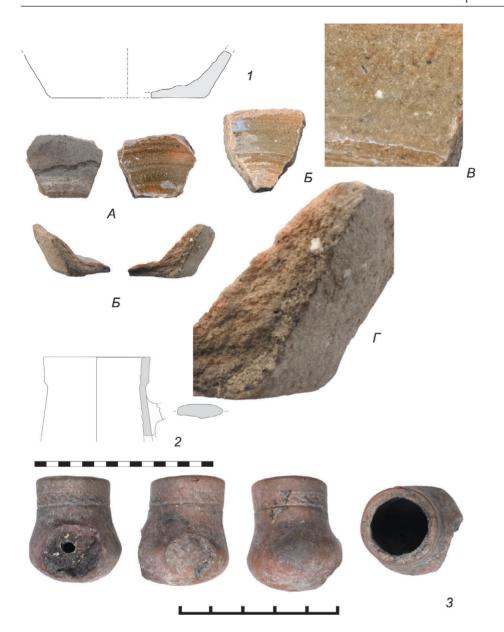


Рис. 14. 1 – Дно горшка группы «византийской белоглиняной» керамики, 2015, Ж5/12; 2016, Г5/15 (2 фрагмента); 2 – венчик с прилепом ручки кувшина группы «урн с горизонтальными ручками», 2015, И3/7; 3 – фрагмент «розовоглиняной» курительной трубки, случайная находка

что вместилищем для 500-600 штук даже с прокладками был не очень большой сосуд, вполне соответствующий имеющимся «урнам» (кюпам).

На участке раскопа «Нижний город» встречена только одна курительная трубка из светло-коричневой с розоватым оттенком глины с оттиском штампамеандра вдоль венчика (рис. 14. 3). Даже по фрагменту заметна существенная асимметрия малого клина, что в сочетании с формой позволяет отнести изделие к продукции какого-то причерноморского центра, поставлявшего существенную часть трубок на памятники 17–18 вв. Они встречены на поселении Гаркуша (античном Патрее, татарско-адыгском кишлаке Пушукай). Ч. Р. Гусач выделяет их в группу бежевоглиняных, но в представительной серии находок из Азова также не нашлось ни одной точной аналоги нашей трубке.

Определить конкретное место производства трубок этой группы в настоящее время затруднительно. К сожалению, пока основным письменным источником является «Трактат о торговле на Черном море» Шарля Пейсонеля. «В Крыму

⁴⁰ Волков, Петерс 2003, 261, рис. 8. *1*, *3*, *5*.

⁴¹ Гусач 2016, 54–56.

употребляют только два сорта трубок: первый называется тахта-чубук и привозится из Константинополя с мундштуком из слоновой кости и отделанными краями; другим сортом являются трубки из Гермечека и Гайгема (местонахождение не выяснено — В. К. Гарданов), сделанные из вишневых деревьев и розовых кустов; наибольшая их часть привозится из Молдавии; ежегодно продается более 200 000 трубок от 1 до 10 пара за штуку. Ногайцы и черкесы употребляют их в удивительно большом количестве. Ценных трубок, сделанных из жасмина и с мундштуком из амбры и др., не бывает в продаже; их привозят только в качестве подарков или по заказу». 42 Как выглядели константинопольские трубки можно считать установленным. 43 Второй по распространенности фасон можно связывать с мелкими трубками с клеймом в виде птички. Для нашей группы остается Молдавия. К сожалению, такое доказательство предполагает много допущений и надежным считаться не может.

Малочисленность находок нового времени в Фанагории никак не уменьшает их важность. Возможно, они будут ключом к определению особенной группы поливной керамики.

ЛИТЕРАТУРА

- Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. 1974. Составление, редакция переводов, введение и вступительные статьи к текстам В.К.Гарданова. Нальчик.
- Безуглов С.Й. 2016. Поселение Волна I: позднеримское время и эпоха средневековья // Н.В. Волкодав (ред.), Охрана и сохранение археологического наследия Тамани при реализации строительства Таманского терминала СУГ и нефтепродуктов (Материалы археологической научной конференции). Краснодар, 7–15.
- Белов М. А., Горошников А. В., Раев Б. А., Шаров О. В. 2016. Опыт комплексного исследования пастушеских поселений нового времени на Таманском полуострове (по материалам раскопок аула Тереклыкой) // Н. В. Волкодав (ред.), Охрана и сохранение археологического наследия Тамани при реализации строительства Таманского терминала СУГ и нефтепродуктов (Материалы археологической научной конференции). Краснодар, 16–31.
- Борисов Б. 2007. Поливная посуда с рельефной и скульптурной орнаментикой из Юго-Восточной Болгарии // Поливная керамика Восточной Европы, Причерноморья и Средиземноморья в X—XVIII вв. II международная научная конференция (Тезисы докладов). Ялта, 8–11.
- Васильев А.Г. 2001 Отчет по археологическим работам 2001 года северо-западной части Таманского залива Краснодарский край (Отраслевой архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1, № 24305).
- Волков И.В. 1989. Хронология турецких слоев Азова (XVI–XVIII вв.) // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1988 году (Тезисы докладов). Азов. 37–39.
- Волков И.В. 1992. Керамика Азова XIV—XVIII вв. (классификация и датировка). Автореферат дисс. канд. ист. наук. Москва.
- Волков И.В. 1994. Турецкие курительные трубки из Анапы и трактат Шарля Пейсонеля «О торговле на Черном море» // Б. А. Раев (ред.), Античная цивилизация и варварский мир (Тезисы докладов). Новочеркасск, 40–42.
- Волков И.В. 1998а. Керамический комплекс крепости Лютик (Сед-Ислам), 1667–1742 // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья в X–XVIII вв. по материалам поливной керамики (Тезисы докладов). Симферополь, 60–64.

⁴² Адыги... 1974, 184.

⁴³ Волков 1994, 40–42.

- Волков И.В. 1998б. Закрытый комплекс турецкого времени (1641—?) из Азова // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья в X—XVIII вв. по материалам поливной керамики (Тезисы докладов). Симферополь, 64—68.
- Волков И.В. 1999. Таманские острова в «Книге Путешествия» Эвлии Челеби // Древности Кубани 15. Краснодар, 40–61.
- Волков И.В. 2005. Крепость Лютик Сед-Ислам (предварительное сообщение и керамический комплекс) // С.Г. Бочаров, В.Л. Мыц (ред.), Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Т.І. Киев. 482–492.
- Волков И.В. 2006. Закрытый комплекс турецкого времени из Азова // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2004 г. 21. Азов, 473–517.
- Волков И.В. 2007. Поливная керамика могильника Черный Ерик-1 // Поливная керамика Восточной Европы, Причерноморья и Средиземноморья в X—XVIII вв.». Т. II. Международная научная конференция (Тезисы докладов). Ялта, 26—32.
- Волков И.В. 2009. Турецкая эпиграфика из Таманского археологического музея // Пятая кубанская археологическая конференция (Материалы конференции). Краснодар, 50–52.
- Волков И.В., Петерс Б.Г. 2003. Средневековый керамический комплекс поселения Гаркуша // Материалы и исследования по археологии Кубани 3. Краснодар, 244–261.
- Габлиц К. 1785. Физическое описание Таврической области, по ее местоположению, и по всем трем царствам природы. Санкт-Петербург.
- Габлиц К. 1803. Географические известия, служащие к объяснению прежнего состояния нынешней Таврической губернии, собранные из разных древних и средних времен писателей, с тремя картами. Санкт-Петербург.
- Габлиц К. И. 1821. Краткое описание жизни и службы тайнаго советника, сенатора и разных орденов кавалера Карла Ивановича Габлица // Сын Отечества XLIII, 97–112; XLIV. 145–165.
- Габлиц К. И. 1822. О следах древняго греческаго города Херсона, доныне видимых в Крыму // Отечественные записки 9, кн. 22, 145–163.
- Горошников А. А., Кладченко О. В. 2015. Керамика турецкого времени поселения «Волна-12» на Тамани // Г. Г. Матишов (ред.), Крым в войнах России (Материалы Всероссийской научной конференции). Ростов-на-Дону, 20–25.
- Гусач И.Р. 2016. Курительные трубки из раскопок османской крепости Азак. Каталог курительных трубок // Курительные трубки из раскопок османской крепости Азак (по материалам фонда археологии Азовского музея-заповедника). Каталог коллекции. Азов. 18–327.
- Зайцев И.В., Чхаидзе В.Н. 2019. Османская эпиграфика Тамани // Вопросы эпиграфики Х. Москва, 40–56.
- Каргин Ю. Ю. 2016. Казаки-некрасовцы на правобережье Старой Кубани (по материалам охранных раскопок поселения Белое Юго-Восточное в 2014 г.) // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Археология, история, нумизматика, сфрагистика и эпиграфика 8. Севастополь—Тюмень—Нижневартовск, 93—191.
- Кладченко О.В., Горошникова З.В. 2017. Опыт применения классификации керамики поселения Волна 12 на материалах керамического комплекса поселения Кенегез Восточный (Респ. Крым) // Археологические исследования на территории строящегося терминала СУГ и Таманского терминала навалочных грузов. Краснодар, 90–94.
- Кузнецов В. Д., Латарцев В. Н., Латарцева Е. Е., Амелькин А. О. 2003. Подводные исследования в Фанагории в 1999–2002 гг. // ДБ 6, 153–175.
- Масловский А. Н. 2006. Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика // Историкоархеологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2004 г. 21. Азов, 308–473.

- Масловский А. Н. 2012. Керамический комплекс Низовьев Дона в XI–XV вв.: типология и хронология. Дисс. канд. ист. наук. Москва (РГБ. Отд. дисс., Химки. Шифр: 61 12-7/349. Штрих-код: 50-9254498).
- Некрасов А. М. 1990. Международные отношения и народы Западного Кавказа. Последняя четверть XV первая половина XVI в. Москва.
- Паромов Я. М. 1992. Археологическая карта Таманского полуострова. Москва (Рукопись, депонирована в ИНИОН РАН. Шифр: Деп. № 47103 от 01.10.1992 г.).
- Паромов Я. М. 1993а. Археолого-топографический план Фанагории // БС 2, 111-148.
- Паромов Я. М. 1993б. Археолого-топографический план Патрея // БС 3, 136–162.
- Приймак Ю.В. 1997. К хронологии османского присутствия в Северо-Восточном Причерноморье (конец XV первая треть XIX в.) (Практические опыты исторического регионоведения 13). Армавир.
- Сударев Н.И., Майко В.В. 2015. Археологические исследования Таматархи-Тмутаракани 2012 г. Стратиграфия и хронология комплексов // История и археология Крыма II. Симферополь, 364–396, 629–632.
- Тесленко І.Б. 2011. Хронологія одні групи кухонного посуду з пам'яток Криму XV ст. // Археологія 4, 60–69.
- Чхаидзе В. И. 2012. Фанагория в VI–X веках. Москва.
- Чхаидзе В.И., Атавин Г. А. 2005. Средневековые монеты из Фанагории (к вопросу о бытовании городища в X–XVIII вв.) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа 5. Армавир.
- Эвлия Челеби 1979. Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Вып. 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. Москва.
- Эвлия Челеби 1999. Книга путешествий. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме (1666—1667 гг.). Симферополь.
- Шелов Д.Б. 1962. Находки монет в Фанагории в 1947–1957 гг. // НЭ III, 56–129.
- Diaconu P., Vîlceanu D. 1972. Pâcuiul lui Soare (Cetatea bizantinâ, Vol. 1), București.

КАРТЫ

План части Фанагорийского уезда // РГВИА, Ф. 349, оп. 40, д. 4380

Карта Еникальского пролива с частями Азовского и Черного морей // РГВИА, фонд ВУА, д. 23629.

Карта Боспора Киммерийского, 1814 г. // РГВИА, фонд ВУА, д. 22907.

Карта, снятая по инструменту Фанагорийского уезда, 1786 // РГВИА, фонд ВУА, д. 25887. Карта, составленная в области Фанагорийского уезда, 1792 г. // РГВИА, фонд ВУА, д. 21468.

Подробная милитерная карта по границе России с Турциею, $1800 \, \text{г.}$ // http://www.etomesto.ru/map-krym_1800-militernaya/(дата обращения 25.09.2019).

Hablitz K. I. Carte de l'Isle de Taman Levée par Mr Hablitz. Document cartographique manuscrit // http://catalogue.bnf.fr/ark:/12148/cb40665228w; ark:/12148/btv1b8492735s (дата обращения 25.09.2019).

КАТАЛОГ

Nº	Группа	Год раскопок, квадрат/штык	Особенности	Рис.		
1	ГА	2015, Б3/11; случайная находка; А3/12 (3 фрагмента)	Дно тарелки с желтой поливой, часть внутри поддона. Ангоб не виден, но есть участки со светлой матовой поливой. Отсутствие ангоба обусловило невыразительную контрастность с граффито. Из центра медальона выходят три ломаные волны. В образовавшихся секторах – схематичные изображения рыб. Чешуя показана косой штриховкой, плавники – тремя чертами с поперечной границей.	10. 1		
2	ГА	2016, Д6/14	Венчик горшка с желтой (коричневой) поливой изнутри (пятнами). Снаружи – следы обтачивания деревянным ножом.	10. <i>2</i>		
3	ГА	2016, объект 10/13	Поддон тарелки с желтой (коричневой) поливой. На внешней стороне - скол, образовавшийся после первого обжига, с наплывом глазури при втором обжиге.			
4	ГА	2015, Γ2/11	Венчик тарелки с наклонной полочкой, с желтой (коричневой) поливой. Отсутствие ангоба обусловило невыразительную контрастность сграффито. Декор сграффито - из ломаных волн. Видна линия спая при налепливании кольца венчика, по линии слома – капля глазури с глянцевой поверхностью.	10.4		
5	ГА	2016, B5/13	Венчик тарелки с наклонной полочкой, с желтой (коричневой) поливой с выразительным цеком, утолщение глазури от обжига венчиком вниз. Отсутствие ангоба обусловило невыразительную контрастность сграффито. Декор сграффито – волна на полочке. Есть один обломок раковины в изломе.	10.5		
6	ГА	2015, случайная находка	Фрагмент стенки с желтой (коричневой) поливой изнутри пятнами.	10. <i>6</i>		
7	ЮВК	2016, Д7/14	Дно тарелки с желто-зеленой темной поливой, сплющенный поддон. Поверхность основы светлая каффинская, ангоб почти полностью «вытерт». На внутренней поверхности спиральные следы ротации при вытягивании.	11.1		
8	ЮВК	2016, случайная находка	Дно тарелки с зеленой поливой, поддон без сплющенности, с наклонно скругленным краем. Концентрические окружности и фестоны в технике сграффито.	11.2		
9	ЮВК	2015, И2/7	С зеленой поливой, по цвету гравировка почти не отличается от основного зеленого фона. Ангоб мало отличается по цвету от основы с «высолами» на поверхности. Хорошо видна «анатомия» наклейки кольца поддона.	11.3		
10	ЮВК	2015, K5/10	Классический вариант с зеленой поливой. Ангоб мало отличается по цвету от основы по цвету, гравировка почти не отличается от основного зеленого фона.			
11	ЮВК	2015, И4/10	Классический вариант с зеленой поливой со «снежной бурей». Ангоб вытерт на поддне, где нет глазури. Выразительные фасетки в местах известковых зерен.	11.5		
12	ЮВК	2016, B5/13	Дно тарелки с зеленой поливой, сплющенный поддон (с бороздкой по краю). Поверхность основы светлая каффинская. Ангоб «вытерт». только в центральной части.	11.6		
13	ЮВК	2015, ИЗ/8	Классический вариант с желтой поливой, ангоб толще обычного в потеке, контрастность больше обычного, вытертость ангоба – без следов ротации, глазурь напоминает китайскую «снежную бурю».	11.7		

№ Группа		Год раскопок, квадрат/штык	Особенности				
14	ЮВК	2015, Ж5/12	Дно тарелки с зеленой поливой, поддон без сплющенности. Поверхность основы светлая, выразительные характерные поры. Вокруг центрального медальона – гравированная полоса в полтора оборота.				
12	ЮВК	2016, K2/8	Донная часть тарелки на высоком поддоне со светло-зеленой поливой с невыразительными пятнами, в том числе снаружи поддона на всю сохранившуюся высоту. Спай в месте прилепа поддона виден плохо.	11.9			
13	ЮВК	2016, Д6/14 и Д7/15 (2 фрагмента)	Дно тарелки с зеленой поливой темного болотного желто-коричнево- зеленого цвета, поддон без сплющенности. Белый фон под поливой не виден. Основа краснее стандартной каффинской.	11. 10			
14	ЮВК (?)	2015, ИЗ/8	Стенка чаши с зеленой поливой (разбита на 2 фрагмента), перекалена до белого и серого пепельного цвета, поэтому определение ненадежно. Характерных для группы примесей почти нет. На внешней стороне четкие следы срезания излишков глины гончарным ножом с существенными отклонениями от горизонтальности.	11. <i>11</i>			
15	ЮВК	2015, 34/12; И6/15	2 венчика тарелки с зеленой поливой.				
16	ЮВК	2015, 37/12	Венчик тарелки с зеленой поливой и гравированной волной на полочке. Выразительный ангоб снаружи и вытертый внутри.				
17	ЮВК	2015, Ж5/10	Ангоб почти не отличается от поверхности основы, есть элементы вытертости ангоба снаружи. Гравированная полоса на венчике темнее только за счет толщины глазури.	12. <i>3</i>			
18	ЮВК	2015, 37/12	Стенка тарелки с зеленой поливой. Выразительный вытертый ангоб снаружи и внутри.	12. <i>4</i>			
19	ЮВК	2015, K5/10	Классический вариант с желтой поливой хорошего качества, ангоб мало отличается по цвету от основы. Хорошо видна наклейка кольца поддона.	12. <i>5</i>			
20	ЮВК	2017, 37/17	Стенка тарелки с зеленой поливой.	12. <i>6</i>			
21	ЮВК	2015, K4/10	Классический вариант с зеленой поливой, снаружи – толстый слой ангоба. Глазурь напоминает китайскую «снежную бурю».	12. <i>7</i>			
22	ЮВК	2015, E5/10	Классический вариант тарелки с гравированными кольцами вокруг центрального медальона.	12. <i>8</i>			
23	ЮВК	2016, K8/13	С желтой поливой, напоминающей китайскую «снежную бурю». Ангоб виден, «вытертость» просматривается снаружи.	12. <i>9</i>			
24	ЮВК	2015, E5/10	Классический вариант каффинского кувшина. Выразительная слоистость пор. Сформировавшаяся при активном вытягивании на круге.	13. <i>1</i>			
25	ЮВК	2016, Ж6/14	Классический вариант каффинского кувшина со светло-зеленой поливой снаружи и желто-зеленой изнутри. Ангоб мало отличается по цвету от основы по цвету.	13. <i>2</i>			
26	ЮВК	2015, Д5/11	Капли поливы изнутри при всосавшейся фритте на основной внутренней поверхности. Снаружи – потеки глазури на белесой поверхности (ангоб не виден). Дно кувшина срезано ниткой + нашлёпка.	13. <i>3</i>			
27	ЮВК	2015, И4/9	Классический вариант с темной зеленой поливой, ангоб плохо виден, во всяком случае почти не отличается от светлой поверхности основы. Плоское дно кувшина срезано ниткой.	13. <i>4</i>			
28	16A3	2015, Ж5/12; 2016, Г5/15 (2 фрагмента)	Дно горшка с желтой (коричневой) поливой изнутри. Снаружи – следы обтачивания деревянным ножом.	14. <i>1</i>			
29	УГР	2015, ИЗ/7	Венчик кувшина с прилепом ручки	14. <i>2</i>			
30		Случайная находка	Фрагмент «розовоглиняной» курительной трубки	14. <i>3</i>			

А. Н. Ворошилов, И. А. Гараев

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ ВОИНА НА АЗИАТСКОМ БОСПОРЕ*

Аннотация. В статье рассматривается воинское погребение, обнаруженное на Азиатском Боспоре в 2020 году около пос. Волна. Захоронение совершено в могиле с подбоем, заложенном сырцовым кирпичом. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на север-северо-восток. Рядом с погребенным обнаружен полный набор наступательного вооружения. Элементы паноплии были компактно уложены справа от погребенного: убранный в ножны длинный железный меч без перекрестья с серповидным навершием рукояти; декор ножен меча из стеклянных бус; массивный боевой нож с костяной рукоятью и его ножны с бронзовой бутеролью; два копья с железными наконечниками, хозяйственный нож. В погребении также найдены: бронзовая фибула, серебряный браслет. шейное украшение из бус и красноглиняный кувшин. Боевой нож представляет собой уникальное для Боспора оружие с остроконечным клинком, предназначенным для пробития кольчужного доспеха. Генетически он связан с махайрой. Клинок его поврежден, не исключено, что это произошло в последнем бою воина. Комплекс датируется второй половиной 2 – началом 1 вв. до н. э. В этнокультурном отношении он выглядит как погребение представителя эллинского населения Азиатского Боспора. Выразительный состав паноплии свидетельствует о том, что погребенный был тяжеловооруженным всадником боспорской конницы, использовавшим в бою два разных копья, длинный всаднический меч и боевой нож для пробивания кольчуги. Погребение профессионального боспорского воина эпохи позднего эллинизма согласуется с новым этапом истории Боспорского государства, характеризующимся дестабилизацией военно-политической обстановки в Северном Причерноморье.

Ключевые слова. Азиатский Боспор, погребение, эллинизм, паноплия, военное дело, тяжелая конница, всадник, оружие, копье, меч, боевой нож, бутероль.

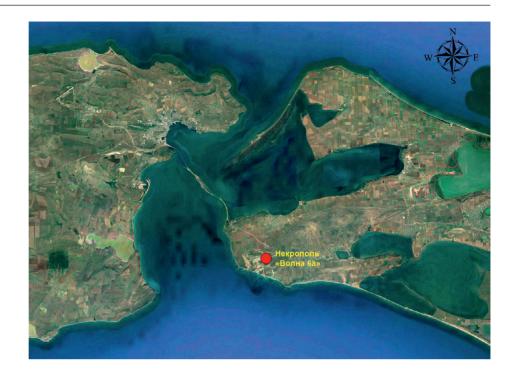
A. N. Voroshilov, I. A. Garaev A HELLENISTIC BURIAL OF A WARRIOR FROM ASIAN BOSPOROS

Abstract. The article considers a burial of the Hellenistic period discovered near modernday Volna village (the territory of the Asian Bosporos) in 2020. It is a grave with a side chamber blocked with mud-bricks. The body of the deceased was laid on its back, head to northnortheast. Along with the skeleton a whole set of weapons was found; a long guardless iron sword within a scabbard, with a crescent-shaped pommel of the handle; a massive knife with a bone handle and its scabbard with a bronze bouterolle (scabbard-tip); two spears with iron heads, a household knife, a bronze fibula, a silver bracelet, glass beads decorating the scabbard of the sword, and a red-clay jar. The battle knife is a weapon unique for the Kimmerian Bosporos: is has a pointed blade designed to pierce chain-mail. Evidently it derives from the Greek *makhaira*. Its blade is damaged – probably the result of the last battle of the warrior. The burial can be dated to the second half of the 2nd century or to the early 1st century B.C. In ethnic and cultural terms it is the burial of a member of the Greek community in the Asian Bosporos. The set of the weapons indicate that the deceased served in the heavy cavalry and used two spears, a long sword and a battle knife to pierce chain-mail. The burial of a professional warrior of the Late Hellenistic period corresponds to the new stage in the history of the Bosporan state, marked by general destabilization of the political and military situation in the North Black Sea area.

Key-words. Asian Bosporos, Hellenistic period, panhoplia, military art, heavy cavalry, horseman, arms, spear, sword, battle knife, bouterolle.

^{*} Исследование выполнено в рамках НИР ИА РАН по теме «Археологические культуры евразийских степей и античный мир – контакты и взаимовлияния» (АААА-А18-118011790093-2).

Рис. 1. Таманский полуостров с указанием места находки погребения (космоснимок, Google)



Воинские захоронения эллинистического времени в некрополях Боспора Киммерийского встречаются довольно редко. Еще реже эти комплексы достаются археологам нетронутыми, и совсем не часто в них находят полный набор вооружения. Возможно, законодательные ограничения трат на погребение, известные в греческом мире², имели место и на Боспоре, в частности, в эллинистическую эпоху. Это могло быть причиной отсутствия оружия в большинстве захоронений мужчин в регионе этого времени. Исключения были возможны для погибших в бою воинов или героев. 3 Между тем полноценные исследования военного дела северопричерноморских эллинов на основе только лишь письменных и изобразительных источников невозможны. Поэтому каждая новая находка погребения воина с элементами его паноплии становится заметным событием в археологии Боспора. Именно такому археологическому комплексу, обнаруженному в 2020 г. на территории азиатской его части, посвящена данная публикация. Погребение было открыто при исследовании грунтового некрополя Волна 6а,4 расположенного около пос. Волна в юго-западной части Таманского полуострова (рис. 1). Погребение № 28 выделяется полным набором наступательного вооружения (рис. 2). Обычай хоронить воина с его оружием в целом характерен для эллинизма, а на периферии эллинского мира в контактных районах с варварскими племенами эта традиция еще более устойчива. 5 Следует, однако, отметить, что для азиатской части Боспора Киммерийского в эту эпоху захоронения вооруженных мужчин является редким явлением, не говоря уже об уникальности находки полного набора оружия.

Погребение совершено в довольно распространенном на Азиатском Боспоре эллинистической эпохи погребальном сооружении — могиле с подбоем. Оно было обнаружено по пятну более темного, чем материк, заполнения. Свод подбоя обрушился в древности и заполнил внутренне пространство более темным грунтом нежели окружающий материк. В вертикальном разрезе борта раскопа и при горизонтальной зачистке читались темно-серые кирпичи сырцового заклада.

¹ Масленников 1981, 82.

² Завойкин, Сударев 2006, 102.

³ Там же, 102.

⁴ Авторы выражают благодарность руководителю исследований И.В. Цокур за возможность публикации археологического комплекса и помощь в подготовке этой статьи.

⁵ Завойкин, Сударев 2006, 102–103.

⁶ Сударев 2010, 436-437.

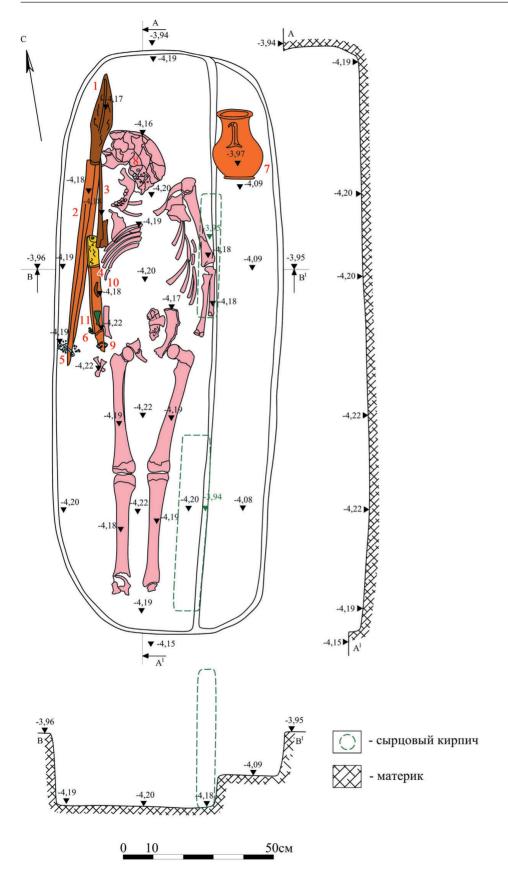
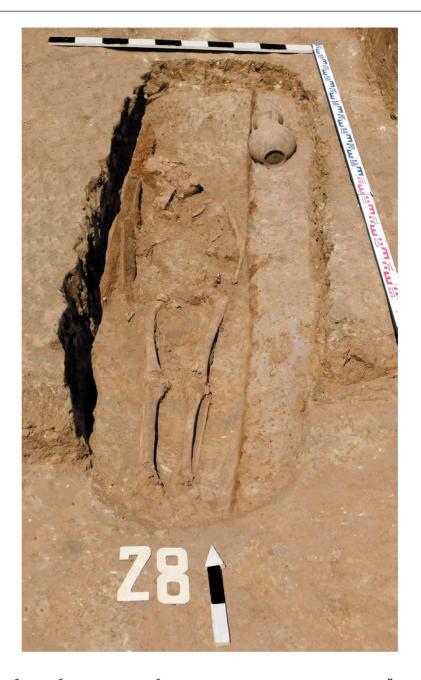


Рис. 2. План и разрезы погребения:

- 1 наконечник копья 1; 2 меч;
- 3 наконечник копья 2; 4 боевой нож;
- 5 бусы и бисер (92 экз.); 6 фибула;
- 7 кувшин; 8 бусы (64 экз.); 9 браслет;
- 10 нож (под боевым ножом);
- 11 бутероль (под боевым ножом)

Рис. 3. Погребение после расчистки. Вид с юга



Погребение обнаружено неглубоко – в полутора метрах от современной поверхности. Горизонтальная зачистка пятна могилы была произведена на уровне середины высоты заклада. На этой глубине могила сужалась ступенями к полу подбоя и реальной ширины входной ямы зафиксировать не удалось. Надо отметить, что слой, в котором находилась могила выше уровня горизонтальной зачистки, существенно пострадал от активной жизнедеятельности землеройных животных и результатов процесса почвообразования, кроме того могила была засыпана, а возможно и забутована материковой глиной-белоглазкой. Эти факторы не позволили обнаружить признаки сооружения выше.

Могила в плане имеет прямоугольную форму и ориентирована по оси север-северо-восток – юг-юго-запад (рис. 2, 3). Ниша подбоя вырублена в продольной западной стене могилы, пол которой ступенями спускался к подбою, о чем



Рис. 4. Погребение после расчистки: 1 – вид на могилу сверху; 2 – элементы паноплии в погребении воина



свидетельствует обнаруженная ступень высотой 0,11 м проходившая по всей длине могилы. Ширина ступени достигала 0,22 м. Пол ниши горизонтальный ровный. Длина подбоя достигает 1,93 м.

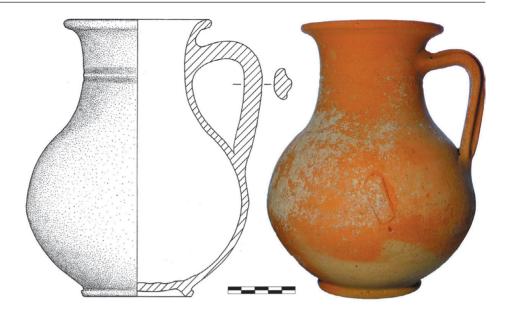
Судя по двум уцелевшим in situ кирпичам серого цвета, заклад состоял из одного ряда вертикально установленных сырцовых кирпичей. Наиболее сохранившийся в плане и разрезе южный фрагмент заклада позволяет предположить, что кирпичи были установлены на продольное ребро. Реконструируемые размеры кирпича лучшей сохранности из южной части заклада составляют 0.58×0.42×0.07 м. Они сопоставимы с величиной кирпича из раскопок столицы Азиатского Боспора архаического и раннеклассического времени и по своим размерам ближе к лидийскому типу кирпичей, предназначенных для постройки общественных зданий.⁸ Длина проема ниши, который требовалось перекрыть закладом, составляет около 1,9 м, что позволяет предположить использование для этого четырех целых кирпичей (установленных вертикально на длинную или короткую стороны). При закрытии ниши кирпичи заклада устанавливали на пол подбоя вплотную к основанию ступени, при этом левая рука погребенного попала под кирпичи заклада. Зафиксированная высота заклада свидетельствует о вертикальных размерах проема, не превышающих полуметра. Такая высота свода позволяла довольно свободно расположить внутри тело взрослого человека и сопровождавшие его вещи.

Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на север-северо-восток, руки вытянуты вдоль туловища, но не прижаты к нему (рис. 4. 1). Ноги параллельно вытянуты. Голова повернута вправо. Нижняя челюсть отвалилась на правое плечо при разложении мягких тканей в свободном пространстве камеры могилы (рис. 4. 2).

⁷ Кузнецов 2015, 289.

⁸ Там же, 290.

Рис. 5. Кувшин





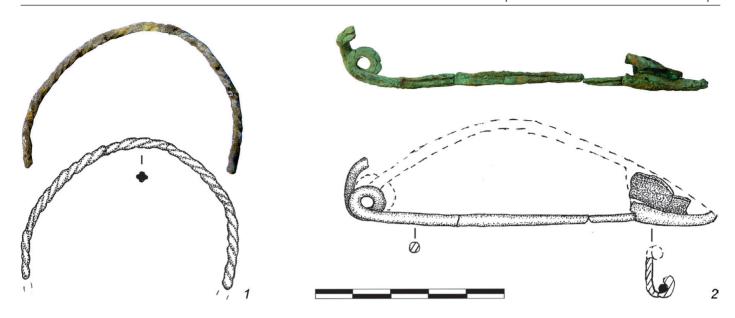
С внешней стороны от заклада на нижней ступеньке могилы строго напротив черепа, был обнаружен лежащим ручкой вверх красноглиняный кувшин (рис. 5). Край его венчика закруглен, отогнут наружу и плавно переходит в горло, декорированное двумя горизонтальными желобками. Тулово шарообразной формы, дно на кольцевом поддоне. Тесто хорошо отмучено, с примесью пироксена. Высота кувшина – 206 мм, диаметр венчика – 110 мм, диаметр тулова – 165 мм. Ручка имеет продольное ребро на внешней стороне, проходящее по всей ее длине. Кувшин относится к кругу посуды, производившейся в мастерских Боспора. Его форма типична для античных кувшинов последних веков до н.э. Близкие по форме сосуды встречаются в погребениях 4–2 вв. до н.э. как в некрополях Азиатского, 9 так и Европейского Боспора. 10

Внутри подбоя рядом с телом взрослого человека 11 располагался остальной погребальный инвентарь (рис. 4. 2). Условно он делится на две основные группы:

⁹ Капошина 1959, 137, 140, рис. 43. *1.*

¹⁰ Грач 1999, 71, 72, рис. 31.

¹¹ Антропологическое исследование скелета будет проведено позднее.



украшения на теле человека и набор наступательного вооружения вместе с сопутствующим ему снаряжением.

Украшения представлены серебряным (?) браслетом (рис. 6. *1*) и набором бус (рис. 7. *1*).

Браслет был обнаружен у костей запястья правой руки. Он изготовлен из скрученной квадратной в сечении проволоки белого металла (серебро?). Окончания браслета не сохранились, вероятно, он имел один оборот. Диаметр браслета — 58 мм, сечение проволоки — 2,8 мм. Подобные браслеты были широко распространены в Северном Причерноморье и не имеют узкой хронологической привязки. Количество браслетов в погребениях возрастает с 3 в. до н.э. к 1 в. до н.э. В сарматском мире широко распространяются множество форм и типов браслетов, которые практически не менялись с 3 в. до 1 в. до н.э. ¹² Аналогичные браслеты, изготовленные из крученой проволоки, известны в погребениях начала 1 в. до н.э. из некрополя Нимфея. ¹³

Относящийся к украшениям набор бус (64 экз.) обнаружен при разборе скелета под черепом, в области шеи (рис. 7. 1). Возможно, он был шейным украшением или являлся частью декора ворота одежды. Рассмотрим все типы бус этого набора:

- бусы-подвески (2 экз.) в виде клыка из прозрачного желтого стекла (рис. 7. 1а–б). Длина 11 мм, диаметр 2 мм. Подобная форма подвесок характерна для 3–1 вв. до н.э. Они относятся к типу 200 по классификации Е.М. Алексеевой. Началом 1 в. до н.э. датируется аналогичная подвеска из некрополя Нимфея 15;
- бусина (1 экз.) из прозрачного стекла оливкового цвета, ромбической формы (рис. 7. 1в). Длина 19 мм, ширина 9 мм. Относятся к типу 171 по классификации Е.М. Алексеевой. 16 Данный тип особенно характерен для эллинистического времени (3–1 вв. до н.э.);
- бусина-подвеска (1 экз.) из прозрачного стекла желтого цвета в виде плоского треугольника с отверстием у вершины (рис. 7. 1г). Длина 13 мм, ширина 10 мм. Относится к типу 103 по классификации Е.М. Алексеевой. ¹⁷ Подобные экземпляры чаще происходят из поздних погребений 1—4 вв. н. э.;
- бусина (1 экз.) пастовая желтого цвета округлой формы (рис. 7. 1д). Диаметр 7 мм, высота 5 мм. Относится к типу 5 по классификации Е. М. Алексеевой. ¹⁸

Рис. 6. Инвентарь: *1* – браслет серебряный; *2* – фибула бронзовая

¹² Мошкова 1989а, 190; 1989б, 201.

¹³ Грач 1999, 60, табл. 51.

¹⁴ Там же, 74, табл. 34. *50.*

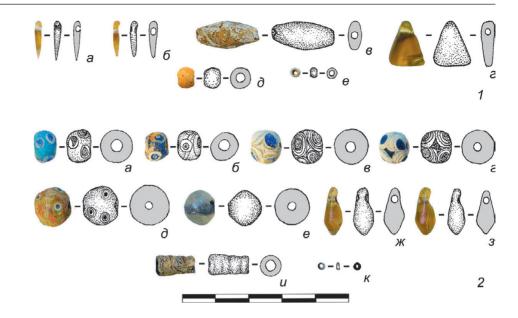
¹⁵ Грач 1999, 60, табл. 51.

¹⁶ Алексеева 1978, 73, табл. 33. 77.

¹⁷ Там же, 69, табл. 33. *29.*

¹⁸ Там же, 63, табл. 33. *1.*

Рис. 7. Комплекты бус: *1* – на шее; *2* – у ножен меча



Бусы данного типа массово встречаются в погребениях 4–2 вв. до н.э., но отдельные экземпляры известны и в первые века н.э.;

– бусы (59 экз.) пастовые округлой формы синего цвета (рис. 7. 1e). Диаметр 3 мм, высота 2 мм. Относятся к типу 15 по классификации Е.М. Алексеевой 19 и датируются 4–1 вв. до н.э.

Вооружение представлено исключительно наступательным оружием и элементами связанного с ним воинского снаряжения. Элементы паноплии обнаружены компактно уложенными справа от погребенного, вдоль его вытянутой руки и западной стены подбоя (рис. 2; 4. 2). Во время погребальной церемонии из оружия первым в могилу был положен длинный железный меч без перекрестья с серповидным навершием. Убранный в ножны меч был направлен острием в сторону ног, а его рукоять находилась у головы человека. Затем к правому предплечью воина положили пустые ножны боевого ножа с металлической бутеролью. С ножнами связана находка небольшого хозяйственного ножа, который судя по его положению in situ мог быть вставлен в пустые ножны или закреплен на них снаружи в качестве необходимого для военного быта аксессуара. Поверх пустых ножен располагался массивный боевой нож с костяной рукоятью опиравшейся на клинок меча (рис. 8). Лезвия обоих ножей были обращены к их владельцу. После этого в погребение поместили копья. Первым, вероятно, поверх меча положили копье с широким наконечником, оно было ориентировано строго вдоль меча, а наконечник накрывал собой его рукоять и острием почти упирался в торцевую стену могилы. Рядом положили второе копье с узким наконечником, которое было ориентировано уже вдоль боевого ножа, а острие находилось у края втулки наконечника первого копья.

С оружием скорее всего связаны бронзовая фибула и набор бус (92 экз.). Последние располагались вокруг острия меча (рис. 8, 9) и могли являться частью декора его ножен. Фибула обнаружена под острием боевого ножа. Связывая эту находку с комплектом воинской паноплии мы не исключаем того, что она вполне могла являться частью костюма, скрепляя его у правого предплечья, а под кинжал попала случайно.

¹⁹ Алексеева 1978, 65, табл. 33. 1.



Рис. 8. Боевой нож

Фибулы, обычно являются хорошим хроноиндикатором при датировке погребений, так как типология этой категории инвентаря довольно подробно разработана. К сожалению, от бронзовой фибулы из погребения № 28 сохранились лишь игла, части приемника и пружинного механизма (рис. 6. 2). Длина фибулы – 108 мм, диаметр проволоки – 2 мм. Несмотря на плохую сохранность, застежку можно атрибутировать как «воинскую фибулу», имеющую сплошной пластинчатый приемник. 20 Появление этого типа связано с дальнейшим развитием позднелатенских фибул. ²¹ А. К. Амброз датирует воинские фибулы 1 в. н. э., отмечая, однако, что несколько экземпляров было найдено в погребениях 1 в. до н.э.22 Несмотря на то, что впоследствии некоторыми исследователями этот тип постоянно удревнялся, опустившись до рубежа 2-1 вв. до н.э.23, общепринятой остается датировка воинских фибул концом 1 в. до н.э. - серединой 1 в.н.э. Аналогии на территории Боспора представлены в памятниках Восточного Крыма. Из погребений некрополя у с. Золотое известно 8 экземпляров воинских фибул, датированных 1 в. до н.э. – 1 в.н.э.²⁴ На территории некрополя Нимфея воинская фибула найдена в погребении A 91, которое автор датировал 1 в.н.э.²⁵ Находка подобной застежки в публикуемом комплексе является дополнительным аргументом в пользу появления этой группы фибул уже в конце 2 в. до н. э.

Как говорилось выше, бусы (92 экз.), которые располагалась над и под острием меча, могли служить украшением ножен (рис. 7. 2). Этот набор бус представлен:

- бусина (1 экз.) округлой формы из пасты синего цвета с синими глазками в белых и синих ободках (рис. 7. 2а). Диаметр 10 мм, высота 7 мм. Относится к типу 33 варианту У по классификации Е.М. Алексеевой²⁶ и датируется 3–1 вв. до н.э.;
- бусина (1 экз.) округлой формы, поперечно сжатая из пасты бирюзового цвета с голубыми глазками в белых ободках (рис. 7. 26). Диаметр 10 мм, высота 7 мм. Относится к типу 53 варианту А по классификации Е. М. Алексеевой ²⁷ и датируется 4–3 вв. до н.э.;
- бусы (2 экз.) округлой формы из пасты белого цвета с голубыми глазками в белых ободках (рис. 7. 2в–г). Диаметр 10 мм, высота 8 мм. Относятся к типу 68 по классификации Е.М. Алексеевой. В Наиболее поздний тип среди найденных глазчатых бус. Несколько таких бусин найдено на Таманском полуострове, в Херсонесе и в Танаисе в слоях, датированных 1 в. до н.э. 1 в.н.э.;
- бусина (1 экз.) округлой формы из пасты желтого цвета с синими глазками в белых ободках (рис. 7. 2д). Диаметр 10 мм, высота 9 мм. Относится к типу 61 варианту Б по классификации Е.М. Алексеевой²⁹ и датируется 3–1 вв. до н.э.;

²⁰ Кропотов 2010, 59, 60, рис. 27. *2.*

²¹ Амброз 1966, 23.

²² Там же, 23–25.

²³ Зайцев, Мордвинцева 2004, 182.

²⁴ Корпусова 1983, 66, табл. VIII. 3.

²⁵ Грач 1999, 61, рис. 23. *1.*

²⁶ Алексеева 1975, 62, табл. 15. *62*.

²⁷ Алексеева 1975, 65, табл. 16. *27*.

²⁸ Там же, 67, табл. 14. *22*, *23*.

²⁹ Там же, 66, табл. 16. *66*.

Рис. 9. Бусы у меча



- бусина (1 экз.) из прозрачного бесцветного стекла, биконической формы (рис. 7. 2e). Диаметр 10 мм, высота 9 мм. Относится к типу 96 по классификации Е. М. Алексеевой³⁰, который просуществовал практически без изменений на протяжении восьми веков, с 5 в. до н.э. по 3 в.н.э.;
- бусы-подвески (2 экз.) из прозрачного желтого стекла стрелковидной формы с заостренным основанием (рис. 7. 2ж-з). Диаметр 13 мм, длина 13-14 мм, диаметр отверстия 2 мм. Подобные подвески Е. М. Алексеева относит к типу 165, бытовавшему в 1-2 вв. н. э. 31 К началу 1 в. до н. э. относятся стрельчатые подвески из уже упомянутого погребения А 84а некрополя Нимфея 32 ;
- бусина (1 экз.) пастовая, черного цвета, цилиндрической формы, свернута из пластины, имеет продольный шов в месте стыка (рис. 7. 2и). Диаметр 6 мм, длина 12 мм. Относится к типу 54 по классификации Е.М. Алексеевой³³ и датируется 2–4 вв. н. э.;
- бусы (83 экз.) из пасты синего цвета уплощенно-шаровидной формы (рис. 7. 2к). Диаметр 2 мм, высота 1 мм. Относятся к типу 15 по классификации Е.М. Алексеевой. Такие бусы были особенно популярны в эпоху эллинизма (4–1 вв. до н.э.). В погребениях А81 и А84а некрополя Нимфея найдены аналогичные наборы, также включающие в себя несколько десятков уплощенно-шаровидных бусин, датированных началом 1 в. до н.э. 35

Самым ярким элементом погребального инвентаря погребения являются элементы паноплии воина. Древковое оружие представлено двумя копьями с железными наконечниками (рис. 10. 1, 2). Оба наконечника имеют остролистную форму. Первый наконечник при общей длине в 27 см имеет длину пера 17,4 см. Сечение пера ромбовидное толщиной 2 см. По оси каждой из его плоскостей проходит хорошо выраженное ребро жесткости, переходящее во втулку (рис. 10. 1). Ширина пера составляет 4,3 см и находится в нижней четверти длинны пера, у плавного перехода в короткую втулку. Ее длина составляет около трети от общей длинны наконечника и равна 9,6 см. Диаметр втулки 3 см, внизу она фиксируется железным кольцом. Судя по конструкции массивного наконечника, он насаживался на довольно мощное древко. Относительно широкое перо с ребром жесткости могло выдерживать значительные нагрузки, добавляя оружию универсальности в бою. При относительно коротком древке копье с подобным

³⁰ Алексеева 1978, 69, табл. 33. *27.*

³¹ Там же, 72, табл. 33. *70.*

³² Грач 1999, 59, табл. 51.

³³ Там же, 67, табл. 33. *11.*

³⁴ Алексеева 1978, 64–65, табл. 33. *1.*

³⁵ Грач 1999, 58–59, табл. 47, 51.

наконечником можно было использовать для ближнего боя или метания. Если допустить, что у копья могло быть длинное древко, то наконечник с легкостью мог выдержать большую нагрузку при таранном ударе. ³⁶ Наиболее ранние наконечники данного типа появляются в погребениях 5–4 вв. до н. э., но господствуют в 4–3 вв. до н. э. ³⁷ Следует отметить, что подобные наконечники меньшей длины особенно характерны для меотских некрополей Прикубанья 4–3 вв. до н. э. ³⁸ и погребений сираков. ³⁹

Второй наконечник при общей длине в 27,6 см имеет более изящные пропорции и несколько более вытянутое перо (рис. 10. 2), длина которого составляет 20 см, а ширина – 3,4 см. Втулка короткая, ее длина занимает около четверти общей длины наконечника и равна 7,6 см при диаметре – 2,3 см. Перо имеет линзовидное сечение толщиной 0,9 см. Подобные узкие, уплощенные наконечники с легким древком удобны при метании. 40 Они распространены в Прикубанье и на Северном Кавказе. Ближайшие аналогии известны в погребениях меотских некрополей и в курганных захоронениях 4–1 вв. до н. э. 41

Судя по положению в могиле, длина древков копий не могла превышать 1,1–1,2 м. Однако столь короткое древко не характерно для копий эллинистической эпохи, в том числе и для метательных. Судя по всему, перед тем как поместить оба копья в могилу их древки были переломлены. К сожалению, плохая сохранность органики в погребении не позволяет реконструировать длину копий. Если допустить, что копья были сломаны около середины древка, то их длина могла составлять около 2–2,5 м. Подобные размеры вполне соотносятся с древними изображениями копьеносцев с парой копий.

Клинковое оружия воина состояло из длинного всаднического меча и боевого ножа. Меч имеет массивный двулезвийный клинок, рукоять без перекрестия с серповидным навершием (рис. 10. 3). Общая длина меча составляет 82 см. Широкий клинок имеет форму вытянутого треугольника, его лезвия плавно сужаются к острию. Длина клинка - 72 см. Максимальная ширина клинка v основания достигает 5,2 см. Сечение клинка линзовидное. толщиной 1,5 см. На поверхности клинка отпечатки древесного тлена от деревянных ножен. Лучше всего дерево сохранилось вокруг острия клинка. В этом месте – ниже острия деревянные половины ножен скрепляла бронзовая заклепка. Навершие в сечении круглое к окончанию расширяется. Стержень рукояти плоский в сечении имеет прямоугольную форму. Его длина составляет 7 см, ширина – 2,8 см. На рукояти прослежены следы деревянных накладок. Переход от рукояти к клинку резкий. Характерная морфология позволяет отнести меч к одной из поздних разновидностей оружия, так называемого, синдо-меотского типа, формирование которого небезосновательно связывается с греко-варварской средой, окружавшей Боспорское царство. 42 Впервые он был выделен К.Ф. Смирновым как характерный тип клинкового оружия племен Прикубанья, сформировавшийся с одной стороны под влиянием сарматских мечей прохоровского типа, а с другой - северокавказских мечей и кинжалов. 43 Меотскую основу и сарматское влияние видит в мечах с серповидным навершием В.Р. Эрлих. 44 Серповидное навершие признается характерным признаком именно сарматских мечей 45, в то время как на территории меотов господствовали мечи с прямым брусковидным навершием. 46 Действительно, большинство аналогий публикуемому мечу можно найти в погребениях сираков Прикубанья 47 и Центрального Предкавказья. 48 На территории Прикубанья погребения с такими мечами надежно датируются

³⁶ Хазанов 1971, 46–47.

³⁷ Мелюкова 1964, 42,

³⁸ Там же, 42.

³⁹ Марченко 1996, рис. 44. *9*, рис. 75. *13.*

⁴⁰ Хазанов 1971, 48, табл. XXVII. 5-8.

⁴¹ Лесков 2005, 15–16, 25–26, рис. 28. *16*; 65. *1*; Марченко 1996, рис. 85. *5*.

⁴² Маслов 2019, 148.

⁴³ Смирнов 1980, 43.

⁴⁴ Эрлих 1991, 84.

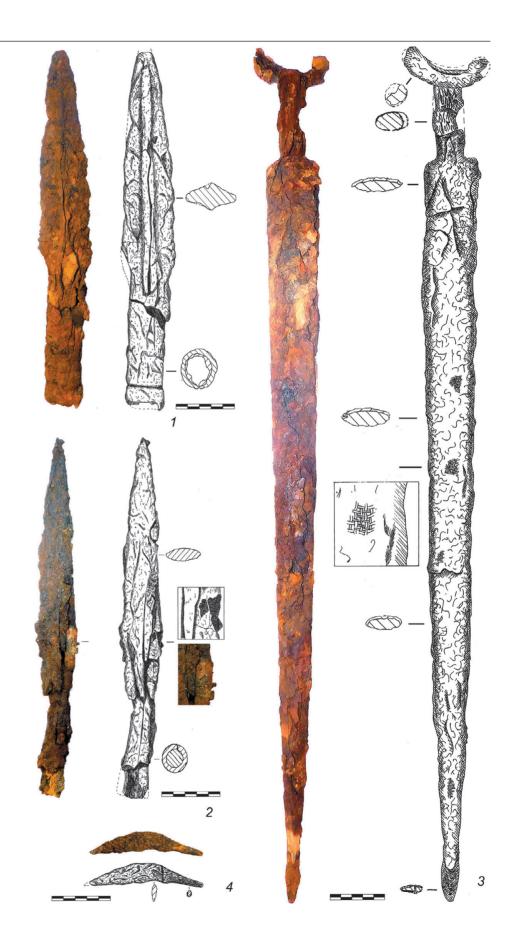
⁴⁵ Марченко 1996, 51; Абрамова 2004, 194.

⁴⁶ Смирнов 1980, 43; Эрлих 1991, 77, 82–83.

⁴⁷ Марченко 1996, рис. 46. *6*; 75. *6*.

⁴⁸ Там же, 51.

Рис. 10. Инвентарь (железо): 1-2 — наконечники копий; 3 — меч; 4 — нож



серединой 3 — серединой 2 вв. до н.э.⁴⁹ На северном Кавказе аналогичные мечи найдены в погребениях рубежа 2—1 вв. до н.э.⁵⁰ Единичные находки мечей с серповидным навершием и без перекрестья известны на Таманском полуострове. ⁵¹ Самая близкая типологически и территориально аналогия происходит с территории Азиатского Боспора. Речь идет о находке в элитной каменной гробнице (Погр. 2) из кургана 17 (18) некрополя Кеп. В данном случае аналогичный меч ⁵² был найден в погребении городской знати, убедительно датированном последней четвертью 2 — началом 1 вв. до н.э.⁵³

Боевой нож представляет собой уникальное для Боспора массивное оружие с однолезвийным клинком (рис. 11). Нож по обуху прямой. Клинок и основа рукояти выкованы из одной железной заготовки. Общая длина оружия составляет 39,5 см. Рукоять имеет весьма сложную конструкцию включающую разнообразные детали из железа, бронзы и кости, закрепленных на полосе оружия при помощи заклепок (рис. 11, 12). Основанием рукояти служит плоская железная полоса общей с клинком заготовки. Длина основания рукояти составляет 10,3 см, ширина – 3 см, толщина – 0,7 см. Со стороны обуха оно продолжает прямую линию спинки оружия, а со стороны лезвия плавно, по дуге, переходит в клинок, образуя выступ, который служит надежный упором для указательного пальца. Форма окончания рукояти достоверно неизвестна, так как сохранность этой части оружия оставляет желать лучшего. С обеих сторон оружия к основанию прикреплено по одной бронзовой пластине. Каждая имеет прямоугольную форму со скругленными углами, длина - около 7 см, ширина - около 2 см, толщина - около 0,2 см. Назначение этих проставок между железным основанием и костяными накладками рукояти, вероятно, исключительно декоративное. Желтый блеск их торцевых поверхностей придавал рукояти оружия больше изысканности. 54 Основной объем рукояти давала пара накладок из слоновой (?) кости. Они крепились поверх бронзовых пластин и имели следующие размеры: длина 9-10 см, ширина 2,3-2,4 см, толщина 1 см. Внутренние плоскости костяных накладок плоские, внешние выпуклые, в разрезе имеют форму полукруга или сегмента. Особую изящность рукояти придавали скосы под 45° на торцевой части костяных элементов, направленной в сторону клинка. Они позволяли закрепить две железные накладки гарды таким образом, чтобы те плотно зажимали окончания пластин, а их плоскости продолжали внешнюю поверхность костяных накладок. За счет этого сложносоставная рукоять оружия становилась еще прочнее и выглядела монолитно. При этом серебристый цвет железного перекрестья с желтым блеском полос бронзы и матовым свечением слоновой кости делали рукоять еще более гармоничной и изысканной. Железные пластины гарды-перекрестья имеют сложную форму. Их прямая грань обращена к клинку, полукруглое расширение заполняет объем рукояти над костяными накладками, а трапециевидный выступ формирует удобный упор для руки перед лезвием клинка. Длина пластин соответствует ширине клинка у его основания и равна 4,2 см, ширина колеблется от 0,8 до 2,4 см. Максимальная толщина составляет около 1 см. Гарда собиралась на железном штифте-заклепке, который проходил через железное основание и металлические заготовки. При этом заходящий под гарду край костяных накладок плотно прижимался к основанию рукояти. Первая заклепка от клинка, скреплявшая железную гарду, заметно отличалась от других. Ее головки выполнены утопленными в тело железных заготовок перекрестья и таким образом замаскированы, чтобы не отвлекать внимания от формы гарды из такого же материала. В отличие от нее, четыре

⁴⁹ Эрлих 1991, 84; Марченко 1996, 51.

⁵⁰ Смирнов 1980, 44.

⁵¹ Там же, 44.

⁵² Žuravlev, Lomtadze, Il'ina, Sudarev 2007, Abb. 12.

⁵³ Ibid., 225.

⁵⁴ Этот прием до сих пор используется мастерами-оружейниками при изготовлении рукоятей ножей с накладными пластинами рукояти.

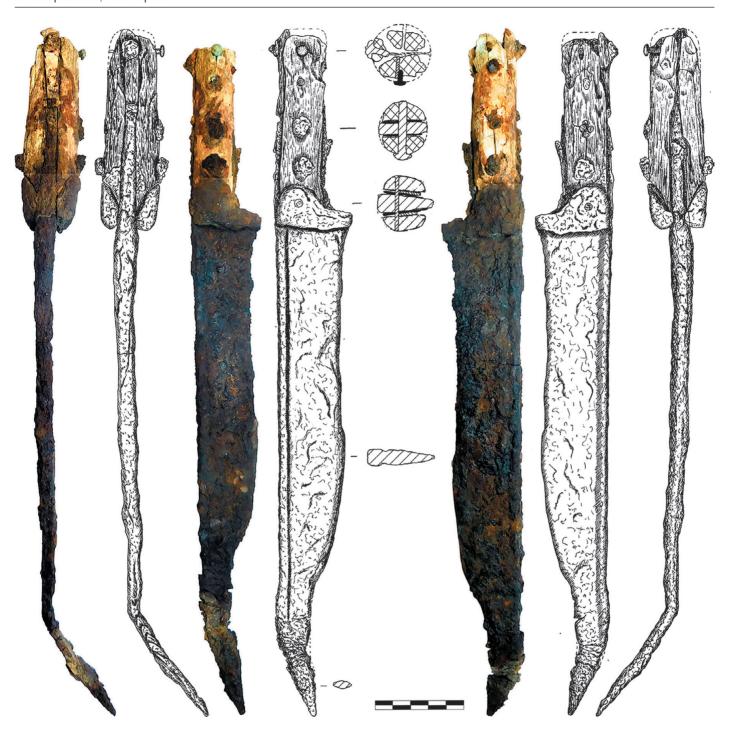


Рис. 11. Боевой нож

железные заклепки, расположенные в один ряд по центральной оси основания рукояти и крепившие бронзовые и костяные накладки, были снабжены массивными полусферическими головками. Не вызывает сомнений, что эти элементы помимо утилитарного назначения, играли роль декоративных элементов, разнообразивших монотонную поверхность костяной рукояти. В этом отношении важной деталью является особенность крайней (последней от клинка) заклепки. Она выполнена, как и другие подобные элементы из железа, при этом ее головки сделаны потаенными, как и у заклепки гарды. Но рядом с ними сохра-



Рис. 12. Рукоять боевого ножа без гарды

нились элементы бронзовой заклепки⁵⁵, стержень которой вставлялся в отверстие, соприкасающееся с железной заклепкой. При этом головка бронзового элемента полностью закрывала собой потаенную головку железной заклепки. Размеры и форма бронзовой головки, судя по всему, совпадали с железными головками остальных заклепок. Благодаря этому приему рукоять оружия в дополнение к бронзовым пластинам получала еще один декоративный элемент, напоминающий своим блеском золото.

Клинок имеет сложную форму и сечение. Его длина составляет 29,2 см, максимальная ширина у основания равна 4,2 см, максимальная толщина — 0,9 см. Спинка прямая, вдоль нее, с обеих сторон клинка, проходит не широкий дол, исчезающий в 6 см от острия. Благодаря этой особенности клинок почти по всей своей длине имеет сечение сложной формы — Т-образное у спинки, оно переходит от края долов в вытянутый треугольник. Меняется сечение только у острия, где клинок становится обоюдоострым, а сечение — линзовидным и под гардой, где сечение клинка треугольное. Не менее сложным является форма клинка по кромке лезвия. Несколько сужаясь (до 3,7 см) от максимально широкого основания и немного прогибаясь в первой трети длины, клинок расширяется к середине. Далее широкий клинок довольно резко сужается (до 2 см) и в последней трети превращается в узкое и длинное обоюдоострое острие, которое было согнуто в древности, возможно в бою. Не исключено, что загнутый клинок стал причиной того, что нож положили в погребение извлеченным из ножен.

Публикуемый боевой нож является уникальным оружием для древностей эллинистического времени в Северном Причерноморье. Прямые аналогии ему не удалось найти не только среди античных материалов, но и в варварских памятниках этого времени. 56 В связи с этим, интерпретировать находку возможно только лишь на основании определенных параллелей с формами и конструкцией некоторых образцов эллинского и варварского оружия. Параллели в варварском мире довольно обширны хронологически и территориально.

Рассматриваемый нож имеет определенное сходство с выделенной еще А.И. Мелюковой ⁵⁷ группой скифских однолезвийных мечей, к настоящему времени значительно выросшей в количественном отношении. ⁵⁸ Уже довольно давно А.Ю. Алексеев крайне убедительно доказал эволюционную связь этого

⁵⁵ Возможно, бронзовые элементы являются не настоящей заклепкой, а ее имитацией. Так как утилитарную функцию крепления элементов рукояти эффективно выполняет железный стержень, дублирующий бронзовый элемент рядом нужен лишь для декоративных целей. С этой функцией вполне могли справляться имитирующие головку заклепки гвозди или конструктивно близкие к ним элементы. Окончательно прояснить эти особенности устройства рукояти, вероятно, поможет дальнейшая реставрация и изучение оружия при помощи рентгенографии.

⁵⁶ Авторы признательны А.В. Дедюлькну за плодотворное обсуждение особенностей этого редкого образца оружия и интересный диалог о возможных вариантах его генезиса и функционала.

⁵⁷ Мелюкова 1964, 59.

⁵⁸ Shelekhan 2020, 46.

оружия с греческой махайрой и скифским акинаком. ⁵⁹ Обращает на себя внимание сходство формы и сечения клинка ножа с некоторыми образцами скифского однолезвийного оружия. Известно, что профиль клинков поздних махайр приобретает более сложную конфигурацию, чем треугольное сечение клинков раннего оружия. ⁶⁰ В качестве наиболее яркой иллюстрации этого явления А. Ю. Алексеев приводит клинок однолезвийного меча из погребения 5 в. до н.э. у с. Абрамовка на Среднем Дону ⁶¹, который относительно близок публикуемому оружию еще и конструкцией перекрестия. Подобное сложное сечение имеют клинки мечей из Чертомлыкского кургана и кургана № 487 у с. Капитановки. ⁶² Появление «махайры» в паноплии скифских воинов в качестве именно статусного оружия среднего звена скифской аристократии последней трети 4 в до н.э. объясняет популярность этой имитации иноземного оружия у варваров. ⁶³

Еще одна группа похожего однолезвийного оружия происходит из меотских воинских погребений второй и третьей четвертей 4 в. до н. э. Прикубанского некрополя. Здесь была открыта компактная серия боевых ножей с рукоятями, отделанными костяными пластинами. ⁶⁴ Как и у ножа из некрополя Волна 6а, костяные накладки приклепаны к плоскому прямоугольному черенку этих ножей при помощи 3—4 железных заклепок, сопоставимы и размеры оружия. На этом сходство заканчивается, у ножей нет перекрестья, форма и конструкция рукояти и клинка максимально простые. Это оружие принадлежало элите войска — всадникам ⁶⁵, вооруженным копьями, мечами и луками. Положение в могиле или ношение длинного ножа каким-то образом было связано с колчаном. ⁶⁶

Однолезвийное клинковое оружие известно и в памятниках ранних сарматов. 67 Оно разительно отличается от античной махайры. 68 Исключением является находка из кенотафа в кургане 5 могильника Сладковский (Нижнее Подонье), которая датируется 4 в. до н.э. и связывается с сирматами. 69 Этот образец оружия существенно отличается от остальных раннесарматских однолезвийных мечей пропорциями и длиной (около 50 см), кроме того он имеет изогнутый клинок с расширением в верхней части, рукоять без перекрестья и навершия, которая сформирована костяными накладками, закрепленными при помощи железных заклепок. 70 Исследователи отмечают влияние греческой оружейной традиции на этот экземпляр оружия 71, что, вероятно, объясняет и сходство с публикуемым боевым ножом.

Для нас принципиальное значение имеет тот факт, что во всех перечисленных выше случаях общие черты рассматриваемого боевого ножа с образцами скифского, меотского, сарматского однолезвийного оружия генетически происходят от греческой махайры. В связи с этим логично предположить, что происхождение этого редкого для Боспора Киммерийского образца клинкового оружия связано именно с однолезвийным оружием эллинов. В этом отношении интересным представляется синхронное распространение в конце 4 - начале 3 вв. до н.э. махайры в погребениях городов Боспора и в комплексе вооружения племен Черноморского побережья Кавказа. 72 Среди наиболее близких ножу по форме и конструкции махайр, происходящих из северо-причерноморского региона, можно привести находки из погребений близ Карантинного шоссе⁷³, Горгиппии⁷⁴, Второго Кливанского могильника в Южной Осетии. 75 Мечи из раскопок А.Б. Ашика и Е.М. Алексеевой имеют такое же сечение клинка, что и публикуемый боевой нож. При этом у клинка из некрополя Пантикапея такая же прямая спинка и довольно выраженное узкое острие, а махайра из погребения в Горгиппии имеет схожий выступ у основания клинка. Две махайры из кавказского погребения близки ножу из некрополя Волна 6а своими размерами и сохранившимися заклепками на рукояти.

- ⁵⁹ Алексеев 2006, 58.
- ⁶⁰ Там же, 52.
- ⁶¹ Медведев, Ефимов 2001, рис. 5. *1*.
- ⁶² Алексеев 2006, рис. 1. 4-6.
- ⁶³ Там же, 53, 58.
- 64 Лимберис, Марченко 2018, 221, 222, рис. 1, 3, 4.
- ⁶⁵ Там же, 221.
- ⁶⁶ Там же, 223.
- 67 Глебов 2013, 181–187.
- ⁶⁸ Скрипкин 1990, 133.
- 69 Максименко 1983, 127.
- 70 Глебов 2013, 182.
- ⁷¹ Там же, 183.
- ⁷² Новичихин 218, 217–218.
- ⁷³ Дюбрюкс 2010, рис. 723, 729.
- ⁷⁴ Алексеева 1982, 54–57.
- ⁷⁵ Сланов А. Х., Сланов А. А. 2010, 329–331.

Специального рассмотрения заслуживает, кратко упомянутая выше, яркая особенность конструкции боевого ножа – узкое «штыковидное» острие на конце клинка. Оно формируется в результате резкого сужения широкого однолезвийного клинка вдвое (до 2 см) в последней трети длины клинка. На этом участке клинок превращается в двулезвийное острие длиной около 10 см. Совершенно очевидно, что эта деталь имеет утилитарное назначение, связанное с функционалом вспомогательного клинкового оружия, применяющегося исключительно в ближнем бою. Подобная деталь клинка известна у позднеэллинистического меча из погребения воина второй половины 3 - первой половины 2 в. до н.э. из могильника Мезмай на Северо-Западном Кавказе. ⁷⁶ Общая длина интересуюшего нас меча составляет 48.5 см, что всего на один сантиметр меньше длины боевого ножа из рассматриваемого захоронения боспорского воина, это позволяет корректно сопоставить данные образцы оружия. Авторы сравнивают узкое острие кинжала с аналогичной конструктивной особенностью значительно более поздних кольчугобойных кинжалов и убедительно связывают этот редкий элемент клинка с появлением кольчужного доспеха. 77 Особенно убедительно эта гипотеза звучит в связи с находкой в этом же комплексе редкой для памятников эллинистического времени железной кольчуги. 78 Эта близкая во времени и пространстве аналогия позволяет экстраполировать выводы об использовании остроконечного клинка для пробития кольчужного доспеха на все подобное оружие эллинистической эпохи, в том числе и на изучаемый боевой нож.

Под боевым ножом обнаружены ножны от которых сохранилась только бронзовая бутероль (рис. 13). Судя по тому, что меч был положен в могилу в деревянных ножнах, тлен которых сохранился на поверхности железного меча и вокруг его острия, с высокой долей вероятности пустые ножны предназначены для боевого ножа. Бутероль представляет собой бронзовую заостренную внизу обойму, которая охватывала нижнюю часть деревянных или кожаных ножен. Трапециевидное тело бутероли сворачивалось из листовой бронзы. Шов в месте стыковки краев заготовки проходил по вертикальной оси оборотной стороны. При изготовлении нижняя часть листа оборачивалась вокруг литой детали – фигурного наконечника в форме перевернутой пешки с окончанием в виде сферы и двумя валиками, разбитыми на ложную зернь над ней. Так как верхняя часть этой детали расширялась, наконечник плотно фиксировался в обойме при обжиме. Бутероль в разрезе имела уплощенно-овальную форму, выполненную по размеру окончания ножен. К основе бутероль крепилась при помощи четырех прямоугольных отверстий, пробитых вдоль верхней прямой кромки оборотной стороны наконечника ножен (по два отверстия с каждой стороны от шва). Вероятно, что через пару отверстий пропускалась одна скоба. Верхняя кромка лицевой стороны ножен имела фигурный вырез в виде перевернутого фестона. Поверхность бутероли орнаментирована горизонтальными рельефными валиками – два в нижней части, один в средней и один в верхней части наконечника. На правую торцевую сторону обоймы нанесен рельефный орнамент в виде зигзага из тройной линии. Высота бутероли составляет 8,1 см, ширина 3,2-0,6 см. Диаметр сферической кнопки 0,8 см.

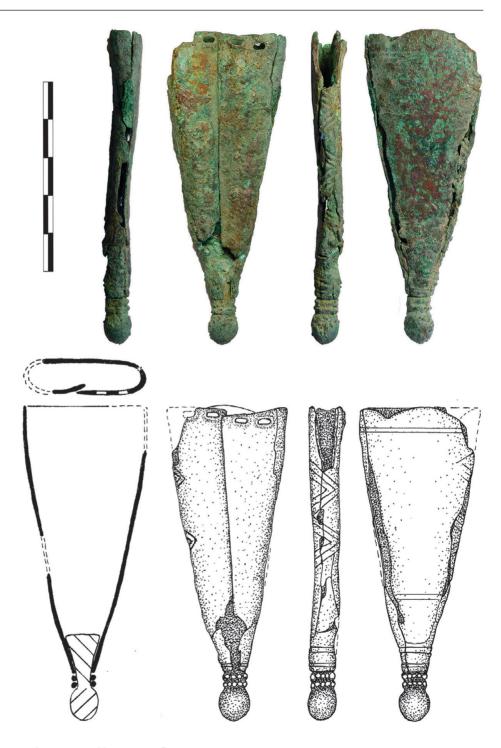
Бутероль относится к группе наконечников ножен 3–1 вв. до н.э., выполненных из золота, серебра, бронзы и железа. Ю.П. Зайцев выделил пять территориально изолированных зон распространения этих находок от верховий Дуная в Центральной Европе до Северного Кавказа, обозначив на фоне своеобразия каждой из групп, сходство находок из Северо-Западного Причерноморья, Крыма

⁷⁶ Шевченко и др. 2011, 126–127, рис. 13. *4*.

⁷⁷ Там же, 126, 140.

⁷⁸ Там же. 131. 141–142.

Рис. 13. Бутероль ножен боевого ножа



и Северного Кавказа. ⁷⁹ В ряду прочего автор отмечает полное отсутствие этих предметов на территории Боспора. ⁸⁰ Однако находка из публикуемого воинского комплекса, наряду с бутеролью из Фанагорийской каменной гробницы второй половины – конца 2 в. до н. э. ⁸¹ свидетельствуют о существовании этих элементов в снаряжении воинов Азиатского Боспора эпохи позднего эллинизма.

Небольшой нож, найденный, вероятно, в ножнах боевого ножа или прикрепленным к ним, ⁸² имел изогнутую спинку полотна и прямое лезвие (рис. 10. 4). Черешковая рукоять продолжала линию изгиба спинки, и сохранила на себе следы

⁷⁹ Зайцев 2010, 136-138.

⁸⁰ Там же, 137.

⁸¹ Ворошилов, Ворошилова 2016, 26–27.

⁸² На это указывает полное совпадение ориентации ножа с осью ножен (по бутероли) и клинком боевого меча, положенного поверх ножен.

дерева. Общая длина ножа составляла 10.4 см. при этом длина полотна 6.8 см. ширина 1,8 см. Ножи часто встречаются в погребениях Северного Причерноморья. Они характерны для кочевнических захоронений еще с 4 в. до н. э. 83 Нередко ножи находят и в некрополях боспорских городов, что ставится в зависимость от влияния местных погребальных традиций. В большинстве «варварских» погребений данная категория инвентаря связана с напутственной пищей. В захоронениях боспорских некрополей ножи, напротив, часто не имеют отношения к напутственной пище. 84 В этом смысле показательным является грунтовый некрополь Волна 1, расположенный рядом с некрополем Волна 6а. В его погребениях было найдено свыше 100 экземпляров железных ножей различных типов. 85 Среди них выделяется группа ножей, положение которых в погребении. как и у описываемого экземпляра, может указывать на связь с клинковым оружием. Они располагались либо под мечами, в средней их части, либо зафиксированы непосредственно на клинке. Вероятно, ножны мечей имели специальные «футляры», в которые и помещались эти ножи. 86 Их небольшие размеры (общая длина не превышает 12 см) говорят не в пользу боевого назначения, а скорее хозяйственного, такой нож всегда под рукой, что особенно удобно в походе. Аналогичные ножи с изогнутой спинкой появляются в погребениях Азиатского Боспора в конце 5-4 вв. до н. э. ⁸⁷, их единичные находки известны и в комплексах рубежа 4-3 вв. до н.э., в это время они количественно уступают ножам других типов. Число ножей с изогнутой спинкой значительно возрастает в конце 3-2 вв. до н.э. в захоронениях сираков Прикубанья. 88 Встречаются ножи и в меотских погребениях, но их спинки ровные, или слабо изогнуты, а лезвия часто отделены уступом от прямой рукояти. 89 Таким образом, есть все основания искать истоки рассматриваемого типа ножей именно в сарматской культуре.

Публикуемое воинское погребение содержит довольно много вещей. Даты большинства из них весьма широки, реалистичным временем появления такого набора предметов в одном закрытом комплексе можно считать эпоху позднего эллинизма. Наиболее вероятная датировка комплекса укладывается в рамки второй половины 2 в. до н.э. – начала 1 в. до н.э.

В этнокультурном отношении погребальный комплекс выглядит как погребение представителя эллинского населения Азиатского Боспора, имевшего определенные связи с культурой варварского окружения Боспора. Об этом недвусмысленно свидетельствует погребальное сооружение с закладом из сырцового кирпича. широко распространенное в некрополях эллинистических городов восточной части Боспора Киммерийского, а также известное и в некрополях Греции. 90 Распространение этих погребальных конструкций на Боспоре с конца 4 в. до н.э. могло быть следствием притока групп населения из греческих городов севера Малой Азии. 91 При этнокультурной интерпретации погребения заслуживает внимания и северная ориентировка погребенного. Для большинства сарматских культур и культур, оказавшихся под сарматским влиянием, в этот время характерна южная ориентировка погребенных, с отклонениями к востоку или западу. Для захоронений прикубанских сарматов, свойственна восточная ориентировка. 92 которая является преобладающей и в городских некрополях Боспора. Примечательно, что северная ориентировка коррелирует с подбойными сарматскими погребениями. С рубежа эр она не только преобладает среди них, но и вместе с подбоями становится господствующей в сарматском мире. 33 Можно осторожно предположить, что эта черта погребального обряда каким-то образом связана с культурным влиянием представителей таврийской группы сарматских памятников 2-1 вв. до н.э., в которых

⁸³ Симоненко 1993, 25.

⁸⁴ Кастанаян 1959, 270.

⁸⁵ Гараев, Цокур 2018, 154.

⁸⁶ Там же, 157, 160-164.

⁸⁷ Там же, 157, 161.

⁸⁸ Марченко 1996, рис. 115. 7, рис. 108. 12; 93. 7; 91. 4; 90. 12; 88. 6; 79. 11; 47. 10.

⁸⁹ Лесков и др. 2005, рис. 57. 2, рис. 60. 4; 102. 8; 172. 1; 184. 3; 203. 6; 231. 2.

⁹⁰ Сударев 2010, 436.

⁹¹ Там же. 439.

⁹² Симоненко 1993, 25.

⁹³ Мошкова 1989б. 192.

северная ориентировка погребенных абсолютно преобладает, при этом аналогичная группа памятников известна только в низовьях Дона. 94 Однако, нельзя исключать и боспорское происхождение этой обрядовой черты. Проиллюстрировать это предположение можно довольно противоречивыми сведениями И.Е. Забелина о положении воина в синхронной элитной гробнице из кургана Боюр-Гора. 95

Присутствие в могиле полного набора наступательного вооружения, аккуратно сложенного рядом с мужчиной, а не закрепленного, как это было принято у кочевников, на его теле, подтверждает принадлежность погребенного человека к профессиональным боспорским воинам. Расположение оружия справа от мужчины вдоль стены погребения известно в элитных эллинистических гробницах Азиатского Боспора. Ярким примером может служить упомянутая воинская усыпальница 2 в. до н.э. из самого большого в окрестностях Фанагории кургана – Боюр-Гора. ⁹⁶ В сарматских погребениях мечи, как правило, располагались слева вдоль туловища, а кинжалы справа вдоль бедра. ⁹⁷ При этом разные типы вооружения лежали отдельно друг от друга. В публикуемом погребении древковое и клинковое оружие сложено вместе. Подобная система размещения оружия в погребениях часто встречается в меотских памятниках. 98 У сарматов Прикубанья она отмечается в качестве исключения. 99 Возможным свидетельством гибели этого воина в бою может быть не только оказанная ему честь быть погребенным со своим оружием, но и загнутый клинок железного ножа, сопровождавшего мужчину. 100 Не исключено, что оружие было повреждено в последнем для воина бою и в таком виде было положено вместе с ним. О месте, занимаемом этим человеком в боспорском войске мы можем судить по выразительному составу его паноплии. В эллинистической культуре согласно комплексу вооружения, всадников можно разделить на две большие категории: тяжело- и легковооруженные. Тяжеловооруженные всадники носили доспехи и имели оружие ближнего боя (копья, мечи), а легковооруженные всадники сражались оружием дальнего боя (стрелы, дротики).¹⁰¹ Согласно этим принципам систематизации воин из некрополя Волна 6а принадлежал к тяжелой коннице. Однако всадники, вооруженные различного вида копьями, согласно реальной практике боя, были средней, то есть ударно-метательной конницей. Ударное копье было главным оружием верховых копьеносцев. Преимущества копья в ближнем бою очевидны: оно позволяло всаднику поразить врага раньше, чем клинковым оружием. Копье часто ломалось или оставалось в теле противника, после чего всадник брал второе копье или использовал меч. Не очень длинные копья можно было метать. 102 Наличие в наборе наступательного оружия двух различных копий и длинного всаднического меча свидетельствует о том, что воин из публикуемого погребения был всадником-копьеносцем. Отсутствие у него лука и стрел может говорить о его принадлежности к тяжелой или средней коннице, составлявшей основную силу конных подразделений эпохи эллинизма. Следует отметить, что из двух копий, обнаруженных вместе с воином, оружие с массивным наконечником, могло являться основным ударным копьем для ближнего боя, а более легкое – метательным оружием для атаки на средней дистанции. Длинный всаднический меч, с треугольным клинком, эффективным прежде всего для нанесения колющего удара, использовался всадником только лишь при потере обоих копий. Боевой нож применялся в ближнем бою для пробивания кольчужного доспеха. Аналогичные по своему функционалу боевые комплекты клинкового оружия, состоящие из синдо-меотского меча и боевого ножа или шилообразного стилета для пробивания доспеха, сложились еще в 4-3 вв. до н.э., возможно, в результате покорения Боспорским царством части окружавших его варварских племен. 103

⁹⁴ Симоненко 1993, 23, 110.

⁹⁵ Кузнецов и др. 2016, 298–302.

⁹⁶ Там же. 298–302.

⁹⁷ Хазанов 1971, 13, 25; Марченко 1996, рис. 46, 75, 65.

⁹⁸ Лесков и др. 2005, рис. 32, 40, 49, 79.

⁹⁹ Марченко 1996, рис. 103.

¹⁰⁰ О ритуальной порче оружия в данном случае говорить не приходится, так как основное клинковое оружие воина – меч и оба наконечника копья обнаружены в полной сохранности.

¹⁰¹ Нефедкин 2019, 687.

¹⁰² Там же, 2019, 489, 612-613.

¹⁰³ Маслов 2019, 140.

Подводя итог, отметим, что погребение профессионального боспорского воина второй половины 2 в. до н. э. с полным набором наступательного оружия вполне согласуется с новым этапом истории Боспорского государства, характеризующимся окончанием периода относительной стабильности в Северном Причерноморье. Этот новый период дестабилизации военно-политической обстановки в регионе весьма болезненно отразился на положении государства. Археологические материалы свидетельствуют о череде трагических событий на территории Азиатского Боспора, начавшихся с середины 2 в. до н. э. ¹⁰⁴ Не исключено, что гибель всадника из публикуемой гробницы может быть связана с каким-либо из этих событий.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамова М. П. 2004. О мечах синдо-меотского типа // Археологические памятники раннего железного века Юга России (Материалы и исследования по археологии России 6). Москва, 17–22.
- Алексеев А. Ю. 2006. Акинак или махайра? // Древности скифской эпохи. Москва, 43–65. Алексеева Е. М. 1982. Юго-восточная часть некрополя Горгиппии // Горгиппия II. Материалы Анапской археологической экспедиции. Краснодар, 54–57.
- Алексеева Е. М. 1975. Античные бусы Северного Причерноморья (САИ Г1-12). Москва.
- Алексеева Е. М. 1978. Античные бусы Северного Причерноморья (САИ Г1-12). Москва.
- Амброз А. К. 1966. Фибулы юга европейской части СССР II в. до н.э. IV в.н.э. (САИ Д1-30). Москва.
- Виноградов Ю. А., Горончаровский В. А. 2008. Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н.э. – середина III в. н. э.). Санкт-Петербург.
- Ворошилов А. Н., Ворошилова О. М. 2016. О новых находках эллинистических каменных «ящиков» в Фанагории // Азиатский Боспор и Прикубанье в доримское время. Москва, 23–28.
- Гараев И. А., Цокур И. В. 2018. К вопросу о типологизации боспорских ножей // Таврические студии 16. Симферополь, 154–165.
- Грач Н. Л. 1999. Некрополь Нимфея. Санкт-Петербург.
- Глебов В. П. 2013. Однолезвийные мечи у ранних сарматов // За рекой Танаисом. Сборник памяти В. Е. Максименко. Ростов-на-Дону, 181–187.
- Дюбрюкс Поль. 2010. Собрание сочинений. Т. II. Иллюстрации. Санкт-Петербург.
- Завойкин А.А., Сударев Н.И. 2006. Погребения с оружием VI–V вв. до н.э. как источник по политической и военной истории Боспора // ДБ 9, 101–151.
- Зайцев Ю. П. 2010. Металлические наконечники ножен III–I вв. до н. э. из Северного Кавказа, Северного Причерноморья и Подунавья: к проблеме межкультурных контактов // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. Магас, 136–138.
- Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. 2004. Варварские погребения Крыма II в. до н.э. I в. н.э. // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Краснодар, 174–204.
- Капошина С. И. 1959. Некрополь в районе поселка им. Войкова близ Керчи // В. Ф. Гайдукевич (ред.), Некрополи боспорских городов (МИА 69). Москва—Ленинград, 108—153.
- Кастанаян Е. Г. 1959. Грунтовые некрополи боспорских городов VI–IV вв. до н.э. и местные их особенности // В. Ф. Гайдукевич (ред.), Некрополи боспорских городов (МИА 69). Москва–Ленинград, 257–295.
- Корпусова В. Н. 1983. Некрополь Золотое (к этнокультурной истории Европейского Боспора). Киев.
- Кропотов В. В. 2010. Фибулы сарматской эпохи. Киев.

¹⁰⁴ Виноградов, Горончаровский 2009, 121–126.

- Кузнецов В. Д. 2015. Сырцовый кирпич (по материалам Фанагории) // ПИФК 1, 282-294.
- Кузнецов В. Д., Ворошилов А. Н., Жуковский М. О. 2016. Курган Боюр-Гора (предварительная публикация) // А. А. Завойкин (ред.), Материалы по археологии и истории Фанагории 2 (Фанагория 4). Москва, 279–324.
- Лесков А. М., Беглова Е. А., Ксенофонтова И. В., Эрлих В. Р. 2005. Меоты Закубанья в середине VI начале III века до н. э.: некрополи у аула Уляп. Погребальные комплексы. Москва.
- Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. 2018. Боевые ножи меотов // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. Карачаевск, 221–223.
- Максименко В. Е. 1983. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону.
- Марченко И.И. 1996. Сираки Кубани (по материалам курганных погребений Нижней Кубани). Краснодар.
- Масленников А. А. 1981. Население Боспорского государства в VI–II вв. до н. э. Москва.
- Маслов В. Е. 2019. Синдо-меотские мечи *vs* акинаки (реалии сегодняшнего дня) // Stratum plus 3, 133–154.
- Медведев А.П., Ефимов К.Ю. 2001. Курган скифского времени у с. Абрамовка // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН. Москва, 202–210.
- Мелюкова А. И. 1964. Вооружение скифов (САИ Д1-4). Москва.
- Мошкова М. Г. 1989а. Среднесарматская культура // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время (Археология СССР). Москва, 177–190.
- Мошкова М. Г. 1989б. Позднесарматская культура // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время (Археология СССР). Москва, 191–201.
- Нефедкин А. К. 2019. Конница эпохи эллинизма. Санкт-Петербург.
- Новичихин А. М. 2018. Горгиппийская махайра // Война и торговля как факторы исторического развития народов Западного Кавказа в древности и средневековье («Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа VIII). Краснодар, 214–222.
- Симоненко А. В. 1993. Сарматы Таврии. Киев.
- Скрипкин А.С. 1990. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов.
- Сланов А. Х., Сланов А. А. 2010. Об одном типе боевых ножей из Второго Кливанского могильника Южной Осетии // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. Магас, 329–331.
- Смирнов К. Ф. 1980. О мечах синдо-меотского типа // КСИА 162, 38-45.
- Сударев Н. И. 2010. Некрополи и погребальные обряды // Г. М. Бонгард-Левин, В. Д. Кузнецов (ред.), Античное наследие Кубани 2. Москва, 418–472.
- Хазанов А. М. 1971. Очерки военного дела сарматов. Москва.
- Шевченко Н.Ф., Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. 2011. Княжеское погребение эллинистического времени в могильнике Мезмай (Северо-Западный Кавказ) // ВДИ 1, 115–152.
- Эрлих В. Р. 1991. Меотские мечи из Закубанья // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. Москва, 77–99.
- Žuravlev D. V., Lomtadze G. A., Il'ina T. A., Sudarev N. I. 2007. Kurgan 17 (18) aus der Nekropole der bosporanischen Stadt Kepoi // Eurasia Antiqua 13, 215–255.
- Shelekhan O. 2020. Swords and Daggers of the Scythian Forest-Steppe. Oxford.

О. М. Ворошилова

ПОГРЕБЕНИЕ В «КАМЕННОМ ЯЩИКЕ» (ФАНАГОРИЯ, 2016 Г.) *

Аннотация. Статья посвящена погребению, открытому на участке Восточного некрополя Фанагории в 2016 году. Оно относится к редким погребальным комплексам эллинистического времени – каменным ящикам. Гробница осталась непотревоженной древними и современными грабителями, что дало возможность объективно оценить положение покойного и сопутствующий инвентарь. Хорошо сохранившееся сооружение позволило детально разобрать конструктивные особенности и строительные приемы, используемые создателями гробницы. Усыпальница была построена из обработанных блоков известняка во 2 в. до н.э., судя по всему она имитировала каменный саркофаг. Внутри был обнаружен скелет взрослого человека и сопровождавший его погребальный инвентарь. У тела покойного найден набор керамической посуды. У ног стояла деревянная шкатулка, в ней хранились туалетные принадлежности, среди которых такие предметы, как бронзовое зеркало с рельефной ручкой, свинцовая пиксида, туалетная ложка. Эти находки свидетельствуют о том, что в гробнице нашла последнее пристанище состоятельная жительница столицы Азиатского Боспора. Публикуемый комплекс пополняет серию немногочисленных каменных гробниц древнего города, а его выдающаяся сохранность имеет большое значение для реконструкции погребальных обрядов и уровня жизни состоятельных жителей эллинистической Фанагории.

Ключевые слова. Северное Причерноморье, Азиатский Боспор, Фанагория, некрополь, эллинизм, погребальный обряд, каменная гробница.

O. M. Voroshilova A BURIAL IN A STONE CIST (PHANAGORIA, 2016)

Abstract. The article deals with a burial uncovered at the Eastern necropolis of Phanagoria in 2016. It is a rare type of Hellenistic burials: in a stone cist. The burial remained undisturbed by ancient and modern grave-robbers, thus offering a good opportunity to examine the position of the buried person and the grave-goods. The well-preserved cist made it possible to consider in detail the constructive features and technologies applied by the creators of the grave. The burial chamber was built of regular limestone blocks in the 2nd century B.C. It evidently imitated a stone sarcophagus. Inside, a skeleton of a grown-up person was found, along with grave goods which included a set of ceramic vessels, a wooden casket with toilet implements: a bronze mirror with a decorated handle, a led pixis, and a toilet spoon. These finds prove that the buried person was a noble woman who lived in the capital of the Asian Bosporos. The burial considered here adds to the small number of stone graves of the ancient city discovered to date, and its fine state of preservation is significant for the reconstruction of the burial rites of the upper classes of Hellenistic Phanagoria.

Key-words. North Black Sea area, Asian Bosporos, necropolis, Phanagoria, Hellenistic period, burial rites, stone grave.

Эллинистический некрополь Фанагории попадал в поле зрения ученых не часто. Исследователи в основном ограничивались суммарной характеристикой результатов раскопок погребальных комплексов, приводили общие сведения о захоронениях и публиковали некоторые наиболее интересные находки. Между тем некрополь этого периода выделяется разнообразием погребальных сооружений. В это время жители столицы Азиатского Боспора хоронили умерших как в простых грунтовых могилах, могилах с подбоем, с перекрытием, так

^{*} Исследование выполнено в рамках НИР ИА РАН по теме «Археологические культуры евразийских степей и античный мир – контакты и взаимовлияния» (АААА-А18-118011790093-2).

¹ Блаватский 1951, 189–226; Кобылина 1951, 241–249; Марченко 1979, 102–127; Коровина 1987, 130–135.

и в богатых грунтовых и каменных склепах.² Одним из редких типов эллинистических захоронений являются погребения в каменных ящиках. Находки ящиков широко известны в греческом мире.³ Представлены они и в некрополе Фанагории, где на сегодняшний день известно около 40 таких сооружений. Некоторые из них упоминаются среди общих обзоров раскопок некрополя,⁴ но их характеристика ограничивается в основном самыми общими сведениями о конструкции и найденных вещах.⁵ В последние годы Некропольскому отряду Фанагорийской экспедиции ИА РАН удалось обнаружить несколько подобных усыпальниц, не разоренных грабителями,⁶ среди которых и комплекс 275/2016 г., которому посвящена настоящая работа. Находка не разграбленного погребения не только позволила детально разобрать методику строительства гробницы, положение покойного в могиле, сопутствующий инвентарь, но и предоставила возможность реконструировать детали погребального обряда жителей эллинистического города. Перейдем к рассмотрению каменной гробницы.

Погребение 275 было открыто в 2016 году на участке Восточного некрополя Фанагории, в створе ближайшей к морю и параллельно ему аллеи курганов. Это высокое узкое плато между берегом Таманского залива и древней дорогой из Фанагории в Кепы расположено в удобном, легкодоступном из города месте — в непосредственной близости от дороги. Оно хорошо заметно с моря и, вероятно, являлось довольно престижным участком древнего кладбища. Каменная погребальная конструкция была выявлена в 0,5—0,7 м от современной поверхности, что типично для этого типа эллинистических сооружений некрополя столицы Азиатского Боспора. Сооружение представляло собой каменный ящик длиной 230 см, шириной 80 см и высотой 45—50 см (рис. 1. 1, 2). Продольными сторонами гробница была ориентирована по линии юго-запад — северо-восток.

Конструкция гробницы

Ящик сооружен в котловане из 17 тесаных известняковых плит. ⁷ Форма и размеры применявшихся блоков близки: длина варьируется от 48 до 68 см, ширина от 19 до 32 см, толщина от 12 до 20 см. Плита I, вероятно, представляет собой заготовку, возможно, для изготовления надгробия (рис. 2, 3). На поверхности камня в центре присутствует выемка в виде круга диаметром 10 см и глубиной 0,9 см. Плиты № V, VI, VII треснули по центру (рис. 1, 2), вероятно, в результате провала северо-восточной части ящика в рухнувшую камеру земляного склепа № 276/2016–2018, которая находилась под ним.

При расчистке границы котлована не читались, но судя по устройству аналогичных комплексов, вон имел прямоугольную в плане форму, покатые стенки и плоское горизонтальное дно, размером с запланированную для постройки гробницу. На первом этапе строительства по периметру дна котлована из поставленных на продольное ребро прямоугольных плит возводились стены. Продольная стена ящика состояла из четырех плит, торцевая — из одной. В большинстве подобных фанагорийских комплексов торцевые плиты приставлялись к продольным. В данном случае край каждой из четырех стен приставлялся к внутренней поверхности следующей стены. Подобный строительный прием уже встречался в некрополе Фанагории. Всего для возведения стен использовали 10 плит. Еще 7 таких блоков строители уложили горизонтально на стены поперек ящика в конце погребальной церемонии. Плиты перекрытия были плотно сдвинуты, формируя, таким образом, каменную крышку ящика (рис. 2. 1, 2). При этом пол внутри

- ² Ворошилов, Ворошилова 2019, 76–77.
- ³ Kurtz, Boardman 1971, 191, fig. 38; Hermary, Panayotova, Baralis, Damyanov, Riapov 2010, 59, fig. 37.
- ⁴ Коровина 1967, 132, рис. 51; Медведев 2013, 234, рис. 1. *47*.
- ⁵ Коровина 1987, 101–102, 106–107.
- ⁶ Ворошилов, Ворошилова 2016, 23–28; 2017, 216–217.
- ⁷ Плиты пронумерованы римскими цифрами и обозначены на чертежах.
- ⁸ Ворошилов, Ворошилова 2016, 25; 2017, 216; 2020, 478.
- ⁹ Там же, 25; Ворошилова 2018, 7, рис. 1. *1, 2*; рис. 2. *1*.
- ¹⁰ Ворошилов, Ворошилова 2020, 478.



Рис.1. Погребение 275/2016 до снятия перекрытия: *1* – вид с северо-запада; *2* – вид с юго-востока



гробницы оставался земляным. Для придания вида каменной поверхности его присыпали известняковой крошкой и утрамбовали в плотную прослойку толщиной около 5 мм. В результате этих действий пол стал выглядеть как каменная поверхность.

Пространство между внешними сторонами вертикально установленных плит и стенами котлована было забутовано грунтом, вынутым при выкапывании котлована. Именно поэтому границы котлована не читались при зачистках и вертикальных разрезах. Однако, наличие самого котлована подтверждают разновеликие осколки камня в его заполнении, прижатые снаружи к плитам (рис. 1; 2. 1). Они использовались для лучшей фиксации стен, которые распирались этими обломками перед засыпкой котлована грунтом.

Положение погребенного

После снятия перекрытия обнажилась заполненная грунтом полость ящика, в которой был расчищен скелет взрослого человека (рис. 5. 1, 2). Погребенный лежал вытянуто на спине, головой ориентирован на северо-восток. Верхняя часть черепа была немного смещена к востоку в результате провала северо-восточной части ящика в погребальную камеру римского склепа еще в древности. Руки покойного были вытянуты вдоль тела, ноги располагались параллельно. По определению антропологов скелет принадлежал мужчине 40–49 лет, 11 между

¹¹ Добровольская, Свиркина 2018, 60.

Рис. 2. Погребение 275/2016 до снятия перекрытия: 1 – вид с севера; 2 – вид сверху





тем половые признаки выражены не ярко, а находки, обнаруженные в гробнице, более характерны для женского захоронения.

Погребальный инвентарь

Умершего человека сопровождал разнообразный погребальный инвентарь (рис. 5. 1). Между левой бедренной костью и юго-восточной стеной ящика лежал красноглиняный лагинос (рис. 5. 1; 6. 1). Между костью левой голени и юго-восточной стеной находилась чернолаковая рельефная амфора (рис. 6. 1, 2), рядом с ней стояла чернолаковая тарелка (рис. 6. 2), под которой лежал сероглиняный унгвентарий (рис. 6. 1, 2). В ногах погребенного стояла

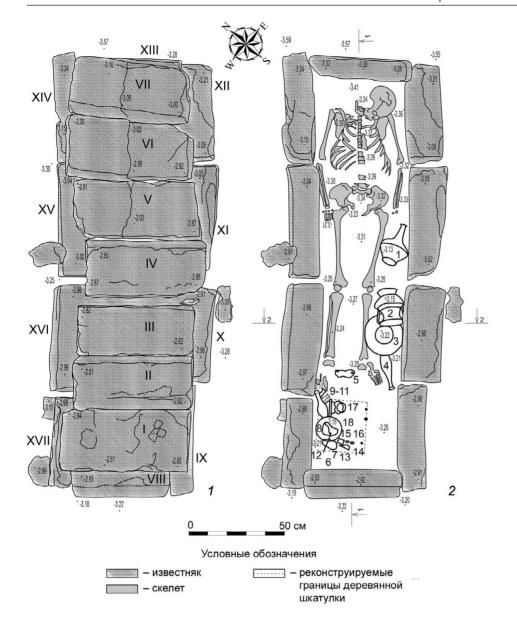


Рис. 3. Общий план погребения 275/2016: 1 - план погребения с перекрытием; 2 - план погребения после расчистки внутреннего пространства ящика. Экспликация: 1 – лагинос красноглиняный; 2 – амфора чернолаковая: 3 – тарелка чернолаковая; 4 - унгвентарий сероглиняный 1; 5 - детали механизма и конструкции деревянной шкатулки; 6 – раковины мидии; 7 – раковины гребешка: 8 – раковина тонны: 9-11 - унгвентарии сероглиняные 2-4: 12 - туалетная ложка бронзовая: 13 – фибула бронзовая: 14 – бусы стеклянные; 15 - гиря бронзовая; 16 - пряжка железная; 17 - пиксида свинцовая с крышкой; 18 - зеркало бронзовое

деревянная шкатулка (рис. 5. 1), от нее сохранились металлические элементы: железные и бронзовые гвозди, бронзовые оковки и железный ключ. В шкатулке найдены: три сероглиняных унгвентария, раковины мидии и гребешка, бронзовая фибула, бронзовое зеркало, раковина тонны, бронзовая туалетная ложка, железная пряжка, две стеклянные бусины, бронзовая гиря, свинцовая пиксида с крышкой (рис. 5. 1).

Рассмотрим более подробно каждый из предметов, обнаруженных в погребении.

1. Лагинос красноглиняный (рис. 5. 3; 7. 1), высотой – 22,4 см, диаметр венца – 3,1 см, диаметр тулова – 15,7 см, диаметр поддона – 6,7 см, сечение ручки – 2,1×1,2 см. Глина оранжевая, мелкозернистая. Венец отогнут наружу, горло узкое, сужается к венцу, в верхней части рельефная полоса. Тулово биконическое, поддон кольцевой, невысокий. Ручка овальная в сечении. Подобные сосуды встречались в эллинистических комплексах некрополя Фанагории. 12 Многочисленные

¹² Марченко 1956, 113, рис. 3. 8.

Рис. 4. Погребение 275/2016. Внешний фасы стен и разрезы: 1 — внешний фас северо—западной стены; 2 — внешний фас юго—восточной стены; 3 — внешний фас северо—восточной стены;

4 – внешний фас юго—западной стены; 5 – разрез 1–1; 6 – разрез 2-2

аналогии происходят из археологических комплексов 3–2 вв. до н.э., открытых на различных памятниках античного мира. 13

2. Столовая чернолаковая амфора с рельефным орнаментом в технике West Slope ¹⁴ (рис. 6. *1*, *2*; 8. *1*, *2*), ее высота – 17,1 см, диаметр венца – 13,5 см, диаметр тулова – 14,9 см, диаметр поддона – 11 см, диаметр сечения ручек – 2х0,7 см. Глина серая, мелкозернистая, с включениями слюды. Лак черный, матовый, сохранился не на всей поверхности сосуда. Нижняя часть тулова изготовлена в форме; горло, шея, плечи и поддон сформованы на гончарном круге и вместе с ручками притерты к тулову. Стенки сосуда тонкие. Обжиг неравномерный, местами просматриваются пятна красной глины. На тулове два орнаментальных пояса. Первый – верхний пояс меандра с размещенными на поле прямоугольниками с обозначенными диагоналями (рис. 8. *2*). В верхней части пояс обрамлен двумя рельефными горизонтальными линиями, в нижней – одной. Второй пояс украшен корзиной из листьев аканфа, расположенных поперечно с листьями лотоса и ромбовидными, в укладе: 10+5+5. Листья аканфа длинные, узкие, с верхушками, закрученными

Ш XVI XV 1 XIV -2.92 IX XI XII 2 XII XIII VIII 3 -2.82 111 -2 82 50 см 11 Условные обозначения 5 XV X - известняк – скелет

¹³ Žuravlev, Lomtadze, Il'ina, Sudarev 2007, 242, Abb. 50. *5*; Bucovala 1967, 34, fig. 23; 35, fig. 24; Bozkova 1997, 14, pl. II; Парович-Пешикан 1974, 99, рис. 88. *4*, *5*; Rotroff 2006, 456–458, fig. 16–18.

¹⁴ Edwards 1975, 20; Журавлев 2015, 194.







расчистки внутреннего пространства: 1 – вид на расчищенное погребение сверху; 2 – вид на внутреннее пространство гробницы с северовостока; 3 – лагинос *in situ*

Рис. 5. Погребение 275/2016 после

один раз влево, один раз вправо почти на 1/3 высоты и имеющими центральную жилку, выразительно обозначенную грубой рельефной линией с поперечными полосками. Остальные листья имеют края и центральную жилку, также обозначенные рельефной линией, а пластичность поверхности подчеркнута желобками вдоль тех линий. Ромбовидные листья удлиненные, а самый широкий у них участок находится на высоте опущенной верхушки листа аканфа. Дно украшено округлой розеткой, дополнительно обрамленной тонкой концентрической линией. Розетка состоит из широких лепестков с закругленными концами и узких, веретенообразных, чередующихся в соотношении 8+8. Произведена, очевидно, в одном из центров Малой Азии, ¹⁵ вероятно, в Пергаме, который являлся одним из крупнейших центров производства керамики в технике West Slope с конца 3 по 1 вв. до н.э. 16 Ближайшие аналогии происходят из погребений, исследованных в непосредственной близости от Фанагории. В частности, подобная амфора найдена в каменном ящике, обнаруженном в Артюховском кургане, ¹⁷ еще один схожий сосуд обнаружен в могиле 192 некрополя Кеп. 18 Наиболее вероятной датой амфоры является середина – вторая половина 2 в. до н.э.

3. Тарелка чернолаковая (рис. 6. *1*, *2*; 8. *3*), высотой – 4,8 см, диаметр венца – 21 см, диаметр поддона – 10 см. Венец прямой, слегка вогнут, поддон кольцевой. На внутренней поверхности, в центре три кольцевые бороздки. Внешняя и внутренняя стороны, за исключением центра, покрыты черно-коричневым лаком. Подобные сосуды известны в фанагорийских погребениях эллинистического времени. ¹⁹

¹⁵ Schäfer 1968, 175, Abb. 14. 1, 2.

¹⁶ Журавлев 2015, 195.

¹⁷ Максимова 1979, 121, рис. 55.

¹⁸ Сорокина 1967, 104, рис. 39. *3*.

¹⁹ Медведев 2013, 234, рис. 1. *58*, *61*.

Рис. 6. Инвентарь: *1, 2* – керамические сосуды *in situ*





4. Унгвентарий 1 сероглиняный веретенообразный (рис. 7. 2), высотой – 27 см, диаметр венца – 3,6 см, диаметр тулова – 6,8 см, диаметр поддона – 3,3 см. Относится к типу 1, форме В по типологии В. Андерсон-Стоянович. ²⁰ Такие унгвентарии характерны для середины 2 – первой половины 1 вв. до н. э. В эллинистическое время веретенообразные унгвентарии встречаются в античных комплексах повсеместно. ²¹

В ногах погребенного стояла деревянная шкатулка квадратной формы. От нее лишь местами сохранился древесный тлен. Помимо вещей, найденных внутри шкатулки, здесь обнаружены предметы, которые относятся к деталям ее механизма или конструкции:

- -8 железных гвоздей с круглой шляпкой и квадратным в сечении стержнем (рис. 10. 1). Высота гвоздей варьируется от 4,6 до 5 см, сечение стержня 1×0.8 см, диаметр шляпки 1.7-1.8 см;
- 19 бронзовых гвоздей с округлой шляпкой и квадратным в сечении стержнем (рис. 10. 2). Высота гвоздей варьируется от 0,6 до 1,6 см, диаметр сечения стержня 0,2 см, размер шляпки 0,6–1,2 см;
- 12 стержневидных железных деталей механизма шкатулки от 0,9 до 3,9 см длинной (рис. 10. 3);
 - -2 бронзовые оковки размером 1,4×0,6×0,1 и 1,7×0,8×0,1 см (рис. 10. 4);

²⁰ Anderson-Stojanovic 1987, 118.

²¹ Парович-Пешикан 1974, 113, рис. 95; Максимова 1979, 139, табл. III; Коровина 1987, 89, рис. 15; Божкова, Кияшкина 2013, 32, рис. 12. *6*; Αλεξανδροπούλου 2010, 141.

– фрагменты железного ключа с кольцевым окончанием с одной стороны и загнутым под прямым углом стержнем с другой стороны (рис. 10. 5). Диаметр кольца – 2,2 см, размеры сечения стержня – 0,6×0,7 см, длина – 4,3 см.

Внутри шкатулки находились: раковины, три унгвентария, железная пряжка, бронзовая фибула, туалетная палочка, гиря, бусы, пиксида, зеркало.

- 6–8. Шесть створок раковин мидии (лат. *Mytilidae*), одна створка раковины морского гребешка (лат. *Pectinidae*) находились под бронзовым зеркалом (рис. 9. *1;* рис. 10. *6, 7).* Еще одна раковина тонны (лат. Tonnidae) лежала сверху на зеркале (рис. 9. *1*; 10. *8*). Следует отметить, что если мидии и гребешки встречаются в водах Черного моря, то моллюск тонны, обитает в тропическом индо-тихоокеанском районе. ²² Раковина тонны, очевидно, является импортным товаром.
- 9–11. Унгвентарии, изготовлены из серой глины, тулово имеет вытянутую веретенообразную форму (рис. 9. 1, 2):
- унгвентарий 2 (рис. 7. 3), высотой 9,9 см, диаметр венца 2,1 см, диаметр тулова 2,7 см, диаметр поддона 1,5 см;
- унгвентарий 3 (рис. 7. 4), высотой 7,3 см, диаметр венца 1,7 см, диаметр тулова 2 см, диаметр поддона 1,8 см;
- унгвентарий 4 (рис. 7. 5), высотой 22,9 см, диаметр венца 2,8 см, диаметр тулова 5,2 см, диаметр поддона 3,2 см.

Все сосуды, также как и описанный выше унгвентарий 1 (рис. 7. 2), относятся к типу 1, форме В по типологии В. Андерсон-Стоянович²³ и характерны для середины 2 — первой половины 1 вв. до н.э. Такие флаконы довольно часто встречаются в эллинистических комплексах некрополя Фанагории. ²⁴

12. Туалетная ложка бронзовая, длиной – 14,3 см, диаметр сечения стерж-HH = 0.2 см (рис. 10. 9). Лежала сверху на раковине тонны (рис. 9. 1). Прибор с заострённым концом с одной стороны и ложечкой с другой. В месте плавного перехода ложки в ручку нанесены две параллельные бороздки. Заостренный конец слегка изогнут. Центральная часть – ручка округлая в сечении. Такие ложки широко известны, как в 3-1 вв. до н.э., ²⁵ так и в римское время. ²⁶ Они применялись в качестве медицинского инструмента для очистки ран и их поверхностного лечения, выскабливания свищей и т.д. Ложки являлись предметом личной гигиены и использовались для чистки ушей, ногтей, а также для доставания различных мазей, бальзамов, эссенций из флаконов. 27 В данном случае вряд ли ложку можно рассматриваться в качестве медицинского инструмента, так как в погребении не найдено никаких вещей, связанных с медицинской деятельностью. В то время как предметы туалета представлены в изобилии (бронзовое зеркало, раковины, унгвентарии, пиксида). В данном конкретном случае ложка могла использоваться для извлечения содержимого трех небольших унгвентариев из этой же шкатулки.

13. Фибула бронзовая (рис. 10. 10), с обмоткой на головке (18 витков), высокой спинкой так же с обмоткой (8 витков). На спинке украшения в виде шести восьмерковидных завитков. Длина фибулы – 3 см, высота – 1,7 см, диаметр сечения спинки – 0,2 см, диаметр сечения иглы – 0,2 см. Обнаружена сверху на бронзовом зеркале. Относится к среднелатенским фибулам подгруппы 1 по классификации А.К. Амброза. В Фибула такого же типа происходит из каменного ящика 320/2019 г. Подобные застежки характерны для середины 2 – начала 1 вв. до н.э. По классификации В.В. Кропотова данный экземпляр относится к серии III, форма 2. Исследователь справедливо считает, что подобные образцы территориально тяготеют к Прикубанью и Центральному Предкавказью.

²² Ершов, Кантор 2008, 124–125, 228, 232,

²³ Anderson-Stojanovic 1987, 118.

²⁴ Марченко 1956, 113, рис. 3. *9*; Коровина 1987, 89, рис. 15; Медведев 2013, 234, рис. 1. *43*, *48*.

²⁵ Mondadori 1986, 356–357, cat. 320–321.

²⁶ Riha 1986, 56, 143–151, taf. 28–36.

²⁷ Ibid. 56.

²⁸ Амброз 1966, 113, табл.1. 10.

²⁹ Ворошилов, Ворошилова 2020, 486, рис. 5. *2. 3*.

³⁰ Амброз 1966, 14.

³¹ Кропотов 2010, 55, рис. 23. *3*.

Рис. 7. Инвентарь: *1* – лагинос; *2–5* – унгвентарии



В частности, застежки, снабженные треугольно расширенным концом ножки с проволочными «восьмерками» перед завязкой, характерны, прежде всего, для Прикубанья. В.В. Кропотов датирует серию второй половиной или последней четвертью 2 – первой половиной 1 в. до н. э. 32

- 14. Стеклянные бусы овальные желтого полупрозрачного стекла, имели следующие размеры: высота 1,2 см, диаметр 0,6 см (рис. 10. 11). Относятся к типу 35 по классификации Е. М. Алексеевой, ³³ датируются 3 в. до н.э.
 - 15. Гиря бронзовая, квадратной формы, размером 1,8×1,7×0,3 см (рис. 10. 12).
- 16. Пряжка железная с рамкой и язычком круглого сечения, язычок не выходит за край рамки (рис. 10. 13). Диаметр 1,5 см, диаметр сечения рамки 0,3 см, диаметр сечения язычка 0,1 см.
- 17. Пиксида свинцовая с крышкой (рис. 9; 10. 14). Сосуд округлой формы, стенки толщиной 0,2–0,3 см, сужаются кверху, высота 4,2 см, диаметр 7 см, высота крышки 2,3 см, диаметр крышки 7,1 см. Дно в центральной части вогнуто внутрь, таким образом, что по периметру образован не широкий кольцевой поддон

³² Кропотов 2010, 55–56, рис. 23. *3*.

³³ Алексеева 1978, 66.



Рис. 8. Инвентарь: *1, 2* – амфора; *3* – тарелка

(рис. 10. *14*). Крышка округлой формы, надевалась сверху на сосуд. Ее верхняя поверхность слегка прогнута в центре, сверху в центральной части находится вертикальная грибовидная ручка. Аналогичная пиксида была открыта в фанагорийском каменном ящике 320/2019 г. ³⁴ Такие сосуды относятся к 2–1 вв. до н. э. Они известны в комплексах некрополя Тарента, ³⁵ некрополя Самофракии. ³⁶

18. Зеркало бронзовое, с круглым диском и рельефной боковой ручкой (рис. 9, 11). Длина зеркала с ручкой – 23,5 см, диаметр диска – 13 см, диаметр сечения ручки – 0,7 см. Тыльная сторона диска плоская, гладкая, с невысоким бортиком (рис. 11. 1, 2). Лицевая сторона гладкая (рис. 11. 3, 4). Ручка расположена в одной плоскости с диском. Крепится к диску путем наложения на его тыльную сторону при помощи одной круглой в сечении заклепки. Верх ручки, заходящий на диск, украшен рельефным букранием (рис. 11. 1, 2). Ствол рукояти точеный, гладкий и круглый в сечении. Верхняя часть ручки, под головой быка, и ее окончание декорированы точеными валиками. Похожее по форме зеркало, но с другим украшением ручки, происходит из эллинистического каменного ящика, открытого на некрополе Месембрии. 37

Максимально широкий для эллинистического некрополя Фанагории спектр категорий погребального инвентаря, происходящего из погребения 275/2016, позволяет датировать этот археологический комплекс второй половиной 2 в. до н.э. Деревянная шкатулка, вмещавшая обширный набор туалетных принадлежностей, позволяет интерпретировать захоронение, как гробницу состоятельной женщины – жительницы столицы Азиатского Боспора. На далеко не рядовой статус покойной указывает ряд признаков. Один из них – расположение захоронения на довольно престижном участке древнего кладбища, находящемся

³⁴ Ворошилов, Ворошилова 2020, 486, рис. 5. *4. 5*.

³⁵ Hempel 2001, 66, abb. 26.

³⁶ Dusenbery 1994, 267, Abb. *S*–154–4.

³⁷ Божкова, Кияшкина 2013, 32, рис. 12. *1*.

Рис. 9. Содержимое деревянной шкатулки *in situ*: 1 – все находки; 2 – зеркало после расчистки





в непосредственной близости от города, дороги и моря. О состоятельности погребенной говорит и престижное погребальное сооружение, имеющее сложную конструкцию. Для создания такой гробницы требовался дорогой на Азиатском Боспоре камень. Вкупе с оплатой профессиональной работы строителей гробницы, подобные расходы могли позволить себе далеко не все жители города.

В заключение стоит отметить высокий уровень организации всей погребальной церемонии, начиная с проектирования гробницы, ее постройки и заканчивая самими похоронами. Свидетельство тому — особенности погребальной конструкции сооружения, учитывавшие специфику погребального обряда и набор сопровождающего инвентаря. В частности, речь идет о преднамеренном увеличении размеров гробницы³⁸ для установки в нее шкатулки. Судя по всему, устроители

³⁸ Синхронные каменные гробницы, расположенные в непосредственной близости от публикуемого ящика, были заметно короче. Их продольные стены состояли из трех каменных плит, а не четырех, как в погребении 275/2016.

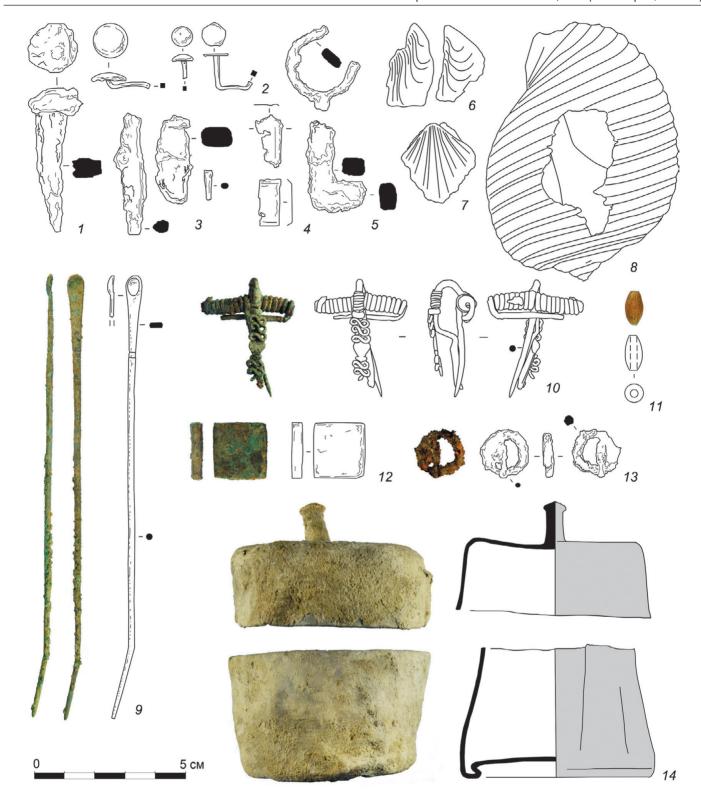
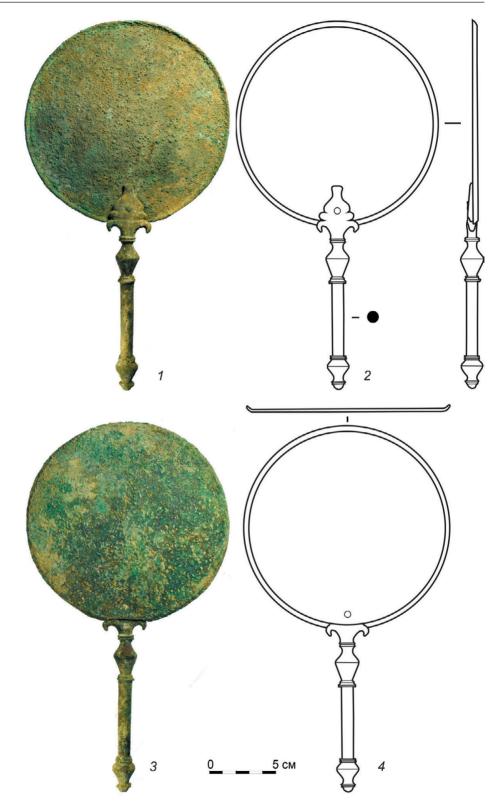


Рис. 10. Содержимое деревянной шкатулки: 1 – железный гвоздь; 2 – бронзовые гвозди; 3 – железные элементы механизма шкатулки; 4 – бронзовые оковки; 5 – железный ключ от шкатулки; 6 – раковины мидии; 7 – раковина гребешка; 8 – раковина тонны; 9 – бронзовая туалетная ложка; 10 – бронзовая фибула; 11 – стеклянная бусина; 12 – бронзовая гиря; 13 – железная пряжка; 14 – свинцовая пиксида

Рис. 11. Бронзовое зеркало: *1, 2* – тыльная сторона зеркала; *3, 4* – лицевая сторона зеркала



похорон предусмотрительно сделали каменный ящик длиннее, чем обычно³⁹, для того, чтобы туда поместилась массивная шкатулка. Данный факт свидетельствует о существовании в эллинистической Фанагории довольно хорошо развитой погребальной «индустрии».

³⁹ Ворошилов, Ворошилова 2016, 25.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева Е. М. 1978. Античные бусы Северного Причерноморья (САИ Г1-12). Москва.
- Амброз А. К. 1966. Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н.э. IV в.н.э. (САИ Д1-30). Москва.
- Блаватский В. Д. 1951. Раскопки некрополя Фанагории 1938, 1939 и 1940 гг. // В. Д. Блаватский, Б. Н. Граков (ред.), Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху (МИА 19). Москва, 187–226.
- Божкова А., Кияшкина П. 2013. Цистови гробове от элинистическия некропол на Месамбрия на Черно море // Известия на Националния археологически Институт XLI, 53–70.
- Ворошилов А. Н., Ворошилова О. М. 2016. О новых находках эллинистических каменных «ящиков» в Фанагории // Д. В. Журавлев, У. Шлотцауер (ред.), Азиатский Боспор и Прикубанье в доримское время. Москва, 23–28.
- Ворошилов А. Н., Ворошилова О. М. 2017. Погребения в каменных ящиках из Фанагории // V (XXI) Всероссийский археологический съезд. Сборник научных трудов. Барнаул. 216–217.
- Ворошилова О. М. 2018. Погребения в каменных ящиках из раскопок Фанагории в 1975 г. // ПИФК 4, 5–11.
- Ворошилов А. Н., Ворошилова О. М. 2019. Некрополь столицы Азиатского Боспора // Новые археологические проекты. Воссоздавая прошлое. Москва, 76–79.
- Ворошилов А. Н., Ворошилова О. М. 2020. Каменная эллинистическая гробница из раскопок Фанагории в 2019 г. // Археологическое наследие. Античность. Скифы. Сарматы. 477–487.
- Добровольская М.В., Свиркина Н.Г. 2018. Жители античной Фанагории (реконструкция образа жизни по палеоантропологическим материалам). Москва.
- Ершов В. Е., Кантор Ю. И. 2008. Морские раковины. Краткий определитель. Москва.
- Журавлев Д. В. 2015. Пергамская эллинистическая столовая посуда в Северном Причерноморье (Краткий обзор) // ПИФК 1, 190–216.
- Кобылина М. М. 1951. Раскопки «Восточного» некрополя Фанагории в 1948 г. // В. Д. Блаватский, Б. Н. Граков (ред.), Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху (МИА 19). Москва, 241–249.
- Коровина А. К. 1967. Раскопки некрополя Фанагории в 1964 г. // КСИА 109, 130-135.
- Коровина А. К. 1987. Некрополь Фанагории (раскопки 1964–1965 гг.) // Сообщения ГМИИ им. А. С. Пушкина 8, 71–109.
- Кропотов В. В. 2010. Фибулы сарматской эпохи. Киев.
- Максимова М. И. 1979. Артюховский курган. Ленинград.
- Марченко И. Д. 1956. Раскопки Восточного некрополя Фанагории в 1950–1951 гг. // А. П. Смирнов (ред.), Фанагория (МИА 57). Москва, 102-127.
- Медведев А. П. 2013. Эллинистический некрополь Фанагории: вопросы хронологии и периодизации (в свете раскопок 2005–2007 гг.) // БФ: Греки и варвары на евразийском перекрестке. Санкт-Петербург, 232–237.
- Парович-Пешикан М. 1974. Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев.
- Сорокина Н. П. 1967. Раскопки некрополя Кеп в 1962–1964 гг. // КСИА 109, 101–107.
- Αλεξανδροπούλου, Α. 2010. Η κεραμική των υστεροκλασικών και ελληνιστικών χρόνων από τη νεκρόπολη των Αιγών: πρώτες εκτιμήσεις // Π. Αδάμ-Βελένη, Κ. Τζαναβάρη (συντακτηζ), ΤΟ ΑΡΧΑΙΟΛΟΓΙΚΟ ΕΡΓΟ ΣΤΗ ΜΑΚΕΔΟΝΙΑ ΚΑΙ ΣΤΗ ΘΡΑΚΗ. Θεσσαλονικη. 135–142.
- Anderson-Stojanovic V. R. 1987. The Chronology and Function of Ceramic Unguentaria // AJA 91, 105–122.
- Bozkova A. A. 1997. Pontic Pottery Group of the Hellenistic Age (A Survey Based On Examples from the Bulgarian Black Sea Coast) // Archaeologia Bulgarica 2, 8–17.
- Bucovala M. 1967. Necropole elenistice la Tomis. Constanta.

Dusenbery E.B. 1994. The Necropoleis. The Necropoleis and Catalogues of Burials (Samothrace II). Princeton.

Edwards G. R. 1975. Corinthian Hellenistic Pottery (Corinth VII). Princeton.

Hempel K. G. 2001. Die Nekropolie von Tarent im 2. und 1. Jahrhundert v. Chr. Tarent.

Hermary A., Panayotova K, Baralis A., Damyanov M. Riapov A. 2010. Apollonia du Pont (Sozopol). La nécropole de Kalfata (V–III s. av. J. – C.) (Bibliotheque d'Archéologie Méditerranéenne et Africaine 5). Paris.

Kurtz D. C., Boardman J. 1971. Greek Burial Customs. London.

Mondadori A. 1986. Les Ors hellénistiques de Tarente. Milano.

Riha E. 1986. Römisches Toilettgerät und medizinische Instrumente aus Augst und Kaiseraugst (Forschungen in Augst 6). Augst.

Rotroff S. 2006. Hellenistic Pottery the Plain Wares (The Athenian Agora XXXIII). Princeton.

Schäfer J. 1968. Hellenistische Keramik aus Pergamon. Berlin.

Žuravlev D. V., Lomtadze G. A., Il'ina T. A., Sudarev N. I. 2007. Kurgan 17 (18) aus der Nekropole der bosporanischen Stadt Kepoi // Eurasia Antiqua 13, 215–255.

В. А. Гаибов, А. Б. Никитин

СФРАГИСТИКА ПАРФЯНСКОЙ ПЕРИФЕРИИ*

Аннотация. Сравнение оттисков печатей на буллах с городища Старая Ниса, древней столицы Парфии, и на буллах с соседних территорий, которые можно рассматривать как парфянскую периферию – городище Арташат в Армении, крепость Гёбеклы-депе в Маргиане (северо-восточная граница Парфии), городище Габала в Азербайджане – демонстрирует различное соотношение традиционных греко-римских сюжетов (античные боги и герои, портреты в греко-римской манере) и сюжетов иранских (царская охота, сцены инвеституры, всадник, венчаемый Никой, персонажи в иранских костюмах). В Армении преобладают греко-римские изображения, хотя присутствуют и иранские. Старая Ниса представляет в равной мере обе традиции, крепость Гёбеклы дает, за редким исключением, иранский материал. Соотношение античных и иранских сюжетов на буллах с городища Габала свидетельствует, пожалуй, о преобладании местной, восточной традиции, однако оттиски с античными сюжетами среди них явно присутствуют.

Ключевые слова. Сфрагистика, буллы, глиптика, Парфия, Старая Ниса, Гёбеклыдепе, Габала, Арташат.

V. A. Gaibov, A. B. Nikitin SPHRAGISTICS OF THE PARTHIAN PERIPHERY

Abstract. The comparison of seal impressions on the clay bullae from Old Nisa, the ancient capital of Parthia, and on the bullae from the neighbouring territories – the site of Artashat in Armenia, the fortress of Göbekly-depe in Margiana and the site of Gabala in Azerbaijan – demonstrates different proportions between traditional Greek and Roman images (gods and heroes and their attributes) and Iranian motifs (royal hunt, investiture, a warrior crowned by Nike, persons in Iranian garments). Hellenistic images predominate in Armenia, although Iranian-style ones are also present. Both traditions are represented in Old Nisa, whereas the fortress of Göbekly yields mostly Iranian material. The evidence from Gabala, though not plentiful, suggests that while Greek and Roman images were definitely in use there, the majority of the seals featured East Iranian motifs.

Key-words. Sphragistics, bullae, glyptics, Parthia, Old Nisa, Göbekly-depe, Gabala, Artashat.

Оттиски печатей – буллы 1 – значительно расширяют основу для изучения целого комплекса проблем парфянской сфрагистики, которые, в конечном счете, помогают нам понять основные проблемы истории и культуры державы Аршакидов. Геммы, печати и их оттиски зачастую служат важным источником информации об экономике, истории торговли и административного устройства, а также социальной системы этого государства древности. Благодаря представленным на них различным изображениям и разнообразной их иконографии, не говоря уже о сопровождавших их иногда надписях, исследование булл также важно для истории искусства, культуры и языка.

Долгое время наши представления о парфянской сфрагистике оставались весьма неопределенными. К парфянским печатям с уверенностью можно было относить только печати с портретами отдельных парфянских правителей², известных нам по монетам, или печати с надписями парфянским письмом. Что касается последних, то необходимо учесть, что парфянский язык и письменность в Иране оставались в употреблении до 4 в.н.э., и таким образом надписи на парфянском могли появляться и на печатях раннесасанидского времени.³

- ² Gignoux 1978, no. 3.32 большая гемма с портретом парфянского царя Митридата I (171–138 гг. до н.э.) и с добавленной в 3 в. среднеперсидской надписью с именем и титулами сасанидского правителя Шапура I.
- ³ В качестве примера можно привести аметист с портретом мардбеда (казначея) Агнвиста из собрания Государственного Эрмитажа. Изображен сасанидский чиновник, в манере, принятой в 3 в., но надпись выполнена парфянским письмом (Борисов, Луконин 1963, 48, № 1).

^{*} Статья подготовлена в рамках проекта, поддержанного РФФИ (грант № 18-09-00381).

¹ Термин «булла» авторы используют в «расширительном» смысле, применительно к глиняным объектам различных форм с оттисками печатей, служивших для опечатывания различных объектов (свитков, керамической тары и различных контейнеров для продуктов и товаров), опечатывания дверных проемов и т.п. О дискуссии относительно этого термина см.: Göbl 1976, 9–11; Frye 1996, 409–412.



Рис. 1. Гёбеклы-депе. Оттиск печати с изображением царя и богини перед алтарем. За спинами персонажей остатки парфянской надписи



Рис. 2. Гёбеклы-депе. Оттиск печати с изображением всадника перед алтарем огня

В 1930-е гг. Н. Дибвойз⁴ предложил отнести к парфянскому периоду группу восточных резных камней, анэпиграфных, оформленных в так называемой «штриховой» манере, однако в дальнейшем находки подобных печатей в археологическом контексте показали, что всю эту группу следует датировать более поздним временем, т. е. 4–5 вв. н. э. 5

Наши представления о парфянской сфрагистике дополняют находки глиняных булл с оттисками парфянских печатей, сделанные в разных местах, на территориях, некогда входивших в состав Парфянской державы, либо испытывавших культурное влияние со стороны Парфии. В настоящее время мы имеем небольшую группу таких булл из Шахр-и Кумиса, не имеющих точной даты⁶, из сокровищницы Старой Нисы (конец 1 в. до н.э. или начало 1 в.н.э.), из раскопок хозяйственных помещений на Старой Нисе⁷, свыше 3000 образцов из раскопок Гёбеклы-депе в Маргиане, которые можно датировать в пределах 1–2 вв.н.э., разнообразные оттиски печатей с городища Арташат на юге Армении (от 1 в. до н.э. до 3 в.н.э.) и большую коллекцию из столицы Кавказской Албании городища Габала (Кабала, Азербайджан). Примечательно, что на территориях, являвшихся в древности ядром Парфянского государства (в Иране и Ираке) таких представительных коллекций парфянских булл до сих пор не найдено, и это при том, что оттиски предшествующего селевкидского периода и последующего сасанидского времени представлены значительным количеством.

Имеющиеся в нашем распоряжении группы булл неоднородны, оттиски печатей на них представляют самые разные сюжеты и отражают различные культурные влияния. Встречаются оттиски классических греко-римских резных камней, а также местных подражаний таким античным геммам, образцы с иранскими сюжетами, восходящими к эпохе Ахеменидов, оттиски с геометрическим орнаментом и фантастическими существами, заимствованными, вероятно, у маргианских печатей бронзового века. Именно неоднородность и различная степень влияния тех или иных культурных традиций позволяет рассматривать все перечисленные выше коллекции булл как сфрагистику парфянской периферии. В сумме все перечисленные материалы дают представление о том, что представляла собой парфянская сфрагистика, развивавшаяся на большой территории и подверженная различным культурным влияниям на протяжении длительного периода, со 2 в. до н.э. и до начала 3 в.н.э.

Старая Ниса. Расположена в древней Парфиене, на западной окраине столицы Туркменистана – Ашхабада, на территории, с которой начиналось становление парфянского государства. Первые раскопки на городище были предприняты в 1930 г. местным археологом А. А. Марущенко. С 1946 г. масштабные раскопки парфянской крепости и культового центра Старая Ниса в предгорьях Копетдага проводились Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ) АН ТССР. В ходе этих работ были сделаны многочисленные находки, в том числе остатки царской сокровищницы, где сохранились ритоны из слоновой кости, серебряные фигурки, монеты, глиняные буллы с оттисками печатей. Найдены были и многочисленные остраки с парфянскими текстами – учетные документы, связанные с поступлением вина в царское винохранилище. Многие документы датированы по годам эры парфянской династии Аршакидов (от 247 г. до н.э.). Даты соответствуют промежутку между концом 2 в. до н.э. и 30-ми годами 1 в. до н.э., что говорит о времени функционирования канцелярии при царском винохранилище⁸, но не дает представления о дате постройки крепости. В настоящее время можно лишь предположить, что городи-

⁴ Debevoise 1938, 473.

⁵ Левина, Никитин 1991, 53 сл.

⁶ Bivar. 1982. 161–176.

⁷ Manassero 2010, 17–29.

⁸ Lippolis, Manassero 2015, 115–142.

ще Старая Ниса существовало в эллинистическое время (3 в. до н.э.), при парфянском царе Митридате I (171–138 гг. до н.э.) здесь была построена крепость и царская резиденция – Митридаткерт, а после смерти Митридата Старая Ниса превратилась в культовый центр, связанный с династийным культом Аршакидов. В начале 1 в.н.э. к власти пришла другая ветвь династии Аршакидов, и родовой культовый центр прежней династии был заброшен. Старая Ниса пришла в запустение. Археологами отмечены следы постепенного разрушения зданий, следы целенаправленного их уничтожения или пожаров отсутствуют. 9

Из Старой Нисы происходят две очень разные группы булл. Первая – оттиски из царской сокровищницы. 10 Это, как правило, небольшие буллы из специальной массы (серая глина с примесью талька), с оттисками резных камней, вставленных в перстни. Многие печати имеют надписи на парфянском языке, содержащие имена их владельцев, а в одном случае - указание на титул (шахраб Митридат). Среди представленных на них сюжетов имеются как чисто эллинистические (изображения греческих богов Афины, Ники, Зевса, Афродиты, Эрота), так и традиционные иранские, восходящие к традициям ахеменидского Ирана (всадник, сражающийся со львом, охотящийся на горных козлов, венчаемый Никой; орел, нападающий на быка или оленя). 11 Вторая группа – буллы из хозяйственных помещений, найденные итальянской экспедицией. 12 Изображения на них не столь выразительны и представляют собой, в основном, сочетания геометрических фигур, орнаментальные мотивы, тамгообразные знаки. Различия эти вызваны, вероятно, не хронологическим разрывом между двумя группами булл, а разницей в социальном положении чиновников, опечатывавших сокровищницу и ответственных за складские помещения. Последние довольствовались простыми функциональными печатями и не могли позволить себе вставки в перстни со сложными изображениями и личными именами.

Гёбеклы-депе. Укрепленное городище в Южном Туркменистане (совр. Каракумский этрап Марыйского велаята Туркменистана). Исследовалось на протяжении двадцати лет (с 1981 по 2001 гг.) Среднеазиатской экспедицией ИА АН СССР/РАН под руководством Г. А. Кошеленко. Городище представляет собой пограничную крепость парфянского времени на северо-западной границе Мервского оазиса (античной Маргианы) и песков. В ходе раскопок среди прочих находок (керамика, монеты, терракотовые статуэтки, остраки, изделия из резной кости, металла, дерева и проч.) было обнаружено свыше 3000 экземпляров булл, представляющих собой комья глины различных размеров с оттисками печатей. Все буллы были обнаружены на центральном холме, где было вскрыто прямоугольное в плане здание размерами 45x37,5 м. Подавляющее большинство оттисков было выявлено в северо-западной части комплекса. Буллы имеют различные размеры и различные формы, но предназначение у них одно - воспрепятствовать несанкционированному доступу к запечатанной таре. 13 Практически все найденные буллы служили для опечатывания тюков с товарами, а не помещений 14, как оттиски Старой Нисы, или для опечатывания документов. Г. А. Кошеленко в своей сравнительной оценке булл Старой Нисы и Гёбеклы уже отметил, что для гёбеклинских булл использовался не специальный состав с примесью талька, а обычная глина, зачастую весьма плохого качества. Оттиски на них оставлены не только вставленными в перстни резными камнями, но и более крупными функциональными печатями. По сравнению со Старой Нисой, здесь представлено очень мало оттисков с надписями. 15 Эти различия вполне ожидаемы. Не говоря уже о хронологическом разрыве между буллами Старой Нисы и Гёбеклы примерно в 150-200 лет, следует



Рис. 3. Гёбеклы-депе. Оттиск печати с изображением всадника, поражающего пешего противника



Рис. 4. Габала. Оттиск печати с бюстом мужчины, вправо

- ⁹ Кошеленко 2000, 199–207; Пилипко 2001; 2015, 216–272; Pilipko 2018, 51–87; Lippolis 2010, 36–46.
- ¹⁰ Массон, Пугаченкова 1954, 159–169.
- ¹¹ Кошеленко 2005, 51–53.
- ¹² Manassero 2010, 17–29; Lippolis, Manassero 2015, 136–138.
- ¹³ Подробно о буллах см.: Кошеленко, Бадер, Гаибов 1991, 5–18; Bader, Gaibov, Koshelenko 1991, 61–78; 1998, 24–37; Кошеленко, Гаибов, Бадер 1995, 194–203; Koshelenko 1997, 377–383; Гаибов, Кошеленко 2001, 71–78; Гаибов 2004, 69–74; 2005, 37–45; 2008, 118–121; 2011, 303–308; 2017, 14–30; Кошеленко, 2004, 69–74; 2005, 45–56; Gaibov, Košelenko 2008, 99–107.
- ¹⁴ За единственным исключением (см. Гаибов 2015, 88–97). Однако этот единственный зафиксированный in situ пример запечатывания дверного проема в одном из хозяйственных помещений на Гёбеклы-депе, видимо, может говорить о распространенной практике.
- ¹⁵ Гаибов, Никитин 2018, 50–55.



Рис. 5. Габала. Оттиск печати с изображением Афины в шлеме



Рис. 6. Габала. Оттиск печати с изображением всадника, поражающего врага или зверя

- ¹⁶ Gaibov, Košelenko 2008, 99–107.
- ¹⁷ Gaibov 1996, 385–394.
- ¹⁸ Хачатрян, Неверов 2008.
- ¹⁹ Neverov 1996, 375–376.
- ²⁰ Khachatrian 1996, 365–370, fig. 6–8.
- ²¹ Manoukian 1996, 371–373, fig. 3. Следует отметить очень близкое иконографическое сходство в сценах битвы всадника с пешим воином между буллами из Арташата и Гёбеклы-депе (Gaibov, Košelenko 2008, 99–107).
- ²² Помимо Габалы буллы были найдены и при раскопках в Мингечауре и в Шемахе (Алиев 1992, 131, 145; Бабаев 1990, 151; Рзаев 1976, 164–171; Халилов 1975, 155–161), однако лишь немногие из них могут быть отнесены к рассматриваемому периоду.

учесть, что в первом случае мы имеем дело с царским хозяйством одной из парфянских столиц, а во втором – с таможенным пунктом в небольшой пограничной крепости. Имеются различия и в репертуаре изображений. Среди оттисков на буллах Гёбеклы встречаются сцены инвеституры – царь и богиня, стоящие у алтаря (рис. 1); всадник у алтаря, венчаемый Никой (или ее субститутом – «царственной птицей» орлом; рис. 2); сидящая на троне богиня. Отдельно следует отметить группу оттисков печатей с изображением сцены битвы между всадником (царем) и пешим воином (рис. 3). ¹⁶ Единичными экземплярами, в отличие от Старой Нисы, исчисляются эллинистические сюжеты, зато в изобилии представлены орнаментальные мотивы, очевидно заимствованные с маргианских печатей эпохи бронзы ¹⁷, и очень большое количество оттисков с изображением животных, и птиц, как реальных, так и фантастических (конь, лев, антилопа, коза, верблюд, бык-зебу, орел, Пегас, грифон и др.).

Арташат. Одна из столиц древней Армении, находится примерно в 30 км к юго-востоку от современного Еревана (холмы Хор-Вирала). Арташат был основан в конце 2 в. до н.э. и оставался важным административным центром в течение нескольких веков. Археологические раскопки Арташата ведутся с 1970 г. экспедицией Института археологии АН Армении. В числе находок – многочисленные буллы, греко-римские и иранские, парфянского и сасанидского периодов. К настоящему времени значительная их часть опубликована. ¹⁸ Армения в 6-4 вв. до н.э. была одной из сатрапий иранского государства Ахеменидов. С начала 2 до н.э. она обрела независимость, но с 1 в. до н.э. стала ареной борьбы за влияние между Римом и Парфией. Армения много заимствовала из греко-римской культуры, но при этом все же тяготела к культуре Ирана. Находки булл из Арташата позволяют говорить об Армении как о той самой парфянской периферии, не входившей в состав Парфянского государства, но испытывавшей его культурное влияние. О. Неверов выделяет целую серию булл с портретами эллинистических и римских исторических деятелей: Митридата VI Евпатора, Клеопатры VII, армянского царя Артавазда, предположительно Лукулла, Марка Антония, Октавии. 19 Большая группа булл имеет оттиски эллинистических печатей с изображениями Геракла, Диониса, Гелиоса, пантеры с тирсом. Изображения царя на колеснице, охотящегося на льва и всадников в персидских головных уборах – наследие ахеменидского Ирана.²⁰ К парфянской традиции можно отнести целую серию оттисков с поединками между всадником и пешим воином²¹ или между человеком и зверем.

Габала (Кабала) — древняя столица Кавказской Албании. Развалины этого города расположены вблизи нынешнего селения Чухур-Габала Габалинского района Азербайджана. Раскопки показали, что с 4 в. до н.э. до конца 1 в.н.э. город размещался на небольшом участке, в междуречье Карачая и Гочаланчая, а впоследствии переместился на 2 км к северо—западу. Археологические раскопки на городище были предприняты впервые еще в 19 веке. В 1959 г. была организована стационарная Габалинская археологическая экспедиция под руководством С.М. Казиева, которого затем сменил И.А. Бабаев. После большого перерыва раскопки Габалы возобновились в 2005 г. Раскопками были вскрыты слои античного времени, где в числе прочих находок были обнаружены сотни булл. В настоящее время основная часть их хранится в Национальном музее истории Азербайджана в Баку. К сожалению, качество большинства из них оставляет желать лучшего и не всегда позволяет рассмотреть изображение на оттисках печатей. Юг Азербайджана не входил в состав Парфянского государства, однако как греко-римское, так и парфянское влияние прослеживается и здесь.

в том числе и в изображениях на буллах, которые с полным правом можно отнести к сфрагистике парфянской периферии. Судя по отпечаткам шнуров и ткани на габалинских буллах, они служили как для опечатывания документов (свитков), так и для опечатывания каких-то более объемных предметов, завернутых в ткань. На каждой булле имелось от одного до десяти оттисков одной печати. ²³ Здесь же были найдены и заготовки для изготовления булл. На оттисках печатей различимы портреты, выполненные в греко-римской манере (рис. 4), изображение Афины (рис. 5), отдыхающего Геракла. 24 Весьма многочисленную группу булл, по определению исследователей²⁵, составляют оттиски печатей восточного, скорее всего, местного производства. На них изображены различные животные, птицы, орнаменты, тамги. Среди них особо следует выделить буллы с изображением всадника, поражающего врага или зверя (рис. 6), сходного иконографически с гёбеклинскими и арташатскими²⁶ и стилизованного орла (рис. 7), очень похожего на парфянских орлов на буллах Гёбеклы-депе. Наиболее вероятная дата для булл Габалы – 1 в. – рубеж 1–2 вв. После этой даты прежнее городище было заброшено, и поселение перенесено на другое место.

Сравнение оттисков печатей на буллах, происходящих с разных территорий, как входивших в состав Парфянского государства, так и соседних с ним, позволяет выделить две основные группы таких оттисков: греко-римские и иранские. К первым относятся портреты, мужские и женские, выполненные в греко-римской манере, изображения людей в античных костюмах, узнаваемые фигуры греко-римских божеств и героев, некоторые предметы и символы, распространенные в античной культуре (палица Геракла, тирс Диониса, кадуцей Гермеса). Большинство этих «античных» оттисков – продукция греко-римских резчиков, но некоторые из них, прежде всего, оттиски печатей из Старой Нисы (но не только), на которых «античный» сюжет сопровождается парфянской надписью, представляют собой творения иранских мастеров. К второй группе принадлежат изображения людей в иранских костюмах, сцены инвеституры, царской охоты, изображение всадника, венчаемого Никой. Все прочие изображения – символы. орнаментальные мотивы, изображения животных, реальных и мифических, могут быть также отнесены к местной иконографической традиции, учитывая, однако, то обстоятельство, что подобные изображения присущи многим древним культурам. Если говорить о соотношении греко-римских и иранских сюжетов, то среди булл Арташата, очевидно, преобладают первые. В сокровищнице Старой Нисы присутствуют и первые, и вторые, причем «античные» сюжеты – в основном продукция местных мастеров. На буллах из Гёбеклы-депе «античные» сюжеты почти не представлены²⁷, зато иранские «монархические» весьма разнообразны (рис. 8). 28 Соотношение античных и иранских сюжетов на буллах с городища Габала свидетельствует, пожалуй, о преобладании местной, восточной, иранской традиции, однако оттиски с античными сюжетами среди них явно присутствуют.

ЛИТЕРАТУРА

Алиев К. Г. 1992. Античная Кавказская Албания. Баку. Бабаев И. А. 1990. Города Кавказской Албании в IV в. до н. э. – III в. н. э. Баку. Бабаев И. А., Ахмедов Г. М. 1981. Кабала (историко-археологический очерк). Баку (на азерб. яз.).

Борисов А. Я., Луконин В. Г. 1963. Сасанидские геммы. Ленинград.



Рис. 7. Габала. Оттиск печати с изображением орла



Рис. 8. Гёбеклы-депе. Оттиск печати на керамическом сосуде с изображением «царской охоты» — всадника, стреляющего из лука в горного козла. Слева, за спиной всадника — Ника с венком

- 23 Бабаев, Ахмедов 1981, 19.
- ²⁴ Данный сюжет зафиксирован на более чем десяти буллах (Бабаев 1990, 149).
- ²⁵ Там же, 149.
- ²⁶ См. выше, прим. 19.
- ²⁷ Едва ли не единственным примером из этой группы можно назвать оттиск небольшой геммы с изображением обнаженной мужской фигуры (Геракл?), опирающейся на дубину-палицу.
- ²⁸ Никитин, Согомонов 1987, 119–120; Bader, Gaibov, Koshelenko, 1998, 24–37.

- Гаибов В. А. 2004. Маргианская булла с изображением царя-всадника // ВДИ 2, 69-74.
- Гаибов В. А. 2005. Буллы сасанидского и парфянского времени на востоке Ирана: Ак-депе и Гебеклы-депе (попытка сравнения) // ПИФК XV, 37–45.
- Гаибов В. А. 2008. Образ царя в искусстве Маргианы парфянского времени // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. II. Москва, 118–121.
- Гаибов В. 2011. Царская охота новый сюжет в парфянской сфрагистике Маргианы // Un impaziente desiderio di scorrere il mondo. Studi in onore di A. Invernizzi per il suo settantesimo compleanno. Firenze, 303–308.
- Гаибов В. А. 2015. Помещение особого назначения на Гебеклы-депе // ВДИ 2, 88-97.
- Гаибов В. А. 2017. О царском культе в Парфии (на примере булл из раскопок Гебеклыдепе) // ПИФК 4, 14–30.
- Гаибов В. А., Кошеленко Г. А. 2001. Буллы из раскопок Гебеклы-депе (Туркменистан) // ВДИ 2. 71–78.
- Гаибов В. А., Никитин А. Б. 2018. Парфянские имена на буллах из раскопок Гёбеклы-депе // НЭ XX. 50–55.
- Кошеленко Г. А. 2000. О времени существования некоторых сооружений Старой Нисы // ПИФК IX, 199–207.
- Кошеленко Г. А. 2004. Булла с изображением двугорбого верблюда с городища Гебеклы // РА 3, 144—146.
- Кошеленко Г. А. 2005. Буллы Старой Нисы и Гебеклы-депе: сопоставление // ПИФК XV, 45–56.
- Кошеленко Г., Бадер А., Гаибов В. 1991. Парфянские буллы из раскопок Гебеклы-депе // Бюллетень МАИКЦА 18. Москва, 5–18.
- Кошеленко Г. А., Гаибов В. А., Бадер А. Н. 1995. Две богини? // ВДИ 2, 194-203.
- Левина Л. М., Никитин А. Б. 1991. Об одной группе резных камней из Восточного Приаралья // ВДИ 3, 53–65.
- Массон М. Е., Пугаченкова Г. А. 1954. Оттиски парфянских печатей из Нисы // ВДИ 4, 159-169.
- Никитин А. Б., Согомонов А. Ю. 1987. Оттиски печатей и клейма на керамике сасанидского времени из Мервского оазиса // ВДИ 4. 118–123.
- Пилипко В.Н. 2001. Старая Ниса: основные итоги археологического изучения в советский период. Москва.
- Пилипко В. Н. 2015. Становление и развитие парфянской культуры на территории Южного Туркменистана. Санкт-Петербург.
- Рзаев Н. И. 1976. Искусство Кавказской Албании IV в. до н.э. VII в. н.э. Баку.
- Халилов Дж. А. 1985. Материальная культура Кавказской Албании (IV в. до н. э. III в. н. э.). Баку.
- Хачатрян Ж., Неверов О. 2008. Архивы столицы древней Армении Арташата. Ереван.
- Bader A., Gaibov V., Koshelenko G. 1991. New Evidence on Parthian Sphragistics. Bullae from the Excavations of Göbekly-depe in Margiana // Mesopotamia XXV, 61–78.
- Bader A., Gaibov V., Koshelenko G. 1998. Monarchic Ideas in Parthian Margiana as Shown on Seals // V.S. Curtis, R. Hillenbrand, J.M. Rogers (eds.), The Art and Archaeology of Ancient Persia. New Light on the Parthian and Sasanian Empires. London–New York, 24–37.
- Bivar D. H. 1982. Seal-Impressions of Parthian Qumis // Iran 20, 161–176.
- Debevoise N. C. 1981. Parthian Seals // A. U. Pope, P. Ackerman (eds.), A Survey of Persian Art from Prehistoric Times to the Present. Vol. 1 (3rd ed.). New York, 471–474.
- Frye R. N. 1996. Sasanian and Central Asian Sealings // M.-F. Boussac, A. Invernizzi (éds.), Archives et sceaux du monde hellénistique (BCH Suppl. 29). Paris, 409–412.
- Gaibov V. 1996. Bullae from Göbekly-depe (Margiana). Bronze Age Traditions in Parthian Sphragistics // M.-F. Boussac, A. Invernizzi (éds.), Archives et sceaux du monde hellénistique (BCH Suppl. 29). Paris, 385–394.
- Gaibov V. 2007. The Bullae of Gobekly-depe // After Alexander. Central Asia before Islam. Proceedings of the British Academy 133. Oxford, 285–294.

- Gaibov V. A., Košelenko G. A. 2008. A Horseman Chairing a Foot-soldier: A New Subject in Parthian Glyptic Art // Parthica 10, 99–107.
- Gignoux Ph. 1978. Catalogue des sceaux, camées, et bulles sassanides de la Bibliothèque nationale et du Musée du Louvre. 2. Les sceaux et bulles inscrits. Paris.
- Göbl R. 1976. Die Tonbullen vom Takht-i Suleiman. Ein Beitrag zur spätsasanidischen Sphragistik. Berlin.
- Khachatrian Z. 1996. The Archives of Sealings Found at Artashat (Artaxata) // M.-F. Boussac, A. Invernizzi (éds.), Archives et sceaux du monde hellénistique (BCH Suppl. 29). Paris, 365–370.
- Koshelenko G. 1996. Bullae from Göbekly-depe. General Problems and Main Subjects // M.-F. Boussac, A. Invernizzi (éds.), Archives et sceaux du monde hellénistique (BCH Suppl. 29). Paris, 377–383.
- Lippolis C. 2010. Notes on the Parthian Nisa on the Light of New Research // $\Pi M \Phi K$ 1 (27), 36–46.
- Lippolis C., Manassero N. 2015. Storehouses and Storage Practices in Old Nisa // Electrum 22, 115–142.
- Manassero N. 2010. Tamga-like Images on Sealings from Old Nisa // Parthica 12, 17–29.
- Manoukian H. 1996. Les empreintes d'Artachate (antique Artaxata) // M.-F. Boussac, A. Invernizzi (éds.), Archives et sceaux du monde hellénistique (BCH Suppl. 29). Paris, 371–373.
- Neverov O. 1996. Les portraits sur les emprentes d'Artachate // M.-F. Boussac, A. Invernizzi (éds.), Archives et sceaux du monde hellénistique (BCH Suppl. 29). Paris, 375–376.
- Nikitin A.B. 1994. Parthian Bullae from Nisa // Silk Road Art and Archaeology 3, 71–79.
- Pilipko V. N. 2018. Nisa-Mihrdatkirt: Changing Conceptions // Parthica 20, 51–87.

Н. Д. Двуреченская

КОЛЛЕКЦИЯ ТЕРРАКОТОВЫХ СТАТУЭТОК МАРГИАНЫ (МАТЕРИАЛЫ ЮТАКЭ)*

Аннотация. В научный оборот вводится коллекция из восьми терракотовых статуэток, найденных в подъеме с территории столичных городов Маргианы Эрк-калы и Гяуркалы. Большая часть статуэток относится к известным и наиболее распространенным в Маргиане археологическим типам I и VIII. Остальные представлены как известными иконографическими образами, так и новыми, не находящими прямых аналогий в регионе. На примере новой коллекции отрабатывается использование разработанной ранее археологической типологии антропоморфных статуэток Бактрии, Согда и Маргианы.

Несмотря на подъемный характер статуэтки из коллекции ЮТАКЭ внесли существенные дополнения в понимание развития отдельных археологических типов антропоморфных статуэток. С другой стороны, вновь подтвердилась высокая степень стандартизации и узкий ряд иконографических образов, бытовавший в регионе в 1–3 вв. н. э. Новый иконографический образ, представленный в женской статуэтке № 8 в башнеобразной короне впервые вводимый в научный оборот, только подчеркивает этот вывод.

Ключевые слова. Терракотовые статуэтки, Маргиана, Парфия, археологическая типология, иконография.

N. D. Dvurechenskaya A COLLECTION OF TERRACOTTA FIGURINES FROM MARGIANA (THE YuTAKE MATERIALS)

Abstract. This is the publication of eight terracotta figurines from chance finds at the capital cities of Margiana, Erk-qala and Gyaur-qala. Most of them belong to the most common types I and VIII. The rest include both well-known types and new ones, which find no direct parallels in the region. The classification of anthropomorphic figurines of Bactria, Sogd and Margiana developed previously has been applied to this new collection.

Even though the YuTAKE¹ figurines come from chance finds, they add much to our understanding of the development of several archaeological types of anthropomorphic figurines. On the other hand, they confirm a high level of standardization and a small variety of iconographic types used in the region in the 1st–3rd centuries A.D. The new iconographic type of a female in a tower-shaped crown (figurine no. 8) only strengthens the abovementioned conclusion.

Key-words. Terracotta figurine, Margiana, Parthia, archaeological typology, iconography.

В музей Института искусствознания Узбекской академии наук З.И. Усманова передала ранее не опубликованную коллекцию терракотовых статуэток из Маргианы.

История этой коллекции уходит корнями в февраль 1945 года, когда на первой Всесоюзной археологической конференции в Москве была создана Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) во главе с ее организатором, заведующим кафедрой археологии Ташкентского государственного университета (ТашГУ) М.Е. Массоном. С 1946 по 1994 гг. на базе этой экспедиции осуществлялось обучение целой плеяды известных среднеазиатских археологов. Последние годы работы кафедры археологии ТашГУ З.И. Усманова была ее заведующей и руководила работами многих отрядов, исследовавших разновременные археологические объекты древнего Мерва. Пользуясь случаем, выражаю искреннюю благодарность З.И. Усмановой за разрешение ввести эту коллекцию в научный оборот.

^{*} Исследование выполнено в рамках НИР ИА РАН по теме «Археологические культуры евразийских степей и античный мир – контакты и взаимовлияния» (АААА-А18—118011790093—2).

¹ South-Turkmenian Archaeological Complex Expedition.

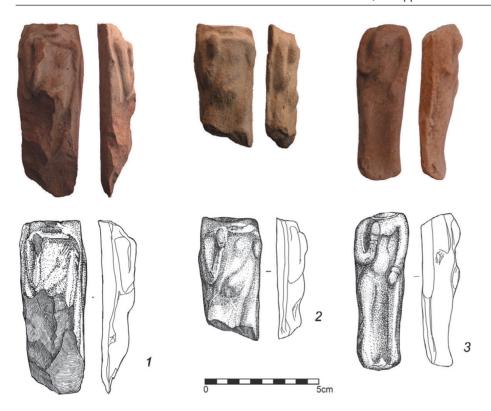


Рис. 1. Антропоморфные статуэтки Маргианы археологического типа I, варианта 2a

В рассматриваемом собрании всего восемь терракотовых статуэток, найденных на дневной поверхности памятников древнего Мерва, а именно на городищах Эрк-кала и Гяур-кала.

Большинство статуэток относятся к ранее уже хорошо известным археологическим типам, происходящим из Бактрии, Маргианы и Согда.² Так, три статуэтки рассматриваемой коллекции относятся к археологическому типу I (№ 1–3; рис. 1), две – к наиболее широко распространенному в Маргиане типу VIII (№ 4, 5; рис. 3). Одна статуэтка представляет ранее выделенный индивидуальный иконографический тип (№ 6; рис. 5), и две несут изображения ранее неизвестной в регионе иконографии (№ 8; рис. 6, 7). Все три статуэтки, относимые к археологическому типу I, в разной степени фрагментированы, у всех отсутствуют головки.

Археологический тип I, выделенный на основе анализа археологически датированных серий антропоморфных терракотовых статуэток трех сопредельных регионов Средней Азии, представляет собой односторонние статуэтки с подрезкой боковин и заглаженной спинкой, передающие стоящий женский образ с поднятой к груди рукой, без атрибутов. Выделено три варианта этого типа. Хронологические рамки бытования его в Бактрии, Согде и Маргиане довольно широки – от 3 в. до н.э. до 4–5 вв. н.э. На территории Маргианы тип I известен по ряду статуэток только первых двух вариантов с подвариантом.

Каталог статуэток из коллекции ЮТАКЭ⁵

<u>Статуэтка № 1 (табл. 1. 1; рис. 1. 1). Тип І. Вариант 2а.</u>

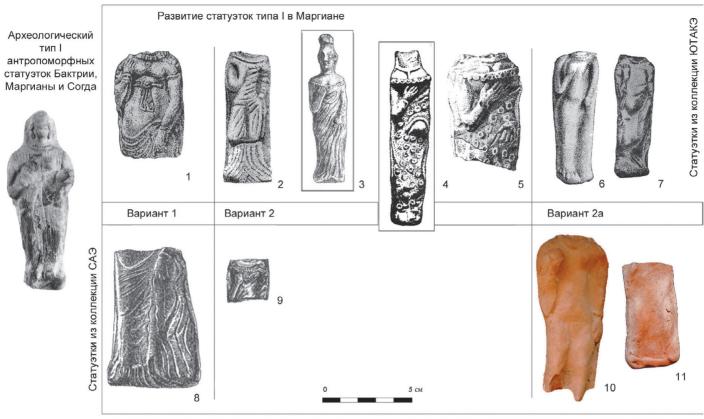
Изображена прямостоящая фигура женщины в фас с поднятой и прижатой к груди правой рукой. На шее низка круглых бус. От лица сохранился контур округлого подбородка, однако на большей его части скол. Одежда заметна

² В данном исследовании нами используется археологическая типология антропоморфных статуэток Бактрии, Согда и Маргианы – регионов, имевших не только общий генезис этого вида материальной культуры, но и, как было выявлено ранее, схожий набор иконографических прообразов (Двуреченская 2016, 170–178, 199–212).

³ Двуреченская 2016, 199–202, рис. 268.

⁴ Двуреченская 2014, 489.

⁵ Для удобства восприятия базовая информация по рассматриваемым подъемным находкам сведена в Таблицу 1. Нумерация в таблице соответствует нумерации статуэток в тексте статьи.



В рамки помещены терракотовые статуэтки, точный размер которых неизвестен

Рис. 2. Схема эволюции антропоморфных статуэток археологического типа I в Маргиане

по краю широкого выреза, по едва читаемым косым складкам драпирующейся ткани на левом плече, опущенной вдоль тела и прижатой к нему правой руки и на груди персонажа. По всей видимости, она представляла собой тонкий хитон, ниспадающий до пола. Изображение выполнено с сохранением анатомических пропорций (насколько позволяет судить сохранившийся фрагмент). Однако, расположение фигуры строго в фас, отсутствие динамики позволяют отнести изображение к эллинизированному стилю. 6

Статуэтка № 2 (табл. 1. 2; рис. 1. *2*). Тип I. Вариант 2а.

Изображение женского персонажа практически идентично выше описанному экземпляру. За исключением чуть более выраженного выпуклого живота с хорошо прослеживаемыми на нем косыми складками драпировки одежды.

Статуэтка № 3 (табл. 1. 3; рис. 1. *3*). Тип I. Вариант 2а.

Прямостоящая фигура женщины в фас с поднятой и прижатой к груди правой рукой и опущенной на бедро левой. При отсутствии деталей, вследствие сработанности матрицы, тем не менее, женская фигура хорошо прослеживается. Она стройная с высокой рельефно выступающей грудью, небольшим слегка выпуклым животом, с широкими бедрами и тонкой талией. Одежда угадывается в валике, окаймляющем широкий вырез, в валиках на запястьях обеих рук (не исключено, что это изображение браслетов), а также в виде мелких коротких складочек на нижней кромке подола, по всей видимости, длинного платья с рукавами ипи хитона.

Все три описанные статуэтки можно отнести к варианту 2а археологического типа I (рис. 2). Сохранность нижнего края статуэтки № 3, позволяет вновь

⁶ Двуреченская 2016, 9–10.



Рис. 3. Антропоморфные статуэтки Маргианы археологического типа VIII.

утверждать, что статуэтки облачены в одежду, ниспадающую до пят, с широким декольте (прослеживается во всех трех экземплярах) и украшением на шее (отчетливо сохранилось на статуэтке № 1), что перед нами образ с подчеркнутыми формами стройной женской фигуры и неизменным отсутствием атрибутов в руках. Главным в иконографии этого варианта, как и в первом и во втором вариантах – по—прежнему является правая рука, поднятая к груди и плечу, по всей видимости, в качестве жеста, и отсутствие атрибутов. Главной же отличительной чертой варианта 2a от остальных является минималистичное 7 изображение костюма, создающего эффект обнаженности, что нашло отражение в работах нескольких исследователей. Однако ранее обнаруженные статуэтки с Гяуркалы более полной сохранности поставили под сомнение кажущуюся обнаженность (рис. 3. 6, 7). 8 На этих статуэтках совершенно очевидно, что они облачены в длинное до пят одеяние, которое, однако, не проработано рельефно, не имеет складок и драпировки на большей части костюма.

Несмотря на утрату характерной драпировки костюма, по сравнению со статуэтками первого или второго вариантов пропорции фигур на рассмотренных статуэтках сохраняются реалистические, композиционно иератизм еще не полностью сместил характерные эллинистическому стилю динамизм и свободу, вследствие чего считаем правомерным изображение на всех трех статуэтках отнести к эллинизированному стилю. 9

Наиболее близкие аналогии в Маргиане мы находим как в материалах крупного города (городище Гяур-кала)¹⁰, так и в материалах отдаленной от центра крепости Гебеклы-депе. ¹¹ Датировка их относится к 1–3 вв. н.э.

Четкий набор характеристик статуэток варианта 2а, который дополняют и демонстрируют рассмотренные выше экземпляры, в дальнейшем при появлении целых образцов этого подварианта, имеющих археологически ясный контекст, позволят перевести их в разряд полноценного варианта археологического типа І. В ранее предложенной эволюционной схеме типа І в Маргиане статуэтки этого подварианта предлагалось рассматривать как завершающие (рис. 2).

⁷ Пугаченкова 1962, 120—121; Гаибов и др. 1999, 380, рис. 5. *1.*

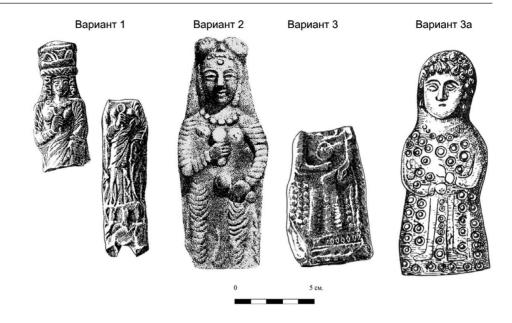
⁸ Ремпель 1953, 179, рис. 11; Пугаченкова 1962, 120–121, рис. 7. *4*; Дурдыев 1971, 130, рис. 8.

⁹ Двуреченская 2016, 10.

¹⁰ Ремпель 1953, 169–191, рис. 11; Пугаченкова 1962, 120–121, рис. 7. *4*.

¹¹ Двуреченская, Новиков 2014, 531–532, 558–559.

Рис. 4. Варианты антропоморфных статуэток археологического типа VIII в Маргиане



Однако при анализе данной коллекции стало очевидным, что статуэтки выполнены в эллинизированном стиле, а не в автохтонном, как статуэтки варианта 2. Это позволяет передвинуть их ближе к изначальному прототипу внутри эволюционного ряда.

В Маргиане тип I, также как и в Бактрии, является древнейшим в регионе. Кроме того, в Маргиане он сохранялся наиболее продолжительное время — с конца 2 в. до н.э. по 3 в.н.э., эволюционируя от первого варианта к второму. Статуэтки именно этого типа, вероятно, стали одними из первых в период возрождения терракотовой пластики как явления материальной культуры эллинистической Маргианы. Далее мы видим их иконографическую и стилевую деградацию, не исключена также смысловая трансформация образа. Судя по незначительной численности, тип не играл ведущей роли в период с рубежа н.э., чего нельзя сказать с уверенностью о более раннем времени, т.к. пока археологических исследований раннеантичных слоев неизмеримо меньше.

Как показали многочисленные исследования, наиболее ярким и многочисленным среди антропоморфных статуэток в Маргиане является VIII археологический тип (богиня с зеркалом). Здесь он представлен тремя вариантами с одним подвариантом, иконографическое развитие которых шло на протяжении трех столетий 2-4 вв. н. э. 12

Две головки терракотовых статуэток из рассматриваемой коллекции 3. И. Усмановой относятся к двум различным вариантам VIII археологического типа.

Статуэтка № 4 (табл. 1. 4; рис. 3. 1). Тип VIII. Вариант 2.

Головка статуэтки имеет узкое вытянутое лицо, большие глаза с выделенными веками широко открыты, окаймлены рельефно проработанной линией бровей вразлет. Характерный крупный длинный нос, маленький, едва намеченный рот и, наконец, массивный подбородок завершают образ, отражающий местный этнический тип.

На голове повязка или тюрбан, слегка нависающий над лицом. Он раздвоен по центру на две рельефные «букли», в центре между ними надо лбом украшение в виде крупной слегка вытянутой подвески. Ниже непосредственно под

 $^{^{12}}$ Двуреченская, Новиков 2014, 500–519, рис. 11.

головным убором на лбу читается волнистая рельефная линия, по всей видимости, начельное украшение типа «танга-тузи» или «манглай-тузи». ¹³ На лбу над переносицей – круглый налеп. По бокам лицо плотно обрамляют, спускающиеся из-под тюрбана концы платка из тонкой ткани.

Целые образцы статуэток этого варианта представляют стоящий женский образ с лицом «местного» этнического типа в одежде с поперечными складками, в головном уборе с буклями на макушке, с зеркалами в обеих поднятых руках. ¹⁴

Стиль изображения на статуэтках второго варианта VIII типа и, в частности, в рассматриваемой головке – автохтонный. В отличие от статуэток первого варианта, выполненных, как правило, в эллинизированном стиле, здесь очевиден переход от реализма к условности. Теперь соотношение высоты головы к общей высоте статуэток 1: 4—3,5, вместо ранее присутствовавших 1: 6—7. Утрачивается не только реализм, но и всякий динамизм, что выразилось в застывших складках одежды, в жестко поставленных руках и ярко выраженной фронтальности и «окостенелости» изображения в целом. Четко фиксируется внимание зрителя всего на нескольких деталях: лице, атрибутах и ювелирных украшениях, т.е. в принципе на объектах статуса изображенного персонажа. Все остальное отходит на второй план (анатомия фигуры, детали одежды и пр.). В этом четко проявляется неравномерность проработки и обобщения деталей, что как раз характерно для автохтонного стиля. Близкие аналогии рассматриваемым образцам представлены в материалах Среднеазиатской археологической экспедиции ИА РАН. 15

Описанная головка из Гяур-калы расширяет круг известных статуэток второго варианта VIII типа, статистически подкрепляя ранее выделенные для него характеристики.

Статуэтка № 5 (табл. 1. 5; рис. 3. 2). Тип VIII. Вариант 3а.

Фрагмент статуэтки в виде головы с округлым лицом, с крупными рельефно выделенными глазами в обрамлении прямых горизонтально расположенных бровей, с прямым некрупным носом и еле намеченными небольшими губами с приподнятыми уголками. Четко выделены и проработаны уши с крупными округлыми украшениями в них. Голова персонажа покрыта рельефными завитками-спиральками. Можно было бы принять эту головку за изображение Будды или Бодхисатвы, однако прямые аналогии с полностью сохранившимися статуэтками опровергают такое предположение.

Целые статуэтки этого варианта из Чечанлык-депе ¹⁶ и Мунон-депа, а также матрица из Мервского оазиса для изготовления именно этого варианта выполнены в автохтонном стиле. Они представляют из себя уплощенные плитки с трапецевидным абрисом и горельефно исполненной головкой. Плоским рельефом изображена стоящая фронтально женская фигура с руками, сложенными на животе без каких-либо атрибутов в них. Условно изображенная кисть правой руки расположена ниже левой. Пропорции не соблюдены, соотношение высоты головы к общей высоте фигуры составляет 1:3. Одежда в виде длинного тяжелого платья прямого слегка расширяющегося книзу покроя с узкими рукавами. Грудь украшена массивным ожерельем или гривной с овальным медальоном в центре, платье – крупными круглыми нашивными бляшками. Двумя схематичными выпуклыми вертикальными, почти параллельными плоскорельефными валиками изображены ноги, обращенные носками врозь. Нижний обрез подола платья одновременно являлся ее подставкой-основанием.

Статуэтки VIII типа, варианта За дают нам представление о финальном этапе развития уникального по концентрации и массовости распространения

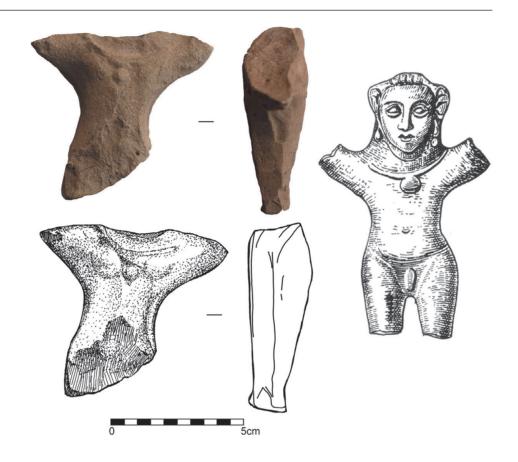
¹³ Фахретдинова 1988, 106-107.

¹⁴ Двуреченская, Новиков 2014, 508–511, рис. 5; Двуреченская 2016, 206, 207, рис. 263.

¹⁵ Двуреченская, Новиков 2014, 546–548, № 36, 37, 38, 40; 564–567.

¹⁶ Пугаченкова 1967, рис. 56.

Рис. 5. Статуэтка № 6 с аналогией из Маргианы



в Мервском оазисе типа статуэток богини с зеркалом. ¹⁷ Близкие аналогии происходит из раскопок ремесленного квартала у северных ворот Гяур-калы, осуществленных ЮТАКЭ ¹⁸; а также из раскопок буддийского храма в Мерве. ¹⁹ Трактуется как головка богини—девы, хозяйки судьбы и датируется II—III вв. н. э. ²⁰

Статуэтка № 6 (табл. 1. 6; рис. 5. 1).

От статуэтки сохранился лишь торс антропоморфного персонажа. Он несет изображение крупной обнаженной фигуры с поднятыми и раскинутыми в стороны руками, с подчеркнутой талией и переходом к широким бедрам. Фигура женоподобная с подчеркнутой грудью, едва намеченной двумя округлыми бугорками. На шее широкая гривна с крупной овальной подвеской в центре.

Наиболее сохранная статуэтка этого типа представлена в сводной таблице по коропластике древней Маргианы. ²¹ Она выполнена в автохтонном стиле, и имеет крупное лицо с широким лбом, с крупными глазами и носом, с маленьким ртом. Низкая прическа разделена на три выступающих валика, зачесанных назад. В ушах прослеживаются серьги с округлыми подвесками. Фигуру обнаженного юноши, с воздетыми к верху руками, с широкими бедрами и подчеркнутым признаком пола, украшает гривна с круглой подвеской (рис. 5).

Статуэтки с аналогичным изображением известны в Мерве не только по подъемным находкам, но происходят и из раскопок. В частности, одна статуэтка была обнаружена в кладке первой стены контрфорса раскопа 1 на Эрк-кале и датируется авторами не позднее 3 в.н.э. З.И. Усманова приводит также аналогии, обнаруженные в подъеме с вала Гилякин-Чильбурдж, а также Мервского городища и его округи. Она видит в статуэтке образ Сиявуша. 22 Популярность этого образа в античном Мерве отмечена была позднее в обобщающей работе «Древнейшие

¹⁷ Кошеленко 1977, 146–147, рис. 73, 74.

¹⁸ Кацурис, Буряков 1963, рис. 19; Пугаченкова 1959, 133–134, рис. 13.

¹⁹ Pugachenkova, Usmanova 1995, 73, fig. 29.

²⁰ Пугаченкова 1967, 79–80, рис. 54, 56; Кошеленко 1977, рис. 74.

²¹ Кошеленко, Усманова и др. 1985, 240–241, 386, табл. XCVIII.

²² Усманова 1963, 79, рис. 38.

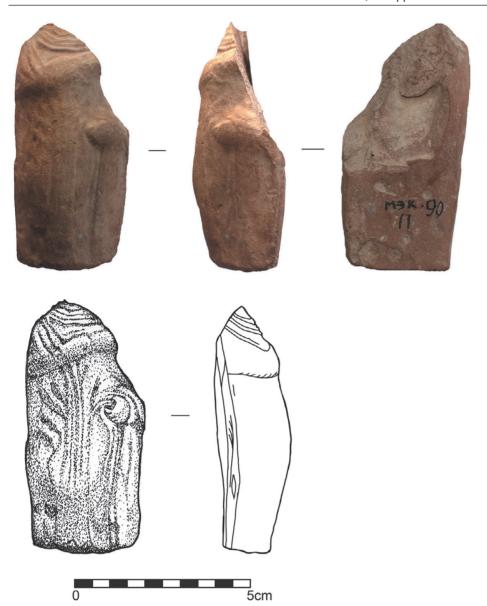


Рис. 6. Статуэтка № 7

государства Кавказа и Средней Азии» коллективом авторов. Интерпретирован он была как «женоподобный юноша в позе адорации», время распространения типа датировано 3–4 вв. н.э.²³ Отсутствие целых статуэток с ясным археологическим контекстом не позволило выделить их в археологический тип.²⁴

Рассмотренная выше фрагментированная статуэтка из подъема на Эрк-кале позволяет лишь утверждать, что этот образ был довольно устойчив, и в дальнейшем при появлении целых экземпляров, имеющих археологически ясный контекст, можно будет выделить их в отдельный археологический тип.

Статуэтка № 7 (табл. 1. 7; рис. 6).

Статуэтка, близкая к рассматриваемому археологическому типу I к варианту 2 — женская фигура, стоящая с поднятой к груди рукой в одежде с драпировкой без атрибутов, сохранилась фрагментарно. Прямостоящая фигура женщины в фас с поднятой и прижатой к груди правой рукой, угадываемой под складками покрывала, левой на уровне верха бедра придерживает края покрывала (гиматия?). Женская фигура хорошо прослеживается, несколько приземистых пропорций, вероятно

²³ См. сн. 20.

²⁴ Двуреченская 2016, рис. 266. *2*, *3*, табл. 29/53.

вследствие редукции матрицы. У нее рельефно выступающая грудь, небольшой слегка выпуклой живот и широкие бедра. Одежда состоит из хитона и, по всей видимости, гиматия, многочисленные складки которого окаймляют широкий округлый вырез и ниспадают до пола, аккуратно собранными в середине длинными прямыми складками, а также с согнутой в локте левой руки. Последняя имеет четко и реалистично с точки зрения анатомии проработанную кисть.

Стиль изображения при отсутствии головы с определенной долей осторожности можно отнести к эллинизированному, т.к. очевидно сохранение реализма, несмотря на фронтальность, еще нет строгого иератизма. Интересной особенностью статуэтки является не только ее объемность, но и самостоятельная устойчивость в вертикальном положении, чему способствовал прямо срезанный нижний край. Эта функция редко прослеживается у односторонних статуэток во всем среднеазиатском регионе. Иконография образа на рассматриваемой статуэтке отличается от иконографии статуэток I археологического типа только наличием гиматия, который окутывает многочисленными складками плечи и всю женскую фигуру, и его край придерживается левой согнутой в локте рукой на уровне верха левого бедра. В качестве аналогии можно упомянуть статуэтку из соседнего историко-культурного региона – Бактрии с территории крупного города Дальверзинтепа, датируемую 1 в.н.э. 25

В условиях, когда на основном зороастрийском фоне присутствовали самые различные религиозно-идеологические представления, не случайным видится использование в качестве одного из основных иконографических признаков рассматриваемых статуэток греческого костюма (хитон с гиматионом). Во 2–3 веках он становится иконографическим шаблоном на территории значительной части Ойкумены, в частности, в восточных провинциях Рима и западных областях Парфии, Месопотамии. Особенно это наблюдается в караванных городах Передней Азии (Дамаск, Пальмира, Дура-Европос, Зевгмы). Богини Атаргатис, Артемида-Азаннтконда, Тихе, Афродита и другие были изображены здесь в аналогичном костюме, а также в эллинизированном стиле. Может ли это послужить вектором направления возможных влияний или заимствований в области иконографии, или всего лишь подчеркивает общность процессов по адаптации эллинистического наследия вопрос пока нерешенный. Однако несомненно, что последний происходил в период от рубежа эр и до утверждения сасанидского изобразительного канона.

Статуэтка № 8 (табл. 1. 8; рис. 7).

Особый интерес в рассматриваемой коллекции представляет целиком сохранившаяся статуэтка с ранее не известным иконографическим типом. Она представляет собой изображение строго фронтально стоящего персонажа с атрибутами в руках: стройная женская фигура с тонкой талией, широкими бедрами, высокой грудью в струящейся длиннополой одежде увенчана невысоким «башневидным» головным убором, от которого спускается длинное покрывало, окутывающее фигуру по бокам. Лицо автохтонного типа, узкое, удлиненное с массивным подбородком, маленьким ртом, пухлыми щеками, круглыми глазами в обрамлении приподнятых дуговидных бровей. К сожалению, часть лица сколота. Прическа с прямым пробором гладких волос с четко выделенными прядками, переходящими у висков в сильно завитые пышные локоны, которые свисают до плеч по обе стороны лица. Шею украшает широкая пектораль, разделенная на секции, с округлой вставкой, по всей видимости, драгоценного камня в центре. Ниже и параллельно линии пекторали читается верхний край одежды с округлым широким вырезом, прикрывающим рельефно выделенную грудь. Одежда

 $^{^{25}}$ Двуреченская 2016, 139, рис. 138, 5(46), табл. 14/46.

²⁶ Invernizzi 1973–1974, VIII–IX, 200, 210, fig. 66,

²⁷ Cumont 1923, 45, pl. 1. XIII.

O 5cm

Рис. 7. Статуэтка № 8

имела длинные рукава. Так, на левой руке, согнутой и поднятой к центру груди, виден ее край. Одежда подчеркивает внешний контур бедер плотно сомкнутых ног. Несколько дополнительных длинных вертикальных складок демонстрируют тонкость ткани, особенно это подчеркивают многочисленные волнистые невысокие складочки по самому нижнему краю одеяния.

Атрибуты в руках женского персонажа плохо читаются из-за сколов. В кисти левой руки, приподнятой к груди, она держит маленький предмет, угадывающийся по небольшому рельефному выступу. Правая рука согнута в локте и опущена к животу. На уровне ее кисти скол. А чуть левее и ниже изображен длинный, слегка расширяющийся с фигурным нижним краем, а также фигурным навершием крупный предмет, поверхность которого имеет рельефный орнамент из овальных картушей (?). Стиль изображения можно отнести к эллинизированному. Несмотря на миниатюрные размеры в 6,8 см полной высоты статуэтки, пропорции фигуры реалистичны, соотношение высоты головы к росту всей фигуры персонажа составляет 1: 5. При строгой фронтальности изображения можно отметить «живое» положение рук, реалистичную игру складок одежды, придающих динамизм всему образу.

Миниатюрные по размерам статуэтки с антропоморфными персонажами в Маргиане не редкость. Они представлены в сериях нескольких археологических типов. Так, малые размеры характерны для статуэток с обнаженным женским персонажем типа V.²⁸ В наиболее распространенном в Маргиане типе VIII (богини с зеркалом) также характерны малые размеры для 1 варианта. Есть и серия стратиграфически датированных индивидуальных типов статуэток из Гебеклы-депе.²⁹ Как правило, датировка миниатюрных статуэток разных типов ограничена парфянским временем и не позднее 1–2 вв. н.э.

Наиболее говорящим атрибутом рассматриваемого иконографического типа является головной убор башенного типа. Этот атрибут наиболее характерен для богини Тихе. Отметим, что именно эта богиня в парфянском пантеоне венчает царей на правление, что можно видеть на монетах Орода II (58–37 гг. до н.э.). В этот период область Маргианы вновь отходит к Парфии. С приходом новой власти происходит внедрение новой идеологии, и соответственно появляются новые иконографические типы. Однако можно констатировать, что в Маргиане на протяжении всего античного периода в народной среде доминировал

²⁸ Двуреченская 2014, 532-533, 558-559,

²⁹ Там же, 555, № 55.

узкий круг религиозно-мифологических образов, отраженный в мелкой пластике. Это, безусловно, богиня с зеркалами, женское божество без атрибутов и образ женоподобного юноши.

Новые парфянские образы не прижились в народной среде и встречаются в дешёвом терракотовом материале чрезвычайно редко. Чаще они предстают в иконографии изделий, которые исходят от властных структур и чиновничьего аппарата в качестве декларации статуса, идей, легитимизующих новую власть и т. д. (на монетах, буллах, геммах и т. д.).

Рассмотренная небольшая коллекция антропоморфных статуэток из древнего Мерва, несмотря на то, что они происходят из подъемного материала, дополнила наши представления о терракотовой пластике региона. Использование ранее разработанной археологической типологии антропоморфных статуэток Бактрии, Согда и Маргианы оказало существенную помощь в идентификации большинства рассмотренных изделий, а также в понимании их места в эволюционном ряду выделенных типов. Это в свою очередь еще раз выявляет преимущества типологии, как одного из важнейших инструментов археологического исследования материальной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

Гаибов В.А., Губаев А., Кошеленко Г.А. 1999. Итоги исследования Гебеклы-депе в 1998 г. // Π ИФК VII, 374–383.

Двуреченская Н. Д., Новиков С. В. 2014. Терракотовая пластика Маргианы (по материалам Среднеазиатской археологической экспедиции 1980–2003 гг.) // Scripta Antiqua 3, 483–573.

Двуреченская Н. Д. 2016. Терракотовая пластика древнейших государств Средней Азии IV в. до н.э.— IV в. н.э. (археологический аспект). Санкт-Петербург.

Дурдыев Д. 1971. Кырк-депе (отчет о раскопках 1955–1957 гг.) // Известия АН Туркменской ССР. Вып. 5, 123–125.

Кацурис К., Буряков Ю. Ф. 1963. Изучение ремесленного квартала античного Мерва у северных ворот Гяур-калы // Труды ЮТАКЭ II. Ашхабад, 119–163.

Кошеленко Г. А. 1977. Родина парфян. Москва.

Кошеленко Г. А., Усманова З. И., Филанович М. И. 1985. Маргиана // Г. А. Кошеленко (ред.), Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии (Археология СССР). Москва, 226–242.

Пугаченкова Г. А. 1959. Маргианская богиня (из работ Южно-Туркменистанской археологической экспедиции) // CA XXIX–XXX, 119–140.

Пугаченкова Г. А. 1962. Коропластика Древнего Мерва // Труды ЮТАКЭ XI. Ашхабад, 117–173.

Пугаченкова Г. А. 1967. Искусство Туркменистана. Москва.

Ремпель Л.И. 1953. Новые материалы к изучению древней культуры Южной Туркмении // Труды ЮТАКЭ II. Ашхабад, 169–191.

Усманова З. И. 1963. Раскопки мастерской ремесленника парфянского времени на городище Гяур-кала // Труды ЮТАКЭ XII. Ашхабад, 164–212.

Фахретдинова Д. А. 1988. Ювелирное искусство Узбекистана. Ташкент.

Cumont F. 1923. Les fouilles de Salihieh sur l'Euphrate // Syria 4/1, 38-58.

Invernizzi A. 1973–1974. Figure panneggiate dalla Mesopotamia ellenizzata // Mesopotamia VIII–IX, 181–243.

Pugachenkova G. A., Usmanova Z. I. 1995. Buddhist Monuments in Merv // In the Land of the Gryphons. Papers on Central Asian Archaeology in Antiquity. Torino, 51–81.

Таблица 1. Каталог терракотовых статуэток из коллекции ЮТАКЭ

Датировка на основе архео- логической типологии ико-	1–3 вв. н. э.	1–3 вв. н. э.	1-3 вв. н. э.	2-3 вв. н. э.
Год и характер находки	1987 подъем	1990 подъем	По сообщению З.И.Усмановой под- нята в 1953 с раскопа Герцман, заложенного на месте старого аме- риканского шурфа в центре Гяур- калы Р.Помпелли (Pumpelly,190)	1991 подъем
Сохран-	Утрачена голова, скол изо- бражения ниже пояса	Утрачена голова и нижняя часть от колен	голова	Сохра- нилась головка статуэтки, скол на уровне шеи, до плеч. Левая половина изображе- ния лица стерта
Размеры в сантиме- трах: высота, ширина, толщина	7,7x3x1,6	5,5x2,8x1,4	6,7x2,4x1,7	5,5x3,8x2,5 реконструи- руемая высота этого типа ста- туэток, по всей видимости, составляла до 18 см
Тесто; обжиг; дополнительные приемы обработки и пр.	Тесто однородное с включением мелких частиц темного кварца. Обжиг – окислительный, равномерный, черепок плотный, темно-розового цвета. На лицевой стороне светло-желтый ангоб.	Тесто с обильным включением мелких частиц темного кварца. Обжиг - окислительный, равномерный. Черепок плотный, шероховатый желтого цвета в изломе. Светлый ангоб на лицевой стороне.	Тесто однородное с включением мелких частиц темного кварца, а также выгораемых примесей, по всей видимости растительного характера. Обжиг – окислительный, равномерный. Черепок плотный бежевого цвета. На лицевой стороне местами сохранился светый ангоб.	Тесто однородное с включением мелких частиц темного кварца, а также выгораемых примесей, по всей видимости, растительного характера. Черепок плотный, шероховатый желтого цвета в изломе. Обжиг - окислительный, равномерный. На лицевой стороне сохранился светлый ангоб.
Технология изготовления	Оттиск с односторонней сра- ботанной и утратившей многие детали изображения матрицы. Рельеф неглубокий до 1,1 см. Тыльная сторона заглажена, бо- ковые стороны по сырому подре- заны ножом, однако не строго по контуру, а с небольшим глад- ким фоном, как на барельефе.	Оттиск с довольно сработанной односторонней матрицы с большей утратой деталей изображения. Рельеф неглубокий до 0,9 см. Тыльная сторона заглажена, боковые стороны по сырому подрезаны ножом, не строго по контуру, имеют небольшой плоский фон и также заглажены.	Оттиск с довольно сработанной односторонней матрицы. Рельеф неглубокий до 1,2 см. Тыльная сторона заглажена, боковые стороны по сырому подрезаны ножом, строго по контуру и также заглажены.	Оттиск с односторонней матри- цы. Рельеф высокий до 2 см. Тыльная сторона заглажена, боковые стороны по сырому под- резаны ножом, не строго по кон- туру, имеют небольшой плоский фон, и также заглажены. В целом изображение не четкое, несмотря на высокий рельеф, что говорит о сработанной матрице, а также о механических повреж- дениях в процессе залегания в слое и на поверхности.
Стиль изо- бражения	Эллинизиро- ванный	Эллинизиро- ванный	Эллинизиро- ванный	Автохтонный
Археоло- гический тип / вариант	l\2a	l\2a	l/2a	VIII/2
Место наход- ки/тип архео- логического объекта	Эрк-кала/сто- личный город (цитадель)	Эрк-капа/сто- личный город (цитадель)	Гяур-кала/сто- личный город	Гяур-кала/сто- личный город
2	-	Q	ന	4

Датировка на основе археологической типологии иконографии	2-4 BB. H. 3.	3 в. н. э.	1–2 вв. н. э.	1 в. до н. э. – 2 в. н. э.
Год и характер находки	1990 подъем	1986 подъем	1990. подъем	1956. подъем
Сохран-	Сохра- нилась головка статуэтки, скол на уровне ниже под- бородка	Отбиты голова и конечно- сти, сколы в лицевой части изо- бражения ниже пояса	голова	Сколы на лице и в центре торса
Размеры в сантиме- трах: высота, ширина, толщина	4,2x3x2,5	6x6,6x2,2	6,7×3,3×2,1 реконструи- руемая высота не превышала более 9 см.	6,8×2,1×1,4
Тесто; обжиг; дополнительные приемы обработки и пр.	Тесто однородное с включением мелких частиц темного кварца, однако не достаточно эластичное, имеется сетка тонких трещинок. Обжиг – окислительный, равномерный. Черепок плотный светлый.	Тесто однородное с включением мелких частиц темного кварца, а также выгораемых примесей, по всей видимости, растительного характера, черепок розовый. Обжиг – окислительный, равномерный. На лицевой стороне сохранились незначительные следы красного ангоба.	Тесто однородное с включением мелких частиц кварца. Обжиг – окислительный, равномерный. Черепок темно-розового цвета. На лицевой стороне местами сохранился светлый ангоб.	Тесто однородное с включением редких мел- ких частиц кварца, а так- же более редких примесей в виде белых вкраплений. Обжиг – окислительный, равномерный. Черепок плотный, темно-розового цвета. На лицевой стороне местами сохранился крас- ный ангоб.
Технология изготовления	Оттиск с односторонней сработанной матрицы. Рельеф глубокий до 2 см. Тыльная сторона заглажена, видны следы подрезки, боковые стороны по сырому подрезаны ножом, не строго по контуру и также заглажены.	Оттиск с односторонней матри- цы. Рельеф глубокий до 1,5 см. Тыльная сторона заглажена, вид- ны следы грубой подрезки ножом с боковых сторон по сырой глине строго по контуру, которые были также заглажены.	Оттиск с довольно сработанной односторонней матрицы. Глубина рельефа достигает до 1,5 см. Тыльная сторона заглажена, боковые стороны по сырому подрезаны ножом, строго по контуру и также заглажены. Низ срезан и устойчив.	Оттиск с односторонней матри- цы. Рельеф относительно ми- ниатюрных размеров статуэтки глубокий – до 0,7 см. Тыльная сторона заглажена, видны следы подрезки, боковые стороны по сырому подрезаны ножом, строго по контуру и также заглажены. Низ статуэтки имеет косой срез, и статуэтка изначально само- стоятельно не была устойчива.
Стиль изо- бражения	Автохтонный	Автохтонный	Эллинизиро- ванный(?)	Эллинизиро- ванный
Археоло- гический тип / вариант	VIIN3a	индивиду- альный	индивиду- альный	Индивиду- альный
Место наход- ки/тип архео- логического объекта	Эрк-кала/сто- личный город (цитадель)	Эрк-кала/сто- личный город (цитадель)	Эрк-капа/сто- личный город (цитадель)	Эрк-кала/сто- личный город (цитадель)
o <u>i</u>	C)	9	7	8
				-

А. А. Завойкин, В. Д. Кузнецов

ХРОНОЛОГИЯ АРХАИЧЕСКОГО ДОМА ИЗ ФАНАГОРИИ*

Аннотация. Раскопки на «Верхнем городе» Фанагории в последние полтора десятилетия открыли на площади более 3 тыс. м² остатки городской застройки позднеархаического – раннеклассического времени. На протяжении примерно столетия этот район, обжитой с момента основания апойкии (ок. 540 гг. до н.э.), пережил по крайней мере дважды события катастрофического характера: в 480 г. и в середине 5 в. до н.э. его постройки были полностью разрушены, по всей видимости, в результате военных действий. В то же время, в истории некоторых зданий (как общественных, так и частных) выделяется три периода. Первый из них завершился пожаром на рубеже первой и второй четверти 5 в. до н.э., а последний – пожаром середины того же столетия. В разработке вопросов хронологии событий важную роль здесь играет анализ наиболее массового датирующего материала – тарных амфор. И особое значение имеет тщательное изучение состава комплексов находок этой категории, стратиграфически связанных с моментами строительства зданий или их разрушения. В настоящей заметке рассматривается один из таких комплексов, происходящий из здания (839), построенного еще в 6 в. до н. э. и разрушенного в 480 г. до н.э., над остатками которого в дальнейшем были последовательно возведены два более поздних дома, последний из которых не пережил события середины 5 в. до н. э.

Ключевые слова. Фанагория, поздняя архаика, здание, сырцовый кирпич, амфорный комплекс, хронология, периодизация, перестройка.

A. A. Zavoykin, V. D. Kuznetsov THE CHRONOLOGY OF AN ARCHAIC DWELLING IN PHANAGORIA

Abstract. In the last fifteen years, excavations at the Upper City of Phanagoria on the area of over three thousand square meters brought to light plenty of remains of late archaic and early classical city structures. In the course of about a hundred years this area, which had been settled starting from the very foundation of the apoikia (ca. 540 B.C.), went through at least two catastrophic events. In 480 B.C. and in the middle of the 5th century B.C. its structures were totally demolished, most probably – by some military activities. At the same time, in the history of certain buildings (both public and private) three periods can be distinguished. The first one was terminated by a fire that hit the city between the first and the second quarters of the 5th century B.C.; the last one – by a similar fire of the middle of the same century. The analysis of the most numerous dating material – transport amphorae – is crucial for the development of the chronology of these events. Special attention here should be given to the groups of these objects associated with the times when the buildings were constructed or destroyed. The present article considers one such group originating from building No. 839, constructed in the 6th century B.C. and demolished in 480 B.C. Two later buildings were subsequently erected above its ruins, the last one perished in the middle of the 5th century B.C.

Key-words. Phanagoria, Late Archaic period, building, mud-brick, amphorae, chronology.

Все вопросы, связанные с историей полисов Северного Причерноморья в древнейший период их существования, как хорошо известно, крайне трудны для своего решения. Объяснение такого положения дел также хорошо понятно всем специалистом – очень ограниченный круг источников. Если мы говорим о проблемах, связанных с урбанистикой и архитектурным обликом городов и поселений, то речь в первую очередь идет об археологических источниках. Их ущербность происходит из-за очень плохой сохранности и труднодоступности слоев самого раннего времени. Об этом пишут многие археологи, причем

^{*} Исследование выполнено в рамках НИР ИА РАН по теме «Археологические культуры евразийских степей и античный мир – контакты и взаимовлияния» (АААА-А18-118011790093-2).

не только работающие в Причерноморье, но и в разных районах Средиземноморского бассейна. Поэтому все новые данные, касающиеся облика городов архаического периода, представляют первостепенный интерес.

В этом отношении археологические исследования в Фанагории занимают заметное место как источник новой информации. Длительные раскопки (с 1975 и особенно с 1995 г.) в центральной части города, в его историческом ядре привели к открытию слоев архаического времени со времени основания города (раскоп «Верхний город»). Здесь открыты здания как общественного, так и жилого назначения, улицы, площади, водостоки, котлованы, ремесленные мастерские, оборонительные стены. Весь этот массив информации требует большой и скрупулезной работы по ее введению в научный оборот. Предлагаемая статья является частью такой работы. Ее задача состоит в том, чтобы опубликовать данные о жизни одного из домохозяйств на протяжении нескольких десятилетий, связав даты его существования с общей хронологией и историей Фанагории этого периода.

Описываемое домохозяйство находится примерно в центре первоначального города и представляет собой жилой дом, имевший три строительных периода (дома 839, 836 и 677). Сохранность самого раннего дома (839) не очень хорошая, поскольку значительная его часть уничтожена ямами и котлованами более позднего времени (рис. 1). Дом ограничен с юга улицей, мощеной черепками, с востока – переулком. С западной стороны также находился неширокий переулок, на другой стороне которого с самого начала существования города располагался религиозный центр. Здесь на протяжении по крайней мере двух веков (и, видимо, позднее) существовали небольшие храмы, посвященные неизвестным божествам. Если два храма в антах, которые были построены в классическое время, не вызывают вопросов с точки зрения своей архитектуры, то постройки предыдущего периода выглядят необычно. К настоящему моменту под храмом в антах второй половины 5 в. открыта подвальная часть постройки (с двумя помещениями), которое в плане выглядит как templum in antis. Оно погибло в очень сильном пожаре. Его описание и иллюстрации к нему уже опубликованы. 2

С северной стороны описываемое домохозяйство примыкает к борту раскопа, поэтому остается неизвестным, имело ли оно продолжение в этом направлении. Дом в плане напоминает латинскую букву «L», повернутую влево: одна
его часть (восточная) вытянута по линии север—юг, другая (южная), примыкающая к южному концу восточной части, вытянута с запада на восток. Он состоял
из пяти помещений: две комнаты в восточной части, угловая комната (юго-восточный угол дома) и два помещения в южной части (размеры помещений с севера на юг и затем на запад: ок. 13 м², ок. 11 м², ок. 14 м², ок. 6 м², ок. 4 м²).
Общая площадь дома немногим меньше 50 м². Таким образом, дом 839 является одним из самых больших жилых построек архаического времени, открытых
в Фанагории.

В помещении 5 (крайнем западном) обнаружены следы ремесленного производства. Здесь среди печин и углей были открыты остатки двух горнов в виде вкопанных горлом вниз верхних частей амфор. Они функционировали последовательно. Двум этапам функционирования горнов в пом. 5 соответствуют остатки двух разновременных открытых очагов, которые располагались непосредственно к СВ от горнов, у восточной стены помещения. Оба очага имели прямоугольную в плане форму. Более поздний из них имел размеры около 1,0×0,5 м. Внешние края очага были оформлены в виде глинобитных бортиков высотой 0.12 м.

¹ Все даты даны до н.э. без указания.

² Кузнецов 2019, 404–407.

³ Завойкин, Кузнецов 2019, 86–92.

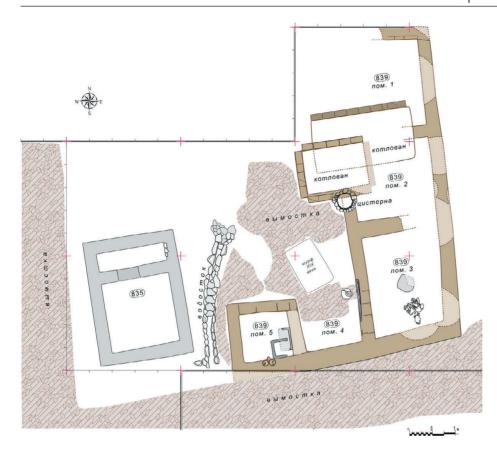


Рис. 1. Дом 839 и сопутствующие ему объекты. Схематический план

Конфигурация дома в виде угла наводит на мысль о том, что к западу от основной его части располагался внутренний двор. В таком случает выходы в него были устроены из обеих частей дома – восточной и южной.

Таким образом, в доме 839 жил хозяин, деятельность которого была связана с ремеслом, а именно с металлообработкой. В связи с этим необходимо вспомнить очень важный факт, который, по всей видимости, имеет прямое отношение к описываемому домохозяйству. В 1992 г. Фанагорийская экспедиция осуществляла исследования на участке раскопа «Верхний город», который практически вплотную примыкает к тому месту, на котором находится помещение 1 дома 839 (самое северное). Именно оно, по всей видимости, было главным в доме. После окончания полевого сезона в отвале раскопа местный житель с помощью детектора металлов (они только что появились в пользовании «любителей древностей») нашел свернутую в трубочку небольшую свинцовую пластину. Она была приобретена экспедицией. После реставрации, которая была осуществлена в Государственном Эрмитаже, оказалось, что это частное письмо. Оно было опубликовано Ю. Г. Виноградовым. В нем речь идет о приобретении раба ($\pi\alpha$ () по имени Фаулл, который был куплен в Борисфене в 530–510-х годах.

Как предполагает первоиздатель, этот раб мог быть квалифицированным ремесленником. В таком случае совершенно не исключено, что он был куплен хозяином дома 839 и работал в мастерской в том помещении этого дома, где находились горны и печи. Судя по небольшим размерам этих конструкций и аналогиям из других фанагорийских мастерских в этом эргастерии обрабатывали цветные металлы, скорее всего, драгоценные (серебро?). Горны сложены

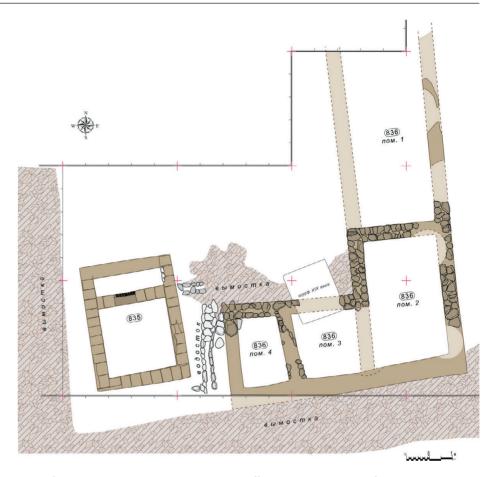
⁴ Если хозяин дома был ремесленником, то это не означает, что ремесло было основным источником его дохода. Скорее всего, он был гражданином полиса (поскольку имел дом в городе), а значит владел участком земли на хоре.

⁵ Vinogradov 1998, 160–163: SEG 48 (1998) 1024.

⁶ Ibid., 163.

⁷ См. Завойкин. Кузнецов 2019, 92.

Рис. 2. Дом 836 и сопутствующие ему объекты. Схематический план



из амфор, которые датируются последней третью 6 в., а погиб дом в начале 5 в. (возможно, в 480 г.). Эти данные коррелируют с датой письма. 8

После гибели дома 839 на его месте, вероятнее всего, прежними хозяевами был построен другой дом 836 (рис. 2). С небольшим смещением он повторял плане своего предшественника и состоял, по крайней мере, из четырех помещений, также в виде повернутой влево латинской буквы «L». Его длина по линии север—юг превышает 13,5 м, а по линии восток—запад равна 10,3 м. В отличие от предыдущего здания у дома 836 часть стен, построенных из сырцовых кирпичей, имела каменный фундамент. Размеры помещений таковы: пом. 1 (самое северное) — ок. 24 м², пом. 2 - 17,8 м², пом. 3 - 6 м², пом. 4 - 5,1 м.² Помещение 1 было главным в доме, о чем говорит тот факт, что оно имело пол, выложенный сырцовыми кирпичами. Это второй такой случай, зафиксированный раскопками в Фанагории (также на раскопе «Верхний город»).

В углу, образованном двумя линиями помещений, находился внутренний двор. Описываемый дом прекратил свое существование по неизвестной причине. В любом случае следов каких-то катастрофических событий (например, пожара) не обнаружено.

Третий строительный период жизни дома одного из первых ионийских переселенцев в Фанагорию приходится на постройку, которая заметно уступала своим предшественникам по размерам (дом 677). Она состояла из двух комнат, которые находились над помещениями, вытянутыми по линии восток—запад домов 839 и 836 (рис. 3). Этой постройке посвящена отдельная публикация, что избавляет нас от ее подробного описания.

⁸ Один из авторов этой статьи в предыдущей публикации, которая находится в печати в Великобритании, связывал письмо с вторым строительным периодом описываемого дома (№ 836). Эта ошибка связана со сложностью выстраивания хронологии перестроек дома (Кuznetsov 2021).
⁹ Кузнецов 20186, 99–106.

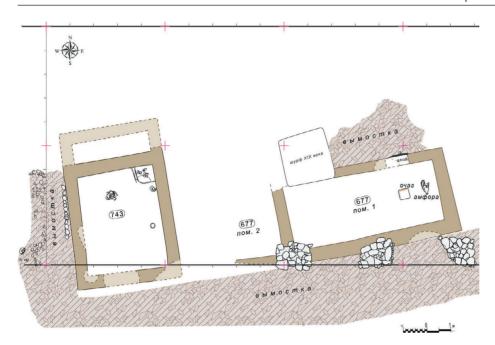


Рис. 3. Дом 677 и сопутствующие ему объекты. Схематический план

Итак, археологическими исследованиями на «Верхнем городе» Фанагории в последние полтора десятилетия на площади более 3 тыс. м² открыты остатки городской застройки позднеархаического – раннеклассического времени. 10 На протяжении примерно столетия этот район, обжитой с момента основания апойкии (ок. 540 гг.), пережил, по крайней мере, дважды события катастрофического характера: примерно на рубеже первой и второй четвертей 5 в. (как мы полагаем в 480 г.) и в середине 5 в. до н. э. (450–440 гг.) его постройки были тотально разрушены, по всей видимости, в результате военных действий. В то же время, в истории некоторых зданий (как общественных, так и частных) выделяется три периода. Первый из них завершился пожаром 480 г. 11, а последний – пожаром середины того же столетия.

За годы раскопок в историческом центре города были открыты десятки объектов древнейшего периода истории Фанагории различного характера. Это и остатки жилых домов и общественных зданий (гражданских и культовых), построенных из сырцового кирпича, и следы ремесленного производства 12, и особого рода углубленные в материк объекты — прямоугольные котлованы и простые хозяйственные ямы. Некоторые из этих объектов связаны друг с другом прямой стратиграфией (перекрывают друг друга) в цепочки, определяющие их хронологическую последовательность. Синхронизация таких цепочек (их элементов) между собой не всегда возможна по стратиграфии слоя, даже когда речь идет о событиях общего характера (таких, как уже упомянутые два разрушения, сопровождавшиеся пожарами 13). Поэтому для выявления и аргументации периодов истории исследованного раскопками района Фанагории необходима обоснованная абсолютная датировка материалов, обнаруженных в отдельных комплексах.

В разработке хронологии событий важную роль играет анализ наиболее массового датирующего материала – тарных амфор. И особое значение имеет тщательное изучение состава комплексов находок этой категории, стратиграфически связанных с моментами строительства зданий или их разрушения. В настоящей статье рассматривается один из таких комплексов. Он происходит

¹⁰ См.: Кузнецов 2018а; 2018б; 2019.

¹¹ В обосновании этой даты важно учитывать датировку клада ранних боспорских монет, найденного в 2005 г. в стене одного из домов, погибших во время отмеченного пожара (Кузнецов, Абрамзон 2020, 8–10). С одной стороны, хронология монет привязана к археологической дате, но с другой, – археологическая датировка контролируется хронологической схемой развития монетных типов, построенной на других источниках.

¹² Например, см. Завойкин, Кузнецов 2019.

¹³ В силу плохой сохранности раннего слоя, во многих местах уничтоженного поздними ямами, следы пожаров удается проследить локально, а не на всей открытой раскопками плошади. По этой причине бывает не просто судить о масштабах катастрофы. Так, на Верхнем городе» было исследовано общественное здание (460), которое погибло в 350-х гг. в сильнейшем пожаре, но явных следов огня за его пределами обнаружить практически не удалось (см. Завойкин 2018, 118 сл., 139-140). Не исключено, это объясняется тем, что катастрофическому событию последовала тотальная перепланировка этого района, которой предшествовали нивелировочные работы, уничтожившие следы пожара середины 4 века. На эту тему см. суждения в статье А. А. Завойкина и Н. А. Павличенко в настоящем сборнике.

из здания (839), построенного еще в 6 в. и разрушенного в 480 г. Над его руинами в дальнейшем были последовательно возведены два дома, последний из которых не пережил пожара середины 5 в. (см. выше.)

В одном из помещений построенного практически на поверхности материка ¹⁴ дома 839 был открыт компактный развал ионийских амфор, которые принято называть «прото-фасосскими» (рис. 1). ¹⁵ Эти амфоры и их крупные обломки лежали на участке пола, под которым находилась яма (891). Перед постройкой дома она была тщательно заполнена горизонтальными прослойками чистой глины, пересыпанными тонкими прослойками золы и песка (рис. 4), чтобы избежать «проседание» грунта (и, соответственно, пола) в месте ее расположения. Очевидно, после того как дом прекратил свое существование и лишился кровли, участок пола над этой ямой все-таки опустился вместе с амфорами, которые на нем лежали. ¹⁶

Этот амфорный комплекс заслуживает внимания по нескольким причинам. С одной стороны, находки из него важны для датировки завершающего периода жизни здания, в котором он найден, а с другой, – стратиграфический контекст их обнаружения имеет определенную ценность для возможной корректировки хронологической схемы самой этой группы амфорной тары. Начнем со стратиграфии.

Упомянутый дом (839) располагался в том самом месте ¹⁷, где после завершения его жизни, как уже отмечалось, были построены последовательно один над другим еще два дома (836 и 677). Наиболее существенно то, что последующие домостроения в значительной мере или частично возводились непосредственно на остатках сырцовых стен зданий-предшественников (рис. 2, 3). Так, основания восточной, южной и западных стен дома 836 опирались на соответствующие стены дома 839¹⁸; а восточная, южная и северная стены ¹⁹ редуцированного до двух помещений дома 677²⁰ опирались на остатки соответствующих стен дома 836. Иными словами, эти три последовательно существовавших постройки отражают три этапа жизни одного домохозяйства. Стоит здесь же отметить, что также три этапа (строительных периода) выделяются в истории другой крупной постройки – общественного здания (294), располагавшегося к ЮЗ от рассматриваемых строительных объектов. 21 Оба этих комплекса зданий, как и все другие постройки этого района города, окончательно погибают в общем пожаре середины 5 в. (450-440 гг.). ²² О причинах и обстоятельствах предшествующих этой дате двух перестроек можно лишь строить гипотезы. Однако логично предположить, что одна из них была связана с другим общим разрушением застройки района (включая и оборонительные стены) на «Верхнем городе» – в пожаре 480 г.²³ Для нас сейчас важно определить, разрушение какого именно архитектурного объекта (839 или 836-го) связано с этой катастрофой? В решении этого вопроса существенную роль должны сыграть амфорные материалы. Ради наглядности картины их рассмотрение стоит начать «снизу вверх» (рис. 5, 6).

В хронологическом плане начальный период жизни дома 839 характеризуется комплексом амфор в помещении 5, из частей которых были устроены горны (897а, б).²⁴ Обломки хиосской амфоры первого из них могут датироваться 530–525 гг., а второго – 530/25–500 гг. (рис. 5. *1*, *2*). И хотя для строительства горнов были использованы не целые сосуды, а их части, раннюю дату нам кажется корректным использовать в качестве *terminus post quem* в определении начального периода жизни дома.

Финальный момент жизни этого дома, как было сказано, маркируется комплексом ионийских («прото-фасосских») амфор из помещения 3 (рис. 5. 3-5). К сожалению, тарные сосуды этой группы не имеют столь же четких хронологиче-

- ¹⁴ Ниже подошвы кладок прослежена тонкая прослойка песка, окрашенная золистыми включениями в серый цвет (предматерик).
- 15 Другое их условное наименование «амфоры со сложнопрофилированными ножками». Обсуждать здесь вопрос о месте производства этой многочисленной и разнообразной тары второй половины VI первой половины V вв. до н.э. мы не будем.
- 16 Это обстоятельство важно оговорить, поскольку при раскопках первоначально складывалось ошибочное впечатление, будто амфоры находятся в заполнении самой ямы. Однако локализация керамического развала строго на плотной глинисто-золистой поверхности в верхнем горизонте ее заполнения, наряду с характеристиками сохранности самих амфор, исключает такое понимание ситуации.
- ¹⁷ Непосредственно к северу от магистральной улицы, ведущей с запада на восток (см. Кузнецов 2018а, 123, рис. 4).
- ¹⁸ Северная стена и стены-перегородки были несколько смещены относительно ранних, но планиграфическая схема деления внутреннего пространства оставалась прежней.
- 19 Западная его стена не сохранилась.
- ²⁰ См. Кузнецов 2018б, 100–102.
- ²¹ См. Абрамзон и др. 2019, 7–9.
- 22 Там же, 12.
- ²³ См.: Абрамзон и др. 2019, 6, прим. 2; Кузнецов 2018в, 219; Завойкин 2019, 112—115.
- ²⁴ Завойкин, Кузнецов 2019, 87–91, рис. 20. *2*, 21, 22.
- ²⁵ Реставрация амфор, хранящихся в музеезаповеднике «Фанагория», пока не завершена. Всего в комплексе, по соотношению горл и целых ножек, находилось порядка 13–15 тарных сосудов. На рисунке представлены лишь три из них, наиболее сохранные.



Рис. 4. Яма 891 (под полом помещения 3 в доме 839). 1 — Развал амфор на поверхности пола над ямой; 2 — участок пола, на котором лежали амфоры; 3 — слоистое заполнение ямы

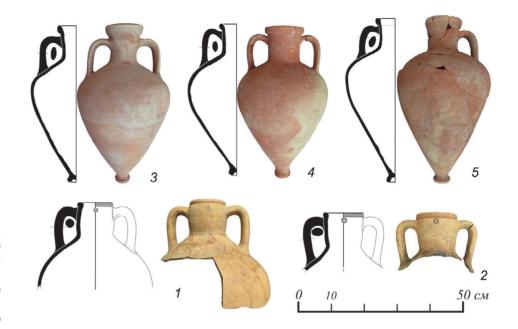




Рис. 5. Амфоры из дома 839.

1, 2 — Части хиосских тарных сосудов, из которых были сделаны горны (897а, б) в помещении 5 (по: Завойкин, Кузнецов 2019, 91, рис. 22. 1, 3); 3—5 — «прото-фасосские» амфоры из помещения 3

- ²⁶ Ср. Монахов 2003, 40–41, табл. 24: амфоры третьей серии, крайняя их датировка не выходит за пределы двух-трех первых десятилетий 5 в.
- ²⁷ Следует, однако, отметить, что нигде в его руинах не были зафиксированы следы пожара.
 ²⁸ Наиболее яркий комплекс склад амфор (290Б), см. Завойкин, Монахов, Кузнецова 2013. Отдельные образцы хиосских амфор из него представлены на рис. 6. 1–3.
- 29 Нижняя ее временная грань привязана к датируемому событию (разгром Ксерксом Афин) через комплекс агоры Q 12:3, в котором хиосские амфоры представлены исключительно более ранним вариантом (Roberts 1986, 66, 67, nos. 419, 420, fig. 42, рl. 18). Нет необходимости говорить о том, что разрушение Афин персами не могло быть причиной того, что на о. Хиос единовременно прекратили декорировать тарные амфоры полосками краски. Практически невероятно и допущение, что это определялось каким-то специальным декретом самих хиосцев. Следовательно, переход от «ранних» пухлогорлых к «развитым» - это постепенный процесс, длительность которого установить с желаемой точностью невозможно. Очевидно лишь то, что в течение этого (вероятно, не столь уж длительного) периода производились амфоры того и другого вариантов. В быту те и другие могли сосуществовать некоторое время и после того, как производство «ранних» прекратилось полностью. Именно такое сочетание хиосских амфор наблюдалось в слое разрушения древнейших оборонительных стен Фанагории (см. Завойкин 2019, 112-115, рис. 4).
- ³⁰ Монахов 2003, 17.
- ³¹ В подвале 883 нижний ряд кладки зафиксирован только у северного борта котлована. Можно предположить, что еще в ходе строительства произошло обрушение бортов, после чего дальнейшее обустройство подвала стало нецелесообразным.



ских дефиниций, как у амфор с о. Хиос. Прежде всего, это объясняется тем, что «прото-фасосские» амфоры производились не одним, а несколькими центрами. Четко дифференцировать продукцию каждого из них пока не получается. Следовательно, существующая единая классификация тарных сосудов этой группы позволяет только наметить общие тенденции их развития. Согласно классификации С.Ю. Монахова, который учел в ней наибольшее количество подобных амфор (в том числе из датируемых другими категориями находок из комплексов), амфоры из Фанагории относятся к концу 6 – началу 5 вв.²⁶

Таким образом, имеются веские причины связывать прекращение жизни дома 839 с катастрофическими для этого района событиями 480 г.²⁷ И если это так, то период жизни зданий двух следующих строительных периодов (836, 677) приходится на относительно небольшой временной интервал: между 480 и 450/40 гг.

В действительности общий период жизни этих зданий, вероятно, был и того короче. Дело в том, что сразу после разрушений, датируемых 480 г., в этом районе Верхнего города фиксируются заглубленные в культурный слой и материковый песок котлованы недолговечных сооружений, которые использовались для хозяйственных и, быть может, производственных нужд. Насколько позволяют судить находки из этих объектов, их использование приходится примерно на 70-е годы 5 в. ²⁸ Очевидно, что эта дата условна ²⁹, как и продолжительность бытования наиболее ранней разновидности «развитых» пухлогорлых ³⁰, которые в них были найдены.

После того, как здание 839 было разрушено, остатки двух его северных помещений были прорезаны котлованами двух (или трех?) подвалов (883, 880, 876?), стенки которых были выложены сырцовым кирпичом. Западная стена «восточного» блока помещений следующего по времени здания (836) пролегла над заполнением этих заглубленных объектов. Датировка находок из заполнения этих котлованов, по предварительной оценке, не выходит за пределы первой четверти/трети 5 в. Во всяком случае, здесь не было обнаружено ни одного фрагмента хиосских пухлогорлых амфор «развитого» варианта. С формальной

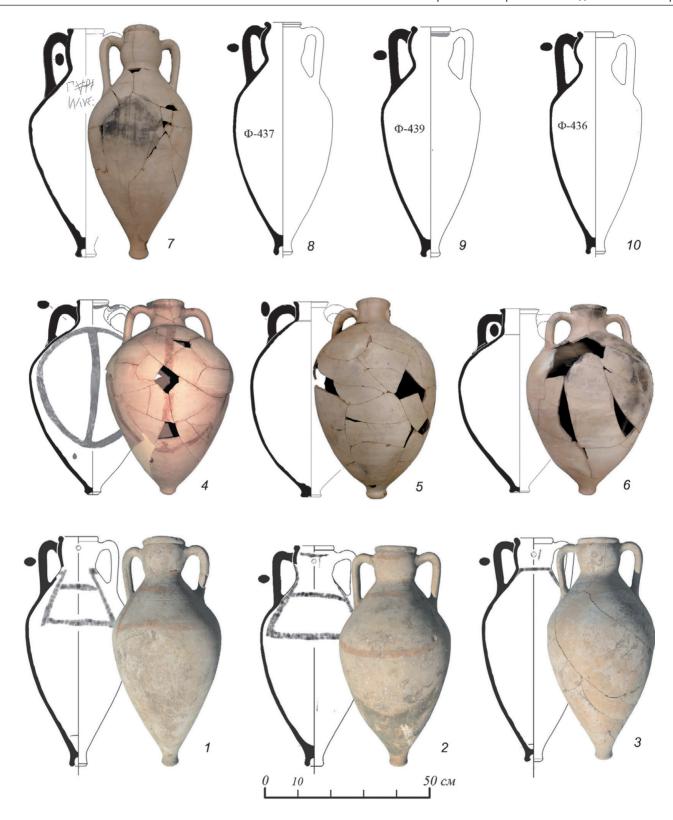


Рис. 6. Амфоры из фанагорийских комплексов. 1-3 – Хиосские из склада в котловане 290Б (по: Завойкин, Монахов, Кузнецова 2013); 4-7 – амфоры «с полыми доньями» и хиосская из подвала (835); 8-10 – амфоры из комплекса «Холм Г» (Ф-437, Ф-439, Ф-436, по: Монахов 2019, рис. 2. *3, 4, 6*)

точки зрения этот факт можно интерпретировать как свидетельство асинхронности подвалов и котлованов, о которых было сказано раньше. Однако, как представляется, было бы неосмотрительным усложнять и без того непростую стратиграфическую схему предположением о еще одном периоде истории данного района города, характеризующемся кратковременным перерывом нормальной его застройки. Полагаем допустимым считать, что выявленное «противоречие» мнимое: оно возникает в нашем сознании лишь вследствие того, что нынешние возможности хронологического анализа источника исчерпаны. Другими словами, типологический метод не позволяет фиксировать различия (размерные, морфологические и др.), когда необходимо оценить слишком короткий временной интервал, и тем более – с необходимой точностью привязать их к абсолютной хронологической шкале.

Таким образом, дату строительства дома 836 целесообразно определить с определенной степенью условности интервалом между 480–470 гг.

Последний по времени дом (677) погиб в сильном пожаре, в результате которого обмазка внутренних фасов стен местами прокалилась до кирпично-красного цвета. Следы огня отчетливо видны и на полу, *над* которым в помещении 1, близ очага, найдена нижняя часть хиосской пухлогорлой амфоры второй четверти – середины 5 в. Предполагалось³², что в этом же пожаре погибла и культовая постройка (храм) с подвалом (835), располагавшаяся рядом, к западу от дома. Обильные амфорные находки в пожарище подвала (рис. 6. 4–7) дают больше возможностей для датировки катастрофы.³³ Учитывая, что этот комплекс был перекрыт храмом второй половины 5 в. (743)³⁴, становится очевидным, что данное событие относится примерно к середине того же столетия.

Весьма ценную информацию для суждения о хронологии этого события дали уточненные С. Ю. Монаховым сведения о реальном составе амфорного комплекса на «холме Γ » Фанагории. В нем имеются хиосские амфоры двух вариантов пухлогорлых: финальной серии «развитых» и наиболее ранние пухлогорлые «поздние». В целом амфоры из комплекса датированы исследователем концом 450-х – 440-ми гг. ³⁵ В комплексе амфор из подвала хиосские поздние пухлогорлые амфоры отсутствуют; единственная целая (реставрированная) амфора ³⁶ (рис. 6. 7) имеет пропорции: H = 699 мм: D = 354 мм (1,97), т. е. она выглядит «архаичнее» наиболее близкой ей морфологически амфоры Ф-437 (рис. 6. 8) из комплекса «холм Γ » (ср.: H = 706 мм х D = 302 мм (2,34)) ³⁷ и значительно ближе по своим пропорциям амфорам из фанагорийского склада 290Б (рис. 6. 1-3). ³⁸

Исходя из этих показателей, логично датировать амфорный комплекс в подвале 470–450/440 гг. Уместно, правда, сделать одну оговорку: нельзя полностью исключить вероятность некоторой корректировки этой даты после того, как завершится реставрация остальных хиосских амфор из комплекса. Однако внимательное изучение профилированных их фрагментов, кажется, оставляет мало надежд на это. Как горла амфор, так и их ножки в полной мере соответствуют характеристикам той серии хиосских, которая представлена на рис. 6. 7.

Таким образом, синхронизацию гибели дома 677 и храма 835, видимо, следует признать ошибочной. Здесь в заблуждение ввели ярко выраженные следы пожара в обеих постройках и присутствие в них хиосских амфор одного варианта. Между тем, не было в должной мере проанализировано стратиграфическое их взаиморасположение. Дело в том, что горизонт жизни храма 835 соотносится

- ³² Завойкин 2019, 110.
- ³³ Предварительный обзор комплекса см. Завойкин 2019, 110. На рис. 6. 4–7 представлены отдельные реставрированные сосуды; обработка и сборка остальных все еще не завершена. Помимо собранных археологически целых сосудов (одной хиосской амфоры и трех «с полыми доньями») в обломках представлены: 16 ножек хиосских (примерно столько же горл) и фрагменты еще 6 амфор «с полыми доньями», которые, видимо, будут подбираться в археологически целые сосуды (в отличие от хиосских, по крайней мере часть которых, вероятно, не подлежит реставрации, поскольку находилась в подвале уже в фрагментарном состоянии?).
- ³⁴ См. Кузнецов 2019, 404, рис. З. 1. Эта постройка также погибает в пожаре в конце 5 в. ³⁵ Монахов 2019, 54–55, рис. 2. 3–7; З. 8–18. Можно даже немного «приподнять» верхнюю дату этого временного интервала до «начала» 30-х годов 5 в. В этом плане показательна амфора Ф-469 (Монахов 2019, 59, рис. З. 15), у которой ножка уже вполне оформилась в виде дополнительной детали («кубарька»), как у хиосской амфоры реперного афинского комплекса R 13:4, в котором с поздней пухлогорлой соседствуют хиосские амфоры с прямым горлом самого раннего («нимфейского» IV-A, по Монахову) варианта (Монахов 2003, 19, табл. 8).
- 36 Стоит отметить, что ее горло сильно стиснуто с боков: 111×147 мм.
- ³⁷ Монахов 2019, 52, табл. 1.
- ³⁸ Сравни модули хиосских амфор этого комплекса: №1 = 692 : 324 (**2,14**); №2 = 665 : 328 (**2,03**); №4 = 685 : 348 (**1,97**); №5 = 678 : 320 (**2,11**); №7 = 665 : 306 (**2,17**); №8 = 660 : 326 (**2,02**); №10 = 675 : 320 (**2,11**) (Завойкин, Монахов, Кузнецова 2013, 220, табл. 1).

с уровнем каменной вымостки с водостоком (838, 841), расположенной между этим культовым зданием и домом 836, а вовсе не с уровнем дневной поверхности дома 677 (с вымосткой 688 к северу от него). Последнему горизонту соответствуют остатки другого храма (743), жизнь которого прекратилась не позднее рубежа 5 и 4 веков. Построен же он мог быть одновременно с домом 677, а не после пожара 450/40 гг., как представлялось ранее. 39

Исходя из всего сказанного, время строительства «дома на каменном фундаменте» (836) определяем интервалом 480–470 гг., а момент его гибели – 470–450/440 гг. К сожалению, столь широкие временные интервалы не дают возможности точно ответить на вопрос о дате, разделяющей гибель здания 836 и строительство здания 677. Изменение размеров и планировки новой постройки по сравнению с прежней было существенным. Новое здание занимало площадь только южного блока и состояло всего из двух помещений. Вплотную, к северу от них находилась галечная вымостка (688) 40, перекрывшая частично помещения «восточного» блока. Очевидно, что такого рода изменения были продиктованы какими-то важными обстоятельствами, о характере которых мы судить не можем. Следует лишь констатировать, что никаких следов пожара в остатках здания 836 (в отличие от храма 835) нигде зафиксировано не было (см. прим. 13).

Не исключено, что его разрушение не было эпизодом локального значения, поскольку одновременно с ним, по-видимому, погибает и храм в антах. Если допустить, что три этапа в жизни находящегося по соседству общественного здания 294 синхронны трем рассмотренным здесь разновременным постройкам (839, 836, 677), то появляются основания для гипотезы о трех периодах ранней (до середины 5 в.) истории всего этого района Фанагории. В поддержку данного предположения, возможно, удастся получить новые факты после того, как будут завершены раскопки на месте храмов, располагавшихся к западу от комплекса зданий 839—836—677. В этом месте — помимо храмов в антах середины — второй половины 5 и 4 вв. (743, 675) — пока открыты остатки культовой постройки (835), сгоревшей в 560-х или 550-х годах. Котлован её подвала прорезал остатки построек предшествующего периода. Ч Будем надеяться 2, что именно здесь удастся найти ответ на вопросы, которые пока решить не удалось, опираясь исключительно на стратиграфию и амфорные материалы.

И в завершение несколько строк о пределах потенциальных возможностей этой категории датирующих находок. Как мы видели, один вариант («развитый») пухлогорлых хиосских амфор представлен в комплексах (294Б, 835, Холм Г), относящихся к трем последовательным этапам истории Фанагории (от 470-х до 440-х гг.). 43 И это все, что можно сказать, поскольку, даже выделяя по морфологии и пропорциям этих тарных сосудов последовательные их группы, мы не в состоянии предложить обоснованные абсолютные датировки, разделяющие эти группы между собой. Навряд ли оправданными будут здесь даты искусственные, более-менее равномерно распределенные на хронологической шкале. В этом нет смысла уже хотя бы потому, что процесс эволюции формы и пропорций тарных сосудов мог быть неравномерным, не говоря уже о том, что продолжительность интервалов между сами событиями, обусловившими формирование рассмотренных амфорных комплексов на протяжении 30-40 лет, могла быть любой. Дальнейшие успехи в разработке хронологии древностей рассмотренного периода возможны только через привлечение альтернативных датирующих материалов, прежде всего – расписной и чернолаковой керамики.

³⁹ Сказать, каким образом этот храм пережил общую катастрофу (был восстановлен?) не представляется возможным, поскольку постройка сохранилась очень плохо. В процессе раскопок, когда в одном горизонте были расчищены остатки зданий 677 и 743 с отчетливыми следами пожара на внутренних поверхностях стен и в заполнении помещений, первоначально даже складывалось впечатление (конечно, ошибочное), будто они являются частями одного строительного комплекса. Только находки из помещений показали, что погибли эти здания в разных пожарах.

⁴⁰ См. Кузнецов 2018б.

⁴¹ Предположительно, завершившегося в 480 г.

⁴² Надежды на это существенно умеряются тем, что котлован подвала 835-го мало что оставил от более ранних построек.

⁴³ Публикуемый здесь комплекс «прото-фасосских» амфор предшествует этому варианту хиосских.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон М.Г., Завойкин А.А., Кузнецов В.Д., Сапрыкина И.А. 2019. Монеты позднеархаического и раннеклассического времени из раскопок Фанагории // Hypanis 1. Москва, 5–27.
- Завойкин А. А. 2015. Фанагория. Верхний город. Объект 815 // Д.В. Журавлев, О.Л. Габелко (ред.), С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности. К 70-летию В.П. Толстикова. Москва, 110–114.
- Завойкин А. А. 2018. Общественное знание 4 в. до н. э. на акрополе Фанагории // В. Д. Кузнецов, А. А. Завойкин (ред.), Материалы по археологии и истории Фанагории 3 (Фанагория 6). Москва, 101–141.
- Завойкин А. А. 2019. О пифоидных амфорах «с полыми доньями» из Фанагории // КСИА 254, 104–118.
- Завойкин А. А., Кузнецов В. Д. 2019. Заметки о вторичном использовании амфор в Фанагории архаического времени // Hypanis 1. Москва, 73–97.
- Завойкин А. А., Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В. 2013. Склад амфор 290Б из Фанагории // В. Д. Кузнецов (ред.), Материалы по археологии и истории Фанагории 1. (Фанагория 1). Москва, 206–229.
- Кузнецов В. Д. 2018а. Домостроительство Северного Понта (эпоха архаики) // В. Д. Кузнецов, А. А. Завойкин (ред.), Материалы по археологии и истории Фанагории 4 (Фанагория 7). Москва, 117–135.
- Кузнецов В. Д. 2018б. Архаический дом из Фанагории // Причерноморье в античное и раннесредневековое время 2. Сборник научных трудов, посвященный 70-летию профессора В. П. Копылова. Ростов-на-Дону, 99–106.
- Кузнецов В. Д. 2018в. Оборонительные сооружения Фанагории // КСИА 250, 215-219.
- Кузнецов В. Д. 2019. Древнейшая Фанагория: некоторые проблемы // ДБ 24, 398–416.
- Кузнецов В. Д., Абрамзон М. Г. 2020. Клад позднеархаических монет из Фанагории (Фанагория 8). Москва.
- Монахов С.Ю. 2003. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Москва—Саратов.
- Монахов С.Ю. 2019. Комплекс амфор 1948—1949 гг. на холме «Г» в Фанагории: полный контекст // Вестник Танаиса 2, 49—59.
- Kuznetsov V. D. 2021. Phanagoria in the Archaic Times // in press.
- Vinogradov Yu. 1998. The Greek Colonisation of the Black Sea Region in the Light of Private Lead Letters // G. R. Tsetskhladze (ed.), The Greek Colonisation of the Black Sea Area. Historical Interpretation of Archaeology. Stuttgart, 153–178.
- Roberts S. R. 1986. The Stoa Gutter Well. A Late Archaic Deposit from a Well in the Athenian Agora // Hesperia 55/1, 1–74.

А. А. Завойкин, Н. А. Павличенко

ПЕРЕПЛАНИРОВКА НА АКРОПОЛЕ ФАНАГОРИИ В СЕРЕДИНЕ 4 В. ДО Н. Э.*

Аннотация. Многолетние раскопки на «Верхнем городе» Фанагории, где располагался акрополь города, позволили установить важнейшие периоды в истории застройки и планировки этого общественного центра на протяжении 2-й половины 6 - 1 вв. до н.э. Примерно два первые столетия основные принципы пространственной организации этого района сохранялись, а в середине 4 в. до н. э. происходят существенные изменения. В частности, новые здания получают ориентировку строго по сторонам света. Новому этапу застройки акрополя предшествует основательная нивелировка плошади. в ходе которой происходит объемное перемещение культурного слоя предшествующего времени, засыпаются неровности. В результате этого в ямах, засыпанных подвалах и на склонах холма, на котором располагается акрополь, сформировались отложения, наиболее поздний материал в которых позволяет определять время перестройки. Для установления наиболее точной даты этого события в статье анализируются амфорные клейма Фасоса. Их количественное распределение в слое, ямах и засыпанных подвалах демонстрирует, что клейма подгрупп F1 и F2 (по Garlan 1999: ок. 360-350, 350-345 гг. до н.э.) существенно преобладают над остальными (63,36% и 12,87% соответственно). Этот показатель не может быть объяснен только колебаниями уровня торговых связей Фанагории и Фасоса. Он отражает временное нарушение функционирования муниципального хозяйства в этом районе и связан с его перестройкой. Анализ распределения фасосских эпонимов на клеймах дает основание датировать ее концом 350-х - началом 340-х гг. до н. э.

Ключевые слова. Фанагория, акрополь, перепланировка, амфорные клейма, Фасос, хронология.

A. A. Zavoykin, N. A. Pavlichenko RE-PLANNING OF THE ACROPOLIS OF PHANAGORIA IN THE MIDDLE OF THE 4th CENTURY B.C.

Abstract. Many years of archaeological research at the 'Upper City' of Phanagoria, the site of the ancient acropolis, revealed the most important stages in the history of its development and re-planning throughout a long period of time, from the second half of the 6th century to the 1st century B.C. During the first two centuries, the main principles of the layout remained the same, but in the middle of the 4th century B.C. some radical changes took place. In particular, all new buildings became oriented strictly to the cardinal points. The period of reconstruction on the acropolis was preceded by the leveling of the whole territory, which included the replacement of the earlier cultural levels. As a result, deposits were formed in the pits, former basements and on the slopes of the hill of the acropolis, their latest materials indicating the time of the reconstruction. So as to establish the most precise date of this event, the stamped amphorae of Thasos have been investigated. Their distribution in the strata, filled basements and pits show that the majority of stamps belong to sub-groups F1 and F2 (after Garlan, 1999, c. 360-350, 350-345 B.C.) - 63,36% and 12,87%, respectively. This indicator can not be explained only by shifts in trade connections between Phanagoria and Thasos. It must reflect some temporary disorder in the functioning of the local economy in connection with the reconstruction of the area. The distribution of the Thasian eponyms on the stamped pottery allows dating the event to the late 350s - early 340s B. C.

Key-words. Phanagoria, acropolis, re-planning, stamped amphorae, Thasos, chronology.

^{*} А. А. Завойкиным исследование выполнено в рамках НИР ИА РАН по теме «Археологические культуры евразийских степей и античный мир – контакты и взаимовлияния» (АААА-А18-118011790093-2). Н. А. Павличенко исследование проведено в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0005 «Культура античных государств Северного Причерноморья. Субкультуры правящей элиты и рядового населения».

- ¹ Совсем другое дело, когда речь идет о поселениях на хоре полисов. Здесь было больше простора: вовсе не обязательно было после разрушения жилых и хозяйственных построек проводить трудоемкую работу по расчистке территории, которую они занимали, чтобы на этом же месте возвести новые. Хотя и такой вариант был вполне реалистичен, тем более, когда было целесообразным использовать сохранившиеся части зданий в качестве основы для их реконструкции. Впрочем, и здесь возможен вариант эксплуатации территории, сходный с городским (например, на ближней хоре Херсонеса Таврического).
- ² См. Завойкин. Колесников. Сударев 2016.
- ³ Приблизительные расчеты показывают, что раскопками в Фанагории затронуто едва ли более 2% ее площади (Завойкин, Кузнецов 2012, 131).
- ⁴ В древности по ней проходила магистральная городская улица, ведущая к южным воротам, далее дорога вела в Аллею курганов, протянувшуюся к востоку от г. Майской (см. Завойкин, Кузнецов 2012, 136–137).
- ⁵ Т.е. он находился в центральной части городища.
- ⁶ Это отклонение, по-видимому, продиктовано неглубокой балкой, ныне практически невидимой под отвалами траншей 19 века, которая располагалась западнее раскопа В.Г.
- ⁷ Центральный, Западный участки и западная часть Северного.
- ⁸ У самого восточного края Северного участка раскопа хорошо видно, что здесь с запада на восток пролегал неглубокий овражек, через который шел сток воды в балку (поверхность материка поднимается к югу и северу от него). Именно здесь лучше всего сохранились остатки древнейшей крепостной стены Фанагории, здесь располагался и проход через линию обороны (в помещении 3/679), и остатки каменных водостоков.

Археологический памятник как исторический источник чрезвычайно труден для адекватной интерпретации. Прежде всего, весьма сложна сама структура составляющих его элементов. А кроме того, на понимание отдельных фактов и открытой раскопками ситуации в целом существенно влияют наши представления о закономерностях формирования культурного слоя (или изолированных объектов), характерных для памятников определенных эпох, типов и локальных групп.

В античной археологии аксиомой является тезис, согласно которому формирование культурного слоя на поселении происходит дискретно: если в периоды мира и стабильности наблюдается минимальное накопление бытовых отложений, то в периоды катастроф и разрушений слой значительной мощности формируется разом, «скачкообразно» за счет отложения материала строительных сооружений и временного нарушения действия правил муниципального благоустройства.

В целом этот тезис справедлив, если мы говорим о поселении городском, особенностью которого является не только строгий надзор за чистотой и порядком в нем со стороны соответствующих магистратов, но и довольно жесткая ограниченность поселенческой территории (часто - внешними стенами города) и регламентация ее распределения между частными застройками (жилыми кварталами) и общественными зонами (агора, акрополь, территории для храмов, гимнасиев и т.п.), разделенными улицами, переулками, площадями. Эти факторы определяли преемственность застройки на протяжении десятилетий и даже столетий. 1 Но иногда по тем или иным причинам (конечно же, весьма серьезным) эта преемственность более или менее радикально нарушалась. Особенно часто перепланировки происходили на ранних этапах жизни новых колоний – первоначально очень небольших по занимаемой площади – по мере активного формирования городских территорий. Так, например, значительное увеличение размеров Фанагории на рубеже первой и второй четвертей 5 в. до н.э. привело к тому, что в юго-восточной части городища был застроен участок архаического некрополя. 2 Однако сравнительно не часто мы имеем возможность судить о значительных функциональных изменениях в общей планировке городов ввиду относительно небольших вскрытых раскопками площадей в разных районах городища. Между тем, существенные перепланировки могут быть выявлены и в пределах отдельных городских районов. Фиксация такого рода событий имеет первостепенное значение и для разработки общей периодизации истории города. Исследованию одной перепланировки на акрополе Фанагории и посвящена настоящая статья.

Вернемся к вопросу об особенностях культурного слоя на городище, но теперь уже применительно к конкретному району города с учетом его топографической специфики. Раскоп «Верхний город» находится на верхней террасе городища, вытянутой с запада на восток, которая разделена глубокой балкой на две неравные части. Акрополь располагался в северовосточном «углу» большей из них, западной. Таким образом, северная его граница определялась обрывом и крутым склоном верхнего плато к северу, а восточная — спуском в упомянутую балку (обрывистым на севере и более покатым и постепенно сходящим «на нет» к югу). Этими же факторами определяются направления общего уклона поверхности материка: с юга на север (с отклонением к западу 6) в основной части раскопа и с запада на восток в восточной его части. В

Первоначальная застройка этого участка, вероятно, не предполагала генеральной нивелировки этого района. Нижние ряды кладок стен зданий нередко повторяли естественные очертания рельефа. Так, западная и восточная стены общественного здания 300 поднимались с севера на юг, следуя поверхности материкового песка, а каменный фундамент его северной стены 10, протянувшейся параллельно склону холма горизонтально, служил опорой для грунта, который выравнивал поверхность внутри помещения на уровне пола (своего рода микро-терраса). Наблюдаются примеры локального террасирования. Ситуация, видимо, изменилась после того, как все постройки этого района подверглись тотальному разрушению на рубеже первой и второй четвертей 5 в. до н. э. Тогда возникла необходимость нивелировки поверхности перед началом следующего периода застройки.

Для этого следовало переместить значительный объем грунта, образовавшегося в результате разрушения сырцовых стен¹⁴: необходимо было где-то подрезать его выступы, где-то засыпать им углубления, нивелируя поверхность в горизонт. Избытки грунта могли быть перемещены вниз по уклону рельефа (на С-С3 или восток) и даже сброшены на склоны холма. О таких избытках позволительно говорить уже потому, что подготовленная строительная поверхность должна быть рассчитана на определенную нагрузку несущих стен зданий. Насыпной же грунт требовал достаточно долгого вылеживания, трамбовки. Поэтому именно подрезка слоя разрушенных строительных остатков, скорее всего, была основной формой подготовки строительной площадки. Это, конечно же, не исключало сооружения заглубленных фундаментов под стены. Однако следует подчеркнуть, что далеко не все постройки 5 в. до н.э. на «Верхнем городе» имели каменный фундамент. ¹⁵ Зафиксированы неоднократно случаи, когда нижние части стен разрушенной постройки служили основанием для стен постройки новой (294, 839–836 и др.). А для этого необходимо было удалить завалы старых стен и зачистить горизонтально сохранившиеся части старых кладок. 16

Свидетельством тому, что время от времени происходили весьма значительные по объему работ перепланировки является тот факт, что на всей площади раскопа (более 3 тыс. м²) практически нигде не сохранился слой второй половины 5 в. до н. э. Его остатки представлены почти исключительно в заглубленных относительно древнего дневного горизонта объектах («котлованах»). 17 Поскольку не может быть и речи о том, чтобы после очередного общего пожара и разрушений середины 5 в. до н. э. акрополь пребывал в полном запустении, остается признать, что это результат тотальной нивелировки, в ходе которой слой второй половины столетия был «уничтожен» (срыт). Речь идет о том, что остатки построек и культурные отложения этого времени были перемещены, удалены с территории, открытой раскопками. 18 По всей видимости, столь значительная хронологическая лакуна в свите слоев «Верхнего города» должна рассматриваться как подтверждение весьма серьезной перепланировки данного района примерно на рубеже 5 и 4 вв. до н. э. 19

Этим временем датируется строительство нового общественного здания (460), ставшего, насколько можно судить, архитектурной доминантой данного района, а также возведение комплекса построек и сооружений, вокруг него группирующихся. ²⁰ В северо-восточной части раскопа были открыты остатки трех однокомнатных зданий с полуподвалами. Вопрос о том, была ли каким-то образом связана эта перестройка на акрополе со сравнительно недавним присоединением Фанагории к державе Спартокидов²¹, мы сейчас рассматривать не будем.

- ⁹ Кузнецов 2011, 122 сл.
- ¹⁰ Каменные фундаменты имели и северные участки западной и восточной стен. Южные их участки были целиком построены из сырцового кирпича.
- ¹¹ См. Завойкин, Кузнецов 2011; Кузнецов 2011, 122–123, рис. 6.
- 12 Ср. положение основания стен зданий 464 и 294.
- ¹³ См. Абрамзон и др. 2019, 6, 14.
- ¹⁴ Возможность вторичного использования части сырцового кирпича из руин принципиально проблему не решала.
- 15 Нередко основание из камня имела лишь часть стен постройки (300, 294, 836).
- ¹⁶ Любопытен пример того, как сырцовые кладки старой и новой стены разделены прослойкой камыша. Не очень понятно значение такого приема, но строители несомненно видели в этом некий технологический смысл.
- ¹⁷ Завойкин 2018в, 93–96; 2020 (в печати). Там же см. об исключениях.
- ¹⁸ Вопрос о том, куда именно был перемещен этот слой остается открытым. Можно лишь допустить, что он был рассыпан на склонах холма. Однако документального подтверждения этому предположению в границах раскопа пока не имеется.
- ¹⁹ Наиболее поздний «котлован» был засыпан в самом начале 4 в. до н.э. (Завойкин 2018а). По всей видимости, с этой перепланировкой связан и амфорный комплекс, найденный в засыпи на восточном склоне холма (Завойкин 2018в, 93, прим. 21; 95, рис. 2).
- 20 Подробно см. Завойкин 2018б.
- ²¹ См. Завойкин 2004, 114–115.

Далее нас будут интересовать события, которые произошли вскоре после того, как упомянутое общественное здание погибло в пожаре между 360 и 350 гг.

Новый период застройки акрополя в первую очередь характеризуется иным, чем ранее, расположением стен зданий в пространстве: теперь они были ориентированы строго по сторонам света. ²² Главная постройка (её площадь ок. 130 м²) в открытом раскопками районе имела полуподвальное помещение. Вероятно, здание это имело гражданское предназначение. К северу от него был обустроен парадный вход на площадь, – где размещалось это общественное здание, – в виде пятиколонного портика (670). ²³ К востоку и югу от центрального здания зафиксированы остатки других построек. ²⁴ В целом новая планировочная структура сохранялась до конца 2 в. до н.э., когда происходит очередная общая перепланировка района, связанная с подготовкой площади и строительством значительного по размерам дворцового комплекса (85) времени Митридата Евпатора.

Следы нивелировки поверхности, предшествующей новому этапу застройки акрополя, тоже сохранились, главным образом, в заглубленных объектах – ямах и полуподвалах, которые были засыпаны грунтом. В их числе один из наиболее показательных в плане хронологии – комплекс находок из засыпи полуподвала с сырцовыми стенами (745), расположенный в восточной части Северного участка раскопа. ²⁵ Особенно важен для определения даты события состав фасосских амфорных клейм из заполнения полуподвала вкупе с клеймами из ямы (730), прорезавшей заполнение этого объекта. Анализ этого комплекса приводит к датировке ок. 360–350 гг. (клейма группы F1, по классификации И. Гарлана ²⁶), синхронизуя засыпку подвала и ямы с гибелью общественного здания (460) ²⁷ в пределах десятилетия.

Не менее представителен набор фасосских клейм из расположенной в СВ углу Центрального участка раскопа ямы (226), в которой помимо двух гераклейских 28 найдено 10 оттисков на фрагментах амфор Фасоса: 8 из них также относятся к подгруппе F1 (ок. 360-350 гг. 29) И. Гарлана, 1 принадлежит подгруппе F2 (ок. 350-345 гг. 30), 1 – не восстанавливается. 31

Безусловно, стоит отметить, что засыпку расположенной недалеко ямы (231), предположительно связанную со строительством здания 144 (ее устье было «запечатано» отесками известняка ³²), датировали не позднее 70-х годов 4 в. до н.э. Аргументирована эта дата тем, что «колпачки» ножек хиосских амфор (всех кроме одной, более ранней «прото-колпачковой») относительно невелики ³³, а с 70-х гг. того же столетия размеры ножек-колпачков имели бо́льшие размеры. ³⁴ Предложенная хронологическая грань, в свою очередь, базируется

²² Традиционную ориентировку (с небольшим отклонением продольных стен к западу) сохраняет только *templum in antis* (675), построенный, по всей видимости, еще в предыдущем периоде.

²³ Подробно см. Завойкин 2019.

²⁴ К северу от пропилеев сохранились лишь обрывки вымосток, водостока (674а, вытянут традиционно с 3-Ю3 на В-СВ) и монументальной кладки фундамента стены (671), которые не позволяют составить представление о характере использования этой площади в 4–2 вв. до н.э.

²⁵ Завойкин, Чашук 2020, 213–231.

²⁶ Kaτ. 100, 111, 122, 132 (Garlan 1999, 201, 226 № 644; 201, 233 № 675; 234 № 679; 201, 235 № 686).

 $^{^{27}}$ Ср.: Завойкин, Монахов 2012, 118—119, рис. 1. 2; Завойкин 20186, 123, рис. 32. 1, 1а. Клеймо на амфоре: Θασι(..) | Μεσ(--) | Πυλά(δης), лягушка + змея (Garlan 1999, 50, 233, № 675). Кроме того, под завалами стен было найдено горло гераклейской амфоры с клеймом [--] | $\stackrel{\circ}{\epsilon}\pi$ ì Σ κ[$\stackrel{\circ}{\epsilon}$ [θ[α].

 $^{^{28}}$ Θ εοξ(--) гроздь Kρωμ (--), [M]ολοσσο [E]ὖγειτίω[v]. Возможно, стоит обратить внимание на то, что оба клейма (как и в комплексах 745, 460) старше фасосских.

²⁹ Ka⊤. 57, 59, 84, 113–116, 124 (Garlan 1999, № 586, 590, 576–598, 663–665, 671, 675, 701, 686).

³⁰ Кат. 143 (lbid., № 720).

³¹ Завойкин, Кузнецова, Монахов 2006, 300–301, табл. 7.

³² Завойкин 2018в, 100, рис. 6.

³³ Завойкин, Кузнецова, Монахов 2006, 296, табл. 1-2. *75*, *79–86*. Согласно (Монахов 2003, 21 сл., табл. 11. *4*6) датируются в пределах первой половины 4 в. до н.э.

³⁴ Завойкин, Кузнецова, Монахов 2006, 296, прим. 10 = Монахов 1999, 255, табл. 101. *5*.

на датировке клейм трех гераклейских амфор, найденных в одном погребении с хиосской с крупным «колпачком»: двух биконического типа (III) 35, помеченных одним штампом (Ἀρίστωνο|[ς] Κρωμν(--)), и одной, отнесенной С.Ю. Монаховым к фракционным сосудам типа I-A, – с оттиском $\Sigma \tau \acute{\nu} \phi \omega v$ | $N \acute{\nu} \sigma \iota o \varsigma$, палица. 36

Между тем, нижние части двух хиосских амфор из подвала дома (745), засыпанного в 50-е годы 4 в. до н.э. имели такой же «колпачок» ³⁷, что и у амфор из ямы (231). Разумеется, нельзя исключать и даже вероятно, что в засыпь подвала попали обломки тарной керамики несколько более ранней. Но, собственно, то же самое можно сказать и о заполнении ямы. К тому же и вопрос о датировке перехода от ранней формы «колпачка» к более поздней нельзя считать решенным окончательно. Едва ли вообще следует придерживаться мнения, что эта трансформация ножки хиосских амфор была кратковременной. ³⁸

Так или иначе, финальный вывод статьи, в которой проанализированы находки из ям (226, 231), сохраняет свою правомочность: дата их засыпки отделяет один этап жизни акрополя от другого, связанного со строительством общественного здания (144) и др. 39, хотя и с существенной поправкой. Период «хозяйственной» деятельности здесь был значительно короче, чем представлялось, и связан он исключительно с переустройством акрополя в середине 4 в. до н.э.

Приведенные примеры не отражают картину переустройства на территории акрополя в целом, но они довольно характерны. Чтобы расширить обзор материалов интересующего нас времени, имеет смысл проанализировать статистику хронологического распределения одной или нескольких групп хорошо датируемых находок из раскопок «Верхнего города». Для этой цели мы избрали амфорные клейма Фасоса. Исходя из тезиса, что в сравнительно короткие периоды «перестроек» накопление в слое мусорных остатков (в том числе – битой керамической тары⁴⁰) происходило наиболее интенсивно, можно ожидать, что этот фактор отразится на количественных показателях в сравнении с периодами стабильности. Разумеется, нельзя не учитывать и то, что с течением времени происходили колебания объемов торговли, и этот фактор безусловно влияет на количественное распределение предметов импорта (их фрагментов). Вопрос о роли того и другого фактора имеет смысл рассматривать только в практической, конкретной плоскости.

Еще в 2003 г. В.И. Кац и Т.М. Кутинова, подготовившие авторское Приложение к отчету В.Д. Кузнецова о раскопках в Фанагории⁴¹, анализируя выборку клейм за два года (2002–2003) исследований на «Верхнем городе», о распределении фасосских амфорных клейм отметили следующее.

«Группа оттисков этого центра, насчитывающая 59 экземпляров, по количеству занимает первое место. Хронологически удалось надёжно определить 46 экземпляров, которые распадаются на три неравные по численности группы. К так называемым "прото-клеймам" (конец VI – начало V вв. до н.э.) уверенно относятся 3 оттиска и 1 – предположительно. ⁴² Самая многочисленная группа (37 экз.) представлена клеймами первого "раннего" периода систематического клеймения на Фасосе (рубеж V–IV – 30-е гг. IV в.). Почти 40% из них (14 экз.) составляют безэмблемные трёхстрочные штемпели 90–80 гг. IV в. до н.э. Остальные принадлежат различными эпонимами, работавшим в промежутке между 370–345 гг. до н.э., причём подавляющее большинство (курсив здесь и всюду далее наш. – авт.) из них занимали должность в период с 360 по 350 г. Клейма "позднего" типа датируются в пределах последней трети IV – начала III вв. до н.э.

Так же см. Ломтадзе 2015, 17–18: для ножек амфор 90-х – 70-х гг. 4 в. соотношение диаметра к высоте – ок. 0,9 (по: Абрамов 2003, 20–21); «ближе к середине это соотношение μ иинает меняться» и во второй половине века составляет 0,7–0,9.

³⁵ Еще одна амфора того же типа из комплекса (погребения № 2 кургана № 4 некрополя Никония) не имела клейма.

³⁶ Монахов 1999, 255, табл. 101. *1–4*.

³⁷ Завойкин, Чашук 2020, 220, рис. 5. *5*.

³⁸ Попытку формальной классификации и датировки ножек хиосских амфор 4 в. до н.э. см. Былкова, Немцев 2009, 139 слл. Классификация основана на выборке из 87 ножек. происходящих из раскопок Белозерского поселения (4 - первой четверти 3 вв. до н.э.), из которых 40 происходят из «закрытых комплексов» (грунтовые объекты первого строительного периода (4 в. до н. э.): полуземлянки, ямы, жилища), остальные - из слоя. Статистико-комбинаторный анализ позволил выделить шесть основных групп и одну дополнительную. Хронологически эти группы представляют ранний, 2-й четверти 4 в. (I, V), средний, 3-й четверти 4 в. (IV, III), и поздний, 4-й четверти 4 в. (VI), этапы развития. Группа II принадлежит фракционным сосудам и хронологически не определена. Полученный результат несколько озадачивает.

³⁹ Завойкин, Кузнецова, Монахов 2006, 302.

⁴⁰ Особый случай — утилизация керамического боя в вымостках улиц, площадей и дворов.

⁴¹ Кузнецов 2004.

⁴² Кат. 168, 174, 179 (Garlan 1999, 13, 54).

Их зафиксировано *в семь раз меньше*, чем "ранних" оттисков (всего 5 экз.), что позволяет говорить о резком сокращении объёма фасосского импорта в Фанагорию с 30-х гг. IV в. до н. э.». 43

Как недавно мы попытались показать, количественная оценка динамики импорта без учета особенностей локальной стратиграфии может привести к ложным выводам, поскольку не учитывает сохранность (наличие или отсутствие) культурных отложений того или иного периода. 44 В то же время, хронологическое распределение хорошо датированного материала может служить надежным ориентиром для выявления периодов накопления в слоях бытового мусора и, напротив, для обнаружения «лакун» в этом процессе. Поскольку, как было отмечено в самом начале статьи, этот процесс был дискретным и взаимосвязан с особенностями переживаемого момента времени (стабильности/кризиса, перепланировки), с большой степенью вероятности можно говорить о том, что количественные «пики» материала соответствуют не только и даже (быть может) не столько периоду максимального подъема торговли, сколько периоду «перестройки», когда временно (и локально) нарушается нормальный порядок функционирования системы, обеспечивавшей чистоту «улиц и площадей» в общественном центре города.

Если под таким углом зрения посмотреть на приведенную выше статистику находок фасосских клейм, то вновь обнаружим, что 50-е годы 4 в. до н.э. были таким моментом в истории акрополя, когда отложение бытового мусора в слой было наиболее интенсивным. 45 Интересно было бы посмотреть, насколько выявленная на материалах 2002–2003 гг. тенденция находит подтверждение в статистике находок, сделанных на акрополе позднее. Но прежде стоит отметить, что рассмотренная выборка фасосских клейм за два года в целом происходит из пласта культурного слоя на Центральном участке раскопа, нижний горизонт которого (пласта) примерно соответствует уровню древней дневной поверхности середины 4 в. до н. э. 46

Это обстоятельство в полной мере соответствует распределению амфорных клейм, найденных здесь в 2004 г. 47 Из 12 фасосских клейм определить удалось только 7, из них 4 клейма подгруппы F1 (360–350 г.) (Кат. 54, 70, 87, 153), 2 клейма подгрупп G1, 2 (345–335 г.) (Кат. 157, 158), 1 – принадлежит более ранним группам. В следующем, 2005 г. было найдено 13 фасосских клейм 48 , из них: к подгруппе F1 относится 10 экз. (в том числе 8 происходят из отмеченной выше ямы 226^{49}); к подгруппе F2 (350–345 г.) принадлежат 2 клейма (одно из них – из ямы 226, другое происходит из слоя (кв. 40, шт. 24; Кат. 144^{50}), а одно – не поддается определению.

Еще более выразительна картина распределения фасосских клейм в слое на Северном участке раскопа. Здесь в 2013 г. в 10—11 штыках 51 было найдено 40 оттисков на тарных сосудах этого центра, из них 3 определить не удалось. 52 Остальные распределяются по хронологическим группам следующим образом: «ранние» группы D - 1 экз. (Кат. 38), подгруппы E2 - 1 экз. (Кат. 43), подгруппы F1 - 23 экз. 53 (Кат. 52, 54, 56, 60, 61, 66, 73, 74, 83, 85, 88, 96, 98, 104, 105, 106, 110, 118, 123, 125—127, 134), подгруппы F2 - 10 экз. (Кат. 137—139, 141, 145, 146, 148—150, 154); «поздние» группы I I экз. (Кат. 164), группы I экз. (Кат. 165). Любопытно, что практически весь массив этих клеймI располагался на компактной площади в восточной части Северного участка, ближе к южному его бортуI6, вблизи восточного склона холма. Не уверены, что такая концентрация клейм на сравнительно небольшой площади объяснима одним лишь перемещением мусорного грунта

- ⁴³ Цит. по: Кутинова 2004, 203.
- ⁴⁴ Завойкин 2018в.
- ⁴⁵ Более ранний и растянутый во времени (390–380-е гг.) «пик» далее рассматривать не будем.
- ⁴⁶ Здесь основной ориентир граница между цокольной частью кладки стены 144а и кладкой фундамента подвальной части этого здания (см. Завойкин 2019, 306–308, рис. 5. 2–4, 6), которая приходится на уровень ок. -2,10 м от «0» репера.
- ⁴⁷ Кузнецов 2005, 89–105 (Приложение, подготовлено В.И. Кацем и Т.М. Кутиновой).
- ⁴⁸ Кузнецов 2006, 93–104 (Приложение 1, подготовлено В.И. Кацем и Т.М. Кутиновой). ⁴⁹ Из остальных: 1 экз. (№16/4) найден при разборке останца под винодельней (кв. 47, шт. 21) (Кат. 71); 1 экз. (№23/11) из ямы 202 (Кат. 117).
- ⁵⁰ Не исключаем, что это клеймо также имеет отношение к яме 226, расположенной в СВ углу этого квадрата. В любом случае, о том, что фасосское клеймо этого времени связано с «естественным» отложением слоя, не может быть и речи.
- ⁵¹ Нижний уровень пласта соответствует основанию пропилеев (670).
- ⁵² Кузнецов 2014, том 2, 7–19 (Приложение 4, подготовлено Т.М. Кутиновой). Все клейма последующих годов определены Н.А. Павличенко и представлены в Приложениях к соответствующим отчетам В.Д. Кузнецова (Кузнецов 2014; 2015; 2016; 2017; 2018; 2019).
- ⁵³ Еще 2 клейма этой же группы найдены в яме 548 (Кат. 62) и в шт. 19 кв. 62 (Западный участок) (Кат. 72).
- ⁵⁴ По: Garlan 2004–2005; Кац 2007, 415–416.
- ⁵⁵ Единственное исключение позднее клеймо из кв. 103 (Кат. 165).
- ⁵⁶ Наибольшая концентрация клейм наблюдается на квадратах 75 (11 экз.), 72 (8 экз.), 73 (6 экз.).

при нивелировке участка (хотя отчасти, вероятно, этот фактор сыграл немалую роль). Следует учитывать и месторасположение подвала 745 и серии ям, контуры которых были выявлены ниже, а заполнение их верхних частей могло попасть в штыковой материал. ⁵⁷ Определить теперь долю каждого из вероятных факторов, объясняющих высокую концентрацию анализируемых находок на площади, не представляется возможным. Но, пожалуй, это не столь уж и важно для нашей темы. Интересно подробнее рассмотреть количественное соотношение клейм группы F, составляющих 82,5% из выборки, отмеченных одними эпонимами.

```
F1:
Βάτων – 1 (Κατ. 52)
```

 Φ иала (фимиатерий – 1 (Кат. 54); ойнохоя – 1 (Кат. 56); трофей – 2 (Кат. 60, 61); голова Гелиоса – 1 (Кат. 66); треножник – 2 (Кат. 73, 74); наконечник копья – 1 (Кат. 83)) – 8

Звезда (букраний — 1 (Кат. 85); раковина, лепешка — 1 (Кат. 85); ... (?) — 1 (Кат. 96)) — 3

```
Αριστείδης – 3 (Κατ. 98, 104, 105).
Μεσσ(--) – 2 (Κατ. 106, 110).
Φιλοκράτης – 6 (Κατ. 118, 123, 125–127, 134).
```

F2:

```
\Deltaαμάστης 2 – 4 (Κατ. 137–139, 141).
 Πανφάης (Πάνφαος) – 5 (Κατ. 145, 146, 148–150)
 Μομογραμμα ΓΑ(--) (голова барана – 1) – 1 (Κατ. 154).
```

Легко заметить, что в списке эпонимов, предложенном И. Гарланом, все шесть магистратов замыкают перечень подгруппы F1 (360–350 гг.), а первые два магистрата подгруппы F2 открывают соответствующий перечень (350–345 гг.), магистрат же, обозначенный в клейме монограммой ГА, поставлен в этом перечне на предпоследнем месте. В Иными словами, если буквально следовать хронологической схеме французского исследователя, временной интервал, охваченный клеймами амфор Фасоса, составляет здесь примерно 9 лет (ок. 354–346 г.). Соответственно, середина 40-х годов 4 в. до н.э. будет наиболее подходящей датой для события, которое привело к формированию рассматриваемого «открытого» комплекса. В

Пожалуй, уместно напомнить, что в комплексе фасосских клейм из ямы 226 были найдены 3 оттиска с магистратской эмблемой «фиала» (1 с колосом (Кат. 57), 1 с трофеем (Кат. 59), 1—? (Кат. 84)), 4 клейма с именем Филократа (Кат. 114–116, 124), 1— Месс (--) (Кат. 113), 1— Панфая (Кат. 143). 60

Картина распределения фасосских клейм в нижележащем горизонте по штыкам выглядит следующим образом.
Штык 12:

2014: κΒΒ. 105/12 (B – 1; Kατ. 6), 70/12 (Gr. I, Κλεῖτος 61 – 1; Κατ. 161), 76/12 (F1, Φιλοκράτης – 1; Κατ. 119), 80/12 (F1, Μεσ(--) – 1; Κατ. 107), 83/12 (F1, I1, I1, I2, I3, I3, I4, I5, I5, I5, I6, I7, I8, I7, I8, I9, I9, 82/12 (I9, I1,
2014: квв. 86/13 (анэпиграфные клейма – 1; Кат. 176), 79/13 (C – 1; Кат. 25), 76/13 (неопределенное – 1),

2015: кв. 82/13 (*F1*, фиала – 1; Кат. 76).

- ⁵⁷ Все же стоит отметить: велика концентрация хозяйственных ям разного времени и на других площадях Северного участка, однако это практически не повлияло на планиграфическое распределение амфорных клейм.
- 58 После магистрата $N\acute{\nu}\mu\phi\omega\nu$, не представленного в нашей выборке.
- 59 Однако согласно иным хронологическим схемам, распределение фасосских эпонимов было другим. Так, А. Аврам отнес Дамаста и Панфая к ранним магистратам группы, в целом датируемой им 356-343 гг., магистраты же «фиала», «ГА», «*» и «* + лепешка» завершают эту раннюю часть списка группы, а эпонимы Аристид, Филократ, Батон, Месс (- -) (в такой именно последовательности) входят в позднюю часть этой группы, которая и завершается последним упомянутым магистратом (ок. 343 г.). По мнению В.И. Каца (2007, 192–193, 415, Прилож. II.1), эпонимы «фиала», «ГА», «*» и «* + лепешка» составляют отдельный (4-й) этап клеймения, датируемый им концом 60-х годов 4 в. до н.э. Согласно хронологическому списку эпонимов, составленному В.И. Кацем, сразу после четырехлетнего 4-го этапа клеймения в 50-х годах 4 в. до н.э. последовательно клеймят амфорную тару магистраты Месс (- -), Панфай, через год – Аристид, Филократ, Дамаст (следующие два эпонима, не представленные в нашей выборке, завершают 5-й этап клеймения). Понижение датировок В. И. Кацем основано на пересмотре датировки комплекса находок из слоя III Пникса. Вследствие этого он склоняется к традиционной датировке начала регулярного клеймения на Фасосе (Каш 2007, 185-186 с лит.; также см. Lawall 2005, 38-40, 53). Таким образом, первая из этих двух хронологических схем приводит к дате интересующего нас события близкой (возможно, чуть более поздней) той, что была получена на основе систематизации И. Гарлана, а вторая предполагает дату лет на 7-8 более раннюю (конец 50-х годов 4 в. до н. э.).
- 60 Завойкин, Кузнецова, Монахов 2006, 300, табл. 7.
- ⁶¹ Tzochev 2009, 58: середина 60-х начало 50-х годов 4 в. до н.э.

2016: 100/13 (*F1*, фиала –1; Кат. 78), 111/13 (*F2*, Π ανφάης – 1; Кат. 147), Штык 14:

2016: квв. 84/14 (B-1; Кат. 11), 79/14 (C-1; Кат. 26), 83/14 (F1, М $\epsilon\sigma$ (--) -1; Кат. 108), 82/14 (вне эпонимных серий группы B: К λ $\tilde{\eta}$ τ о ς -1; Кат. 22). Штык 15:

2016: 82/15 (*F1*, Μέγων 2 – 1; Κατ. 45).

Концентрация находок в слое заметно ниже, чем в штыках 10–11: в толще трех (четырех) штыков найдено всего 17 клейм. По группам они представлены в таких пропорциях: B-3 (17,7%), C-2 (11,8%), D-0 (0%), E-0 (0%), E-1 (0,9%), E-1 (1,2%), E-1

Среди найденных в 11 и 12 штыках клейм присутствует два штампа эпонима Κλεῖτος (Кат. 161, 164), что заставляет еще раз обратиться к вопросу о его месте в хронологической схеме фасосского клеймения. По формальному признаку – отсутствию имени фабриканта и расположению этникона и имени эпонима в две строки – его традиционно относили к магистратам «поздней» группы. М. Дебидур датировал его 345-335 гг. до н.э.⁶⁴, А. Аврам 329-317 гг. до н.э.⁶⁵, И. Гарлан – временем ок. 327 г. до н. э. 66, В. И. Кац – 333–327 гг. до н. э. 67 В 1999 г. М. Дебидур обратил внимание на то, что подавляющее большинство амфор с его клеймами (так же, как и клейма эпонимов «ранней» группы) найдены в Северном Причерноморье, и предложил относить его ко времени деятельности фабриканта Άρισταγόρας. работавшего при эпонимах групп Е и F Гарлана. ⁶⁸ Эта точка зрения была впоследствии поддержана Ч. Цочевым, который привлек для ее обоснования несколько комплексов. Среди них, например, Valma well на Фасосе, который нельзя считать надежным узким комплексом, и яма 1 на поселении Костадин Чешма в округе Аполлонии Понтийской. 69 Впрочем, даже сами издатели называют комплексы ям этого поселения «semi-fermés». 70 Совместные находки клейм Κλεῖτος и гераклейских клейм⁷¹, также вряд ли могут являться однозначным аргументом для изменения его датировки, так как хронология гераклейского клеймения основывается не в последнюю очередь на датировках фасосских клейм.

Таким образом, до появления действительно надежных комплексов 72 представляется целесообразным зафиксировать факт находки двух штампов этого эпонима на Северном участке «Верхнего города», равно как и такую же единичную находку клейма эпонима «позднего периода» $\Theta \acute{\alpha} \sigma \varpi v$ 1 (Кат. 165; группа IV, по: Garlan 2004–2005), оставляя открытым заслуживающий отдельного рассмотрения вопрос о хронологическом определении магистрата $K\lambda \epsilon i \tau o \varsigma$.

- ⁶² По: Garlan 2004–2005.
- 63 Возможно, стоит упомянуть «случайные находки», полученные в 2014—2016 гг. Это 3 клейма подгруппы F1 (магистратов: В $\acute{\alpha}$ т $_{\odot}$ $_{\odot}$ 1 (Кат. 53)), $\acute{\phi}$ иала 2 (Кат. 75, 77)) и 2 клейма группы B (Кат. 3, 5).
- 64 Debidour 1986, 322, 330.
- 65 Avram 1996, 58.
- 66 Garlan 2004–2005, 315–316.
- ⁶⁷ Кац 2007, 194.
- ⁶⁸ Debidour 1999, 88. Недавно М. Дебидур подтвердил свою прежнюю точку зрения (Debidour 2019, 92).
- ⁶⁹ Tzochev 2009, 58; 2016, 16, 80.
- ⁷⁰ Balabanov, Garlan, Avram 2016, 37–39, 91.
- ⁷¹ Курган Славчова могила (Китов 1996, 1–9), курган 32 у г. Орджоникидзе (Полин 2011, 251–252).
- ⁷² Кажется не вполне оправданным считать подобным комплексом засыпь под амфилеммой херсонесского театра (Иващенко 2016, 41) и колодец под печью № 9 гончарных мастерских Херсонеса (Иващенко 2015, 38).
- 73 В этой яме найдено также ретроградное клеймо на боспорской черепице: АПО (П и О в лигатуре), ок. 370—360 гг. до н.э. (Анохин 1999, 190, рис. 61).
- 74 А также фрагмент керамиды с клеймом: βα[σιλέως] | Σπ[αρτόκου], ок. 293–283 гг. до н.э. (Анохин 1999, 199, рис. 62).

Кат. 111; Φιλοκράτης – 2, Кат. 122, 132). ⁷⁵ Примечательно, что все эти четыре ямы располагались компактной группой вблизи восточной границы холма. ⁷⁶

Подводя промежуточный итог рассмотрению фасосских клейм на Северном участке раскопа «Верхний город», следует отметить следующее: во-первых, локализацию основного их массива (в слое и ямах) в восточной его части, вплотную к восточному склону холма акрополя, а во-вторых, существенное преобладание в общем объеме фасосских клейм подгруппы F1. При этом в количественном выражении клейм ранней подгруппы (F1) значительно больше, чем клейм поздней подгруппы (F2): 46⁷⁷ против 12.⁷⁸ Такое противопоставление имеет смысл в том лишь случае, если принимать хронологическую последовательность этих подгрупп, предложенную И. Гарланом. И если придерживаться этой последовательности. то количественное соотношение подгрупп можно интерпретировать примерно таким образом: период «перестройки» акрополя приходится на относительно короткое время – конец 50-х (максимум накопления клейм F1) – середина 40-х гг. до н.э. (амфоры, помеченные клеймами F2, уже были в ходу). Ранний временной интервал здесь представлен 7-ю магистратами, по И. Гарлану: Μέγων 2 (1 раз); Βάτων (2 раза); фиала (14 раз); звезда (6 раз); Άριστείδης (5 раза); Μεσ(--) (5 раз); Φιλοκράτης (16 раз), поздний – 3-мя (Δ αμάστης 2 (5 раз); Πανφάης (6 раз); монограмма ГА (1 раз). Велик соблазн ранжировать имена магистратов по частоте встречаемости, но *пока* воздержимся от этого намерения. ⁷⁹

Рассмотренные контексты были призваны не только обосновать хронологию перестройки на акрополе Фанагории в середине 4 в. до н. э., но также и подтвердить заявленный тезис о перемещении грунта (культурного слоя), которым при нивелировке строительной площадки засыпались неровности, а его излишки ссыпались на склоны холма. Эта в значительной мере умозрительная конструкция получила прямое подтверждение в последние два года раскопок.

В 2018 г. ради доследования южной части древнейших оборонительных сооружений Фанагории, построенных в третьей четверти 6 в. до н.э. у восточной кромки холма ⁸⁰, с восточной стороны Северного участка раскопа была прирезана площадь (200 м²), значительная часть которой располагалась *над* изначальным склоном холма. В течение следующего сезона в юго-восточной части прирезки (приблизительно на трети ее площади) была открыта его поверхность – материковый песок. Эта поверхность резко наклонена к северо-востоку; ее перекрывали мощные ⁸¹ отложения мусорного характера, рассыпанные по склону холма. ⁸² Поскольку слои и прослойки насыпного грунта располагались под углом ок. 45°, а раскопки велись горизонтальными пластами (по штыкам), имеет смысл рассмотреть распределение находок (фасосских клейм) общим массивом за оба года работ.

Итак, в сбросах грунта на восточном склоне холма акрополя были найдены фасосские клейма следующих групп: A (2 экз., Кат. 1, 2), B (5 экз. и еще 1 из числа «случайных находок», Кат. 7, 12, 15, 17, 23, 24), C (3 экз., Кат. 27, 28, 30), D (1 экз., Кат. 39), подгруппы E1 (2 экз., Кат. 41, 42), подгруппы F1 (15 экз., магистраты: Ме́уων 2-й –1, Кат. 47; Φ ανοκ(--) – 1, Кат. 51; ϕ иала – 5, Кат. 64, 79, 80, 81, 82; θ 8, θ 9, θ 9, θ 9; Άριστείδ(θ 9) – 1 и еще 1 «случ. нах.», Кат. 101, 102; θ 9, θ

 $^{^{75}}$ С ними – фрагменты двух гераклейских штампов (см. выше).

⁷⁶ В отличие от ямы 760, находившейся довольно далеко к СЗ от них, в которой найдено фрагментированное клеймо подгруппы F 2, его восстановление предположительно (Кат. 142). В яме же 720 (римского времени), расположенной к Ю-ЮВ от этой группы ям, найден один оттиск V группы поздних клейм (Кат. 167).

⁷⁷ А если считать «случайные находки» – 49 акз

 $^{^{78}}$ Неясно, следует ли придавать какое-то значение тому факту, что в ямах Северного участка клейма подгруппы F2 представлены только единожды — эпонимом $\Delta \alpha \mu \acute{\alpha} \sigma \tau \eta \varsigma$ 2 (в яме 734; Кат. 140).

⁷⁹ Здесь возможно сильное влияние случайности, не говоря уже о возможных колебаниях торговой конъюнктуры. Достаточно будет вспомнить речь Демосфена против Формиона (Dem. XXXIV. 8).

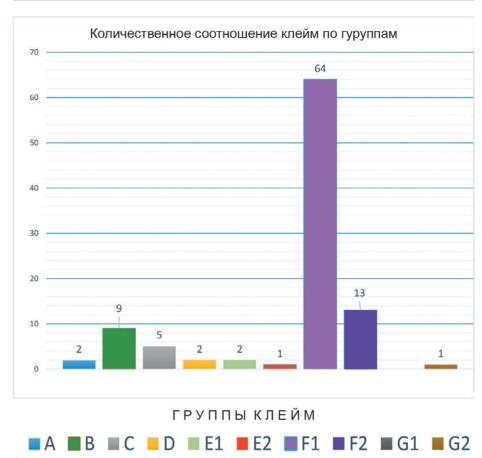
⁸⁰ Кузнецов 2018а, 123, рис. 4; 20186, 215–219. ⁸¹ Глубина прирезки в ЮВ углу достигла в 2019 г. 4,89 м.

⁸² Сбросы грунта античного и средневекового времени перекрыты отвалами Нового и Новейшего времени: из траншеи второй половины 19 столетия и из раскопа «Верхний город».

⁸³ По: Garlan 2004–2005.

Рис. 1. Статистика ранних фасосских клейм на Северном участке «Верхнего города»

Α	В	С	D	E1	E2	F1	F2	G1	G2
2	9	5	2	2	1	64	13	0	1



Удобно представить общую картину распределения групп/подгрупп фасосских ранних клейм из слоя и объектов (без учета неопределенных штампов) в графическом виде (рис. 1).

Диаграмма весьма наглядно демонстрирует столь аномально значительный пик фасосских клейм (амфорной тары этого центра) группы F по сравнения с предыдущими и последующими, что объяснять его появление исходя лишь из колебаний конъюнктуры рынка совершенно нереально. Исходя из стратиграфических характеристик рассматриваемого участка акрополя, со значительной степенью уверенности мы связываем его с общей перестройкой района в конце 50-х — первой половине 40-х годов 4 в. до н.э.⁸⁴, когда происходит сравнительно кратковременная дестабилизация нормального уклада жизни в этом общественном центре города.

Конечно, интересно было бы сопоставить полученную картину с распределением клейм других центров, регулярно клеймивших свою тару в 4 в. до н.э. Однако эта трудоемкая и важная задача – уже для другой работы. Сейчас же отметим один лишь хронологический момент, вытекающий из сопоставления рассмотренной группы фасосских клейм (F) с клеймами Гераклеи Понтийской.

Статистический анализ выборки клейм из раскопок 2002–2003 гг. показал такое распределение гераклейских штампов⁸⁵: отсутствие РФГ; магистратские клейма представлены группами I (4 экз.), II (7 экз.), III (2 экз.), IV (1 экз.), V (1 экз.); ПФГ (1 экз.), ⁸⁶ Как видим, «пик» амфор южнопонтийского полиса в данной

⁸⁴ Эта датировка, как будто, в целом согласуется с хронологической схемой Ч. Цочева, который повышает датировку клейм подгруппы F1 до начала 40-х гг., а финал подгруппы F2 относит к ок. 340 г. (Tzochev 2016, 88, tabl. 2, per. II).

^{85 16-}ти восстановленных из 23-х.

⁸⁶ Кутинова 2004, 204—205.

выборке из Фанагории относится к середине 80-х – середине 60-х годов 4 в. до н. э. 87, а после наблюдается спад. Иначе говоря, «максимум гераклейского импорта» приходится где-то лет на 15–20 раньше, чем у Фасоса. В принципе, такое может быть. Однако озадачивает, что, по крайней мере, в двух комплексах с фасосскими клеймами наблюдается аналогичный временной разрыв. Так, в яме 226 с 10 фасосскими группы F(1,2) найдено 2 гераклейских клейма — магистратов Кром(--) и Евгетиона (оба группы $II M\Gamma$, подгрупп A и B соответственно). В засыпи подвала дома 745 с двумя фасосскими клеймами групп C и D (70-е — середина 60-х годов 4 в. до н. э.) найдено два клейма на горлах гераклейских амфор $I M\Gamma$ (магистрат $E\dot{\upsilon}$ (—-)) 390-х гг. до н. э. 89

Не затрагивая сейчас глубоко эту тему, воспользуемся синхронизацией амфорных клейм фасосских группы F и клейм на гераклейских амфорах из комплексов, учтенных С.Ю. Монаховым. 90 Именно он, кажется, впервые обратил внимание на несоответствие датировок первых и вторых. Так, рассматривая амфоры из тризны кургана № 6 у села Любимовка, отнесенной к группе комплексов 70-х — середины 60-х годов 4 в. до н.э., где наряду с гераклейскими типов I-А и II, клейменых при магистратах Эвгетионе и Кире, присутствовали фасосские «раннего варианта биконического типа», три из которых несли на себе клейма Мегона 2-го (F1), деятельность которого приходится на период *после* 360 г., С.Ю. Монахов попытался разрешить выявленное противоречие.

«Формальная логика, – пишет исследователь, – подсказывает, что фасосские клейма Мегона в Любимовском кургане следует считать более поздними, чем гераклейские (интервал не менее десятилетия). Однако согласиться с этим трудно, поскольку гераклейские магистраты Эвгетион и Кир представлены не единичными клеймами, а сериями оттисков. В этом случае остается предположить, что гераклейские и фасосские амфоры комплекса хронологически ближе друг другу, что, в свою очередь, требует или понижения фасосской хронологии в отношении Мегона II, либо же повышения гераклейской хронологии в отношении Эвгетиона и Кира. С нашей точки зрения, более вероятен первый вариант, в пользу которого существует ряд аргументов, и прежде всего тот факт, что на примере нижеследующего комплекса кургана № 92 у с. Выводово 91 мы имеем синхронизацию того же Мегона с близким Киру и Эвгетиону гераклейским магистратом Ликоном». 92

Логика С. Ю. Монахова понятна. Но принять ее можно в том только случае, если строго придерживаться позиции, согласно которой допустимы исключительно «индивидуальные» подвижки по хронологической шкале отдельных магистратов, фасосских (Мегон 2) или гераклейских (Эвгетион, Кир), а возможность подвижки двух шкал относительно друг друга не предусмотрена.

Между тем, эта проблема вновь возникает при рассмотрении материалов тризны кургана № 69 могильника «Царский», в которой содержалась фасосская клейменая амфора (магистрат $\Phi \alpha v \circ \kappa(-)$) и 9 гераклейских типа І-А (4 клейменых, из которых восстановлены легенды двух: Ἀρίστων | Διονυσίο; Σώτηρος | ἐπὶ Ἀρίστων (ος)). Поскольку клеймо магистрата Дионисия, по мнению С. Ю. Монахова, непосредственно предшествует магистратуре Каракида (см. ниже, прим. 94), то временной размах гераклейских клейм в комплексе (от Аристона до Дионисия) достигает как минимум 13—15 лет. А в отношении фасосского клейма (подгруппы F1) высказано предположение: «Не исключено, что в дальнейшем датировка Фанока будет понижена». 93

Аналогичная проблема возникает и когда в комплексах, датируемых С.Ю. Монаховым второй половиной 60-х годов 4 в. до н.э., встречаются клейменые фасосские (F1) и гераклейские амфоры⁹⁴, хотя хронологический «зазор»

- 87 Кац 2007, 238, табл. 7. По неясной причине в Приложении V (Там же, 429) датировка II МГ дана иначе: 80–70-е гг. 4 в. до н.э. Ранее В.И. Кац датировал эту группу концом 390-х серединой 370-х гг. (Кас 2003, 267, fig. 1.
- ⁸⁸ Завойкин, Кузнецова, Монахов 2006, 301, табл. 7. *12, 13*. С.Ю. Монахов (1999, 253) относит Кромния к числу наиболее ранних магистратов 70-х годов 4 в. до н.э.
- 89 Завойкин, Чашук 2020, 221.
- ⁹⁰ Монахов 1999, 625–635, прилож. 4.
- ⁹¹ См. там же, 295–296. В тризне этого кургана содержались фрагменты фасосских (не менее 10, на 4-х ручках клейма Мегона 2) гераклейских (4 типа II, все с клеймом магистрата Ликона), хиосской (1) и пепаретской (1) амфор.
- ⁹² Там же. 293. 295.
- 93 Там же, 281-282.
- ⁹⁴ Там же, 322–326: тризна кургана № 11 возле Солохи (фасосское клеймо Πανφάης + гераклейское Каракида); тризна кургана № 1 у с. Дивизия (фасосское клеймо Άρχέστρατος + гераклейское Каракида); тризна кургана № 29 у с. Чкалово (фасосское клеймо Мεσ(--) + гераклейское магистрата Каракида); тризна кургана № 9 у с. Малая Лепетиха (фасосское клеймо Мεσ(--)). Все эти комплексы датированы второй половиной 360-х годов.

между ними уже. 95 Но наиболее вопиющий случай наблюдаем в комплексе ямы № 312 из Горгиппии, в которой клейма гераклейских магистратов не позднее второй половины 70-х годов 4 в. до н.э. сочетаются с фасосским клеймом магистрата Лагета группы G1 (по И. Гарлану, не ранее 344 г.), датировку которого С.Ю. Монахов тоже ставит под сомнение. 96

Если кратко резюмировать, следует признать, что взаимная соотнесенность хронологических схем клеймения фасосской и гераклейской керамической тары далека от оптимальной. Эта проблема требует глубокого и всестороннего изучения. В этой статье нам хотелось лишь обратить на нее внимание специалистов.

В завершение, опираясь исключительно на хронологию фасосских амфорных клейм, мы считаем установленным, что работы по перепланировке (нивелировке) исследованного участка фанагорийского акрополя были проведены в конце 50-х — первой половине 40-х годов 4 в. до н.э. В результате этой работы была подготовлена площадка для строительства новых зданий общественного характера. Определить же достоверно, сколько времени потребовалось на их возведение здесь, не представляется возможным.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон М. Г., Завойкин А. А., Кузнецов В. Д., Сапрыкина И. А. 2019. Монеты позднеархаического и раннеклассического времени из раскопок Фанагории // Hypanis 1, 5–27.
- Былкова В. П., Немцев С. О. 2009. Статистико-комбинаторный анализ как основа типологии и хронологии «колпачковых» ножек (по материалам Белозерского поселения) // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время. Ростов-на-Дону, 139–147.
- Завойкин А. А. 2004. Фанагория во второй половине V начале IV вв. до н. э. (по материалам «Южного города») (ДБ Suppl. I). Москва.
- Завойкин А. А. 2018a. Котлован 744 на «Верхнем городе» Фанагории // ДБ 22, 54-66.
- Завойкин А. А. 2018б. Общественное знание 4 в. до н. э. на акрополе Фанагории // В. Д. Кузнецов, А. А. Завойкин (ред.), Материалы по археологии и истории Фанагории 3 (Фанагория 6). Москва, 101–141.
- Завойкин А.А. 2018 в. Торговые связи Фанагории по керамической таре и археологическая периодизация «Верхнего города» (6–3 вв. до н.э.) // В.Д. Кузнецов, А.А. Завойкин (ред.), Материалы по археологии и истории Фанагории 4 (Фанагория 7). Москва, 91–105.
- Завойкин А. А. 2019. Эллинистическое общественное здание на акрополе Фанагории // ПИФК 4, 297–321.
- Завойкин А. А. 2020. Акрополь Фанагории в эпоху Спартокидов // Материалы VI Всероссийского археологического съезда. Москва—Самара, 2020 (в печати).
- Завойкин А. А., Кузнецов В. Д. 2011. Древнейшее общественное здание в Фанагории // ПИФК 4, 188–198.
- Завойкин А. А., Кузнецов В. Д. 2012. Некоторые проблемы археологической топографии Фанагории // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанистики (Боспорские чтения XIII). Керчь, 130–146.
- Завойкин А. А., Кузнецова Е. В., Монахов С. Ю. 2006. Керамические комплексы из Фанагории (раскопки 2005 г.) // АМА 12, 294–312.
- Завойкин А. А., Монахов С. Ю. 2012. Амфорное горло из Фанагории и две серии керамической тары позднеклассического времени // ПИФК 4, 117–127.
- Завойкин А. А., Чашук М. С. 2020. Подвал на акрополе Фанагории // КСИА 258, 213–231.
- Иващенко М.В. 2015. Комплекс керамических клейм из колодца под печью № 9 гончарных мастерских Херсонеса // Известия Саратовского университета (Новая серия. Серия: История. Международные отношения) 15 (1), 37–42.

- 94 Монахов 1999, 322—326: тризна кургана № 11 возле Солохи (фасосское клеймо Пανφάης + гераклейское Каракида); тризна кургана № 1 у с. Дивизия (фасосское клеймо 1 Аρχέστρατος + гераклейское Каракида); тризна кургана № 29 у с. Чкалово (фасосское клеймо 1 М $_{\rm E}$ σ 1 -) + гераклейское магистрата Каракида); тризна кургана № 9 у с. Малая Лепетиха (фасосское клеймо 1 Ф $_{\rm E}$ σ 1 -)). Все эти комплексы датированы второй половиной 360-х годов.
- 95 Ср. Кац 2007, 247, 415. Склоняясь к «высокой» хронологии гераклейских клейм, В.И. Кац полагает, что противоречие снимается, если датировки гераклейских магистратов Каракида и Ликона передвинуть на пять лет, сближая с датировкой фасосских магистратов М ε σ(--), Πανφάης и Μ ε γων, которых он ставит в самое начало группы клейм 5-го этапа (50-е годы 4 в. до н.э.), и тем самым начальную дату клеймения определив в пределах 410–405 гг. до н.э.
- ⁹⁶ Монахов 1999, 278–280. Здесь, разумеется, следует принять во внимание нарушенность этой хозяйственной ямы более поздней, в которой, в частности, найдены боспорские монеты ок. 330–315 гг. (по определению Н.А. Фроловой).

- Иващенко М.В. 2016. Место магистрата ΚΛΕΙΤΟΣ в системе клеймения керамической тары острова Фасос // Известия Саратовского университета (Новая серия. Серия: История. Международные отношения) 16 (1), 39–43.
- Кац В.И. 2007. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) (БИ Suppl. XVIII). Симферополь–Керчь, 478.
- Китов Г. 1996. Славчова могила край с. Розово, Казанлъшко (Монументална тракийска гробница) // Археология 38 (1). София, 1–9.
- Кузнецов В. Д. 2004. Отчет о работе Таманской экспедиции Института археологии РАН в 2003 г. Москва (Архив ИА РАН. Р-1, № 28416).
- Кузнецов В. Д. 2005. Отчет о работе Таманской экспедиции Института археологии РАН в 2004 г. Москва (Архив ИА РАН. Р-1, № 26296).
- Кузнецов В. Д. 2011. Заметки о культурном слое Фанагории // Греческие и варварские памятники Северного Причерноморья. Опыт методики российских и украинских полевых исследований (Методика полевых археологических исследований 4). Москва, 117–130.
- Кузнецов В. Д. 2014. Отчет о работе Фанагорийской экспедиции Института археологии РАН в Фанагории в 2013 г. (Краснодарский край, Темрюкский район, пос. Сенной). Москва (Архив ИА РАН. Р-1, № 40811–40817).
- Кузнецов В. Д. 2015. Отчет о работе Фанагорийской экспедиции Института археологии РАН в Фанагории в 2014 г. (Краснодарский край, Темрюкский район, пос. Сенной). Москва (Архив ИА РАН. Р-1, № 45554–45560).
- Кузнецов В. Д. 2016. Отчет о работе Фанагорийской экспедиции Института археологии РАН в Фанагории в 2015 г. (Краснодарский край, Темрюкский район, пос. Сенной). Москва (Архив ИА РАН. Р-1, № 47481–47486).
- Кузнецов В. Д. 2017. Отчет о работе Фанагорийской экспедиции Института археологии РАН в Фанагории в 2016 г. (Краснодарский край, Темрюкский район, пос. Сенной). Москва (Архив ИА РАН. Р-1, № 51943–51951).
- Кузнецов В. Д. 2018а. Домостроительство Северного Понта (эпоха архаики) // В. Д. Кузнецов, А. А. Завойкин (ред.), Материалы по археологии и истории Фанагории 4 (Фанагория 7). Москва, 117–135.
- Кузнецов В. Д. 2018б. Оборонительные сооружения Фанагории // КСИА 250, 215-219.
- Кузнецов В. Д. 2018в. Отчет о работе Фанагорийской экспедиции Института археологии РАН в Фанагории в 2017 г. (Краснодарский край, Темрюкский район, пос. Сенной). Москва (Архив ИА РАН. Р-1, № 55561–55564).
- Кузнецов В. Д. 2019. Отчет об археологических раскопках (Открытый лист 374 от 4.05.2019 г.) Фанагорийской экспедиции Института археологии РАН в Фанагории в 2018 г. (Краснодарский край, Темрюкский район, пос. Сенной). Москва (Архив ИА РАН. Р-1, № 59721–59725).
- Кузнецов В. Д. 2020. Отчет об археологических раскопках Фанагорийской экспедиции Института археологии РАН в Фанагории в 2019 г. (Краснодарский край, Темрюкский район, пос. Сенной). Москва (Архив ИА РАН. Р-1, б/№).
- Кутинова Т. М. 2004. Керамические клейма из раскопок «Верхнего Города» Фанагории в 2002–2003 гг. // БФ: Проблемы хронологии и датировки памятников. Санкт-Петербург, 201–208.
- Ломтадзе Г. А. 2015. Керамическая тара из раскопок поселений IV первой трети III в. до н. э. «царской хоры» Европейского Боспора (ДБ Suppl. III/3). Москва.
- Полин С.В. 2011. Амфоры и клейма из кургана № 32 у г. Орджоникидзе и некоторые вопросы амфорной хронологии // AMA 15. Саратов, 240–264.
- Avram A. 1996. Les timbres amphoriques. 1. Thasos (Histria. Les résultats des fouilles VIII). Bucarest-Paris.
- Balabanov P., Garlan Y., Avram A. 2016. Les timbres amphoriques grecs d'Héraclée Pontique et de quelques autres centres de production recueillis dans l'établissement de Kostadin Tchechma près de Debelt (Bulgarie) (première moitié du IV° siècle av. J.-C.) (Pontica XL-VIII–XLIX Suppl. IV). Constanţa.

- Debidour M. 1986. En classant les timbres thasiens // J.-Y. Empereur, Y. Garlan (éds.), Recherches sur les amphores grecques (BCH Suppl. XIII), 311–334.
- Debidour M. 1999. Kleitos, une magistrate thasien attesté sur les rives de la mer Noire // Y. Garlan (éd.), Production et commerce des amphores anciennes en mer Noire. Aix-en-Provence, 81–89.
- Debidour M. 2019. Le timbrage recent de Thasos: reprendre et approfondire l'analyse chronologique et institutionelle // N. Badoud, A. Marangou (éds.), Analyse et explotation des timbres amphoriques grecs. Rennes, 2019, 91–96.
- Dupont P. 2019. Timbres amphoriques de la Grèce archaïque et des débuts du classicisme // N. Badoud, A. Marangou (éds.), Analyse et explotation des timbres amphoriques grecs. Rennes, 91–96.
- Garlan Y. 2004–2005. En visitant et revisitant les ateliers amphoriques de Thasos // BCH 128–129, 269–329.
- Garlan Y. 1999. Les timbres amphoriques de Thasos. Vol. I. Timbres protothasiens et thasiens anciens (Études Thasiennes XVIII). Athènes–Paris.
- Kac V. I. 2003. A New Chronology of the Ceramic Stamps of Herakleia Pontica // P. Guldager Bilde, J. Munk Højte, V. F. Stolba (eds.), The Cauldron of Ariantas (BSS 1). Aarhus, 261–278.
- Lawall M. 2005. Negotiating Chronologies: Aegean Amphora Research, Thasian Chronology, and Pnyx III // V. F. Stolba, L. Hannestad (eds.), Chronologies of the Black Sea Area in the Period c. 400–100 BC (BSS 3). Aarhus, 31–67.
- Tzochev Ch. 2009. Notes on the Thasian Amphora Stamps Chronology // Archaeologia Bulgarica XIII. Sofia, 55–72.
- Tzochev Ch. 2016. Amphora Stamps from Thasos (The Athenian Agora 37). Princeton.

КАТАЛОГ97

(Рис. 2-5)⁹⁸

«Ранняя группа» Λάβρο(ς) Группа А Λάβρο(ς) Δαμάσ(της) Σάτυρος (на горле). 6. Фан-2014, ВГ, кв. 105, шт. 12, оп. 105/12-IV/15. Θεόφιλος IOSPE № 198-209; Garlan 1999, 123 № 142. Голова сатира → 1. Фан–2019, ВГ, кв. 121, шт. 15, оп. 121/15-IV/15-1. Λεωγ(--) IOSPE № 3089-3092: Garlan 1999, 106 № 64. $\Lambda \epsilon \omega [\gamma(--)]$ [--] Θασι(..) Голова Сатира → $[\Delta]\alpha\mu[\alpha(--)]$ **2**. Фан–2019, ВГ, кв. 120, шт. 15, оп. 120/15-IV/15-1. (ретроградно). Garlan 1999, 105–108 № 60–71. 7. Фан–2019, ВГ, кв. 121, шт. 13-14, оп. 121/13-14-IV/15-1. Garlan 1999, 126 № 158 – прямой штамп. Группа В $\Lambda \epsilon [\omega \gamma (--)]$ Κτῆσι(ς) $\Theta\alpha[\sigma\iota(..)]$ Kίρω[(v)]Κτῆσι(ς) 8. Фан–2002, ВГ, кв. 14, шт. 20, № 27. Θασίω(ν) IOSPE № 311-315; Garlan 1999, 127 № 165. Δαμά(στης) 3. Фан–2014, ВГ, случ. находка, оп. Случ. нах.-IV/15. $\Lambda[\epsilon\omega\gamma(--)]$ IOSPE № 112-113; Garlan 1999, 119 № 121. $\Theta[\alpha\sigma\iota(..)]$ $K[i\rho\omega(v)]$ 9. Фан–2003, ВГ, кв. 15, шт. 18, № 28.* $K\tau\tilde{\eta}\sigma[\iota(\varsigma)]$ Θασίω(ν) Κίρων (на горле). Λεωγ(--) **4**. Фан–2003, BГ, кв. 14, шт. 18, № 26.⁹⁹ Θασι(..) Νοσσ(ίκας) IOSPE № 146; Garlan 1999, 120 № 127. 10. Фан–2003, ВГ, кв. 15, шт. 19, № 29; **11**. Фан–2016, ВГ, кв. 84, шт. 14, оп. 84/14-IV/15-1. $K\tau[\tilde{\eta}\sigma\iota(\varsigma)]$ Θ α σ i $[\omega(v)]$ **12**. Фан–2019, ВГ, кв. 123, шт. 16, оп. 123/16-IV/15-2. IOSPE № 327-330: Garlan 1999, 129 № 171. Σκύ[μ(νος)]

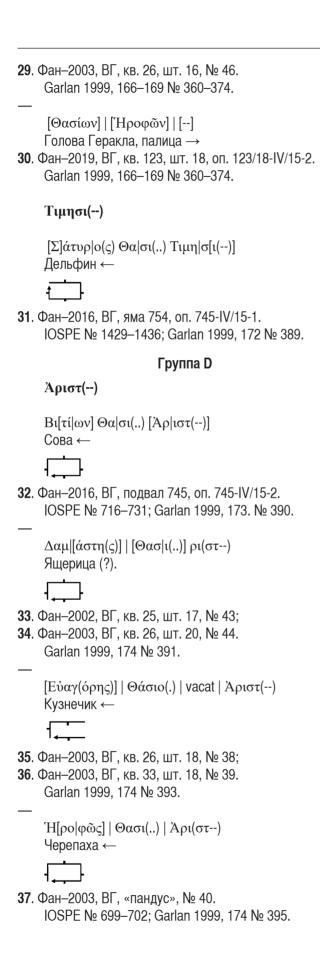
5. Фан–2014, ВГ, случ. находка, оп. Случ. нах.-IV/15-1. IOSPE № 171–172; Garlan 1999, 122 № 136.

⁹⁷ Штампы расположены в соответствии с хронологической классификацией Ив. Гарлана для клейм «ранней» (Garlan 1999) и «поздней» (Garlan 2004–2005) групп. Авторы не ставили своей целью привести исчерпывающий список аналогичных штампов. Аналогии даются только по IOSPE. III, корпусу Ив. Гарлана (Garlan 1999) и в нескольких случаях по другим публикациям. Знаком * отмечены штампы из раскопок 2002–2003 гг., с которыми удалось ознакомиться только по описи, и восстановление которых предположительно.

⁹⁸ Номера на рисунках соответствуют номерам в Каталоге.

⁹⁹ Номера описи клейм 2002–2005 и 2013 гг. даны по Каталогам (Приложениям), составленным В.И. Кацем и Т.М. Кутиновой для отчетов В.Д. Кузнецова за 2003–2005 и 2013 гг.

Λεωγ(--) **22**. Фан–2016, ВГ, кв. 82, шт. 14, оп. 82/14-IV/15-1. Garlan 1999, 144, № 248. Θασι(..) Φιλω(νίδης) 13. Фан–2002, ВГ, кв. 23, шт. 16, № 30; Группа В. Дополнительные клейма 14. Фан–2003. ВГ. яма 162. № 31: **15**. Фан–2019, ВГ, кв. 123, шт. 16, оп. 123/16-IV/15-2. Палица? IOSPE № 339-344; Garlan 1999, 129 № 173. Голова Геракла в профиль. 23. Фан–2019, ВГ, кв. 121, шт. 17, оп. 121/17-IV/15-1. Garlan 1999, 147 № 266. $\Lambda \epsilon \omega [\gamma(--)]$ $[\Theta \alpha \sigma \iota (..)]$ Голова барана. [--] 16. Фан–2002, ВГ, кв. 14, шт. 19, № 32.* **24**. Фан–2019, ВГ, кв. 121, шт. 18, оп. 121/18-IV/15-1. Garlan 1999, 125-129 № 154-173. Garlan 1999, 150 № 289. Λεωνι(--) Группа С [Λε]ωνι(--) Θασίω(ν) Άριστομέ(νης) Θρασω-Αριστο|μέ(νης) Εὐρυ|ά(ναξ) Θα|σίων $[vi(\delta\eta\varsigma)]$ **17**. Фан–2019, ВГ, случ. находка, оп. Случ. нах.-IV/15-2. Геракл натягивающий лук → IOSPE № 371; Garlan 1999, 131 № 181. Μνημέ(ας) **25**. Фан–2014. ВГ. кв. 79 шт. 13, оп. 79/13-IV/15-1. IOSPE № 790-794; Garlan 1999, 157 № 318. Μνημέ(ας) Θασίω(ν)] Γλαύ(κων) Δαμά(στης) 18. Фан–2003, ВГ, кв. 25, шт. 18, № 33 (на горле); Γλαύ(κων)|Θασ|ι(..) Σά[τ]|υρ(ος) **19**. Фан–2013, ВГ, яма 613, оп.613-IV/15. Канфар → IOSPE № 504; Garlan, 1999. P. 133 № 192. **26**. Фан–2016, ВГ, кв. 79, шт. 14, оп. 79/14-IV/15-1. Χαρω(--) IOSPE № 1393-1398; Garlan 1999, 160 № 332. $X[\alpha\rho\omega(--)]$ Ήροφων Ι $\Theta[\alpha\sigma\iota(..)]$ Δ[αμά(στης)] [Θ]ασί[ων Ἡ|ρο]φῶ[ν Εὐ]|αγόρης **20**. Фан–2003, ВГ, «зачистка», № 34 (на горле). Голова Геракла, палица → IOSPE № 569; Garlan 1999, 142 № 236. **27**. Фан–2019, ВГ, кв. 122, шт. 18 оп. 122/18-IV/15-1. Χαρω(--) Θασι(..) IOSPE № 1046; Garlan 1999, 166 № 362. Μυΐσ(κος) **21**. Фан–2014, ВГ, объект 815, оп. 815-IV/15. Θασίων Ἡ|ρο[φῶν] | [--] IOSPE № 587-588; Garlan 1999, 143 № 242. Голова Геракла, палица → 28. Фан-2018, ВГ, кв. 120, шт. 11, оп.120/11-IV/15-2. Вне эпонимных серий Garlan 1999, 166-169 № 360-374. Θασίων Κλῆτος Θασίων | Ἡρ[οφῶν] | [--] Голова Геракла (ретроградно).



Θεόφιλ(ος) Θα|σι(..)[Άρ|ιστ(--)] Шлем ← **38**. Фан–2013, ВГ, кв. 75, шт. 11, оп. 75/11-IV/15. Garlan 1999, 175 № 396. [Ποσίδ(ειος) |Θ]α|σι(..)[Άρ|ισ(τ--)] Лабрис ↓ **39**. Фан–2019, ВГ, кв. 123, шт. 16, оп. 123/16-IV/15-1. Garlan 1999, 175 № 400. Πρῶτ|ις Θασ|ι(..) Ἀρ|ιστ(--) Каракатица ← 40. Фан–2002, ВГ, кв. 23, шт. 17, № 41.* IOSPE № 734; Garlan 1999, 175 № 401. Группа Е1 Κλεοφῶν Κλεοφῶν | Θασίων | [Ε]ὐαγόρης Палица → **41**. Фан–2019, ВГ, кв. 123, шт. 13-14, оп. 123/13-14-IV/15-1. IOSPE № 1004-1008; Garlan 1999, 187 № 455. [Κλεοφῶν | Θασίων | Π]ρῶτις Сосуд с 2-мя ручками → **42**. Фан–2019, ВГ, кв. 120, шт. 13-14, оп. 120/13-14-IV/15-1. IOSPE № 1357-1366; Garlan 1999, 189 № 464. Группа Е2 Δεινο(--) Φ εί|[διπ]ο(ς) Θ[α|σι(..) Δε|ινο(--)]Амфора ←

43. Фан–2013, ВГ, кв. 72, шт. 11, оп. 72/ 11-IV/15-2.

Garlan 1999, 198 № 507.

Группа F1

Μέγων II

Αρισ $|\tau\alpha\gamma\delta(\rho\eta\varsigma)|\Theta\alpha\sigma|[\iota(..)]$ Μέγ $(\omega\nu)$ Αμφορα \leftarrow



- **44**. Фан–2003, ВГ, кв. 38, шт. 20, № 47. IOSPE № 1134; Garlan 1999, 202 № 517.
 - $[\Theta \rho]$ ασω $|[vί(δης) \mid Θα]$ σι(..): $Mέ|\gamma(ων)$ Светильник \rightarrow
- **45**. Фан–2016, ВГ, кв. 82, шт. 15, оп. 82/15-IV/15-1. IOSPE № 1172–1178; Garlan 1999, 203 № 525.
 - Λ εώ|φαντο(ς) | vacat | Θασι(..) Μέ(γων) палица \leftarrow
- 46. Фан–2003, ВГ, кв. 25, шт. 19, № 48;
- **47**. Фан–2019, ВГ, кв. 121, шт. 16, оп. 121/16-IV/15-1. IOSPE № 1149–1151; Garlan 1999, 203 № 528.
 - [--] | [--]Μέγ(ων) [--]
- **48**. Фан–2003, ВГ, кв. 29, шт. 18, № 49. Garlan 1999, 202–205 № 517–540.

Φανοκ(--)

[Εὐρυά]|να(ξ) Θα|σι(..) Φα|νο[κ(--)]Ομηνονη \leftarrow



- **49**. Фан–2003, ВΓ, кв. 25, шт. 18, № 52. Garlan 1999, 207 № 547.
- Πυλά|δη(ς) Θασ|ι(..) Φα|νοκ(--) Черепаха ←



- **50**. Фан–2003, BГ, кв. 30, шт. 18, № 53;
- **51**. Фан–2019 ВГ, кв. 123, шт. 15, оп. 123/15-IV/15-1. IOSPE № 1484–1491; Garlan 1999. P. 208 № 554.

Βάτων

Θασι(..) Βά|τω|ν Άρισ|τα(γόρης)

Гроздь ←

- **52**. Фан–2013, ВГ, кв. 72, шт. 10, оп. 72/10- IV/15-3;
- **53**. Фан–2016, ВГ, Северный участок, случ. находка, оп. Случ. нах.-IV/15-1.

IOSPE № 906-909; Garlan 1999, 209 № 559.

Фиала

 $[\Theta \acute{\alpha}] \sigma \text{ion}$

Фиала, [фимиатерий ←]

Άρι[στα(γόρης)]

54. Фан–2013, ВГ, кв. 76, шт. 11, оп. 76/11-IV/15-1. IOSPE № 1860–1868; Garlan 1999, 213 № 580.

Θάσιον Φиала, ойнохоя \leftarrow Ε \mathring{v} αγ[ό(ρης)]

- **55**. Фан–2004, BГ, кв. 44, шт. 21, оп. 13;
- **56**. Фан–2013, ВГ, кв. 74, шт. 11, оп. 74/11-IV/15-1. IOSPE № 2093; Garlan 1999, 214 № 584.

Θάσιον Φиала, колос ←

Εὐφράν(ωρ)

- **57**. Фан–2005, ВГ, яма 226, № 13;
- **58**. Фан–2015, ВГ, яма 734, оп. 734-IV/15-1. IOSPE № 2101–2105; Garlan 1999, 214 № 586.

Θάσιον Фиала, трофей ←

Καλλιφ(ὧν)

- 59. Фан–2005, ВГ, яма 226, № 14;
- **60**. Фан–2013. ВГ. кв. 75, шт. 10, оп. 75/10-IV/15-1;
- 61. Фан-2013, ВГ, кв. 75, шт. 11, оп. 75/11-IV/15-1;
- **62**. Фан-2013, ВГ, яма 548, оп. 548-IV/15;
- **63**. Фан–2017, ВГ, траншея 19 века, оп. траншея–IV/15-1;
- **64**. Фан–2019, ВГ, кв. 120, шт. 16, оп. 120/16-IV/15-2. IOSPE № 2314–2320; Garlan 1999, 215 № 590.

Θάσιον

Фиала, весло \leftarrow [Nικ] \acute{o} στρ(ατος)

65. Фан–2003, BΓ, яма 176, № 66. Garlan 1999, 216 № 595.

Θάσιον Φиала, голова Гелиоса \leftarrow Πα[υσαν(ίης)]

86. Фан–2015, ВГ, яма 728, оп. 728-IV/15-1. **66**. Фан–2013, ВГ, кв. 85, шт. 10, оп. 85/10-IV/15-1. IOSPE № 2688-2694; Garlan 1999, 216 № 596. IOSPE № 2115-2126; Garlan 1999, 219 № 610. Θάσιον Θασίω[ν] Лепешка (?), булава (?), звезда Фиала, треножник ← Πυλάδ(ης) Καλ[λι(φῶν)] **67**. Фан–2003, ВГ, «зачистка», № 63; 87. Фан–2004, ВГ, кв. 32, шт. 21, № 37. 68. Фан-2003, ВГ, кв. 28. шт. 17. № 64: Garlan 1999, 220 № 614. 69. Фан-2003, ВГ, кв. 22, шт. 20, № 65; 70. Фан-2004, ВГ, кв. 20, шт. 23, № 36; Θασίων 71. Фан–2005. ВГ. кв. 47. шт. 21. под винодельней. № 16 Звезда, раковина \rightarrow , лепешка **72**. Фан–2013, ВГ, кв. 62, шт. 19, оп. 62/19-IV/15-1; Κλεοφ(άνης) **73**. Фан–2013, ВГ, кв. 73, шт. 11, оп. 73/11-IV/15-2; **88.** Фан–2013, ВГ, кв. 72, шт. 10, оп. 72|/10-IV/15-1. **74**. Фан–2013, ВГ, кв. 74, шт. 10, оп. 74/10-IV/15; IOSPE № 2476-2480: Garlan 1999, 221 № 616. **75**. Фан–2014, ВГ, случ. находка, оп. Случ. нах.-XV/15-3; **76**. Фан–2015, ВГ, кв. 82, шт. 13, оп. 82/13-IV/15-1; Θ[ασίων] 77. Фан-2015, ВГ, сев. уч., случ. находка, оп. Случ. Лепешка, неясная эмблема, звезда нах.-IV/15-1: Μέλιν(ος) **78**. Фан–2016, ВГ, кв. 100, шт. 13, оп. 100/13-IV/15-1; **89**. Фан–2003, ВГ, «зачистка», № 60. **79**. Фан–2018, ВГ, кв. 120, шт. 10, оп. 120/10-IV/15-1; Garlan 1999, 222 № 623. **80**. Фан–2018, ВГ, кв. 120, шт. 12, оп. 120/12-IV/15-2; **81**. Фан–2019, ВГ, кв. 121, шт. 16, оп. 121/16-IV/15-2; Θασίων Лепешка, факел ← 82. Фан–2019, ВГ, кв. 122, шт. 18, оп. 122/18-IV/15-2. IOSPE № 2812-2820; Garlan 1999, P. 216 № 597. Πυλά(δης) Звезда 90. Фан–2003, ВГ, кв. 23, шт. 20, № 61; 91. Фан–2003, ВГ, кв. 26, шт. 18, № 62: [Θ]άσιον Фиала, наконечник копья ← **92**. Фан–2014, ВГ, кв. 83, шт. 12, оп. 83/12-IV/15; 93. Фан–2015, ВГ, яма 734, оп. 734-IV/15; Χαιριμ(ένης) 83. Фан-2013, ВГ, кв. 76, шт. 11, оп. 76/11-IV/15. **94**. Фан–2019, ВГ, кв. 121, шт. 18, оп. 121/18-IV/15-1; IOSPE № 2929-2931; Garlan 1999, 217 № 598. **95**. Фан–2019, ВГ, кв. 123, шт. 18, оп. 123/18-IV/15-1. IOSPE № 2811; Garlan 1999, 224 № 633. Θάσιον фиала [--] [--] Звезда [--] 84. Фан–2005, яма 226, № 24. [--] Garlan 1999, 213-217 № 576-598. **96**. Фан–2013, ВГ, кв. 72, шт. 10, оп. 72/10-IV/15-1. Garlan 1999, 217-224 № 599-635. Звезда (и лепешка) Άριστείδ(ης) Θασίων Букраний ←, звезда Αριστείδ(ης)|: Θασ|ι(..): Άριστα(γόρης) Άριστ(αγόρης) Факел ← **85**. Фан–2013, ВГ, кв. 72, шт.10, оп. 72/10-IV/15-2. IOSPE № 1842-1845; Garlan 1999, 218 № 602. **97**. Фан–2003, ВГ, «зачистка», № 37; **98**. Фан–2013, ВГ, кв. 72, шт. 11, оп. 72/11-IV/15-3; Θασίων Кадуцей→, звезда **99**. Фан–2015, ВГ, яма 734, оп. 734-IV/15-1; IOSPE № 735-737, 742; Garlan 1999, 225 № 638. [Ή]ράκλε(ιτος)

111. Фан–2016, ВГ, яма 730, оп. 730-IV/15-2: **112**. Фан–2019, ВГ, кв. 123, шт. 15, оп. 123/15-IV/15-2. Αριστείδ(ης) | Θα|σι(..) Καλλ|ι(φῶν) Сидящий Эрот \rightarrow IOSPE № 488-494; Garlan 1999, 233 № 675. Θασι(..) **100**. Фан–2016, ВГ, яма 730, оп. 730-IV/15-3; Μεσ(--) **101**. Фан–2019, ВГ, кв. 123, шт. 17, оп. 123/17-IV/15-1. [--] IOSPE № 1075; Garlan 1999, 226 № 644. [Άριστείδ(ης)] | Θασ|[ι(..) Κλοφά|ν(ης)] 113. Фан–2005, ВГ, яма 226, № 15. Птица ← Garlan 1999, 230–233 № 663–665, 671, 675, 676. Φιλοκρά(της) **102**. Фан–2019, ВГ, случ. находка, оп. Случ. нах.-IV/15-3. Garlan 1999, 226 № 645. [Θάσιον | Φιλοκρά(της)] Креветка Αριστείδη(ς) | Θασ|ι(..) Λυσικλ(ῆς) Άγαΐδης Гроздь ← 114. Фан–2005, ВГ, яма 226, № 19. **103**. Фан–2003, ВГ, «бровка», № 42; Garlan 1999, 238 № 701. **104**. Фан–2013, ВГ, кв. 75, шт. 10, оп. 75/10-IV/15-4; **105**. Фан–2013. ВГ. кв. 76. шт. 11. оп. 76/11-IV/15. [Θάσιον | Φιλ]οκρά(της) Garlan 1999, 227 № 647. Креветка [--] 115. Фан–2005, ВГ, яма 226, № 21: Μεσσ(--) 116. Фан–2005, ВГ, яма 226, № 22; 117. Фан-2005, ВГ, яма 202, № 23. Θασι(..) Garlan 1999, 238 № 701. Ведро↑ Μεσ(--) Киаф 1, кувшин 1 Θάσιον | Φιλοκρά(της) Бурдюк (?) Άγαΐ(δης) Άλκεΐδη|ς **106**. Фан–2013, ВГ, кв. 72, шт. 10, оп. 72/10-IV/15; **107**. Фан–2014, ВГ, кв. 80, шт. 12, оп. 80/12-IV/15; **118**. Фан–2013, ВГ, кв. 73, шт. 11, оп. 73/11-IV/15-3; **119**. Фан–2014, ВГ, кв. 76, шт. 12, оп. 76/12-IV/15-1; **108**. Фан–2016, ВГ, кв. 83, шт. 14, оп. 83/14-IV/15-1; **109**. Фан–2019, ВГ, случ. находка, оп. Случ. нах.-IV/15-2. **120**. Фан–2015, ВГ, яма 728, оп. 728-IV/15; Garlan 1999, 229 № 656. **121**. Фан–2015, ВГ, яма 734, оп. 734-IV/15-2: **122**. Фан–2016, ВГ, яма 730, оп. 730-IV/15-1; Garlan 1999, 234. № 679. Θασι(..) [Μ]εσ(--) Πυλά(δης) [Θάσιον] | [Φι]λο[κρά(της)] Лягушка ↑ Птица → Змея ↑ Άρισταγ[ό(ρης)] **109А.** Фан-2010, ВГ, 460, пом. 3-IV/15. **123**. Фан–2013, ВГ, кв. 73, шт. 10, оп. 73/10-IV/15-2. **110**. Фан–2013, ВГ, кв. 75, шт. 10, оп. 75/10-IV/15-2; IOSPE № 1535; Garlan 1999, 234 № 680.

141. Фан–2013, ВГ, кв. 83, шт. 10, оп. 83/10-IV/15-1. Θάσιον | Φιλοκρ|ά(της) Garlan 1999, 241 № 717. Гроздь → [Θάσιον] | Δαμά[στης] Θεόδοτος [неясная эмблема] 124. Фан–2005, ВГ, яма 226, № 20; **142**. Фан–2016, ВГ, яма 760, оп. 760-IV/15-1 (на горле). **125**. Фан–2013, ВГ, кв. 70, шт. 10, оп. 70/10-IV/15-1: Garlan 1999, 238-242 № 702-719. **126**. Фан–2013, ВГ, кв. 70, шт. 11, оп. 70/11-IV/15-1; **127**. Фан–2013, ВГ, кв. 71, шт. 10, оп. 71/10-IV/15-2; Πανφάης **128**. Фан–2015, ВГ, яма 704, оп. 704-IV/15-1; **129**. Фан–2015, ВГ, яма 704, оп. 704-IV/15-2; Θάσιον | Πανφάης **130**. Фан–2015, ВГ, яма 704, оп. 704-IV/15-3; голова козы ← **131**. Фан–2015, ВГ, яма 734, оп. 734-IV/15-3; Άγαΐδης **132**. Фан–2016, ВГ, яма 730, оп. 730-IV/15-2; **133**. Фан–2016, ВГ, яма 734, оп. 734-IV/15-1; IOSPE № 1538-1539; Garlan 1999, 235 № 686. 143. Фан–2005, ВГ, яма 226, № 17; 144. Фан–2005, ВГ, кв. 40, шт. 24, оп. 202, № 18; Θάσιον | Φιλοκρά(της) **145**. Фан–2013, ВГ, кв. 73, шт. 11, оп. 73/11-IV/15-1; **146**. Фан–2013, ВГ, кв. 75, шт. 10, оп. 75/10-IV/15-3; Еж (?) **147**. Фан–2016, ВГ, кв. 111, шт. 13, оп. 111/13-IV/15-1. Πυλάδης IOSPE № 1291; Garlan 1999, 242. № 720. **134**. Фан–2013, ВГ, кв. 71, шт. 10, оп. 71/10- IV/15-1; Θάσιον | Πανφάης **135**. Фан–2019, ВГ, кв. 120, шт.15, оп. 120/15-IV/15-1; Птица ← **136**. Фан–2019, ВГ, кв. 123, шт. 15, оп. 123/15-IV/15-3. Ήρακλείδ|ης IOSPE № 1560-1561 (Б. Н. Граков полагал, что эмблема – «поножь»); Garlan 1999, 237 № 698. **148**. Фан–2013, ВГ, кв. 75, шт. 10, оп. 75/10-IV/15 (горло с од-Группа F2 ной ручкой). Garlan 1999, 243 № 725. Δαμάστης 2 [Θάσιον] | Πανφάης Άρισταγόρ|ης Канфар ← → нотиаТ Πυλάδης Θά|σιος Δαμάστη|ς **149**. Фан–2013, ВГ, кв. 71, шт. 11, оп. 71/11-IV/15-3; **137**. Фан–2013, ВГ, 79, шт. 10, оп. 73/10-IV/15-1; **150**. Фан–2013, ВГ, кв. 73, шт. 11, оп. 73/11-IV/15. **138**. Фан–2013. ВГ. кв. 79. шт. 10. оп. 79/10-IV/15: Garlan 1999, 244 № 732. **139**. Фан–2013, ВГ, кв. 75, шт. 11, оп. 75/11-IV/15-1; **140**. Фан–2015, ВГ, яма 734, оп. 734-IV/15-2; Νύμφων IOSPE № 937-939: Garlan 1999, 239 № 703. Νύμφων Θάσ|[ιον | Άγα|ΐδης Θάσιον | Δαμάστης Птица ↑, цветок ↑ Цикада ← Πυλάδης 151. Фан–2003, ВГ, яма 162, № 50. Garlan1999, 245 № 735.

Группа G2 [Νύμ]φων | [Θάσ]|ιον Μέγ[ω|ν] Пилос Хищное животное, лист плюща ← [Θασίων] Пилос ← 152. Фан–2003, ВГ, кв. 34, шт. 20, № 51. Пчела ← IOSPE № 1232-1233; Garlan1999, 248 № 748. [Βίων] ГА **158**. Фан–2004, ВГ, кв. 32, шт. 23, оп. 21. Θασ[ίων] Garlan 1999, 270 № 854. $\Gamma A \rightarrow$, птица \leftarrow Τηλεφάνης 1 Μέγων[ο|ς] **153**. Фан–2004, ВГ, кв. 22, шт. 21, оп. 82. Τηλεφάν|ης Garlan 1999, 252 № 768. Фимиатерий → Τιμ[ησίθεο(ς)] [Θα]σίων $[\Gamma A \rightarrow]$, голова барана \rightarrow [Παυσ]ανίη(ς) **159**. Фан–2014, ВГ, кв. 82, шт. 12, оп. 82/12-IV/15. **154**. Фан–2013, ВГ, кв. 86, шт. 10, оп. 86/10-IV/15. Garlan 1999, 285 № 931. IOSPE № 2687; Garlan 1999, 252 № 771. «Поздняя группа» Αρχέστρα(τος) Группа І [Ά]ρχέσ(τρατος) | [Σκύμνος] [Θα]σί[ων] Плуг ← Е (ретроградно) [Θασί]ων [Κλεῖ]τος 160. Фан–2003, ВГ, яма 162, № 67. IOSPE № 2359-2362. **155**. Фан–2019, ВГ, кв. 123, шт. 18, оп. 123/18-IV/15-3. Garlan 1999, 256 № 789. Θασίων K Группа G1 Κλεῖτ[ος] **161**. (K – ретроградно). Λαγέτας Фан–2014, ВГ, кв. 70, шт. 12, оп. 70/12-IV/15-1. IOSPE № 2398-2405; Avram 1996, 110 № 204. Δημάλκης Весло ← Κλεῖτος Λαγέτας Θασ[ι(..)] [Θ]ασίων (ретроградно) 156. Фан–2002, ВГ, кв. 14, шт. 16, № 45. 162. Фан–2003, ВГ, кв. 38, шт. 20, № 68; Garlan 1999, 258 № 795. 163. Фан–2003, ВГ, кв. 32, шт. 19, № 69. IOSPE № 2398-2405 (прямой штамп); Tzochev 2016, 111 [Λ]αγέτας № 58 (Σ ретроградно). Неясная эмблема [Θασίω]ν 157. Фан–2004, ВГ, кв. 24, шт. 23, оп. 50. [.]Garlan 1999, 257–261 № 793–811. Κλεῖτος

164. Фан–2013, ВГ, кв. 75, шт. 11, оп. 75/11-IV/15-1. Tzochev 2016, 111 № 55–58.

Группа IV

Θάσων Ι

[Θάσω]ν

Собака →

[Θα]σίων

165. Фан–2013, ВГ, кв. 103, шт. 11, оп. 103/11-IV/15. IOSPE № 2207–2208; Bon 1957, 224 № 781.

—

Θασίω[ν]

Угорь →

[Θάσων]

166. Фан–2019, ВГ, кв. 62, шт. 21, оп. 62/21-IV/15-1. IOSPE № 2229–2231; Bon 1957, 223 № 779.

Группа V

Παμφάης

[Θ]ασίω[ν]

Воин с копьем и щитом ←

Παμφά[ης]

167. Фан–2015, ВГ, яма 720, оп. 720-IV/15-1. IOSPE № 2665.

Анэпиграфные клейма¹⁰⁰

Лист плюща.

168. Фан–2003, ВГ, кв. 19, шт. 19, № 23.

IOSPE № 3897-3899; Garlan 1999, 98, 99 № 13.

Птица.

169. Фан–2013, BΓ, кв. 57, шт. 18, оп. 57/18–IV/15. IOSPE № 3807–3811: Garlan 1999. 99. 100 № 24.

Голова быка ←.

170. Фан–2004, BГ, кв. 27, шт. 21, оп. 117;

171. Фан–2019, ВГ, яма 856, оп. 856–V/15-1. IOSPE № 3794; Garlan 1999, 100, 101 № 35.

Букраний.

172. Фан–2014, ВГ, яма 692. Garlan 1999, 100, 101 № 38.

Горгонейон.

173. Фан–2004, ВГ, кв. 38, шт. 21. IOSPE № 3727–3729; Garlan 1999, 102, 103 № 42.

Кратер.

174. Фан–2003, ВГ, кв. 28, шт. 16, № 25;

175. Фан-2004, ВГ, «под храмом» ¹⁰¹, оп. 103;

176. Фан-2014, ВГ, кв. 86, шт. 13, оп. 86/13–IV/15;

177. Фан-2014, ВГ, кв. 48, шт. 19, оп. 48/19–IV/15;

178.Фан-2014, ВГ, объект 815, оп. 815–IV/15-1. IOSPE № 3869, 3870; Garlan 1999, 102, 103 № 54.

Кратер-оксибаф.

179. Фан–2003, ВГ, кв. 15, шт. 18, № 24. IOSPE № 3861–3867.

¹⁰⁰ Анэпиграфные оттиски, традиционно не вполне удачно называемые «протоклеймами», первоначально рассматривались как штампы, использовавшиеся до начала регулярного фасосского клеймения. Только часть из них была засвидетельствована на Фасосе (среди них – *Кат*. 168–171, 173–178), но ни один из них, как кажется, не был найден при раскопках керамических мастерских. Фасосское происхождение остальных основывали на сходстве глиняного теста и морфологии сосудов, так что Ив. Гарлан, хотя и поместил их в первой части своего каталога (Garlan 1999), высказывал сомнения в едином происхождении этой группы клейм (Garlan 1993, 152–155; Garlan 1999, 58–59; Tzochev 2016, 14, 212–213; Dupont 2019, 38, 39, fig. 10, note 17).

¹⁰¹ Объект 123.

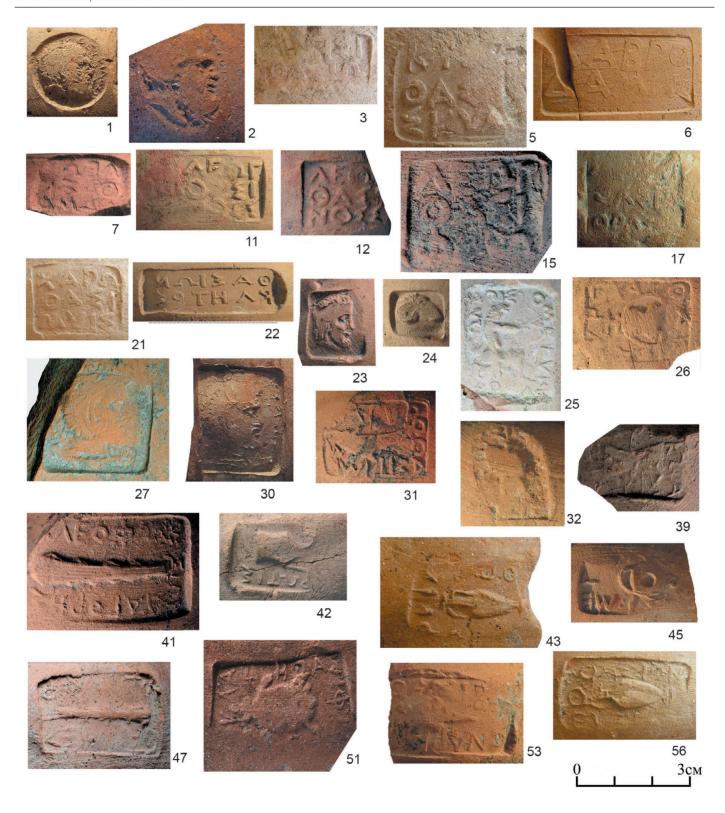


Рис. 2. Фасосские клейма групп A–F1 (по: Garlan 1999)

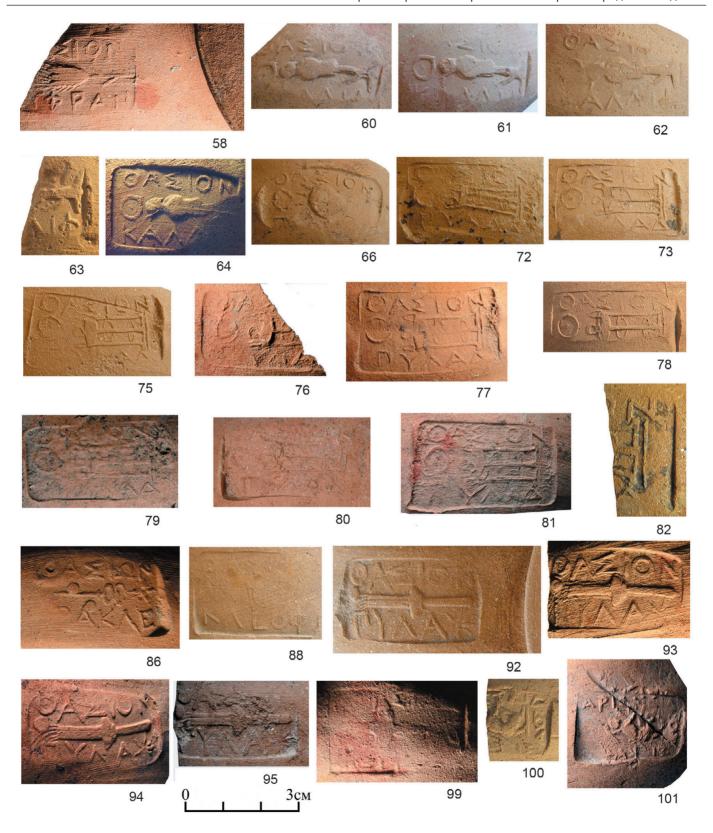


Рис. 3. Фасосские клейма группы F1 (по: Garlan 1999)



Рис. 4. Фасосские клейма групп F1, F2, G1, G2 (по: Garlan 1999); групп I, IV, V (по: Garlan 2004–2005)



Рис. 5. Фасосские анэпиграфные клейма (по: Garlan 1999)

ИНДЕКСЫ

1. Эпонимы Βίων 158. Aρι(στ--) 33, 34, 37 Aρισ(τ--) 39; Aριστ(--) 32, 35, 36, 38, 40. Βιτίων 32. Άριστείδ(ης) **97–102**; Άριστείδη(ς) **103–105**. $\Delta \alpha \mu \dot{\alpha} (\sigma \tau \eta \varsigma) 3, 7, 18-20, \ \Delta \alpha \mu \dot{\alpha} \sigma (\tau \eta \varsigma) 6; \ \Delta \alpha \mu \dot{\alpha} \sigma \tau \eta (\varsigma) 33, 34.$ Άριστομέ(νης) 25. Δημάλκης 156. Άρχέσ(τρατος) 155. Εὐαγ(όρης) 35, 36; Εὐαγό(ρης) 55, 56; Εὐαγόρης 27, 41. Βάτων 52, 53. Εὐρυά(ναξ) 25; Εὐρυάνα(ξ) 49. Γλαύ(κων) 26. Εὐφράν(ωρ) 57, 58. Δαμάστης 2 137-142. Ήρακλείδης 148. Δεινο(--) 43. Ήράκλε(ιτος) 86. Ήροφῶν 1 27-30. Ήροφῶς 37. Θάσων 1 165, 166. Θεόδοτος 124-133. Κλεῖτος 160-164. Θεόφιλ(ος) 38; Θεόφιλος 1. Κλεοφῶν 41, 42. Θρασωνί(δης) 17, 45 Κτῆσι(ς) 3–5. Καλλι(φῶν) **87, 100, 101**; Καλλιφ(ῶν) **59–64**. Λάβρο(ς) **6**. Κίρων 4, 8, 9. Λαγέτας 156, 157. Κλεοφ(άνης) 88. Λεωγ(--) 7-16. Κλῆτος (фабр. ? вне эпонимных серий) 22. Λεωνι(--) 17. Κλοφάν(ης) 102. Μέγων 2: Μέ(γων) 46, 47; Μέγ(ων) 44, 45, 48. Λεώφαντο(ς) 46, 47. Μεσ(--) **106–113**. Λυσικλ(ῆς) **103–105**. Μνημέ(ας) 18, 19. Μέγων 152; Μέγωνος 153. Νύμφων 151-152. Μέλιν(ος) 89. Παμφάης 167. Μυΐσ(κος) **21**. Πανφάης 143-150. Νικόστρ(ατος) 65. Τηλεφάνης 1 159. Νοσσ(ίκας) 10-12. Τιμησι(--) 31. Παυσαν(ίης) **66**; Παυσανίη(ς) **154**. Φανοκ(--) 49-51. Ποσίδ(ειος) 39. Πρῶτις 40, 42. Φιλοκρά(της) 114-136. Χαρω(--) 20, 21. Πυλά(δης) 90–95; Πυλάδ(ης) 67–82, 110–112; Πυλάδη(ς)2. Фабриканты **50, 51**; Πυλάδης **134–136, 141, 149, 150**. Αγαΐ(δης) 106–109; Αγαΐδ(ης) 143–147; Αγαΐδης 114, 151. Σάτυρ(ος) 26; Σάτυρο(ς) 31. Άλκεΐδης **118–122**. Σκύμ(νος) 5; Σκύμνος 155. Άριστ(αγόρης) Τιμησίθεο(ς) 159. **85**; Άριστα(γόρης) 97-99: Άρισταγό(ρης) 44, 123; Άρισταγόρης 137–140. Φείδιπο(ς) 43.

Φιλω(νίδης) 13-15. Χαιριμ(ένης) 83.

3. Эмблемы эпонимов

Звезда 85-96. Лепешка 87(?)-95.

Монограмма ГА **153**. **154**.

Пилос 158. Фиала 54-84.

4. Эмблемы фабрикантов

E **160**. K 161.

 Σ 162, 163.

Амфора 43, 44. Букраний 85.

Булава (?) 87.

Бурдюк (?) 118-122.

Ведро 106-109.

Весло 65, 156.

Воин с копьем и щитом 167. Геракл натягивающий лук 25.

Голова животного: барана 154: козы 143-147.

Голова божества: Гелиоса 66; Геракла 29, голова Геракла

и палица 27, 28, 30; сатира 1, 2. Гроздь **52**, **53**, **103–105**, **124–133**.

Дельфин 31. Еж (?) 134-136. Змея 109А-112.

Кадуцей 86.

Канфар 26, 149, 150.

Каракатица 40.

Киаф 106-109.

Колос 57, 58.

Креветка 114–117.

Кувшин 106-109.

Кузнечик 35, 36.

Лабрис 39.

Лист плюща 152.

Лягушка **109A-112**.

Наконечник копья 83.

Ойнохоя 49, 55, 56.

Палица 41, 46, 47.

Плуг 155.

Пчела 158.

Птица 102, 123, 148, 151, 153.

Раковина 88. Светильник 45.

Сидящий Эрот 100, 101.

Собака 165. Сова 32.

Сосуд с 2-мя ручками 42.

Треножник 67-82. Тритон 137-140. Трофей 59-64. Угорь 166.

Факел 90-95, 97-99. Фимиатерий 54, 159. Хишное животное 152.

Цветок 151. Цикада **141**.

Черепаха 37, 50, 51.

Шлем 38.

Ящерица (?) 33, 34.

5. Эмблемы дополнительных

и анэпиграфных клейм

Букраний 172. Голова барана 24. Голова быка 170, 171. Голова Геракла 23. Горгонейон 173. Лист плюща 168. Кратер 174-178.

Кратер-оксибаф 179.

Птица 169.

Н.В. Завойкина

ГРАФФИТИ ПЕРВЫХ ВЕКОВ Н. Э. ИЗ ФАНАГОРИИ*

Аннотация. В статье публикуется 8 граффити первых веков из раскопок «Верхнего города» в Фанагории. Граффито № 1 (первая половина 3 в. н.э.) представляет собой финансовую запись, выраженную в денариях, с упоминанием владельца этой суммы по имени Π о $\lambda \nu$ к $\rho \dot{\eta} \tau \bar{\alpha} \varsigma$ (resp. Πολυκράτης). Имя в такой огласовке встречается впервые, Граффито № 2 сообщает, что некто по имени Гермес располагает суммой 60 драхм или (что нельзя исключать из-за фрагментарной сохранности) одной драхмой и 3 оболами. Граффито № 3 содержит антропоним "Αννα, имя владелицы тарелки. Граффито № 4 – аббревиация МҮР, вырезанная до обжига сосуда. По-видимому, это маркировка содержимого в глиняном флаконе (возможно, мирра или мирросодержащая мазь). Граффито № 5 представлено тремя разными частными записями на штукатурной облицовке, скорее всего, колонны. Они относятся к 1 в. Здесь впервые в Фанагории фиксируется женское имя $X\alpha\rho\dot{\alpha}$ и знак-тамга царя Аспурга. Граффито № 6 состоит из слова $vo\sigma\eta\rho \acute{o}\varsigma$, вырезанного до обжига на нижней части фимиатерия боспорского производства. Предположительно это слово указывает на использование фимиатерия во врачебной практике в 1-2 вв.н.э. Граффито № 7 (1 в.н.э.), процарапанное на фанагорийской керамиде. предлагается рассматривать как запись количества изготовленной продукции (ἐκβάσεις) и ее стоимости. Граффито № 8 представляет сокращение ФА и, возможно, является маркировкой вина фанагорийского производства в 3 в.н.э. Эти граффити пополнили антропонимию города новыми именами (муж. Άρατος, Πολυκρήτας, жен. Άννα, Χαρά); зафиксировали употребление теонима Έρμῆς в качестве личного имени в Фанагории в 1 в., ранее оно было отмечено в 4 в. Они предоставили примеры употребления слов νεσηρός и ἐκβάσεις в новых для словаря боспорской лексики значениях. Впервые отмечен знак-тамга царя Аспурга в граффити из Фанагории. Широкое употребление этой тамги на бытовых предметах связывают с владельческими знаками представителей аспургиан, военных сторонников царя Аспурга и не-греков по происхождению. Особо следует выделить эпиграфическое подтверждение хождения драхмы в денежном обращении Фанагории в 1 в., времени когда Боспорское царство уже не выпускало монет подобного номинала

Ключевые слова. Римский период, эпиграфика, граффити, Боспорское царство, Фанагория.

N. V. Zavoykina GRAFITTI OF THE FIRST CENTURIES A. D. FROM PHANAGORIA

Abstract. This article is the publication of eight graffiti of the first centuries A.D. from the 'Upper City' excavation site at Phanagoria, Graffito No. 1 (first half of the 3rd century) is a financial record in denarii, mentioning the owner of the money Πολυκρήτας (resp. Πολυκράτης). The name in this form occurs for the first time. Graffito No. 2 mentions one Hermes who owned the sum of 60 drachms or (which can not be excluded because of the fragmentary state of the inscription) of one drachm and three obols, Graffito No. 3 contains anthroponym "Aγγα, the name of the woman to whom the plate belonged. It is the first time the name occurs in Phanagorian epigraphy. Graffito No. 4 – abbreviation MYP, cut before kilning the vessel. It may have marked the contents of the clay flask (myrrh or myrrh-based liniment), Graffito No. 5 – three different private records on plaster facing of a column (?). These can be dated to the 1st century A.D. Here for the first time we meet female name $X\alpha\rho\dot{\alpha}$ and the sign (tamga) of king Aspurgus. Graffito No. 6 consists of the word νοσηρός cut before kilning in the lower part of a thymiaterion of Bosphoran manufacture. It possibly indicates that the vessel was used in medical practice in the 1st-2nd centuries A.D. Graffito No. 7 (1st century A.D.) scratched upon a Phanagorian ceramis is probably a record of the number of produced items (ἐκβάσεις) and their price. Graffito No. 8, abbreviation ΦA, possibly marks some wine produced in Phanagoria in the 3rd century.

Key-words. Roman period, first centuries A.D., epigraphy, graffiti, Bosporos, Phanagoria.

^{*} Исследование выполнено в рамках НИР ИА РАН по теме «Археологические культуры евразийских степей и античный мир – контакты и взаимовлияния» (АААА-А18-118011790093-2).

Одна из исторических особенностей культурного слоя, выявленная в ходе археологических исследовании «Верхнего города» Фанагории, – отсутствие строительных остатков первых веков н. э. По неясным пока причинам жизнедеятельность в 1—4 в. на исследуемой территории (северо-восточная часть акрополя) представлена, главным образом, многочисленными мусорными ямами, помимо которых был открыт винодельческий комплекс позднеантичного времени. Среди находок в этих объектах много керамического материала, на части которого сохранились надписи или граффити из 1—3 букв, рисуночные граффити. В своей массе аббревиации являются коммерческими маркировками, касающимися содержимого амфор, их мерными и весовыми характеристиками. На столовой керамике, в основном это краснолаковая посуда, встречаются метки торговцев, в частности указания на цену или имена владельцев.

В целом о жизни Фанагории первых веков известно немного. Античные авторы не оставили каких-либо свидетельств об этом периоде в истории города. Установлено, что Фанагория представляла собой полисную структуру¹, обладала развитыми внутренними и внешними торгово-экономическими связями. Археологические материалы это времени выявленные, главным образом, раскопками В. Д. Блаватского, М. М. Кобылиной, отчасти В. С. Долгорукова², систематически не анализировались. Строительные остатки первых веков – в том числе крупных зданий, винодельческих комплексов³, ремесленных кварталов – были открыты в центральной (холм Г), юго-восточной (район «Керамик») и западной (раскопы «Город А» и «Береговой») частях городища. О составе населения этого времени, его культуре и, отчасти, религиозных представлениях в той или иной мере позволяют судить результаты исследований некрополей Фанагории.⁴ Не вызывает сомнений, что город был крупнейшим урбанистическим центром азиатской части Боспорского государства, в котором проживало значительное количество людей. Однако по письменным источникам известно пока лишь порядка 110 имен жителей города, и предположительно определен их социальный статус. О частной, бытовой стороне жизни фанагорийцев в первые века мало что известно. Очевидный дефицит письменных источников заставляет с особым вниманием отнестись к найденным граффити того времени.

1. Стенка красноглиняной амфоры была найдена при исследовании раскопа «Верхний город» в 2011 г. в хозяйственной яме 2–3 вв. (рис. 1. 1). Длина – 5,5 см, высота макс. – 7,5 см, толщина – 1,7 см. Сохранилось три строки. Высота букв – 0,3-0,5 см. Надпись процарапана небрежно тонкими курсивными буквами. Они разновеликие, но расположены почти на одинаковом расстоянии друг от друга. Из особенностей шрифта отмечу следующее: курсивная альфа с выходящей вверх левой наклонной линией; курсивная дзета изображена в виде изогнутой по вертикали линии; у лямбды правая боковая гаста в верху заметно длиннее левой стороны; *ню* вырезано аккуратно без наклона; *омикрон* – овальной формы и почти одинакового размера с остальными буквами; пи процарапана с закругленной с левой стороны верхней перекладиной и двумя одинаковыми вертикальными гастами; у ро верхний сегмент имеет почти треугольную форму; ипсилон процарапан с короткой верхней гастой с правой стороны. Аналогии формам букв фанагорийского граффито встречаются в боспорских надписях первой четверти 3 в., выполненных курсивным шрифтом красной краской (CIRB 97, 98, 99)⁶, в дипинти на светлоглиняных узкогорлых амфорах типа D первой половины 3 в. н. э.⁷ Они позволяют датировать граффито этим временем.

¹ Завойкина 2013а,

² Кобылина 1956, 56–85, 88–93; Долгоруков 1984, 79–80.

³ В монографии Н.И. Винокурова о виноделии в античных государствах Северного Причерноморья учтено в Фанагории 9 композитных виноделен первых веков (Винокуров 2007, 428). К настоящему времени исследована еще одна на территории «Верхнего города» (исследовалась в 2006 и 2011–2013 гг.).

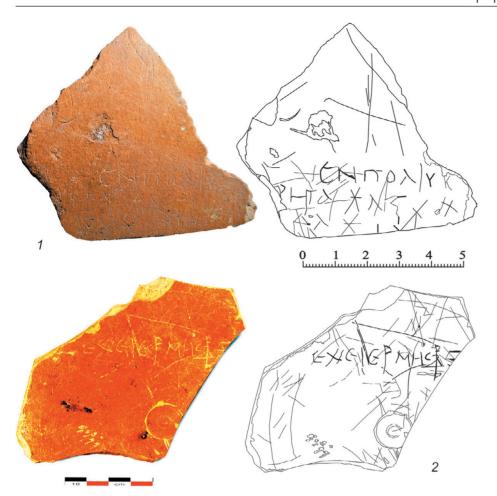
⁴ Кобылина 1956, 78–80, 85–87; Ворошилов, Ворошилова 2015, 29–76; Ворошилова 2018, 56–76.

⁵ Завойкина 20136, 304–308; 2020, 61–70; Ворошилова, Завойкина 2016, 28–32.

⁶ CIRB-Album № 97, 99; описание и рисунок CIRB 98 см.: Латышев 1904, 32, № 24.

⁷ Бёттгер, Шелов 1998, 30, табл. 29–79. В таблицах содержатся рисунки дипинти с многочисленными аналогиями.

Рис. 1. Граффити № 1 и № 2



Граффито: vac. ЕNПОЛҮК | PHTA vac. XЛZ | vac. A vac. X

В начале стк. 1 сохранились полуовал и ню. Принимать полуовал за недописанный омикрон нет оснований, поскольку полный омикрон сохранился в стк. 2 и он дает представлением об авторской форме этой буквы. Полагаем, что полуовал, учитывая общую небрежность начертания букв в надписи (ср. недописанную левую гасту эты в стк. 2), представляет недописанный курсивный эпсилон. Итак, в начале стк. 1 предполагаем чтение EN. В левой части стк. 1 перед EN поверхность черепка повреждена царапинами, но следов других букв здесь не видно. Далее в стк. 1-2 сохранились буквы ПОЛҮК | РНТА. Они могут пониматься как gen. sing. Πολυκρήτα или dat. sing. Πολυκρήτ α^8 от имени Πολυκρήτ $\bar{\alpha}$ ς (resp. Πολυκράτης). Наличие альфы в gen. sing. Πολυκρήτα следует связывать с тем, что в первые века в боспорских надписях получает распространение генетивная форма мужских имен на $-\bar{\alpha}$, имеющих в nom. sing. окончание $-\bar{\alpha}\varsigma$. Изменение огласовки в окончании имени Π о λ υκράτης > Π ο λ υκρήτ $\bar{\alpha}$ ς 10 , вероятно, привело в его произношении к замене альфы в предшествующем слоге (-кратту) на эту (-κρητας). Следует отметить, что в боспорских надписях в именах собственных фиксируется колебание между $\bar{\alpha}$ и η . 11 В боспорской ономастике имя По $\lambda \nu \kappa \rho \acute{\alpha} \tau \eta \varsigma$ не известно¹², но оно неоднократно встречено в городах Македонии, Фракии, в Каллатисе, Ольвии Понтийской и Херсонесе Таврическом. 13 Его позднеантичный

⁸ Предполагается пропуск *йоты* subscriptum в дифтонге $\bar{\alpha}\iota$. Исчезновение подписной *йоты* в дифтонгах $\bar{\alpha}\iota$, $\epsilon\iota$, $\epsilon\iota$, $\epsilon\iota$ в дифтоное для боспорских надписей первых веков (Доватур 1965, 805, I. A. § 13. 1 сл.

 $^{^9}$ Πατέρα (CIRB 1198), Φιλώτα (CIRB 1140), Ήρακλείδα (CIRB 36 $\rm G_{25}$) и пр. Это явление отмечается в боспорских надписях с 4 в. до н.э. (CIRB 201, 249, 744). Подробнее см. Доватур 1965, 814, II. A, \S 6.2.

¹⁰ Это не единственный пример изменения огласовки в окончании личных имен в боспорской ономастике первых веков. Ср., например: $\text{Ер}\mu\tilde{\alpha}_{\varsigma}$ (CIRB 73, 790) и $\text{Ер}\mu\tilde{\eta}_{\varsigma}$ (CIRB 619, 778, 988, 1147, 1280 $_{27}$, 1282 $_{27}$ и пр.).

¹¹ Доватур 1965, 799, І. А, § 1.6.

 $^{^{12}}$ Известно родственное имя По λ о́крітоς (CIRB 912, 2 в. н.э.).

¹³ LGPN IV, 284, s.v.

¹⁴ Нельзя исключать, что в граффито зафиксирована просторечная форма имени Поликрат.

вариант Πολυκρήτας из Фанагории встречено впервые. Таким образом, можем предполагать чтение в начале надписи «ἐν Πολυκρήτα» или «ἐν Πολυκρήτα».

Отступление от грамматических норм, путаница в употребление падежей – явления вполне обычные для боспорских (и не только) надписей и граффити 2–3 вв. н. э. Из двух предполагаемых падежных форм имени Поликрета после предлога $\dot{\epsilon}v$ ($\dot{\epsilon}v$ cum dat. sing. или $\dot{\epsilon}v$ cum gen. sing.) отдаем предпочтение генетивной. Употребление предлога $\dot{\epsilon}v$ с генетивной формой личного имени подразумевает эллипс какого-то слова, обозначающего местонахождение Поликрета ($\dot{\sigma}i\kappa\omega\iota$, $\dot{\sigma}ik\omega\iota$): $\dot{\epsilon}v$ $\dot{\sigma}ik\omega\iota$ 0 р $\dot{\tau}ik\omega\iota$ 0 в доме Поликрета (т.е. «у Поликрета»). Грамматическая конструкция « $\dot{\epsilon}v$ cum gen. sing.» предоставляет ясное по смыслу понимание начала надписи и поддерживается рядом аналогий.

В конце стк. 2 вычитываются три знака $\mathbb{X}\Lambda Z$. Первый знак в виде буквы xu с горизонтальной чертой в центре обозначает денарий. ¹⁷ Денарии в качестве медной монеты крупного номинала начинают выпускаться царем Савроматом II со 186 г. и продолжают чеканиться вплоть до конца правления Рескупорида III (242/3–276/7 гг.). ¹⁸ Следующие за ним буквы ΛZ предположительно интерпретируем как цифру 36 в алфавитной системе счета. Итак, стк. 1–2 понимаем следующим образом: vac. $\dot{e}v$ По λv | $\rho \dot{\eta} \tau \alpha X \Lambda Z$, – в доме Поликрита 36 денариев.

В 3-й стк. слабо видны *лямбда* и, после небольшого отступа, знак денария (ср. знак в стк. 2). Перед Λ не видно каких-либо букв, здесь поверхность остракона испещрена мелкими царапинами, имеются также неровности на поверхности черепка. Трактуем запись в стк. 3 так: vac. Λ vac. X, - 30 денариев. Очевидно, что запись «30 денариев» не связана по смыслу с содержанием стк. 1–2. Это заставляет, в свою очередь, предполагать, что стк. 3 была вырезана позднее первых двух и, возможно, фиксирует выдачу Поликретом 30 денариев вместо 36.

В итоге приходим к следующему чтению и переводу граффито: vac. ἐν Πολυκ $|^2$ ρήτα vac. $X\Lambda Z$ $|^3$ vac. Λ vac. X, – в доме Поликрета 36 денариев |vac. 30 денариев

2. Фрагмент центральной части краснолаковой тарелки с граффито (рис. 1. 2). Он был найден при исследовании «Верхнего города» в 2015 г. в хозяйственной яме 2–3 в. н. э. Тарелка относится к типу Восточная сигиллата В, середина – третья четверть 1 в. н. э. ¹⁹ На внутренней стороне остракона сохранилось граффито. Высота букв: 0,8–1,2 (po). Буквы ΔP процарапаны в лигатуре, в которой обращает на себя внимание форма po: буква изображена на очень длинной ножке, сильно выступающей за край горизонтальной гасты дельты. После лигатуры видны края трех горизонтальных линий, расположенных одна над другой.

Граффито: ΕΧΕΙΕΡΜΗΣΔΡ≡

Надпись:

1-й вариант: ἔχει Ἑρμῆς ΔΡ Ξ, – Гермес имеет 60 драхм.

2-й вариант: ἔχει Ἑρμῆς ΔΡ | | |, – Гермес имеет драхму, три обола.

Έρμῆς может пониматься как имя божества. Культ Гермеса засвидетельствован в Фанагории, по крайней мере, с первой половины 4 в. до н. э. 20 С другой стороны, теоним Έρμῆς использовался в первые века в качестве личного имени. В частности, оно засвидетельствовано в клейме фабриканта на краснолаковой тарелке из Коринфа 40–60 гг. н. э. 21 Это имя неоднократно встречено в боспорских надписях (CIRB 73, 790, 988 и др.). Анализ употребления ЛИ $\rm E \rho \mu \tilde{\eta} \varsigma$

 $^{^{15}}$ Боспорские эпитафии предоставляют примеры употребление $\dot{\epsilon}v$ cum dat. sing., указывающих на нахождение умерших в Аиде, $\dot{\epsilon}v$ $\dot{\Lambda}$ iõ $_{1}$ (CIRB $125_{_{8}}$, $128_{_{8}}$, $130_{_{17}}$, 133, 118 ($\dot{\epsilon}\gamma$), 139, 180 ($\dot{\epsilon}\mu$)).

 $^{^{16}}$ Например, см.: ...εἰν Ἀΐδαυ – в доме Аида (Hom. II. 22.389); ἐν Άλκινόοιο – в доме Алкиноя (Od.7.132); ἐμ Πανδίονος (IG II².1138 $_{8}$), ἐν Δημοτιωνιδῶν (IG II². 841 $_{91}$) и пр.

¹⁷ Знаки денария, схожие с изображением на фанагорийском граффито, встречаются на боспорских медных монетах с 186 г. (Анохин 1986, табл. 28, № 605, 605а, 614, 615); в граффити: Сапрыкин, Масленников 2007, № 127, 1140; Емец 2012, 233 № 908, 237, № 922. Последний автор трактует знаки денария на посуде, принадлежавшей обитателям крепостей Азиатского Боспора, как шестилучевую звезду или пентаграмму (ср. изображения пентаграмм: Яйленко 2005, 466–467, № 1, 468, № 4; Завойкина 2019, 121–127).

¹⁸ Анохин 1986, 114, 167, № 645–651, 168, № 661–662, 169, № 668, 669–681, № 682–171, № 721. С правления Полемона I на Боспоре выпуск медных монет основывался на унициарной (римской) весовой системе (Анохин 1986, 83–86). Она сохранялась до конца 3 в. н.э.

¹⁹ Журавлев 2010, 26–27.

²⁰ Завойкина 2019а, 264–265, № 7.

²¹ Журавлев 2010, 24.

в отмеченных надписях позволил высказать гипотезу: носители этого имени в Пантикапее и Фанагории не обладали статусом свободных и были, по всей видимости, отпущенниками.²² Археологический контекст находки граффито не дает возможности уверенно выбрать один из предложенных вариантов прочтения. Хотя отсутствие каких-либо архитектурных и строительных фрагментов зданий. сакральных находок, сопутствующих находке граффито, склоняет к тому, чтобы считать Έρμῆς личным именем. Этому теониму предшествует гл. ἔχει, 3 sing. present act. indicat. от $\xi \gamma \omega$, который согласуется с именем «Гермес» в лице, числе и падеже. Следовательно, начало граффито переводится как «имеет Гермес...». Далее процарапаны в лигатуре буквы ΔP . Подобного рода сокращения известны в качестве личных монограмм на амфорах с афинской агоры²³, или как монограммы имен чиновников Митридата Евпатора на анонимных оболах Боспора.²⁴ В то же время, буквосочетание ΔP использовалось в надписях для сокращения слова $\delta \rho \alpha \chi \mu \alpha i^{.25}$ В этом качестве лигатура ΔP , аналогичная рассматриваемой, встречена в надписи из Аттики и строительной надписи с Фасоса 2 в. н. э.²⁶ Среди боспорских граффити лигатура ΔP известна на стенке синопской амфоры второй половины 3 – 2 вв. до н. э. из поселения «Крутой берег» в Восточном Крыму, но ее значение неясно.27

Итак, из приведенного перечня значений аббревиации ΔP адекватную интерпретацию граффито получает, если принять ΔP за сокращение слова δρ(αχμαί), драхмы. Монетная система Боспорского государства 1 в. н. э. базировалась, уже более столетия, на чеканке золота и меди.²⁸ Однако в середине – третьей четверти 1 в. н. э. (датировка граффито) в денежном обороте Фанагории могли циркулировать и серебряные драхмы, выпущенные в раннее время.²⁹ М.Г. Абрамзон и Н.А. Фролова отмечают: «Клады римского времени неоднократно подтверждают, что древние монеты (как боспорские, так и иностранные) принимали участие в денежном обороте Боспора в течении длительного времени», временной разрыв мог доходить до 400 лет. 30 В частности, это могли быть драхмы Пантикапея 2 в. до н. э. 31 или понтийского царя Полемона I конца 1 в. до н. э.³² Нельзя исключать и провинциальное серебро полисов Малой Азии. 33 После лигатуры ΔP видны левые края трех горизонтальных линий. Они могут принадлежать букве кси, которой обозначалась цифра 60 в алфавитной системе счета. Как правило, в греческих надписях буква, обозначающая количество денежных средств, располагалась непосредственно после денежных знаков или лигатур. ³⁴ Таким образом, вероятна запись $\Delta P \Xi = 60$ др(ахм). Следовательно, надпись может читаться как $\xi \chi \epsilon \iota E \rho \mu \eta \varsigma \Delta P \Xi$, – «Гермес имеет 60 драхм». В тоже время, учитывая фрагментарность последнего изображения в граффито, нельзя исключать чтение $\Delta P \mid \cdot \mid \cdot \mid = др(axma)$, три обола. Известно, что горизонтальные линии в граффити, даже если они расположены одна над другой, могут передавать количество оболов. Таким образом, предполагаем и 2-й вариант чтения: ἔχει Ἑρμῆς ΔΡ | | | |, – имеет Гермес драхму, три обола.

3. Краснолаковая фрагментированная тарелка с профилированным бортиком, Понтийская сигиллата B, середина – третья четверть 2 в. н. э. ³⁵ Происходит из раскопок «Верхнего города» в 1977 г. Длина фрагмента – 11,2 см, высота – 10,1 см, диаметр поддона – 8,3 см. На внешней стороне поддона процарапано граффито (рис. 2. 3). Высота букв – 2,3 см.

Граффито: ANNA. Надпись: Άννα – Анна. Крым) (Зограф 1941, 156 сл).

²² Завойкина 2013, 261–262, № 51.

²³ Lang 1976, F 241.

²⁴ Абрамзон, Фролова и др. 2006, 42, табл. 2, № 13 (верхний знак), № 24.

 $^{^{25}}$ IG II 2 1368_{80,82}, 2776 passim; Lang 1976, 92, 1.30

 $^{^{26}}$ IG II 2 2776; IG 12, 8 $391_{\rm 3};$ Tod 1960, 21, fig. 1a.

²⁷ Сапрыкин, Масленников 2007, 142, № 732. ²⁸ Зограф 1951, 192.

²⁹ О хождении монет раннего периода выпуска в позднее время свидетельствуют, в частности, клады 4–1 вв. до н.э. с хоры Фанагории: с поселения Соленый 3, античной усадьбы 2013–11 (Абрамзон, Кузнецов 2015, 60–63, 94–96); клад 4 в. до н.э. – 4 в.н. э. из святилища у сел. Верхняя Аутка (Ялта,

³⁰ Абрамзон, Фролова 2007–2008, 1, 44–45

³¹ Там же, 2. 110–116.

³² Известны, например, в монетном кладе 1870 г. с Фонталовского п-ова (Абрамзон, Фролова 2007–2008, 1, 291–294).

³³ Впрочем, их находки довольно редки на Боспоре в 1 в. н.э.

³⁴ Tod 1960, 21–22.

³⁵ Журавлев 2010, 67, форма 3.

Рис. 2. Граффити № 3 и № 4



Надпись содержит имя владелицы тарелки в nom. sing. Это имя встречено в антропонимии Боспора (Пантикапей в 4 в. до н. э.) в форме "Avvn. 36 Форма Άννα характерна для первых веков и известна в разных регионах античного мира.³⁷ В Фанагории имя отмечается впервые.

4. Нижняя часть тулова плоскодонного миниатюрного кувшина (флакона?) (рис. 2. 4, 4a). Найдена в ходе исследования «Верхнего города» в 2011 г. Глина фрагмента оранжево-красная с небольшими включениями, вероятно, местная. фанагорийская. Сосуд происходит из верхнего перемешанного слоя, поэтому археологический контекст находки не имеет значения в его датировке. Три буквы в лигатуре были процарапаны по сырой глине в нижней части тулова. Буквы вырезаны «вверх ногами» по отношению к горлу сосуда. Они крупные, хорошо заметные. Мю является основной буквой, в центр которой вписан ипсилон, а ее правая гаста служит вертикалью для ро. Буквы не имеют характерных особенностей и не могут служить для датировки надписи. Лишь предположительно, исходя из визуальной оценки состава, цвета и характера обжига глины (напоминает тесто амфор фанагорийского производства 3-4 вв.), сосуд можно отнести к 3-4 вв.

Граффито: МҮР.

³⁷ LGPN IV, V. A, s.v. 38 Соломоник 1984, № 344; Шелов 1989, 105,

МҮР и МҮ встречаются в граффити и дипинти на амфорах из городов и поселений Северного Причерноморья и понимаются как сокращения слова μυρίνης – сладкое вино с ароматическими добавками. 38 В рассматриваемом

³⁶ CIRB 158, 209.

рис. 3, 29; Сапрыкин, Масленников 2007, 188. № 1011; Емец 2017, 69 сл.

случае не в пользу такой трактовки говорят миниатюрные размеры сосуда. Обращает на себя внимание месторасположение граффито МҮР в нижней части тулова сосуда, на хорошо заметном месте, и перевернутое (по отношению к верхней части сосуда) расположение букв. Как отмечалось, аббревиация вырезана до обжига. Подобные надписи наносились, скорее всего, в месте их производства, в керамической мастерской. 39 Надо полагать, что сосуды со схожими надписями изготовлялись небольшими партиями на заказ. В целом, сказанное позволяет предполагать, что рассматриваемый сосуд должен был храниться и продаваться плотно закупоренным, лежащим на боку (меткой вверх), или, что менее вероятно, стоящим на горле. Видимо, в этом небольшом кувшинчике с коротким и широким горлышком могла хранилась мазь или густое ароматическое масло. Если так, то МҮР является маркировкой косметической (?) продукции, хранившейся в сосуде. Предполагаем чтение μύρ(ον), мирра, или μυρ(άκοπον), мирросодержащая мазь. Эти средства широко использовались в античное время. Мирра, ароматическая смола, добывалась в Аравии (Hdt. III. 109). Отсюда она развозилась торговцами по всей ойкумене.

5. На четырех фрагментах штукатурной обмазки, соединяющихся между собой, сохранились частично три строки буквенных граффити и одно рисуночное (рис. 3. 5). В ходе раскопок на «Верхнем городе» в 2012 г. в хозяйственной яме римского времени было найдено более 25 фрагментов штукатурной обмазки. Их плавно изогнутая по дуге форма указывает на то, что они являются частью покрытия округлой поверхности, возможно, колонны. Суммарная ширина публикуемых фрагментов — 13,5 см, высота — 7,5 см, толщина — 2 см. Лицевая поверхность разделена неровными вертикальными линиями на пять почти прямоугольных секций. Высота букв — 1,4—1,7 см.

В стк. 1 от первой буквы перед РАТОУ видна правая наклонная гаста, от *альфы* в конце строки сохранилась левая гаста и две перекрещенные в центре линии. В стк. 2 просматриваются перед сколом буквы KP -. В стк. 3 вычитывается слово XAPA: верхняя часть овала po не сохранилась; правая косая гаста концевой *альфы* длинная и заканчивается у бокового скола. После отступа от XAPA примерно в 2,5 см процарапана тамга (ее нижняя часть ушла в скол). По всей видимости, это знак аналогичный тамге царя Аспурга на монетах и на кирпичах из Горгиппии. Палеография надписей: буквы равновеликие, процарапаны на одинаковом расстоянии друг от друга; *альфа* с перекрещенными центральными гастами; *омикрон* крупного размера; po — с полукруглым сегментом небольшого размера на длинной ножке. Такие формы букв характерны для боспорских надписей 1 в. н. э. По совокупности признаков — форма букв и тамга царя Аспурга — можно предположительно отнести надписи на штукатурке к 1 в. н. э.

Граффити: 1. АРАТОУ А -?- | 2. vac. КР -?- | 3. ХАРА vac. тамга Аспурга Надписи и перевод: 1. Арlphaто ν А -?- | 2. vac. Кр[-?-] | 3. Хlphaрlpha vac. (тамга Аспурга), — 1. Арата А - ? - | 2. vac. Кр -?- | 3. Хара vac. (тамга Аспурга)

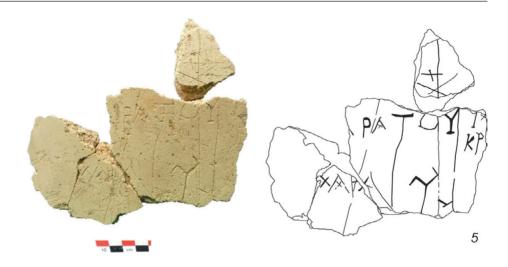
Судя по характеру расположения слов и знака-тамги, граффити не связаны между собой по смыслу и, не исключено, что сделаны разными людьми. Они представляют один из видов частных записей на внешней поверхности городских сооружений. В стк. 1 перед ро сохранилась нижняя часть наклонной гасты, которая принадлежит, скорее всего, альфе. Восстанавливаем $\Lambda \rho$ Δr

³⁹ Личные метки мастеров на сосудах по сырой глине хорошо известны (Емец 2012, 20–21, 25–26), но подобного рода маркировки названия *содержимого* на керамических изделиях большая редкость.

⁴⁰ Алексеева 1997, 55 (в тексте ошибочно указана табл. 19), 331–332, табл. 49. 1, 4; 50. 6; Фролова 1997, 64. Недавно была высказана интересная гипотеза о принадлежности кирпичей с тамгой Аспурга какому-то культовому сооружению (алтарю?) в Горгиппии, а не царскому эргастерию (Воронятов 2019, 928–933)

⁴¹ Болтунова, Книпович 1962, 10, табл. 10. *3*.

Рис. 3. Граффито № 5

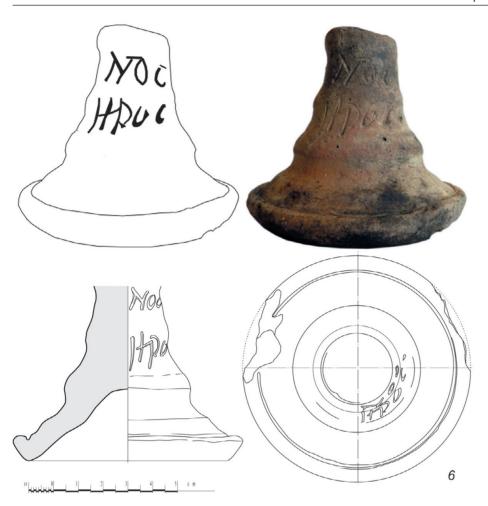


личного имени Άρατος. Имя не греческое, входит в группу североиранской антропонимии Боспора. Оно встречается в надписи частного сообщества из Пантикапея⁴², но в Фанагории отмечается впервые. После имени частично сохранилась альфа. Ниже под ней в стк. 2 видны две буквы – каппа и ро. Далее следует скол. Возможно, буквы КР являются началом личного имени (е.д. Κρατῖνος, Κράτιππος и т.п.). В стк. 3 буквы ХАРА не имеют однозначной интерпретации. Во-первых, $\chi \alpha \rho \dot{\alpha}$ обозначает «радость» и соответствует слову $\chi \alpha \tilde{\imath} \rho \epsilon$, радуйся. 43 Оно встречено неоднократно в надписях на столовой керамике, небольших перстнях-амулетах, стенах погребальных сооружений. 44 Во-вторых, в качестве женского имени $X\alpha\rho\dot{\alpha}$ отмечено не менее 14 раз в городах разных регионов античного мира римского времени. 45 Однако в боспорских городах оно не было известно. Изображение предполагаемой тамги царя Аспурга не связано, как кажется, с буквами ХАРА, поскольку процарапано от него с большим отступом (в 2-3 буквы). Понимать в имеющемся контексте буквы ХАРА как аккламацию «радуйся» сложно, поскольку слово χαρά всегда имеет очевидную связь с тем предметом или помещением, на котором оно написано. Надписи γαρά встречены на стенах домов и склепов, бронзовом клейме, амулетах из Сирии императорского времени⁴⁶, на светильниках из Пессинунта⁴⁷, на шиферной дощечке для растирания румян из Пантикапея 48, на краснолаковой тарелке из усадьбы на Гераклейском полуострове. 49 В каждом из этих случаев прослеживается смысловая связь аккламации χαρά с предназначением сооружений или вещей. 50 В случае с фанагорийской надписью такую связь проследить сложно. Не исключая возможности интерпретации XAPA как слова «радость», все же склоняемся к версии, что эта надпись представляет женское имя Χαρά.

В Фанагории изображение знака-тамги Аспурга найдено впервые. Однако эти знаки неоднократно встречены на бытовых предметах и керамике из городов и поселений Боспора и в устье Кубани. В азиатской части Боспора они встречены на костяном лощиле из Кеп⁵², на одноручном кувшинчике из погребения у пос. Ильич⁵³, на стенках амфор с поселений Батарейка I⁵⁴ и Анапская батарейка⁵⁵, на внешней стороне дна 13-ти сероглиняных мисок из поселения у с. Владимировка недалеко от Новороссийска. Предполагается связь этого знака с военно-хозяйственными поселенцами (аспургиане?), которые были расселены на царской земле: область аспургиан располагалась между Фанагорией и Горгиппией (Strab. XI. 2, 11). В качестве царских катойков (клерухов) они были

- ⁴² CIRB 93, 2 B.
- ⁴³ Яйленко 2005, 496; Тохтасьев 2015, 202-203.
- ⁴⁴ Bonner 1950, 177–178; Яйленко 2005, 496; Тохтасьев 2015, 202–203.
- ⁴⁵ Cm.: LGPN I, II, III.A, III.B, IV, V.A, V.B.
- ⁴⁶ Bonner 1950, 177–178.
- ⁴⁷ SEG XLII 1184.
- ⁴⁸ Калашник 1979, 132.
- 49 Соломоник 1984. № 45.
- 50 Тохтасьев 2015, 203.
- ⁵¹ Подробнее см. Сапрыкин, Масленников 2007. 182. № 24.
- 52 Емец 2012, 217, № 812.
- ⁵³ Сапрыкин, Масленников 2007, № 1039; Емец 2012, 1039.
- 54 Емец 2012, 246, № 972.
- ⁵⁵ Сапрыкин, Масленников 2007, № 972; Емец 2012, 274, № 1136.
- ⁵⁶ Онайко 1982, 235, рис. 1; 1984, 91, табл. L. 8–12; Сапрыкин, Масленников 2007, 196, № 1085–1096.
- ⁵⁷ Сапрыкин 1985, 65–78; Сапрыкин, Масленников 2007, 182.

Рис. 4. Граффито № 6



обязаны нести военную службу, как это было принято в эллинистических царствах.

6. Нижняя часть (ножка) фимиатерия⁵⁸, 1–2 вв. н. э. Глина розоватая, скорее всего, боспорского производства (рис. 4. 6). Найдена в ходе археологических раскопок на «Верхнем городе» в 1999 г. Диаметр − 9 см, высота − 8,2 см. На поддоне сохранились следы горения. На внешней стороне нижней части фимиатерия процарапана по сырой глине курсивным шрифтом двустрочная надпись. Высота букв: 0,5−1,2 см.

Граффито: $NOΣ \mid HPOΣ$

Надпись: $vo\sigma | \eta \rho \acute{o}\varsigma,$ – нездоровый, болезненный.

Надпись состоит из adj. masc. sing. νοσηρός (= νοσερός). 59 Эта лексическая форма встречается у Ксенофонта, Плутарха, Гиппократа и характеризует негативное состояние объекта: ...περὶ τε τῶν νοσηρῶν χωρίων...(X. Cyr. 1.6.16); ...ὀστέον νοσηρότερον... (Hp. Art. 50). Как правило, фимиатерии использовались для воскурения благовоний в очистительных обрядах в общественных и домашних святилищах (Hdt. 4.162.3, Th. 6.46.3, Andoc. 4.29). Однако такой интерпретации противоречит слово νοσηρός, вырезанное на рассматриваемом фрагменте. Появление надписи до обжига сосуда наводит на предположение об её

⁵⁸ Выражаю свою признательность Д.В. Журавлеву за консультацию в интерпретации этого керамического фрагмента.

⁵⁹ Beeks 2010, 1024, s.v. νοσερός.

⁶⁰ См.: Винокуров 1998, 55; Зубарев 2003, 140–141; Масленников 2007, 490–494; Крапивина 2012, 194.

изготовлении на заказ. Значение и грамматические характеристики νοσηρός и тип керамического изделия дают основание для предположения, что νοσηρός является частью словосочетания, в котором подразумевается слово καπνός (дым) – νοσηρὸς καπνός, το есть дым вредный для здорового человека.

В каких же целях могли использоваться подобные воскурения? У Аэция из Амидены, терапевта и хирурга 6 в. н. э., находим интересное свидетельство. Он советует при некоторых болезнях пациентов с сильным жаром или при воспалении, помимо прочего, окуривать их дымом из особой смеси⁶¹, которая предварительно закладывалась в фимиатерий и разогревалась (...καὶ ύποθυμία συνεχῶς ἄσφαλτον καὶ πίσσαν ξηράν, κορίου σπέρμα καὶ κύπερον, πανταγόθεν δὲ περισκεπομένου αὐτοῦ ὑποτιθέσθω τὸ θυμιατήριον (Aët, 9.41)⁶²). Сочинение Аэция, включающее 16 книг, содержит многочисленные и обширные цитаты и заимствования из трудов греческих и римских врачей 1-2 вв., главным образом, Архигена, Сорана, Гиппократа, Руфа Эфесского, Галена и Орибазия. 63 Высока вероятность того, что описанная практика лечения дымом специально приготовленной сухой смеси из фимиатерия могла быть заимствована Аэцием из медицинских трактатов более раннего времени. Напомним, что на поддоне фемиатерия из Фанагории сохранились следы горения, которые показывают, что сосуд побывал в огне. Это указывает, в свою очередь, что он использовался по назначению. Сказанное подводит к заключению, что рассматриваемый фрагмент фимиатерия с надписью мог быть связан с врачеванием в Фанагории 1-2 вв. Нельзя не отметить, что такого рода свидетельство получено впервые для этого крупного города Азиатского Боспора.

Несмотря на отсутствие каких-либо иных свидетельств, нет оснований исключать и другой вариант интерпретации: фимиатерий с надписью νοσηρός мог использоваться в бытовых целях. В частности, им могло производится окуривание, например, амбара или складского помещения, в которых хранились продуктовые запасы, с целью травли насекомых и мышей.

7. Левый нижний край керамиды (солен?), со следами розоватого покрытия на лицевой поверхности (рис. 5. 7). Найден в 2010 г. на «Верхнем городе». Судя по составу и цвету глины, черепица изготовлена в Фанагории. ⁶⁴ На лицевой поверхности в правой части керамиды сохранилась двухстрочная курсивная надпись. Высота букв 1,0–1,2 см, расстояние между буквами 0,5–1,5 см. Они вырезаны небрежно тонкими неглубокими линиями и видны плохо. Палеографические особенности: альфа с выступающей вверх правой гастой и короткой верхней частью; эпсилон и сигма лунарной формы; бета с крупными, неравномерными сегментами; ро на невысокой ножке с крупным полуовальным сегментом. Форма букв характерна для второй половины 1–2 вв. ⁶⁵

Граффито: E - B A Σ I E Σ -?- $|^2$ Σ I vac. P B vac. Надпись: ἐ[κ]βάσ {ι}ε<ι>ς -?- | Σ I vac. P B.⁶⁶

В стк. 1 сохранились буквы E - $BA\Sigma IE\Sigma$. От концевой курсивной *сигмы* слабо просматривается центральная и нижняя части. Вычитываем nom. pl. $\dot{\epsilon}[\kappa]$ $\beta \dot{\alpha} \sigma \{i\} \epsilon < i > \zeta$, то есть $\dot{\epsilon}[\kappa] \beta \dot{\alpha} \sigma \epsilon i \zeta$ от сущ. $\dot{\epsilon} \kappa \beta \alpha \sigma i \zeta$. В слове $\dot{\epsilon}[\kappa] \beta \dot{\alpha} \sigma \{i\} \epsilon < i > \zeta$ имеем, по всей видимости, случай ошибочной перестановки гласных в окончании. В стк. 2 перед *ро* видна короткая вертикаль, которую можно принять за нижнюю часть *йоты*. Осмотр надписи показал, что это повреждение поверхности керамиды – от маленькой полости, появившейся, видимо, от лопнувшего пузырька

⁶¹ В эту смесь входит асфальт, сухая смола, личинки жука и растение кипер (ситник). ⁶² Цит. по изданию: Aetii Amideni Libris Medici-

nalis. IX // Athêna 23 (1911), 377. 63 Гранстрем 1956. 163.

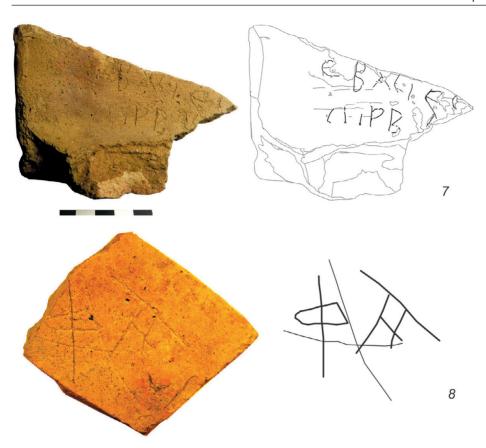
⁶⁴ Об изготовлении в Фанагории в первые века н.э. черепицы, амфор и прочих глиняных изделий свидетельствуют находки серии печей для обжига керамики (Цветаева 1966, 19–21).

⁶⁵ Аналогии буквам см. в граффито № 2 в этой же публикации; CIRB-Album 82, 84; Болтунова, Книпович 1962, 11, табл. IV. 1.

⁶⁶ Варианты перевода см. ниже.

⁶⁷ Полуовал *сигмы* сильно поврежден эрозией на поверхности керамиды. Нижняя часть этой литеры схожа с той же частью предшествующей *сигмы*. Совпадают форма и высота обеих букв.

Рис. 5. Граффити № 7 и № 8



воздуха при обжиге, протянулась вверх небольшая царапина. Буквы « Σ I vac. P B» могут рассматриваться как цифровые записи: ΣI = 1010, PB = 102. Пустое пространство между ними подводит к предположению, что они были вырезаны последовательно: сначала ΣI , спустя какое-то время PB. B тоже время, плохая сохранность надписи диктует и другие возможные варианты интерпретации букв ΣI в стк. E. Так, их можно понимать как 10 статеров или статер и обол. E0

Слово ἕκβασις имеет несколько значений: высадка (на берег), выгрузка, выход, выпуск (Оd. 5.410; X. An. 4.3.204; Plb. 3.14.6; Men. 696); исход, конец, завершение (Ruf. Anat. 1; PFay. 91.21). Однако упомянутые значения ἕκβασις не подходят, поскольку множ. число ἐκβάσεις и его написание на фанагорийской черепице и знаки в стк. 2 подводят к предположению о вероятной связи рассматриваемого граффито с керамическим производством. Возможно, черепичный брак послужил материалом для этой записи.

В первые века н. э. слово $\xi \kappa \beta \alpha \sigma \iota_{\zeta}$ получает новые значения. В частности, у философов находим его использование в значении эманация (Porph. Sent. 35) или шествие, процессия (Dam. Pr .283). Привлекает внимание греческий папирус 127 г. из Египта – это жалоба женщины по имени Гермиона о воровстве выращенной на полях продукции из общественного склада: ... $\tau \alpha \pi \lambda \epsilon \iota_{\zeta} \sigma [\tau \alpha \mu] \epsilon \rho \tau \iota_{\zeta} \epsilon \iota$

 $^{^{68}}$ В 1 в. н.э. буквой Σ на Боспоре обозначались не только статеры, но и сестерции.

 $^{^{69}}$ О значениях этого слова см. LSJ, $\check{\epsilon}\kappa\beta\alpha\sigma\iota\varsigma;$ LSJ Suppl., 107, s.v.

⁷⁰ PRyl. 122.5.

⁷¹ Ibid. 116.

⁷² Столь далекая в территориальном плане семантическая параллель в период господства койне эллинистическо-римской эпохи во всем греческом мире не является чем-то экстраординарным (Лурье 1966, 24–25). О койне в имперское время см., например: Brixhe 2010, 228–252 (на материалах Малой Азии); Horrocks 2010, 160–187.

Итак, предполагаем следующее чтение граффито: $\dot{\epsilon}[\kappa]\beta\dot{\alpha}\sigma\{\iota\}\epsilon<\iota>\varsigma$ -?- | Σ I vac. Р В – продукции 73 $\tau a \kappa o \tilde{\nu}$ - τo 1010, vac. 102. Этот вариант перевода фиксирует количество какой-то уже изготовленной продукции (возможно, в керамическом эргастерии) числом 1112 единиц. Другой вариант перевода предусматривает интерпретацию Σ I в качестве денежных знаков «продукции $\tau a \kappa o \tilde{\nu}$ - τo (за) статер, обол 102 (единицы)». Поскольку остается неизвестным о какой продукции идет речь, то нельзя исключать вариант «продукции $\tau a \kappa o \tilde{\nu}$ - τo (за) 10 статеров 102 (единицы)». Последний вариант представляется наименее вероятным ввиду большого размера суммы.

8. Стенка амфоры прямоугольной формы, оранжево-красной глины, по составу и цвету близкой глине амфор 2–3 вв. фанагорийского производства (рис. 5. 8). ⁷⁴ Найдена при исследовании «Верхнего города» (Северный участок) в 2015 г. рядом с винодельней, которая является 10-й по счету из уже исследованных аналогичных объектов в Фанагории ⁷⁵, наряду с другими коммерческими маркировками на фрагментах амфор и пифосов второй половины 3–4 вв. На внешней стороне стенки двухбуквенное граффито. Высота букв: 3,6–4,3 см. Поверхность стенки амфоры разлинована на четыре подпрямоугольных участка. В два верхних неаккуратно вписано по букве. Палеография: фи – с угловатой формы сегментом на длинной ножке; альфа с перекрещенными центральными гастами, правая наклонная гаста в верхней части длиннее левой. Подобное начертание букв характерно для 3 в. н. э.

Граффито: ФА

Разлиновка поверхности стенки амфоры для написания букв указывает либо на неискушенного в письменности (малограмотного?) взрослого человека, либо на учащегося. В последнем случае, перед нами обычное ученическое граффити. Поскольку нельзя исключать первый вариант, необходимо рассмотреть имеющиеся аналогии. Две буквы, процарапанные на тулове амфоры, могут обозначать начальные литеры имени владельца или названия продукта, содержашегося в амфоре. ⁷⁶ Известно несколько амфорных фрагментов с аббревиатурой ФА. Первый – это граффито ЕРС | ФА на фрагменте плеча широкогорлой красноглиняной амфоры 4 в. н. э. (?) из раскопок помещения II на поселении Батарейка I.77 С. Ю. Сапрыкин и А. А. Масленников выступили против понимания И. А. Емецем сокращения ФА как обозначения сорта вина в амфоре⁷⁸ и полагают, что эти буквы являются началом личного имени, например, $\Phi \alpha (\rho \nu \acute{\alpha} \kappa \eta \varsigma)$, $\Phi\alpha(\rho\nu\alpha\kappa'\omega\nu)$ и прочие имена на $\Phi\alpha$ -. Другой пример представлен в дипинто ΦA $(\Phi\Delta?)$ на светлоглиняной узкогорлой амфоре также из помещения II поселения Батарейка I.⁷⁹ Датировка этого фрагмента у публикаторов расходится: Сапрыкин и Масленников датируют его 1 в. до н. э. – 1 в. н. э. или 3 в. н. э., Емец – второй половиной 3 в. н. э. По всей видимости, подразумевается светлоглиняная узкогорлая амфора типа F середины 3 в. н. э., поскольку аналогичные ей амфоры с дипинти найдены в том же помещении на поселении Батарейка I.80 Известна аналогичная амфора с дипинти, одно из которых ФА, и в находках с поселения Рогожкино. 81 Узкогорлые светлоглиняные амфоры производились в районе Гераклеи Понтийской и служили тарой для поставок южнопонтийской продукции в боспорские города.⁸² Дипинти ФА и им подобные на них рассматриваются как аббревиации имен.83 K сожалению, не всегда ясно, кому это имя принадлежало - поставщику или заказчику.

⁷³ Подразумевается выпуск какой-то продукции.

⁷⁴ Зеест 1960, 34–35.

⁷⁵ См. прим. 3.

 $^{^{76}}$ $\phi\alpha(\kappa \acute{o}\varsigma)$ или $\phi\alpha(\~{o}λο\varsigma o\~{i}νο\varsigma)$: Емец 2012, 244, № 965 (описание граффито).

⁷⁷ Сапрыкин, Масленников 2007, 187, № 52 (1000); рисунок приведен: Емец 2012, 437, рис. 965. С мнением С.Ю. Сапрыкина и А.А. Масленикова следует согласится, поскольку большие красноглиняные амфоры, как показывают материалы в подвалах в закрытых комплексах середины 3 в.н.э. из Танаиса, использовались для хранения зерна, рыбы и прочих сыпучих или штучных продуктов, но не вина (Ильяшенко 2013, 79). ⁷⁸ Сапрыкин, Масленников 2007, 187, № 52 (1000).

⁷⁹ Там же, 190, № 79 (1030); Емец 2012, 243, № 957 (рис. на с. 434).

⁸⁰ Ильяшенко 2013, 194, № 26, 212, № 104.

⁸¹ Там же, 2013, 212, № 105.

⁸² Внуков 2006, 16–17, 48–57.

⁸³ Ильяшенко 2013, 165, табл. 10, ФА.

В совокупности сказанное позволяет предположить, что сокращение ФА может быть началом выражения $\Phi\alpha(\nu\alpha\gamma\acute{o}\rho\iota\alpha\varsigma\ o\ i\nu o\varsigma)$. Традиция в употреблении сокращения ФА для обозначения Фанагории или общины фанагорийцев уходит в глубь истории полиса. В Оно фиксирует название содержимого в амфоре местного фанагорийского вина. Амфоры фанагорийского производства 2–4 вв. имели разные габариты (преобладали весьма крупные) и предназначались как для хранения вина, так и зерна, рыбы и прочих продуктов. В настоящее время, как было отмечено выше, учтено уже 10 виноделен на территории Фанагории. Вино в них производилось, скорее всего, недорогое и было призвано покрывать потребности в этом напитке основной массы рядовых жителей города и его ближней округи. Таким образом, позволительно думать, что некий житель Фанагории 3 в. н. э. поставил маркировку ФА на амфоре, видимо, хранящейся в его личном хозяйстве, с целью обозначить содержимое в ней как вино местного производства. Возможно, это было сделано, чтобы отделить содержимое этой амфоры от других амфор с вином, хранящихся у него в хозяйстве.

Подводят итоги отметим, что публикуемые граффити обогатили наши представления о Фанагории и ее жителях новыми сведениями. Они пополнили антропонимию города новыми именами – муж. Ћρατος, Πολυκρήτας (resp. Πολυκράτης) и жен. Ћννα, Χαρά. Также зафиксировали употребление теонима Ερμῆς в качестве личного имени во второй половине 1 в. н. э. Прежде оно было отмечено в ономастиконе Фанагории только в 4 в. н. э. (CIRB 988). Граффити предоставили примеры употребления обычных слов νεσηρός и εκβάσεις, как представляется, в новых для словаря боспорской лексики значениях. Впервые отмечено употребление знака-тамги царя Аспурга в Фанагории. Широкое употребление этой тамги на бытовых предметах, оружии современные исследователи связывают с владельческими знаками представителей аспургиан, военных сторонников царя Аспурга и не-греков по происхождению. Столь сложная тема как «денежные символы в эпиграфике» получила интересное подтверждение об использовании драхмы в денежном обращении Фанагории в 1 в., времени когда Боспорское царство уже не выпускало монеты подобного номинала.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамзон М. Г., Кузнецов В. Д. 2015. Монетные клады времени Митридата VI Евпатора с хоры Фанагории (Фанагория 3). Москва.

Абрамзон М.Г., Фролова Н.А. 2007–2008. Корпус кладов античных монет. Т. 1–2 (БИ Suppl. 2), Симферополь–Керчь.

⁸⁴ Яйленко 1987, 77–82; Сапрыкин 2002, 102–106.

⁸⁵ CIRB 979, 982, 983, 1051.

⁸⁶ Ibid. 1048. В надгробии не ранее второй половины 1 в. н. э. из Пантикапея (CIRB 495) упомянут этникон «гермонасит» $(\dot{\epsilon}\rho\mu\omega\nu\alpha\sigma<\sigma>\dot{\epsilon}i\tau\eta\varsigma)$. Эτοτ факт исключает версию о переименовании Гермонассы (Яйленко 1987, 95-99) в Кесарию. В. П. Яйленко датирует надгробие CIRB 495 второй половиной 1 в. до н.э. Однако этот вывод нельзя принять, поскольку шрифт эпитафии CIRB 495 находит аналогии среди датированных боспорских надписей второй половины 1 в.н.э. (ср. CIRB-Album 69, 76). Кроме того. случаи неоднократной передачи двойного согласного одной буквой фиксируются в боспорских надписях только с 1 в.н.э. (CIRB 352, 388, 1109 и др.; см. Доватур 1965, 810, § 7.1). ⁸⁷ Подосинов 1997, 155–171; Сапрыкин 2009, 236; Завойкина 2013, 165.

⁸⁸ Так, известны сокращения ФА в клеймах мерных ойнохой 4 в. до н.э. и в легенде на медных монетах последней трети 2 в. до н.э. (Цветаева 1966, 19, табл. 23. *2*, *3*, *4*, *6*; Анохин 1986, 143. № 177).

⁸⁹ Зеест 1960, 35, табл. XXXVI, 86-88.

- Алексеева Е. М. 1997. Античный город Горгиппия. Москва.
- Анохин В. А. 1986. Монетное дело Боспора. Киев.
- Бёттгер Б., Шелов Д.Б. 1998. Дипинти на амфорах из Танаиса (Pontus Septentrionalis 1. Танаис 1). Москва.
- Болтунова А.И., Книпович Т.Н. 1962. Очерк развития лапидарного письма на Боспоре // НЭ 3, 3–31.
- Винокуров Н. И. 2007. Виноградарство и виноделие античных государств Северного Причерноморья (БИ Suppl. 3). Симферополь–Керчь.
- Внуков С.Ю. 2006. Причерноморские амфоры I в. до н.э. II в.н.э. Ч. II. Петрография, хронология, проблемы торговли. Санкт-Петербург.
- Воронятов С.В. 2019. О кирпичах со знаком-тамгой царя Аспурга из раскопок Горгиппии // ВДИ 4 (79), 927–937.
- Ворошилов А. Н., Ворошилова О. М. 2015. Золото в некрополе Фанагории // М. Ю. Трейстер (ред.), Золото Фанагории (Фанагория 2). Москва, 29–76.
- Ворошилова О. М. О склепах Фанагории 1–5 вв. н. э. // В. Д. Кузнецов, А. А. Завойкин (ред.), Материалы по археологии и истории и Фанагории 4 (Фанагория 7). Москва, 56–76.
- Ворошилова О. М., Завойкина Н. В. Надгробие фиасота Мокка, сына Левкия из Фанагории // А. А. Завойкин (ред.), Материалы по археологии и истории и Фанагории 2 (Фанагория 4). Москва, 24–34.
- Гранстрем Е.Э. 1956. Отрывок медицинского трактата Аэция из Амиды в списке X–XI века // ВВ 9 (34), 159–169.
- Доватур А. И. 1965. Краткий очерк грамматики боспорских надписей // В. В. Струве (ред.), Корпус боспорских надписей. Москва—Ленинград.
- Долгоруков В.С. 1984. Фанагория // Г.А. Кошеленко, И.Т. Кругликова, В.С. Долгоруков (ред.), Античные государства Северного Причерноморья (Археология СССР). Москва, 77–80.
- Емец И. А. 2012. Граффити и дипинти из античных городов и поселений Северного Причерноморья (подготовительные материалы к Корпусу). Москва.
- Емец И. А. 2017. Содержимое древнегреческой керамической тары по данным граффити и дипинти (по материалам Северного Причерноморья). Москва.
- Завойкина Н. В. 2013а. Боспорские фиасы: между полисом и монархией. Москва.
- Завойкина Н.В. 2013б. Фанагорийское общество // В.Д. Кузнецов (ред.), Материалы по археологии и истории и Фанагории 1 (Фанагория 1). Москва, 240–313.
- Завойкина Н. В. 2018. Боспорская нефть или нефть для Боспора? // НЭ 20, 39-49.
- Завойкина Н.В. 2019а. Сакральные граффити на керамике из Фанагории // ДБ 24, 253–273.
- Завойкина Н.В. 2019б. Граффито из некрополя поселения «Каменная Батарейка» // Hypanis 1, 98–104.
- Завойкина Н. В. 2020. Из эпиграфики Фанагории // ПИФК 2, 61-70.
- Зеест И.Б. 1960. Керамическая тара Боспора (МИА 83). Москва.
- Зограф А. Н. 1941. Находки монет в местах предполагаемых святилищ в Черноморье // СА 7, 152–160.
- Зограф А. Н. 1951. Античные монеты (МИА 16). Москва-Ленинград.
- Ильяшенко С. М. 2013. Стандартные dipinti на узкогорлых светлоглиняных амфорах Танаиса и его округи в III–IV вв. н. э. (БИ 29). Симферополь–Керчь.
- Калашник Ю.П. 1979. Свинцовые рамки стеклянных зеркал в собрании Эрмита-жа // К.С. Горбунова (ред.), Из истории Северного Причерноморья в античную эпо-ху. Ленинград, 116–123.
- Кобылина М. М. 1956. Фанагория // А. П. Смирнов (ред.), Фанагория (МИА 57). Москва, 5–101.
- Латышев В. В. 1904. Эпиграфические новости из южной России (находки 1901–1903 годов). С 100 снимками надписей // ИАК 10, 1–91.
- Лурье С. Я. 1966. Древнегреческие паспорта для входа в рай // М. Е. Грабарь-Пассек (ред.), Вопросы античной литературы и классической филологии. Москва, 23–28.

- Онайко Н. А. 1982. О датировке горгиппийских кирпичей с тамгообразными клеймами // СА 1, 233–235.
- Онайко Н. А. 1984. Юго-Восточная окраина Боспора // Г. А. Кошеленко, И. Т. Кругликова, В. С. Долгоруков (ред.), Античные государства Северного Причерноморья (Археология СССР). Москва, 91–93.
- Подосинов А.В. 1997. Еще раз о происхождении имени города Керчь // В.Ф. Мещеряков (ред.), Античный мир и Византия. К 70-летию проф. В.И. Кадеева. Харьков, 155–177.
- Сапрыкин С. Ю. 1985. Аспургиане // СА 2, 65-78.
- Сапрыкин С.Ю., Масленников А.А. 2007. Граффити и дипинти хоры античного Боспора (БИ Suppl. 1). Симферополь–Керчь.
- Сапрыкин С.Ю. 2002. Боспор на рубеже веков. Москва.
- Сапрыкин С.Ю. 2009. Савромат II и фиасы Боспора // ДБ 13, 328-347.
- Соломоник Э. И. 1984. Граффити с хоры Херсонеса. Киев.
- Тохтасьев С. Р. 2015. Надписи на перстнях, содержащие слова XAPA и ΨΥXH // М.Ю. Трейстер (ред.), Золото Фанагории (Фанагория 2). Москва, 202–207.
- Фролова Н. А. 1997. Монетное дело Боспора в первые века нашей эры. Ч. 1. Москва.
- Цветаева Г. А. 1966. Керамическое производство Боспора. Фанагория // И. Б. Зеест (ред.), Керамическое производство и античные керамические строительные материалы (САИ Г1–20). Москва, 19–21.
- Шелов Д.Б. 1989. Дипинти на амфорах из танаисских комплексов // НЭ XV, 97-125.
- Яйленко В.П. 1987. Материалы по боспорской эпиграфике // А.И. Павловская (ред.), Надписи и языки древней Малой Азии, Кипра и античного Северного Причерноморья. Москва, 4–200.
- Яйленко В. П. 2005. Магические надписи Боспора // ДБ 8, 465-514.
- Barrio Vega del M. L. 2018. The Greek Language in the Black Sea // G. K. Giannakis, E. Crespo, P. Filos (eds.), Studies in Ancient Greek Dialects. From Central Greece to the Black Sea. Berlin–Boston, 511–530.
- Beeks R. 2010. Etymological Dictionary of Greek. 2 vols. Leiden-Boston.
- Bonner C. 1950, Studies in Magic Amulets Chiefly Greco-Egyptian, Oxford,
- Brixhe C. 2010. Linguistic Diversity in Asia Minor During the Empire: Koine and Non-Greek Languages // E. Bakker (ed.), A Companion to the Ancient Greek Language. Oxford, 228–256.
- Horrocks J. 2010. Greek. A History of the Language and its Speakers. Oxford.
- Lang M. 1976. Graffiti and Dipinti (The Athenian Agora 21). Princeton.
- Tod M. N. 1960. Epigraphical Notes of Greek Coinage // The Numismatic Chronical and Journal of the Royal Numismatic Society (sixth series) 20, 1–24.
- Weiß-König St. 2010. Graffiti auf römischer Gefässkeramik aus dem Bereich der Colonia Ulpia Traiana (Xantener Berichte 17). Mainz.

В. В. Мокробородов

КЕРАМИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ ТИПА ЯЗ III ПАМЯТНИКОВ ЮГО-ЗАПАДНОГО ГИССАРА*

Аннотация. Предлагаемая статья посвящена двум керамическим комплексам из поселений эпохи раннего железа, расположенных в предгорьях юго-западного Гиссара (Бандыхан, Сурхандарьинская область Узбекистана), впервые в таком объеме вводимых в научный оборот. На основании анализа этих комплексов (археологически стерильных и типологически крайне близких, но не идентичных), автор статьи предпринимает попытку выявления и систематизации важных различий внутри среднеазиатских комплексов с керамикой типа Яз III (середина I тысячелетия до н.э.). На базе выделенных в анализируемых наборах керамики морфологических и технологических несоответствий, предлагается хронологическое расчленение комплексов «ахеменидского» периода (комплексы происходят с близко расположенных памятников, что исключает локальную вариабельность материалов). В отношении датировок автор считает, что комплекс Газимуллатепа (и соответствующие ему по основным параметрам комплексы близлежащих памятников) был характерен для времени вхождения Средней Азии в состав Ахеменидской державы и начального этапа господства над регионом правителей данной династии. Для комплекса Киндыктепа (Бандыхан II) и идентичных ему по характеристикам материалам предлагается датировка в пределах второй половины 5-4 вв. до н. э.

Ключевые слова. Средняя Азия, Бандыхан, раннежелезный век, Яз III, керамические комплексы, типология, хронология.

V. V. Mokroborodov POTTERY ASSEMBLAGES OF YAZ III TYPE FROM FOOTHILLS OF SOUTHWESTERN HISSAR

Abstract. The article is the first publication of two sets of pottery from settlements of the Early Iron Age located in the foothills of southwestern Hissar (Bandykhan, Surkhandarya Province of Uzbekistan). The author tries to identify and classify significant differences within the archaeological assemblages containing Yaz III pottery (middle of the first millennium B. C.). Judging from morphological and technological differences, the chronology of the complexes of the Achaemenid period is suggested (the examined assemblages come from the sites located in the same area, which excludes any local variability). The complex of Gazimullatepe is believed to be typical of the time when Central Asia became part of the Achaemenid Empire. The Kindyktepa complex (Bandykhan II) and similar materials can be dated to the second half of the fifth–fourth centuries B. C.

Key-words. Central Asia, Bandykhan, Early Iron Age, Yaz III, ceramic assemblages, typology, chronology.

Многотысячелетняя история Средней Азии исследована весьма неравномерно, причем те эпохи, основным источником по которым являются данные археологии, являются изученным в меньшей степени. К означенным эпохам можно отнести и раннежелезный век Средней Азии — время вхождения большей части территории региона в состав Ахеменидской империи (6—4 вв. до н.э.). Традиционно этот период не считается особо «проблемным» в среднеазиатской археологии, однако исследования последних лет, в том числе проведенные нами, позволяют внести определенные коррективы в устоявшиеся точки зрения на ряд вопросов, касающихся археологических комплексов эпохи раннего железа.

^{*} Исследование выполнено в рамках НИР ИА РАН по теме «Археологические культуры евразийских степей и античный мир – контакты и взаимовлияния» (АААА-А18-118011790093-2).

¹ Начало использования орудий из железа в регионе некоторыми исследователями аргументировано относится к несколько более раннему времени, однако, в середине I тысячелетия до н.э. эпоха раннего железа устанавливается на всей территории Средней Азии.



Рис. 1. Местоположение поселений Газимуллатепа и Бандыхан II на спутниковых снимках Средней Азии и района н. п. Бандыхан Сурхандарьинской области Узбекистана (основа Google Earth)

Несмотря на почти полуторавековую историю археологического изучения среднеазиатских древностей середины І тысячелетия до н.э., сколь-нибудь упорядоченная типология археологических комплексов интересующего нас периода долгое время фактически отсутствовала. Это можно объяснить не только слабым уровнем развития археологии региона в конце 19 - первой половине 20 вв., но и концентрацией усилий первых специалистов на изучении объектов иных периодов, комплексы которых более представительны и доступны для получения, а датировки вполне проверяемы нумизматическими, письменными и иными источниками. Тем не менее, работы в интересующем нас направлении проводились. Так, весьма значимой для истории изучения рассматриваемой темы стала разработка археологических периодизаций, базирующихся на материалах хорезмийских и согдийских объектов, ² причем значимое место в построениях вышеуказанных авторов периодизаций впервые заняли именно комплексы середины I тысячелетия до н.э. В 1950-е гг. отряд ЮТАКЭ под руководством В.М. Массона провел масштабные археологические исследования в дельте Мургаба, в ходе которых были изучены и памятники середины I тысячелетия до н.э. Анализ стратифицированных археологических материалов ключевого из них (Яздепе), вкупе с кропотливой оценкой всего наработанного к тому времени массива информации, позволили В.М. Массону совершить определенный прорыв в среднеазиатской археологии раннежелезного века, разработав весьма убедительно аргументированную периодизацию Яз.³ Наиболее интересующий нас из выделенных на Яздепе комплексов – Яз III, отличающийся набором изготовленной преимущественно на гончарном круге специфической керамики, с подкосами, манжетовидными венчиками и прочими характерными особенностями, был отнесен автором периодизации к 500-400 гг. до н.э. Несмотря на появление во 2-й половине 20 в. новых работ по комплексам эпохи раннего железа (среди которых можно выделить периодизации Кучук, Кизыл, Старый Термез, Еркурган, Коктепа, Ахал-Этек, Тиллятепе и др.)4, базирующаяся на материалах Язделе схема В.М. Массона не только не утратила своей значимости, но большинством специалистов признается наиболее актуальной по сей день.

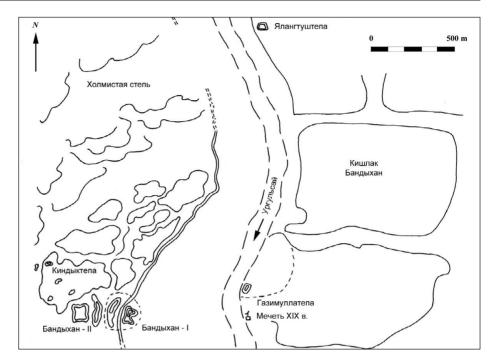
По последним (из доступных нам) опубликованным сводным данным, неполным и в значительной мере ныне устаревшим, в Средней Азии насчитывается

² Толстов 1948; Тереножкин 1950.

³ Массон 1959, 29-62.

⁴ Подробнее по данной теме см. Мокробородов 2015.

Рис. 2. Схематический план Бандыханской группы памятников по результатам работ 1970—х гг. (по: Ртвеладзе 2007, 70, рис. 1)



более 570 археологических памятников с материалами типа Яз II и Яз III. Зоной, в которой отмечается наибольшая (наравне с дельтой Мургаба, Хорезмом, Северным Афганистаном) концентрация объектов с керамикой типа Яз III, можно уверенно считать предгорья юго-западного Гиссара (современная Сурхандарьинская область Узбекистана), где таковых насчитывается порядка 50. В том числе и поэтому указанные территории стали основным местом работ автора настоящей статьи (разрабатывающего проблематику археологии раннежелезного века юга Средней Азии на протяжении последних 15 лет). В 2000-х гг. нами (в составе Узбекистано-Германской Байсунской научной экспедиции), наряду с исследованием иных профильных объектов указанной зоны, на протяжении нескольких сезонов проводились раскопки на группе археологически стерильных памятников середины I тысячелетия до н.э. 6, расположенных на территории современного населенного пункта Бандыхан.

Бандыханская группа памятников раннежелезного века состоит из поселения Газимуллатепа (размеры сохранившейся части 60×30 м, во второй половине 20 в. площадь определялась в 10 га) и крупного многосоставного поселения Бандыхан II (общая площадь более 12 га, включает крепость Бектепа и монументальное здание Киндыктепа с прилегающей территорией с признаками обживания). Она расположена на южной окраине современного Бандыхана, в географическом центре Сурханской долины (рис. 1, 2). Как и многие другие памятники исследуемой территории, упомянутые объекты были открыты Э.В. Ртвеладзе в 1970-х гг., тогда же на них были проведены первые раскопки. 7 В 2000-х гг. сотрудниками Байсунской экспедиции были осуществлены стационарные раскопки на данных объектах, некоторые результаты которых (касающиеся преимущественно общей археологической ситуации в районе исследований, ранним (по отношению к рассматриваемым ниже) керамическим комплексам и интерпретации полностью раскопанного Киндыктепа) были опубликованы. Вместе с тем, полученные в ходе исследований бандыханских памятников керамические комплексы, не только заслуживают отдельной, пусть и ограниченной рамками

⁵ Сагдуллаев 1984, 17. Этот же автор в неопубликованной докторской диссертации приводит обобщенное к 1988 г. иное количество среднеазиатских памятников раннежелезного века (350 объектов).

⁶ Отсутствие многометровых поздних наслоений над объектами с материалами эпохи раннего железа является довольно редкой для Средней Азии ситуацией, что также во многом предопределило выбор данной зоны для стационарных исследований.

⁷ Ртвеладзе 1976, 94–100; 1987, 60–65; 2007.

⁸ Boroffka 2009; Мокробородов 2010; Mokroborodov 2018a; Сверчков, Бороффка 2005; 2007; 2008.

настоящей статьи, публикации, но и при условии должных сопоставлений с комплексами синхронных памятников прилегающих территорий, способны пролить свет на ряд вопросов, связанных с комплексами типа Яз III для региона в целом.

Керамические комплексы типа Яз III из бандыханских объектов, несмотря на приличную мощность свиты культурных слоев в 3,6 м (2,5 м по Э.В. Ртвеладзе) и наличие нескольких строительных горизонтов и 4 этапов обживания в шурфах⁹ на Газимуллатепа; 4,6 м культурного слоя и 4 этапов обживания на Киндыктепа), отличаются стабильностью основных параметрических, технологических и морфологических характеристик для керамики каждого памятника (за рядом исключений, о которых пойдет речь ниже) и могут быть описаны как два ¹⁰ отдельных комплекса.

Керамический комплекс Газимуллатепа (рис. 3, 4) состоит из 1290 фрагментов сосудов, из которых 911 (в т.ч. 186 археологических форм) происходит из шурфа 2006 г. В комплексе присутствует керамика двух категорий – произведенная на гончарном круге (97,1% от общего числа археологических форм) и изготовленная от руки (2,9%).

Выделено 7 основных типов сосудов (рис. 10. 1).

І. *Кубки* (28% от всех сосудов комплекса). Представлены цилиндроконическими по форме сосудами, большей частью открытого типа, преимущественно тонкостенными, на плоском донце, 11 с подчеркнутым ребром в месте перехода от цилиндра к конусу. Преобладают сосуды с диаметром венчика в пределах 12–22 см. 12 Выделено два подтипа – кубки с ребром подкоса в нижней трети 13 и вогнутой стенкой над ним (рис. 3. 1 –4); с ребром подкоса в середине сосуда и ровными стенками (рис. 3. 5 –7). Навершия часто притончены (рис. 3. 5 , 6 , 10 , 11 , 14), иногда венчик слегка отогнут наружу (рис. 3. 9 –11).

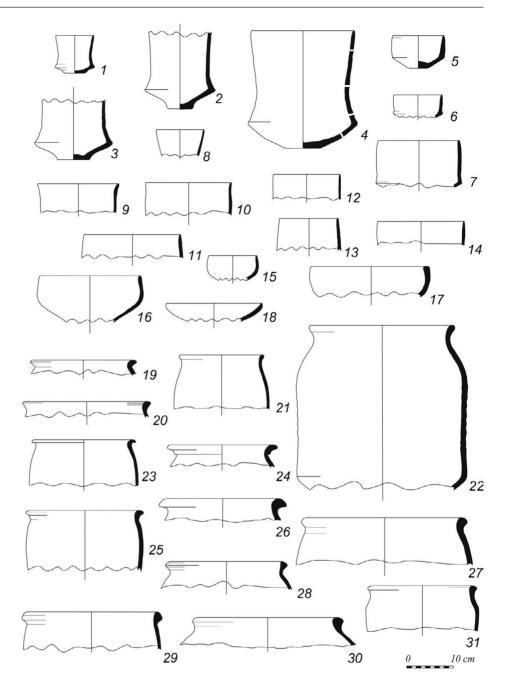
II. <u>Чаши</u>. В данную группу объединены весьма редкие (3,8% от общего числа) станковые сосуды малых форм. Диаметр венчиков варьирует в пределах 10–24 см (в среднем 15,7 см). Выявлено два подтипа с количественным преобладанием первого: 1) чаши полусферической формы тяготеющего к закрытому типа, с невыделенным венчиком (рис. 3. *15–17*); 2) чаша уплощенно-полусферической формы открытого типа (рис. 3. *18*).

III. *Горшки*. Количественно наиболее значительная группа – 66 венчиков (35,5%). Сосуды закрытого типа, характеризующиеся цилиндроконической и, вероятно, близкой к шаровидной формам, стенками средней толщины (изредка тонкостенные), широкой, как правило, слабо выделенной горловиной, почти всегда с плавным переходом от стенки к венчику. Средний диаметр венчиков 25,5 см. ¹⁴ По оформлению венчика подразделяются на следующие варианты: 1) горшки с венчиком в виде слабо выделенной, плавно отогнутой наружу закраины (рис. 3. *19–25*) с рядом подвариантов; 2) горшки с фигурным венчиком (рис. 3. *26–31*) различных вариаций (с венчиками валикообразным, подтреугольным в сечении, в виде широкого защипа). Соотношение по вариантам 69,3% к 30,7% в пользу первого.

IV. *Хумча* (крупные горшки). Сосуды данной группы составляют 9,7% керамики Газимуллатепа. Судя по имеющимся фрагментам, преобладающей являлась цилиндроконическая форма. Усредненный диаметр венчика 32,8 см. 15 Наличествует один основной подтип — хумча с преимущественно непрофилированным венчиком характерного манжетовидного профиля. Варианты по венчикам: «манжеты» в сечении прямоугольные (рис. 4. 4, 6) и треугольные (рис. 4. 1–3, 5), в основном слабо выделенные или средней массивности, с закругленным или

- 9 Абсолютное совпадение стратиграфических данных и общих принципов фиксации керамического материала шурфов 1970-х и 2000-х гг. на Газимуллатепа, позволяют объединить находки из разделенных более чем тридцатью годами раскопок памятника в один комплекс, каковым он и является. После дополнительной графической обработки материалы из ранее опубликованного шурфа (Ртвеладзе 1987, рис. 2-5) используются в предлагаемой читателю статье (за исключением статистической составляющей - приводимое ниже распределение комплекса по типам и вариантам рассчитано преимущественно по результатам работ Байсунской экспедиции).
- 10 Материалы Бектепа (Сверчков, Бороффка 2007, 111-122, рис. 11-23) демонстрируют иную картину. Керамика из нижних слоев стратиграфического раскопа Байсунской экспедиции была соотнесена с комплексом Яз II, верхних слоев - с комплексом Яз III и, соответственно, Киндыктепа (ранее (см., например, Ртвеладзе 2007, 68) весь комплекс Бандыхан II считался синхронным Яз II). Во избежание разночтений нами для сравнительного с газимуллатепинскими материалами анализа используется только комплекс Киндыктепа, хотя идентичность материалов из верхних слоев Бектепа и из расположенного в 300 м от последнего Киндыктепа очевидна.
- ¹¹ Плоские донца характерны для всех станковых сосудов наших памятников и далее особо оговариваться не будут.
- ¹² Имеются сосуды с диаметром 8 и 25,5 см; средний показатель для кубков Газимуллатела равен 15,9 см.
- 13 Большинство исследователей керамики рассматриваемого периода справедливо делали акцент на расположении данного перегиба относительно общей высоты сосуда. В силу фрагментарности анализируемого материала не представляется возможным установить процентное соотношение по данному критерию, однако, судя по археологически целым сосудам и показательным стенкам, для кубков Газимуллатепа более характерны «низкие подкосы».
- ¹⁴ Диапазон 13–35 см, основная масса в пределах 20–28 см.
- 15 Диапазон 24—38 см, преобладают венчики диаметром 30—38 см. В большинстве предшествующих нашим исследованиям работах, применительно к данной характеристике сосудов речь шла об их ангобном покрытии.

Рис. 3. Керамический комплекс Газимуллатепа. Типы сосудов I–III. *1–31* – станковая керамика



плоским навершием (имеется представленный в верхних слоях памятника подвид с плоским, скошенным внутрь навершием; рис. 4. 4).

V. <u>Хумы</u>. Крупные бочковидные хумча. Отличаясь от сосудов предыдущего типа большими размерами (диаметр венчика более 40 см) и массивностью форм, сосуды данной категории в деталях повторяют основные параметры типа хумча (рис. 4. *9–16*). В газимуллатепинском комплексе хумы составляют 14,5% от общего количества сосудов.

VI. *Тагора*. Самая количественно незначительная группа сосудов, представленная 4 экз. (2,2% всей посуды). Под тагорами подразумеваются изготовленные на гончарном круге глубокие тазовидные сосуды открытого типа с отлогими венчиками диаметром 34–38 см (рис. 4. *17*, *18*).

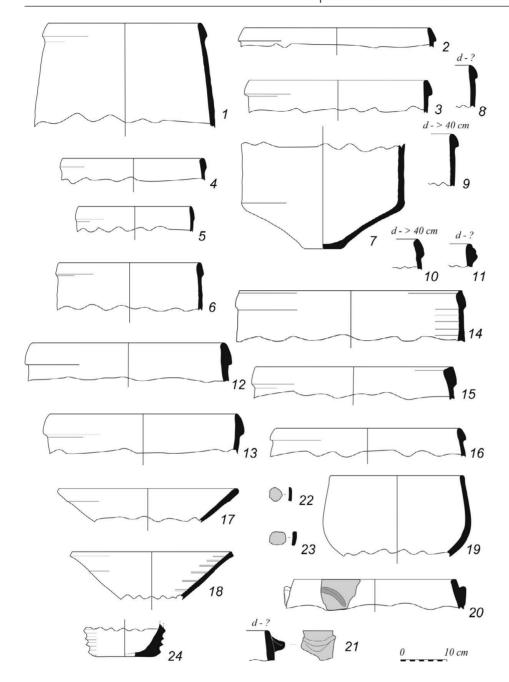


Рис. 4. Керамический комплекс Газимуллатепа. Типы сосудов IV–VII. 1–18, 22–24 — станковая керамика, 19–21 — лепная керамика

VII. *Котлы*. К этому типу отнесены фрагменты сосудов (5,4% от общего числа), изготовленных от руки и сильно закопченных в древности. Представляли собой шаровидные, по всей видимости, по форме, преимущественно толстостенные сосуды закрытого типа, с неоформленными венчиками, диаметр которых варьирует в пределах 28–34 см. На двух фрагментах отмечены ручки-налепы в виде дужки (рис. 4. *20*, *21*).

<u>Редкие формы</u>. К данной категории, наряду с трудно поддающимися определению фрагментами, отнесена нижняя часть станкового сосуда неизвестного типа с подчеркнутыми ребрами на тулове – возможно, керамическая реплика металлической чаши (рис. 4. 24).

- ¹⁶ В большинстве предшествующих нашим исследованиям работах, применительно к данной характеристике сосудов речь шла об их ангобном покрытии.
- 17 Количество подобных от общего числа высветленных сосудов составляло 94,2% (высветленных до бледно-коричневого цвета -2,1%; высветленных неравномерно -3,7%).
- ¹⁸ Параметры сосудов данного типа таковы: диаметр по верхнему краю варьирует от 8 до 24 см, преобладают венчики диаметром от 10 до 20 см (средний показатель 16,7 см). До 73 % кубков тонкостенные, остальные со стенками средней толщины.
- ¹⁹ Преобладают чаши с диаметром в пределах 14–20 см, средний показатель 18,2 см.
- ²⁰ Для первого, количественно преобладающего подтипа (11 экз. из 14-ти), более характерны слегка загнутые вовнутрь венчики. Среди сосудов второго подтипа можно выделить один редкий вариант –уплощенно-полусферическую чашу со слегка отогнутым венчиком и выраженным перегибом (рис. 5. 27).
- 21 В основном 14–24 см, общий средний по-казатель 22 см.
- ²² Из 11 лепных чаш 3 полусферические, 3 уплощенно-полусферические и 5 с глубоким резервуаром.
- ²³ Преобладает вариант с загнутой зауженной закраиной. Также наличествуют венчики с округлым в сечении слабо выделенным венчиком, с отогнутой приостренной или сплющенной закраиной. Нельзя не отметить, что 6 из 17 венчиков, отнесенных к данному варианту, довольно массивны и фактически занимают промежуточное положение между двумя выделенными при анализе типа вариантами.
- ²⁴ Подварианты: с валикообразным венчиком; с подтреугольным в сечении венчиком, изредка профилированным; с клювовидным венчиком; с ромбовидным венчиком (из верхних слоев объекта). Для большинства венчиков характерна резкая профилировка.

С технологической точки зрения общие характеристики анализируемых фрагментов таковы: вся станковая посуда изготовлена на хорошем технологическом уровне — черепки плотные, в изломе исключительно бледно-коричневого и светло-коричневого тонов; отощителями служили песок и добавки растительного происхождения. На нижней части подкосов и днищах изредка имеются следы небольшой подправки, в исключительных случаях у крупных сосудов отмечены следы песчаной подсыпки. На некоторых стенках отмечено нарочитое гофрирование. Также на нескольких сосудах отмечены следы ремонта. Лепная посуда комплекса изготовлена из теста средней отмучки, среди отощителей присутствуют дресва и шамот.

Одной из характерных черт керамики Газимуллатепа является высветление (преимущественно только снаружи), носившее, по-видимому, декоративный характер. ¹⁶ Всего высветлено 75,5% археологических форм комплекса. Ряд кубков высветлен до места перехода к донцу (т. о. создан эффект двухцветности), часть сосудов высветлена фрагментарно. Преобладало высветление до грязноватобелого тона внешней стенки сосуда. ¹⁷

Керамический комплекс Киндыктепа (рис. 5–9) подразделяется на две категории по методу изготовления: станковая керамика – 83,2% сосудов и лепная керамика – 16,8% сосудов. Всего в ходе раскопок 2005–2010 гг. было найдено 5368 керамических фрагментов, в т.ч. черепков, дающих представление о форме сосуда – 1240, венчиков и археологически целых сосудов – 548.

Выделено 9 типов сосудов (рис. 10. 2).

- **І.** <u>Кубки</u> составляют 24,8% от общего числа сосудов. Представляют собой цилиндроконические сосуды, изготовленные на гончарном круге. Выделено два подтипа по высоте ребра подкоса с количественным преобладанием сосудов с переходом от цилиндра к конусу в средней части сосуда (рис. 5. 1–3, 5–9). В комплексе практически нет кубков с ярко выраженными «подкосами». Основные варианты по оформлению венчика: кубки со слегка отогнутой наружу закраиной (рис. 5. 3–5, 10–15), кубки с прямостоящим венчиком (рис. 5. 1–2, 6–8, 16), кубки закрытого типа (рис. 5. 9, 19).
- **II.** <u>Уаши</u>. Всего отмечено 25 сосудов этого типа (4,5% от общего числа). Подразделяются на 2 категории: станковые (14 экз. ок. 2,6% от всех сосудов комплекса) и лепные (11 экз. 2%). Диаметр венчиков станковых чаш варьирует в пределах от 12 до 27 см, ¹⁹ сосуды большей частью тонкостенные. По форме можно выделить 2 подтипа: полусферические (рис. 5. 2–26, 31–36) и уплощеннополусферические (рис. 5. 27–30) чаши. ²⁰ Венчики лепных чаш в пределах от 14 до 34 см. ²¹ Среди лепных сосудов данного типа отметим чаши с более глубоким (в сравнении со станковыми) резервуаром. ²²
- III. Всего на Газимуллатепа было найдено 97 венчиков *соршков* (17,7% от общего числа). Все сосуды закрытого типа и подразделяются на 2 категории: станковые (76 экз. − 13,9% от всех сосудов комплекса) и лепные (20 экз. − 3,7%). Среди станковых найдены венчики самых различных диаметров (от 10 до 42 см (в основном 18−26 см), общий средний показатель 22,2 см). В силу фрагментарности материала о форме всех сосудов этого типа точных данных нет. Отмечено несколько горшков биконической формы (рис. 6. 3, 5, 11), по всей видимости, использовались и горшки цилиндроконической и близкой к шаровидной формы. По оформлению венчика изготовленные на гончарном круге горшки подразделяются на два варианта: сосуды с венчиком в виде плавно отогнутой наружу закраины (рис. 6. 2–5, 9–10, 15)²³ и сосуды с фигурным венчиком (рис. 6. 1, 6–8, 12–14, 16).²⁴ Венчиков

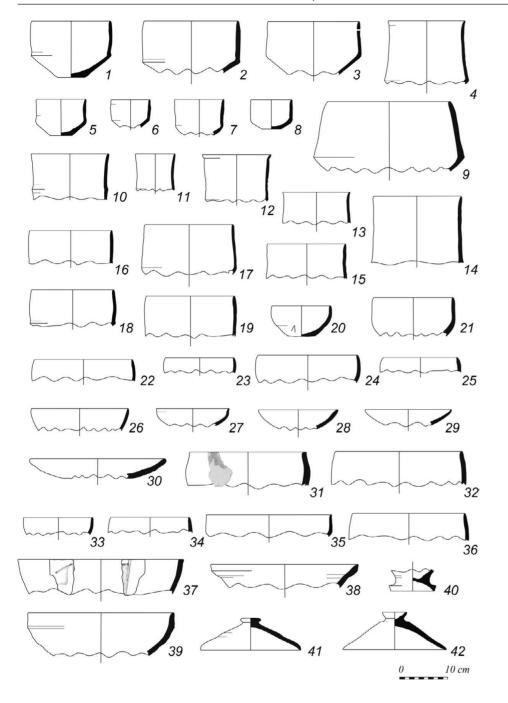


Рис. 5. Керамический комплекс Киндыктепа. Типы сосудов I–II, VII. 1–30, 38–42 — станковая керамика, 31–37 — лепная керамика

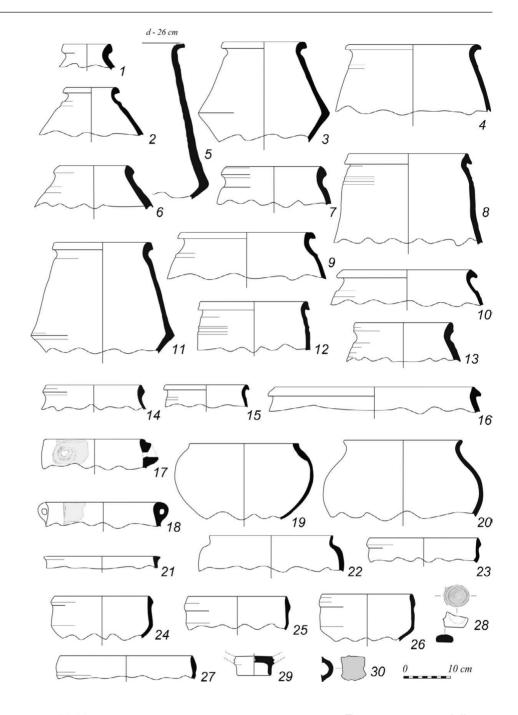
первого варианта 22,7%, второго – 77,3% от общего числа горшков комплекса. Дополнительно для категории станковых горшков могут быть выделены группы, отличающиеся оформлением перехода от стенки к венчику²⁵ и с валиком на плечиках сосудов. ²⁶ Лепные горшки (рис. 6. *17–22*) характеризуются более крупными размерами, ²⁷ стенками средней и большой толщины. Судя по имеющимся фрагментам, преобладающей была шаровидная форма. Варианты выделить сложно, отметим лишь, что большинство горшков отличается слабо выраженной горловиной, по большей части неоформленным венчиком, изредка слегка отогнутым наружу, но у ряда сосудов (преимущественно с венчиками небольшого диаметра) закраине придается определенная форма, заужается горловина.

в среднем 28,7 см.

²⁵ В частности, группа с небольшим желобком под венчиком и незначительная количественно группа с небольшим выступом под венчиком.

²⁶ Такое оформление плечиков сосудов (рис. 6. 2, 3, 6–13) отмечено у 37 % горшков, еще у 30 % он предполагается или выделен нечетко. Также валик или выступ под желобком, разделяющим тулово и венчик, выявлен на ряде киндыктепинских сосудов иных типов (хумов (рис. 8. 2–3, 6–7) и хумча (рис. 7. 7, 8). ²⁷ Диапазон диаметров венчиков 20–40 см,

Рис. 6. Керамический комплекс Киндыктепа. Типы сосудов III–IV. 1–16, 23–27 – станковая керамика, 17–22, 28–30 – лепная керамика



IV. Малые сосуды с манжетовидным венчиком. Представляют собой тип цилиндроконических сосудов, промежуточный между чашами (тагора) и хумча и составляют 2,4% сосудов комплекса Киндыктепа. Не отличающиеся массивностью манжетовидные венчики сосудов данного типа (средний диаметр 22 см) преимущественно подтреугольные в сечении, профилированные, ребро подкоса особо не выделено (рис. 6. 23–27).

V. *Хумча*. Общее количество – 30,8% сосудов комплекса. Преобладающей формой данного типа сосудов является цилиндроконическая. Средний диаметр венчиков хумча равен 32 см. ²⁸ Больше сосудов со стенками средней толщины, но значительна (ок. 17%) доля тонкостенных хумча. Отмечен один основной

²⁸ Преобладают хумча с венчиками в диапазоне 25–38 см, есть экземпляры 20, 24, 39–40 см.

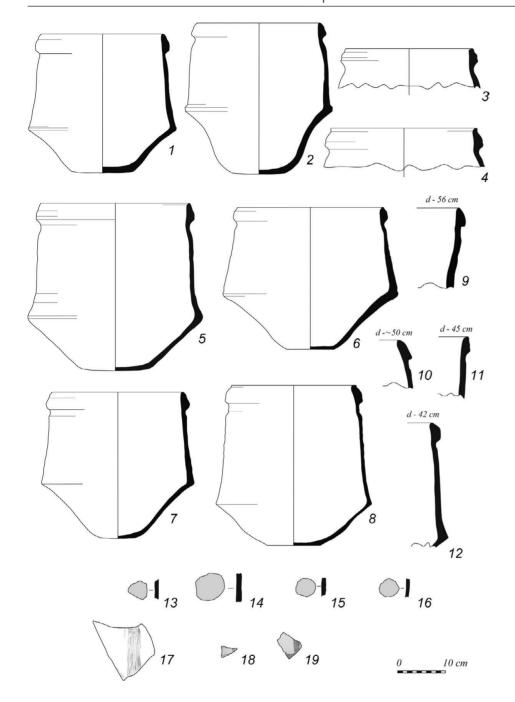
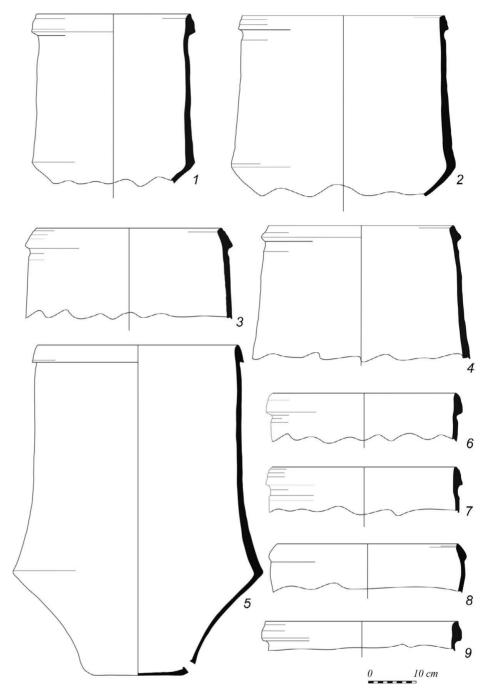


Рис. 7. Керамический комплекс Киндыктепа. Тип сосудов V. *1–19* – станковая керамика

подтип – хумча с преимущественно профилированным венчиком характерного манжетовидного профиля. Варианты по венчикам: «манжеты» в сечении прямоугольные (рис. 7. 8, 10, 11) и треугольные (рис. 7. 1-7, 9), с закругленным или плоским навершием (с распространенным в комплексе подвидом с плоским, скошенным внутрь навершием (рис. 4. 3-5, 11)).

VI. *Хумы*. 7,1% сосудов комплекса. Представляют собой увеличенную (диаметр венчиков 40–60 см и более) версию хумча (рис. 8), в основном повторяют варианты хумча, за исключением сосудов с наклоненным вовнутрь венчиком (рис. 8. 3, 4, 8). Отметим присущую сосудам комплекса частую профилировку манжетовидных венчиков, сосуды с валиком на плечиках (рис. 8. 3, 4, 6, 7).

Рис. 8. Керамический комплекс Киндыктепа. Тип сосудов VI. 1–9 – станковая керамика



VII. *Тагора*. Данный тип представлен венчиками трех изготовленных на гончарном круге сосудов 29 (около 0,5% сосудов комплекса). Диаметр 30–36 см. Представляют собой крупные чашеобразные сосуды открытого типа, сравнительно неглубокие, с практически невыделенным венчиком (рис. 5. 38, 39).

VIII. Фрагменты *котлов* составляют 8,8% от общего количества сосудов. Все сосуды лепные, закрытого типа. Форма в силу фрагментарности не всегда ясна, археологически целые котлы шаровидной формы (рис. 9. 1). Диаметр венчиков от 17 до более 55 см (в среднем около 30 см). Выделены следующие варианты: 1) котлы с невыделенной горловиной и слабо выделенным венчиком ³⁰ (рис. 9. 1, 2, 4, 5, 9, 11); 2) широкогорлые котлы, преимущественно с отогнутым наружу

²⁹ Весьма схожи с данным типом некоторые крупноформатные чаши (в т.ч. лепные), однако на данном этапе исследований соотнесение их с тагорами преждевременно.

³⁰ Причем венчик (скорее слегка утолщенная стенка) наклонен внутрь. Котлы данного варианта составляют 50 % всех сосудов типа.

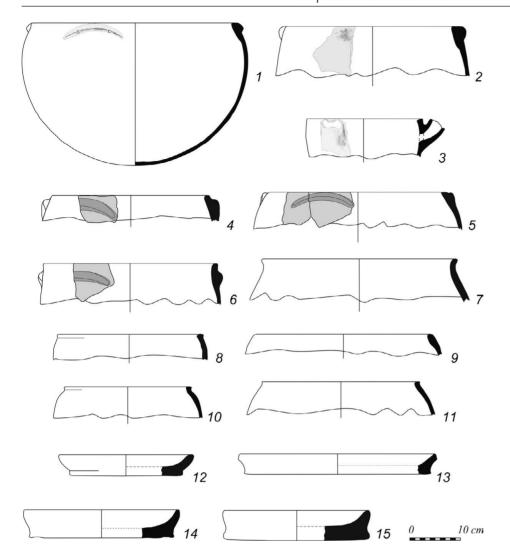


Рис. 9. Керамический комплекс Киндыктепа. Типы сосудов VIII–IX. 1–15 – лепная керамика

венчиком (рис. 9. 6, 7)³¹; 3) котлы со сливом (рис. 9. 3).³² На некоторых фрагментах отмечены ручки в виде дужек (преобладают) (рис. 9. 1, 4–6) и шишкообразного выступа (рис. 9. 2).

ІХ. Жаровни. Представляют собой изготовленные вручную грубые уплощенные диски с невысокими бортиками (рис. 9. 12–15). Все открытого типа, толстостенные, закопченные. Диаметр колеблется от 26 до 40 см. Всего найдены фрагменты 6 жаровен (1,1% от общего числа определимых сосудов).

Среди *редких форм* можно выделить происходящую из кроющих слоев памятника сработанную на гончарном круге нижнюю часть неизвестного сосуда – вероятно ножку *вазы* (рис. 5. 40) и обломок лепной *ложки* с пола центрального помещения (рис. 6. 28). Сюда же отнесены 2 археологически целые *крышки* сосудов (рис. 5. 41, 42) и ручка неизвестного лепного сосуда (горшка?) (рис. 6. 30).

В технологическом отношении станковая керамика Киндыктепа характеризуется плотным черепком в изломе бледно, красно и светло-коричневых, коричневых, различных серых тонов. Зафиксированы следы ремонта сосудов (не менее 4-х экз.). Грубые черепки характерны для котлов и жаровен, большинство изготовленных вручную сосудов других типов отличается более высоким качеством отмучки и отсутствием в тесте шамота и дресвы. Набор

³¹ Всего число котлов этого варианта до 45% от общего количества.

³² Найдено 2 фрагмента котлов (из всего 48) данного варианта. Отличаются небольшим диаметром венчика (20–22 см) и наличием трубковидного слива в верхней части тулова.

³³ Последнее более присуще лепным чашам, горшкам, котлам, однако есть и серокоричневые в изломе черепка горшки, кубок и хумы из категории станковой посуды.

отощителей, ввиду использования одной сырьевой базы, в целом идентичен газимуллатепинскому.

Полученная в результате особенностей процесса изготовления сосудов различная цветовая гамма черепков сосудов дополнялась декоративным высветлением (всего следы высветления имеет около 73% сосудов комплекса), отличавшимся определенным разнообразием. Так, до 11% фрагментов с декоративным обжигом характеризуется двусторонним высветлением. Две чаши высветлены только изнутри. Значительное количество (8,5%) сосудов высветлено неравномерно, в т.ч. отметим хум, у которого для углубления под венчиком намеренно сохранен цвет черепка. На кубках, горшках и хумча нередко высветление только верхней части до подкоса. Высветлялись сосуды до белого, светло-бежевого, бледно-коричневого цвета. Чроме того, следует отметить прочерченные по сырой глине знаки на двух сосудах (рис. 5. 20,37), остатки росписи краской на лепных черепках (рис. 5. 31,37), полосы и потеки краски на осколках станковой посуды (рис. 7. 17-19).

Итак, перед нами два представительных керамических комплекса с узким типологическим рядом весьма стандартизированных сосудов,³⁵ чрезвычайно схожих как в своей стратиграфической последовательности, ³⁶ так и между собой по основным характеристикам, каковые позволяют отнести материалы с обоих описанных выше объектов к среднеазиатским комплексам с т.н. «ахеменидской» керамикой – комплексам типа Яз III. 37 Подобная керамика представлена на практически всех поселениях раннежелезного века юга региона, в частности. многочисленные аналогии рассматриваемым керамическим комплексам можно видеть среди материалов таких близлежащих памятников как Кизылтепа, усадьба Кизылча 6, Талашкантепа I, Кучуктепа, Шортепа, безымянного поселения у г. Термеза, Хаитабадтепа, Обиширтепа, Пачмактепа и др. сурхандарьинских объектов, 38 а также ранних комплексов таких значимых среднеазиатских памятников как Мерв – Эрккала, Афрасиаб, Еркурган, Балх – Бактры и т. д. ³⁹ Повторим, в целом археологические комплексы рассматриваемого периода весьма единообразны, однако, кроющиеся в нюансах различия между ними нередки, пусть и не столь очевидны. Остановимся на данных различиях применительно к описанным выше керамическим материалам ⁴⁰ подробнее.

³⁴ Соответственно 55,5%, 3,1%, 41,4% от всех высветленных сосудов.

³⁵ Обрабатывая комплексы с памятников близлежащих зон А.С. Сагдуллаев для комплексов раннежелезного века также выделил лишь 11 типов станковой посуды (Сагдуллаев 1978, 7), Ш.Б. Шайдуллаев – 10 типов для комплексов Кучук III и 11 для комплексов Кучук IV (Шайдуллаев 2000, 89–96). На Еркургане для этого времени выделено только 10 типов сосудов (Исамиддинов, Сулейманов 1984, 23).

³⁶ Как уже отмечалось выше, наличие крайне интересных, но весьма незначительных различий между керамикой верхних и нижних слоев Газимуллатепа, по нашему мнению, как и с точки зрения ранних исследователей объекта (Ртвеладзе 1987, 61), не дает сколь-нибудь существенных предпосылок для расчленения комплекса. О стратиграфических особенностях материалов Киндыктепа см. ниже.

³⁷ Массон 1959, 41, 208-209, табл. XLI-XLII. Высказывавшееся в отношении комплекса Газимуллатела мнение о его соответствии комплексу Яз II (Сверчков, Бороффка 2008; Boroffka, Sverchkov 2013, 58-60) не кажется убедительным, тем более что у авторов этой гипотезы существует и иная (первоначальная) точка зрения, соотносящая керамику с описываемого памятника с «раннеахеменидским временем» (Сверчков, Бороффка 2006, 200; Сверчков, Бороффка 2007, 129). Здесь же заметим, что термин «ахеменидский» в отношении рассматриваемых комплексов является во многом условным (хотя и наиболее близким в историческом плане) и, понятно, не подразумевает жесткую датировку памятников с подобными материалами в пределах 537 (или 530) – 329 гг. до н. э.

³⁸ Беляева, Хакимов 1973, 45–47, рис. 13, 15; Сверчков, У Син, Бороффка 2013, 60–69,

рис. 30, 31; Сагдуллаев 1987, 27–29, рис. 25, 26; Заппаров, Ртвеладзе 1976, 22, рис. 2; Шайдуллаев 1990, 43–45, рис. 1; 2000, 28–34, рис. 11–16; 43–48, рис. 26, 28; Аскаров, Альбаум 1979, 105–107, табл. 15–17; Мокробородов 2006, 14–15, рис. 3; Мокробородов, У Син 2014, 89–91, рис. 2; Пидаев 1974, 35–37, рис. 3, 4.

³⁹ См., например: Усманова 1959, 28–33, рис. 30; Тереножкин 1950, 155–156, рис. 69; Исамиддинов, Сулейманов 1984, 25–42, рис. 16–18; Maxwell-Jones 2015, 428–439, fig. 558–560.

⁴⁰ Не вдаваясь здесь в детали отметим, что существуют определенные отличия и в других компонентах археологических комплексов Газимуллатепа и Бандыхан II (строительном материале и наборах металлических изделий), лишь подтверждающие делающиеся ниже предположения.

Думается, что следует начать с очевидно большей вариабельности комплекса Киндыктепа в отношении общего разнообразия типов, подтипов и вариантов сосудов (рис. 10. 1, 2). Среди морфологических отличий между сосудами комплексов ключевыми нам видятся наличие среди керамики Киндыктепа вариантов венчиков кубков и горшков, отсутствующих на Газимуллатепа, а именно: горшков с сильно приостренными отогнутыми и загнутыми закраинами венчиков и с заметным валиком на плечиках, малых сосудов с манжетовидным венчиком, жаровен. Существенные отличия заключаются в некотором несовпадении профилей манжетовидных венчиков крупных сосудов: на Газимуллатепа преобладают венчики в виде уплощенного, непрофилированного манжета, на Киндыктепа, напротив, количественно значительно больше рельефно профилированных венчиков, ⁴¹ в последнем комплексе также намного больше сосудов со скошенным плоским манжетовидным навершием. Отметим стремление к закрытым формам сосудов, проявляющееся на Киндыктепа в более существенном проценте венчиков кубков и чаш со стенками, устремленными внутрь, в более узких горловинах горшков. ⁴²

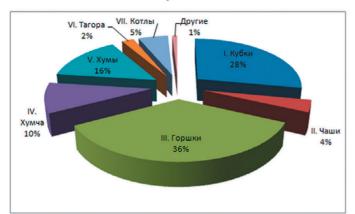
Бо́льшим разнообразием отличается и декоративное оформление сосудов комплекса Киндыктепа. Помимо этого, характерное для обоих комплексов высветление внешней поверхности сосудов разнится и по цветовой гамме: на Киндыктепа преобладают бледно и светло-коричневые оттенки, на Газимуллатепа — «грязно-белые», светлые тона. С технологической точки зрения керамика Киндыктепа вообще выглядит более развитой. Некоторые различия в керамических комплексах, возможно, свидетельствуют в пользу использования во время существования Киндыктепа усовершенствованного гончарного круга быстрого вращения, что может иллюстрировать определенную эволюцию гончарного производства.

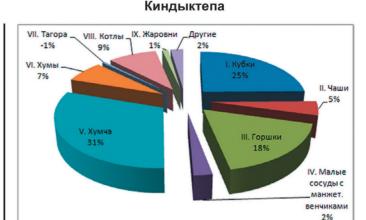
Обобщая данные по публикуемым комплексам, подчеркнем и различия в соотношении категорий лепных и станковых фрагментов из слоев Газимуллатепа и Киндыктепа. В первом доля лепных сосудов составляет 2,9% от количества всех сосудов комплекса, во втором – 16,8% (рис. 10. 3, 4). Автором был проанализирован данный факт. На основании множественных совпадений среди синхронных и близких по времени комплексов региона (комплексы Кизылтепа, Талашкантепа I, Курганзол, Кампыртепа, Пайкенд, Еркурган, Афрасиаб и др.) была установлена определенная тенденция, характерная для комплексов типа Яз III с памятников юга Средней Азии: для поселений с материалами идентичными Газимуллатепа доля лепной компоненты в комплексе составляет 3–4%, для памятников с керамикой типа Киндыктепа – 10–20% (причем большей частью это специфические незакопченые лепные сосуды). В хронологически более поздних комплексах соотношение по рассматриваемому критерию вновь изменяется, превращая раннеантичные комплексы в наборы, практически полностью состоящие из изготовленной на гончарном круге посуды. На практически полностью состоящие из изготовленной на гончарном круге посуды.

Сложно сказать насколько приведенные выше несовпадения (особенно по подтипам кубков) универсальны и существует ли возможность полной экстраполяции полученных промежуточных результатов на материалы из памятников на прилегающих территориях, однако, важность совокупности различий, ⁴⁵ порой довольно существенных, несомненна. По моему мнению, приведенные различия дают возможность задуматься о вероятном хронологическом несоответствии наборов керамики с двух поселений, расположенных в непосредственной близости друг от друга (что исключает локальную вариабельность комплексов), к тому же среди специалистов по археологии и истории Средней Азии уже довольно давно существует стремление к разделению материалов типа Яз III на «раннеахеме-

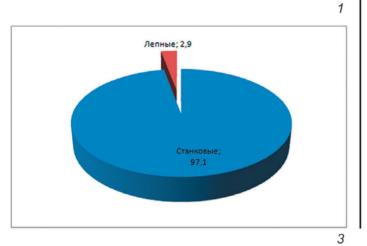
- 41 Особенно недвусмысленно этот факт выглядит в динамике: распределив фрагменты с данными характеристиками по слоям объектов, получаем нисходящую статистическую кривую с показателями от 100% «непрофилированных манжетов» в нижнем слое Газимуллатепа (общий показатель по всему комплексу равен ок. 77%) к 13,5% в верхнем слое Киндыктепа (всего ок. 37%). Нельзя не заметить, что и немногие имеющиеся на Газимуллатепа «профилированные манжеты», отличаются незначительной рельефностью.
- 42 У последнего типа посуды Киндыктепа количественно преобладают венчики диаметром до 22 см, на Газимуллатепа горшки крупнее средний диаметр венчика равен 24.75 см
- 43 Простое несоответствие количественных данных по описываемому параметру не передает всей картины. Если к категории лепной посуды комплекса Газимуллатепа относятся исключительно «кухонные» сосуды, представленные типом «котлы» (за единичным исключением в верхнем слое шурфа 2006 г. отмечены фрагменты лепного тонкостенного горшка), то в комплексе Киндыктепа, помимо котлов и жаровен, наличествуют также лепные чаши, горшки и фрагменты сосудов труднопределяемых типов, причем «некухонные» сосуды количественно преобладают.
- ⁴⁴ Mokroborodov 20186.
- 45 Как кажется, дело вовсе не в том, что количественно комплекс Киндыктепа превосходит комплекс Газимуллатепа (у нас был опыт сопоставления рассматриваемого материала, когда, после одного из сезонов, показатели были схожи) и не в специфическом назначении здания Киндыктепа, гипотетически подразумевающим особый характер археологического комплекса культового объекта, а в неидентичности материалов в их общей сумме как таковых.

Газимуллатепа





2



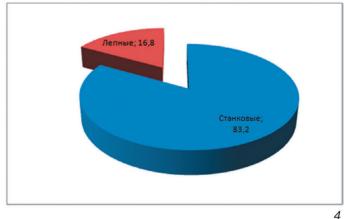


Рис. 10. Основные количественные характеристики керамических комплексов Газимуллатепа и Киндыктепа. 1, 2 – распределение керамики комплексов по типам сосудов; 3, 4 – распределение керамики комплексов по основному технологическому критерию. Все значения – % от общего количества сосудов комплексов

- ⁴⁶ По сути это было уже осуществлено рядом исследователей, причем, исходя из отсутствия опубликованной развернутой аргументации (за исключением, пожалуй, ситуации на Кучуктепа и менее убедительной на Кизылча 6), сделано во многом эмпирически.
- ⁴⁷ Шайдуллаев 2000, рис. 31–35, рис. 47–57.
- ⁴⁸ Заметим, что другие исследователи Талашкантепа I (Ртвеладзе, Пидаев 1993) комплекс не разделяют.
- ⁴⁹ Зеймаль 1971, 84–93, рис. 1, 2. Оба периода Нижний Болдай датируются в пределах 6–4 вв. до н.э.

нидские» и «позднеахеменидские». ⁴⁶ Для прояснения данной проблемы перейдем к вопросу о хронологии анализируемых комплексов.

Установление относительной хронологии рассматриваемых комплексов сильно осложняет фактически полное отсутствие опубликованных детальных результатов раскопок синхронных нашим памятников со стратиграфически сменяющими друг друга керамическими комплексами. Определенные параллели особенностям комплексов бандыханской группы памятников можно усмотреть при сравнении материалов из нижних и верхних слоев Талашкантепа I (схожая ситуация с процентным распределением лепной посуды, позднее появление жаровен, более характерные для верхних слоев памятника узкогорлые горшки и профилированные манжетовидные венчики)⁴⁷, однако полного соответствия полученной нами картине не наблюдается. 48

Ввиду этого кажется уместным привлечение в качестве сравнительных, материалов с памятников, территориально более удаленных от объектов бандыханской группы и имеющих стратиграфически последовательные археологические комплексы. Наиболее интересным для сопоставления выглядит комплекс Болдайтепа (Южный Таджикистан), где посуда периода Нижний Болдай II (ранний этап существования поселения) имеет больше сходства с материалами Газимуллатепа, а периода Нижний Болдай I – с киндыктепинскими материалами. ⁴⁹ Близкую, с определенной натяжкой, ситуацию можно видеть в керамике хорезмского Хумбузтепа. Материалы комплекса Хумбуз I, датируемые автором

раскопок второй половиной 7–6 в. до н.э., по ряду параметров более близки посуде Газимуллатепа, Хумбуз II (5 – начало 4 в. до н.э.) – керамике Киндыктепа. 50

Вновь обращаясь к аналогиям отдельным фрагментам керамическим комплексов бандыханских памятников, обратим внимание на следующее. Прямые аналогии сосуду с рифлеными стенками из Газимуллатела (рис. 4. 24) установить невозможно ввиду неясности формы сосуда, однако, визуально схожие сосуды можно видеть в материалах известного доахеменидского памятника Над-и Али (Западный Афганистан), 51 Возможно сосуды этого типа, вероятнее всего имитирующие металлические, стали не только репликой схожей керамики позднеброн-30ВОГО ВЕКА⁵², НО И ПРОТОТИПОМ СТОЛЬ ШИРОКО РАСПРОСТРАНЕННЫХ В РАССМАТРИВАЕмых комплексах сосудов с гофрированными стенками. Некоторые керамические фрагменты из верхних слоев Киндыктепа (например, изображенные на рис. 6. 1, рис. 5. 23, 25, 29, 40?), можно отнести к эллинистическому времени, да и в целом можно усмотреть определенные параллели анализируемым материалам среди керамики с памятников конца 4-3 вв. до н.э. 53 Наличие эллинистических фрагментов в комплексе Киндыктепа не дает оснований расценивать основную массу керамики комплекса из верхних слоев объекта как античную, т.к. подавляющее большинство фрагментов несет в себе полный набор признаков, свойственных керамике типа Яз III. Этот вывод был подтвержден в ходе обработки автором переходного комплекса Кизылтепа, где, несмотря на фиксацию значительного количества эллинистических фрагментов⁵⁴, в том числе красноангобированных, основа чрезвычайно близкого киндыктепинскому комплекса безусловно «ахеменидская».

Суммируя вышеизложенное, можно довольно обосновано предполагать, что керамика Газимуллатепа скорее раньше, а киндыктепинский комплекс, имеющий параллели в материалах целого ряда более поздних памятников середины I тысячелетия до н.э., сменяет комплекс Газимуллатепа.

Проблемным кажется установление абсолютных датировок рассматриваемых комплексов, хотя сейчас почти никто не берется отрицать соотнесение керамики с данными характеристиками с серединой I тысячелетия до н.э. – раннежелезным веком Средней Азии. Сложность состоит не только в отсутствии нумизматических находок и весьма относительной корреляции данных археологических и немногочисленных письменных источников, но и немалыми трудностями, связанными с применением к описываемым объектам радиоуглеродного датирования.

Проведенное в 2000-х гг. в лаборатории г. Киль (Германия) исследование первых образцов из бандыханских объектов принесло маловразумительные результаты: образцы из Газимуллатепа были датированы в пределах 800-560 гг. до н.э. (с наибольшей вероятностью для даты в пределах 800-748 гг. до н.э.), образцы из Киндыктепа, соответственно, 780-520 гг. до н.э. (наибольшая вероятность для 650-550 гг. до н.э.).⁵⁵ Дополнительные анализы и калибровка результатов привели к получению следующих датировок: Газимуллатепа – 545±25–440±25 гг. до н.э.; Киндыктепа – 504±20–490±25 гг. до н.э. ⁵⁶ Вероятнее всего данная ситуация обусловлена не только недостаточностью сравнительной базы результатов анализов материалов из памятников региона, но тем, что анализы с наших памятников находятся в хронологической лакуне так называемого «Гальштатского плато», делающим крайне сложным точное датирование евразийских археологических объектов середины I тысячелетия до н.э.⁵⁷ По нашему мнению, имеющиеся результаты серии радиоуглеродных анализов по бандыханским объектам, ⁵⁸ пока можно использовать лишь только в качестве второстепенного аргумента для установления последовательности комплексов.

- 50 Болелов 2004, 414.
- ⁵¹ Dales 1977, pl. 21.
- ⁵² Ср., к примеру, Массон 1959, 177, табл. IX. 3. 10.
- ⁵³ Двуреченская 2013, рис. 1, 3, 5, 6; Пидаев 1991, рис. 1; Сверчков 2013, табл. I–III, IX–XI; Седов 1984, рис. 1; Lyonnet 2012, fig. 3, 4 и др. В то же время отметим отсутствие на Киндыктепа ангобированной керамики и таких показательных фрагментов, как венчики рыбных блюд, дисковидные донца и т. п. Факт длительного использования основных форм сосудов комплексов типа Яз III наряду с античной посудой зафиксирован довольно давно, хотя для памятников юго-западного Гиссара оно, по-видимому, не столь продолжительно, как, к примеру, в дельте Мургаба. ⁵⁴ Ср. Сверчков, У Син, Бороффка 2013, 53, рис. 16.
- ⁵⁵ Проведенный в той же лаборатории анализ угля из исследованного нами памятника Шортепа (также расположенного в Сурхандарьинской области Узбекистана и также с керамическим комплексом типа Яз III) первоначально дал датировку в пределах 519—389 гг. до н.э., кажущуюся намного ближе к истине.
- ⁵⁶ Boroffka, Sverchkov 2013, 63, fig. 11.
- ⁵⁷ Подробнее о гальштатской проблеме в отношении памятников региона см. Boroffka, Sverchkov 2013, 60; Хохлова и др. 2010. 92.
- ⁵⁸ Опубликованные результаты ранних радиоуглеродных анализов с ряда памятников эпохи раннего железа (в частности, по Кучуктепа (900 г. до н.э.: Семенцов и др. 1972, 214); Тиллятепа (860±60 г. до н.э.: Сарианиди 1977, арр.; туркменистанскому Улугдепе (320±70 г. до н.э. для слоя с материалами типа Яз I–II: Семенцов и др. 1975, 83); Кюзелигыру (12 в. до н.э.: Вишневская, Рапопорт 1997, 159) также вызывают сомнения с точки зрения соответствия предлагаемым археологами датировками.

Нам кажется, что приблизиться к получению абсолютных датировок в сложившейся ситуации (традиция датирования по мощности слоев памятников также кажется сомнительной) можно лишь с использованием археологических аналогий и косвенных исторических признаков. Наличие в верхних слоях Киндыктепа предположительно эллинистических материалов позволяет нам (принявшим относительную последовательность бандыханских комплексов в порядке Газимуллатепа-Киндыктепа) отсчитывать дату от последней четверти 4 в. до н.э. вглубь до предполагаемого финала времени бытования комплексов типа Яз ІІ. Существенными для установления хронологии также видятся ключевые исторические события. Так, маловероятным кажется факт постройки монументального Храма огня Киндыктепа до религиозной реформы в державе Ахеменидов, отображенной в известной Антидэвовской надписи Ксеркса, датируемой 486–480 гг. до н.э.⁵⁹ Еще более сложно представить себе использование помещений Храма в качестве банального жилья после его разгрома и забутовки (что происходит с Киндыктепа на позднем этапе (схожие проблемы отмечены на близком ему раннем Кизылтепа)), без смены религии если не основной массы населения, то хотя бы власть предержащих, случившейся в Средней Азии в последней трети 4 в. до н.э.

В свете вышеизложенного, нам кажется наиболее верной следующая датировка – комплекс Газимуллатепа относится к 6 (возможно и 7)⁶⁰ – первой половине 5 вв. до н.э., комплекс Киндыктепа – вторая половина 5–4 вв. до н.э.

В заключение хотелось бы отметить следующее. Практически всех вышеприведенных сложностей с выявлением и взаимосоотнесением различных по составу микрокомплексов с керамикой типа Яз III, можно было бы избежать при условии проведения на должном уровне раскопок памятника эпохи раннего железа со «сплошной» стратиграфией. Это было основной идеей, способствовавшей началу в 2010 г. многолетних исследований Байсунской экспедиции на Кизылтепа – единственном городище юго-западных предгорий Гиссара середины І тысячелетия до н.э., которому поселение Бандыхан II уступает размерами. Однако в ходе весьма масштабных исследований Кизылтепа было установлено отсутствие на городище слоев с материалами, относящимся ко времени ранее бытования комплексов типа Яз III. Наша «неудача» отложила решение проблемы «узкой» хронологии среднеазиатских древностей эпохи раннего железа, но, без сомнения, лишь на немного лет. Грядущие раскопки пока неизвестного эталонного объекта либо подтвердят (вероятно, с определенными корректировками), либо опровергнут версию, изложенную в предлагаемой читателю статье. Сейчас же автор не видит причин не использовать вводимые в научный оборот данные и выводы, хотя оперировать в исторических построениях ими или нет, безусловно, является персональным делом каждого исследователя, работающего над археологией Средней Азии эпохи раннего железа.

ЛИТЕРАТУРА

Аскаров А. А., Альбаум Л. И. 1979. Поселение Кучуктепа. Ташкент.

Беляева Т. В., Хакимов З. А. 1973. Древнебактрийские памятники Миршаде // Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 35–51.

Болелов С. Б. 2004. К вопросу о периодизации раннего этапа истории Древнего Хорезма // Transoxiana. История и культура. Академику Эдварду Ртвеладзе в честь 60-летия – коллеги и ученики. Ташкент, 48–55.

⁵⁹ Подробнее о сути реформы см., к примеру: Дандамаев, Луконин 1980, 336–337 и сл. ⁶⁰ О необходимости корректировки даты комплексов типа Яз III в сторону удревнения см., к примеру, Усманова 2010, 90 и, как не парадоксально, Массон 1959, 48.

- Вишневская О.А., Рапопорт Ю.А. 1997. Городище Кюзели-гыр. К вопросу о раннем этапе истории Хорезма // ВДИ 2, 150–173.
- Дандамаев М. А., Луконин В. Г. 1980. Культура и экономика Древнего Ирана. Москва.
- Двуреченская Н. Д. 2013. Раннеэллинистический закрытый керамический комплекс террасного дома Кампыртепа // А. А. Синицын, М. М. Холод (ред.), KOINON $\Delta\Omega$ PON. Исследования и эссе в честь 60-летнего юбилея В. П. Никонорова от друзей и коллег. Санкт-Петербург, 88–109.
- Заппаров Ш. Х., Ртвеладзе Э. В. 1976. Раскопки древнебактрийского поселения Талашкан-тепе I // В. М. Массон (ред.), Бактрийские древности. Предварительное сообщение об археологических работах на юге Узбекистана. Ленинград, 19–24.
- Зеймаль Т.И. 1971. Древнеземледельческое поселение Болдай-Тепе // Материальная культура Таджикистана 2. Душанбе, 80–101.
- Исамиддинов М. Х., Сулейманов Р. Х. 1984. Еркурган. Стратиграфия и периодизация. Ташкент.
- Массон В. М. 1959. Древнеземледельческая культура Маргианы (МИА 73). Москва—Ленинград.
- Мокробородов В.В. 2006. Стратиграфические исследования Шортепа // Археологические исследования Кампыртепа и Шортепа (Материалы Тохаристанской археологической экспедиции 5). Ташкент, 13–20.
- Мокробородов В.В. 2010. Раскопки памятников середины I тысячелетия до н.э. в Бандыхане // М.М. Хайдаров (ред.), Традиции древней и средневековой городской культуры Средней Азии. 70 лет кафедре археологии Национального Университета Узбекистана. Ташкент, 105–112.
- Мокробородов В.В. 2015. История и основные проблемы археологического изучения Средней Азии «Ахеменидского» времени (на примере территорий юга современного Узбекистана) // ПИФК 1 (47), 99–123.
- Мокробородов В.В., У Син. 2014. О разведочных работах Узбекистано-американской экспедиции в Сурхандарьинской области // Археология Узбекистана 1 (№ 8). Самарканд. 88–97.
- Пидаев Ш. Р. 1974. Материалы к изучению древних памятников Северной Бактрии // В. М. Массон (ред.), Древняя Бактрия. Предварительное сообщение об археологических работах на юге Узбекистана. Ленинград, 32–42.
- Пидаев Ш. Р. 1991. Керамика греко-бактрийского времени с городища Старого Термеза // СА 1, 210–224.
- Ртвеладзе Э.В. 1976. Новые древнебактрийские памятники на юге Узбекистана // В.М. Массон (ред.), Бактрийские древности. Предварительное сообщение об археологических работах на юге Узбекистана. Ленинград. 93–103.
- Ртвеладзе Э.В. 1987. Новые бактрийские памятники на юге Узбекистана // ИМКУ 21. Ташкент, 56–66.
- Ртвеладзе Э.В. 2007. Археологические исследования в Бандыхане в 1974—75 гг. // Труды Байсунской научной экспедиции. Археология, история и этнография 3. Ташкент, 67—95.
- Ртвеладзе Э. В., Пидаев Ш. Р. 1993. Древнебактрийская крепость Талашкан-тепе I // PA 2, 133–148.
- Сагдуллаев А.С. 1978. Культура Северной Бактрии в эпоху поздней бронзы и раннего железа (По материалам памятников района Шурчи-Байсуна). Автореферат дисс. канд. ист. наук. Ленинград.
- Сагдуллаев А. С. 1984. Историко-культурное районирование Средней Азии эпохи раннего железа // Раннежелезный век Средней Азии и Индии. Ашхабад, 17–19.
- Сагдуллаев А. С. 1987. Усадьбы древней Бактрии. Ташкент.
- Сарианиди В. И. 1977. Древние земледельцы Афганистана. Москва.
- Сверчков Л. М. 2013. Курганзол крепость Александра на юге Узбекистана. Ташкент.
- Сверчков Л. М., Бороффка Н. 2006. Памятники Бандыхана // Археологические исследования в Узбекистане 5 (2004–2005 гг.). Ташкент, 193–203.

- Сверчков Л. М., Бороффка Н. 2007. Археологические исследования в Бандыхане в 2005 г. // Труды Байсунской научной экспедиции. Археология, история и этнография 3. Ташкент, 97–131.
- Сверчков Л. М., Бороффка Н. 2008. Комплекс периода Яз II из Бандыхана // ИМКУ 36. Ташкент, 50–55.
- Сверчков Л. М., У Син, Бороффка Н. 2013. Городище Кизылтепа (VI–IV вв. до н. э.): новые данные // Scripta Antiqua III. Москва, 31–74.
- Семенцов А. А., Долуханов П. М., Романова Е. Н. 1972. Радиоуглеродные даты лаборатории ЛОИА (1968–1969 гг.) // СА 3, 209–218.
- Семенцов А. А., Маланова П. С., Романова Е. Н., Свеженцев Ю. С., Тимофеев В. И. 1975. Радиоуглеродные даты образцов из Средней Азии и Афганистана, определенные лабораторией ЛОИА АН СССР в 1972–1973 гг. // Успехи среднеазиатской археологии 3. Ленинград, 82–84.
- Седов А.В. 1984. Керамические комплексы ай-ханумского типа на правобережье Амударыи // СА 3, 171–179.
- Тереножкин А.И. 1950. Согд и Чач (Автореф. канд. дисс., защищенной на заседании Ученого совета ИИМК 28 апреля 1948 г.) // КСИИМК XXXIII, 152–169.
- Толстов С.П. 1948. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. Москва.
- Усманова З. И. 1963. Эрк-кала (по материалам ЮТАКЭ 1955—1959 гг.) // Труды ЮТАКЭ XII. Ашхабад, 20—94.
- Усманова З. И. 2010. К истории ранней керамики Мерва // С. Б. Болелов (ред.), Древние цивилизации на Среднем Востоке. Археология, история, культура. Москва, 89–90.
- Хохлова О. С., Зазовская Э. П., Чичагова О. А., Яблонский Л. Т. 2010. Радиоуглеродное датирование различных материалов из курганов ранних кочевников Южного Приуралья // Известия РАН. Серия географическая 3. Москва, 82–94.
- Шайдуллаев Ш. Б. 1990. Новые данные о керамических комплексах периода Кучук III и Кучук IV (по материалам Талакантепа I) // ИМКУ 23. Ташкент, 42–45.
- Шайдуллаев Ш.Б. 2000. Северная Бактрия в эпоху раннего железного века. Ташкент.
- Boroffka N. 2009. Siedlungsgeschichte in Nordbaktrien Bandichan zwischen Spätbronzezeit und Frühmittelalter // Alexander der Grosse und die Öffnung der Welt. Mannheim, 135–143.
- Boroffka N., Sverchkov L. M. 2013. The Jaz II and III Period Pottery. Classification and Chronology Viewed from Bandykhan, Southern Uzbekistan // M. Wagner (ed.), Pottery and Chronology of the Early Iron Age in Central Asia. Warszawa, 49–74.
- Dales G. 1977. New Excavations at Nad-i Ali (Sorkh Dagh), Afghanistan. Berkeley.
- Lyonnet B. 2012. Questions on the Date of the Hellenistic Pottery from Central Asia (Ai Khanoum, Marakanda and Koktepe) // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia 18, 143–173.
- Maxwell-Jones Ch. E. 2015. Typology and Chronology of Ceramics of Bactra, Afghanistan 600 BCE 500 CE. PhD diss. Ann Arbor.
- Mokroborodov V. V. 2018a. Kindyktepa: A Temple of the Mid-First Millennium BC in Southern Uzbekistan // J. Lhuillier, N. Boroffka (eds.), A Millennium of History. The Iron Age in Central Asia (2nd and 1st Millennia BC) (Archäologie in Iran und Turan 17 Mémoires de la Délegation archéologique Française en Afghanistan XXXV). Berlin, 343–353.
- Mokroborodov V. V. 20186. Some Technological Aspects of Ceramic Complexes as an Additional Source on Chronology and History of Central Asia in Early Iron Age // EAA 24th Annual Meeting. Abstract book. Vol. 1. Barcelona, 215.

В. Н. Пилипко

МАТЕРИАЛЫ К СТРАТИГРАФИИ СТАРОЙ КРЕПОСТИ В ГОРОДЕ КЕРКИ*

Аннотация. В статье публикуются материалы из стратиграфического шурфа № 9, заложенного в нуклеарной части («шахристане») Старой крепости города Керки, расположенного на побережье среднего течения Амударьи. Этими работами установлено, что «шахристан» функционировал практически непрерывно с ахеменидского времени до эпохи Кушан включительно, то есть это поселение можно относить к числу древнейших городов Средней Азии. Город располагался у одной из наиболее важных переправ через эту крупную водную артерию Средней Азии, и это обеспечивало его устойчивое развитие в течение длительного времени. Толщина культурных отложений в шурфе достигает 10 м.

Вторая тема, рассматриваемая в статье – трансформация местного керамического производства в период греческого господства в Средней Азии. Предпринята попытка выяснить внутреннюю мотивацию этого процесса и главное – определить хронологические рамки так называемых «переходных комплексов». По мнению автора, радикальные изменения в местном керамическом производстве следует относить к 3 в. до н. э.

Ключевые слова. Средняя Азия, Туркменистан, эпоха эллинизма, взаимодействие культур, керамическое производство, древнейшая история города Керки.

V.N. Pilipko MATERIALS ON THE STRATIGRAPHY OF THE OLD FORTRESS IN THE CITY OF KERKI

Abstract. The article presents materials from stratigraphic trench No. 9 in the nuclear part (shahristan) of the Old Fortress of Kerki located in the middle course of the Amudarya River. The obtained data proves that the 'shahristan' functioned continuously from the Achaemenid period till the Kushan time, which makes the settlement one of the oldest cities in Central Asia. The location of the city near one of the most important crossings of the Amudarya contributed to its stable development through centuries. The thickness of the cultural layers in the trench is over ten meters.

Another issue considered in the article is the transformation of local pottery production during Greek domination in Central Asia. An attempt is made to investigate the internal motivation behind this process and to establish the chronological frames of the so-called 'transitional assemblages'. The author dates the radical changes in the local ceramic production to the third century B.C.

Key-words. Central Asia, Turkmenistan, Hellenistic period, integration of cultures, ceramic production, ancient history of Kerki.

Археологические памятники в пределах города Керки (ныне Атамурат) долгое время были недоступны для археологического изучения и оставались «вещью в себе». Археологи знали об их существовании, но имели весьма смутное представление об их внутренней сути. В городе на краю поймы левого берега Амударьи цепочкой расположены три возвышенности (рис. 1). Самая западная из них, сложенная каменистыми породами, как будто не имеет следов активного освоения человеком. 1

Вторая, центральная возвышенность, известная под названием Анагуллы-депе, или Русская крепость, в течение всего 20 века была занята военным объектом и по этой причине была закрыта для археологов. При строительстве

^{*} Исследование выполнено в рамках НИР ИА РАН по теме «Археологические культуры евразийских степей и античный мир – контакты и взаимовлияния» (АААА-А18-118011790093-2).

¹ По неподтвержденным данным при разносе этой возвышенности с хозяйственными целями в 60–70-х годах 20 в. были обнаружены остатки древних (?) погребений – находки человеческих костей и керамических сосудов. Однако ознакомиться с этими находками не удалось. Информация получена от С. Атаниязова.

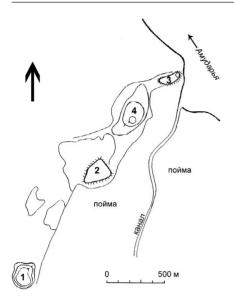


Рис. 1. Схема расположения археологических памятников в г. Керки: 1 — Западный холм; 2 — Аннагулы-депе (Русская крепость); 3 — Старая (Бековская) крепость

этой крепости в конце 80-х годов 19 в. здесь были сделаны довольно интересные находки, но завеса секретности, окружающая военный объект, привела к тому, что ученые об этих открытиях надежных сведений не получили. Только спустя несколько лет от частных лиц в Эрмитаж поступили некоторые из найденных здесь предметов – часть монетного клада, состоящего из золотых кушано-сасанидских и кидаридских (?) монет и драхм сасанидского шахиншаха Варахрана V: бытовая металлическая утварь, относящаяся к периоду развитого средневековья.² Эти находки дали основания предполагать, что данный холм, занимающий площадь более 5 гектаров, является остатками города Земм (Замм), известного по сообщениям письменных источников. В 1992-1994 гг. мне удалось провести беглое рекогносцировочное обследование крепости и заложить небольшой шурф на северном склоне холма. Общее впечатление от этого осмотра – возвышенность также является геологическим останцем, сложенным, в основном, гипсовыми породами. Верхняя часть этой возвышенности практически полностью снесена вместе с культурным слоем при строительстве крепости. Теперь только тщательные поисковые работы, возможно, помогут обнаружить остатки культурного слоя в каких-нибудь западинах или под основаниями некоторых крепостных строений. Шурф, заложенный на склоне холма, уже за пределами крепости, выявил довольно хорошо сохранившийся культурный слой кушано-сасанидского периода (3-4 вв. н. э.). Слои этого и более позднего времени определенно присутствовали в центральной части возвышенности, но точно судить о времени функционирования, структуре и размерах этих поселений пока не представляется возможным. Общая площадь этого объекта составляет примерно 4 га.

Третья возвышенность известна под названием Бековская крепость³ или Старая крепость (Койне-кала). Она находится непосредственно на левом берегу Амударьи. Четкие представления о форме и размерах этого древнего городища отсутствуют, так как буйная Амударья в течение многих веков размывала его края. К новому времени от городища сохранился высокий неправильной формы останец, вытянутый примерно с юго-запада на северо-восток. Сохранившаяся его длина равна примерно 200 м, ширина — 80—50 м. По микрорельефу устанавливается, что городище имело двухчастную планировку. Условно оно разделяется на «шахристан», высокий (10—15 м) холм с плоской вершиной, и цитадель — еще более высокая возвышенность (20 м), занимающая северо-восточную оконечность городища.

Как показали контрольные стратиграфические исследования, разрушение юго-восточной части городища произошло давно, но не раньше кушанского периода. В период существования резиденции керкинского бека принимались меры по предотвращению дальнейшего разрушения обрывистых склонов холма. С этой целью они укреплялись специальными земляными "рубашками", которые местами достигают толщины 2-х метров. Один местный старожил рассказывал мне, что он помнит, как при беке (т.е. в конце 19 — начале 20 в.) возили землю верблюдами и сыпали ее сверху на склоны, затем смачивали и утрамбовывали. Эти обмазки и конструкции поздней крепости надежно консервировали остатки древнего городища, и при ранних обследованиях оно условно определялось как остатки поселения кушанской и сасанидской эпох. ⁴ Только в 1967 г. удалось установить значительно большую древность данного памятника. ⁵

В 1992–1994 гг. на городище были проведены разведывательные работы. Многочисленные контрольные шурфы и зачистки преимущественно располагались у подножия холма.

² Пилипко 1977, 36–42.

³ До 1919 г. на этом холме располагалась резиденция керкинского бека.

⁴ Массон 1973, 7-8.

⁵ Пилипко 1982, 83—86. В процессе археологических исследований 1992 г. был выявлен еще один археологический объект (рис. 1. 4), ныне полностью скрытый городской застройкой. В его пределах обнаружены культурные отложения ахеменидского и кушанского периодов.

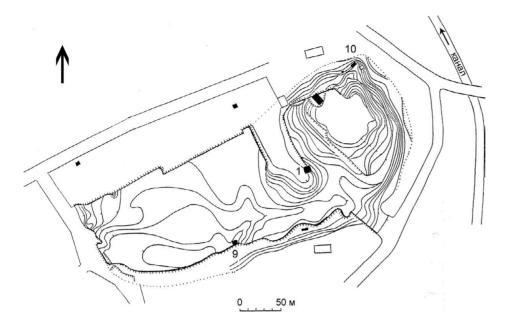


Рис. 2. Схема расположения основных шурфов и зачисток на Старой крепости

Данная статья посвящена результатам работ в шурфе-разрезе № 9 (рис. 2 и 3). В месте заложения шурфа обрыв «шахристана» имеет высоту около 13 м. За условный репер принята наиболее возвышенная точка на краю шурфа. Длина шурфа по фронту обрыва составляет 4 м. Ширина его в верхней части — около 2 м. Так как обрыв не строго вертикален, то по мере углубления ширина шурфа постепенно увеличивалась и на глубине 7 м достигла своего максимума — 5,6 м. После этого шурф копался колодцем размерами сначала 4х4 м, а затем 4х2 м. На глубине 9 м 65 см работы в нем были прекращены из-за опасения обвала бортов, сложенных преимущественно рыхлыми культурными отложениями. Ниже залегает примерно трехметровый культурный слой ахеменидского времени. Его остатки исследовались на других участках поселения.

В процессе прохождения шурфа и последующего анализа комплекса находок на данном участке городища выявлены следующие стратиграфические горизонты (рис. 3).⁶

Горизонт 1. Верхний слой. Это деформированные культурные отложения толщиной 0,6–0,7 м, представляющие остатки Бековской крепости, функционировавшей еще в начале 20 в. Находки поздней керамики встречаются и ниже, так как в подстилающий слой впущено множество ям. Особого упоминания заслуживает канализационное устройство (ташнау), обнаруженное в северном углу шурфа. Это колодец диаметром 50–60 см, опущенный на глубину более трех метров. Верхняя его часть прикрыта купольной кладкой из обломков обожженного кирпича, в центре оставлено широкое сливное отверстие, сбоку в «купол» дополнительно вставлена наклонно расположенная керамическая труба.

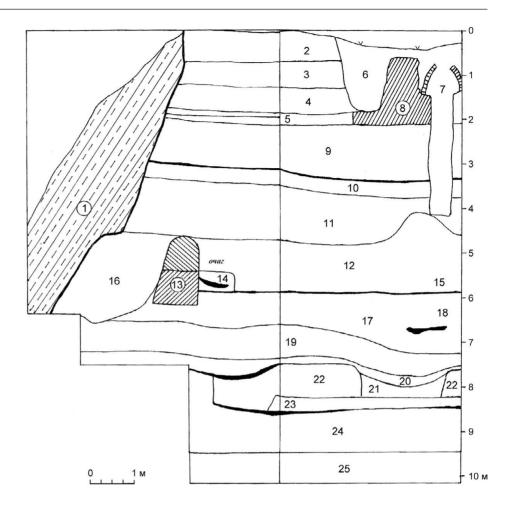
Керамика из этого слоя представлена тремя группами. Наиболее показательны фрагменты «кюйзе» – крупных корчаг, имеющих с внешней стороны рифленую (тисненую) поверхность, а с внутренней они часто покрыты синей или зеленой глазурью. В коллекции имеются лишь небольшие фрагменты стенок, но в целом датировка этих изделий хорошо известна 16–19 вв. Вторую группу составляют крупные глубокие толстостенные миски полусферической формы. Они снабжены невысоким дисковидным вогнутым поддоном. Короткий венчикбортик довольно круто отогнут наружу. Диаметр венчика обычно в пределах

⁶ Нумерация горизонтов сверху вниз.

⁷ Вактурская 1959, 329–330.

Рис. 3. Шурф № 9. Стратиграфия. Юго-западный и северо-западный борта.

1 – поздние обмазки древнего обрыва городища; 2 – верхний мешанный слой; 3 – засыпка; 4 – рыхлое заполнение; 5 – зольно-гумусные отложения: 6 – яма с рыхлым заполнением; 7 – поздний сливной колодец: 8 - пахсовая стена; 9 – рыхлое заполнение; 10 – слой с обильными зольными включениями; 11 – многочисленные ленточные прослойки мусора: 12 – мусор с преобладанием зеленых (гумусных) прослоек: 13 – пахсовая стена; 14 - очаг; 15 - уровень пола; 16 - яма; 17 – мусорный слой с преобладанием серо-зеленых включений; 18 - зольная линза; 19-20 - слоистый мусор; 21 - надувные отложения; 22 - тонкие горизонтальные прослойки мусора; 23 - мелкий песок с включением комочков глины; 24 - супесь желтокоричневого цвета; 24 – культурный слой с обильными находками; 25 – некопаный культурный слой



32–34 см (рис. 4. 1, 6, 7). Черепок коричневый, удовлетворительного качества, без грубых примесей. Внутренняя часть этих изделий покрыта глазурью. Преимущественно это однотонная стекловидная масса синего, зеленого, коричневого или блекло-белого цвета. Встречаются также блюда с небрежно выполненным «звездчатым» орнаментом. На наиболее крупном обломке представлено следующее колористическое сочетание: серовато-белый тусклый фон. Оттиски звездочек, выполненные черной краской, дополнительные элементы орнамента – бледно-голубыми линиями (рис. 4. 8).

Наименее выразительная и плохо определяемая – неглазурованная повседневная посуда. Позднесредневековое ее происхождение по небольшим фрагментам можно определить лишь в тех случаях, когда имеется гребенчатый орнамент (рис. 4. 4).

Горизонт 2. Без четкой границы средневековые отложения сменяются слоями, связанными с кушанским периодом. К этому времени, возможно, уже относится стратиграфический горизонт между отметками –60–210 см, с ним связаны зольно-гумусные напольные отложения на отметках –190–210 см и плохо сохранившаяся пахсовая стена. Здесь уже определенно присутствует керамика античного времени и даже обнаружен один обломок «подкоса». Из индивидуальных находок в этом слое следует отметить пирамидальное терракотовое грузило, два грузила эллипсовидной формы из необожженой глины (диаметр 7–7,5 см) и каменное пряслице, выточенное на станке.

⁸ Екимова 1959, 368. Этот элемент орнамента широко использовался в поздней керамике Средней Азии. Отпечатки наносились головками растения – канатик.

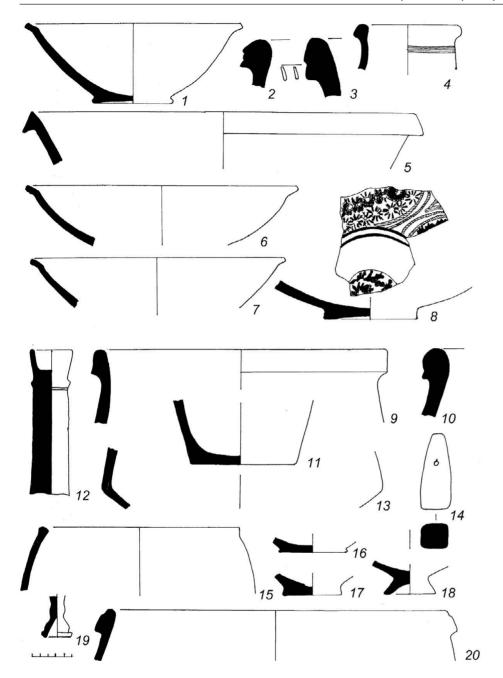
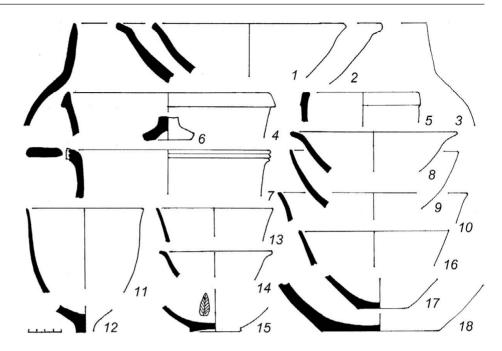


Рис. 4. Шурф № 9. Керамика из I–IV ярусов

Горизонт 3. Его отметки -210-330 см. Он представлен относительно однородными лёссовыми отложениями, лежащими на четко выраженном полу. Здесь также имеется примесь более позднего, происходящего из «ташнау» (рис. 5. 1-4), и более раннего материала, но преобладающая масса находок уверенно связывается с кушанским периодом. Это, прежде всего, обломки бокалов на тонкой высокой ножке (рис. 5. 6, 11-13), часто покрытые плотным красно-коричневым ангобом. Бокалы, очевидно, имели колоколовидный силуэт.

Другая показательная форма – глубокие чаши и миски в виде шарового сегмента. Венчик прямой или слабо отогнутый наружу (рис. 5. 8–10, 16). Небольшие донца плоские или снабжены вогнутым поддоном. Примечательна нижняя часть чаши с оттиском листика на внутренней стороне (рис. 5. 15).

Рис. 5. Шурф № 9. Керамика из V–VI ярусов



С кушанским периодом связаны изредка встречающиеся, относительно высокие ножки бокалов (рис. 6. 25), но они все же не столь высоки, довольно устойчивые и, скорее всего, принадлежат бокалам с колоколовидной формой резервуара, которые обычно рассматриваются как наиболее ранняя группа этого вида изделий (конец 2–1 в. до н.э.). Следует также обратить внимание на большую столовую миску, резко отогнутый венчик, которой украшен одинарной волнистой линией (рис. 6. 13). Единичным экземпляром представлено горло широкогорлого сосуда («кратера»?), подтреугольный венчик которого украшен параллельными валиками (рис. 6. 10). В керамических наборах соседней Кашкадарьинской области «кратеры» появились в 1 в. до н. э. 10 Несколько фрагментов чаш имеет черный черепок (рис. 6. 14). В VIII ярусе найден фрагмент красноангобированного кувшина у нижнего корня ручки которого имеется налеп с погрудным антропоморфным изображением, нанесенным с помощью матрицы.

На основании этих признаков для слоя 4a наиболее приемлема датировка в пределах конца 2–1 вв. до н.э.

Материалы из слоя 46 более гомогенны. Здесь уже нет форм, характерных именно для кушанского периода – бокалов на высокой ножке, чаш с плавно отогнутым наружу венчиком, хумов со скобчатым профилем венчика.

⁹ Мандельштам 1975, 64-130.

¹⁰ Сулейманов 2000, рис. 201.

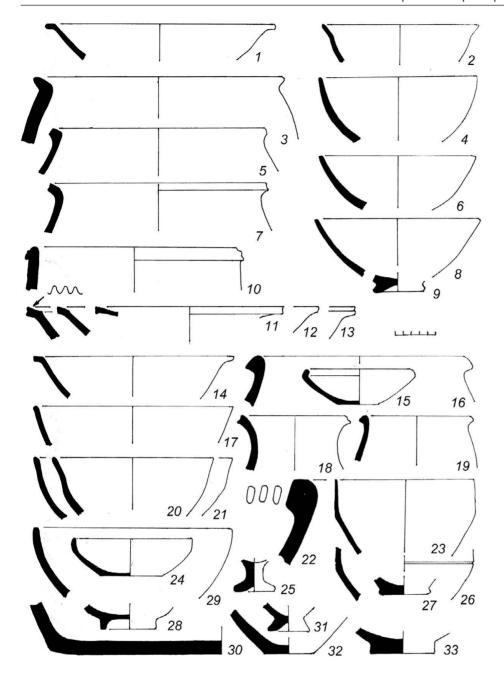


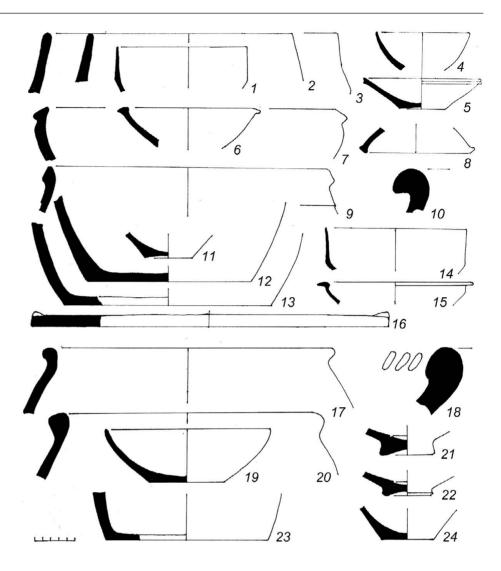
Рис. 6. Шурф № 9. Керамика из VII–VIII ярусов

Наиболее показательны для него хумы с пальцевидными вдавлениями на венчике (рис. 7. 18), присутствуют чаши с венчиком в виде утолщения, выступающего наружу; бокалы имеют цилиндроконический профиль резервуара (рис. 7. 11), известны также чаши с полусферическим и коническим силуэтом. Донца у них плоские и слегка вогнутые. Наряду с красноглиняными изделиями присутствует столовая керамика с розовым или кремовым черепком.

Материалы из IX— верхней части X яруса фактически представляют тот же слой 12 на рис. 3, составляющий единое целое со стратиграфическим горизонтом 46. Но в нем следует отметить существенную примесь более раннего материала. 11 К числу таких перемещенных изделий можно относить обломок цилиндроконического бокала (рис. 7. 1), чашу конической формы с раздвоенным венчиком

¹¹ Отчасти это, возможно, следствие несовершенства методики раскопок горизонтальным штыками, когда механически смешивались материалы из слоев, имеющих наклонное залегание. Но это могло быть и следствием древних перекопов.

Рис. 7. Шурф № 9. Керамика из IX–X ярусов



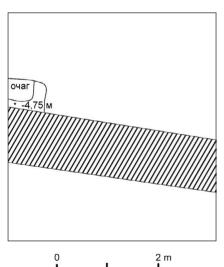


Рис. 8. Шурф № 9. План на уровне XII яруса

(рис. 7. 5), чашу с горизонтально отогнутым венчиком-бортиком (рис. 7. 15), донца чаш с красным ангобом с дополнительным углублением в нижней части резервуара, которые можно рассматривать как поздние реплики «рыбных блюд» (рис. 7. 21, 22). Все эти изделия определенно следует датировать временем не позднее 2 в. до н.э.

Горизонт 5. Расположен в нижней части X–XII ярусах. Наиболее значимым стратиграфическим элементом здесь служит пахсовая стена, имеющая условно юго-западное – северо-восточное направление (рис. 4. 8). В основании она имеет толщину 1 м, вверху ок. 0,7 м. Отчетливо прослеживается ее возведение отдельными поясами высотой ок. 0,8 м. С этой стеной связан горизонтальный уровень пола на отметке 5,90 м, четко выраженной зольной прослойкой и пристенный очаг прямоугольной формы (рис. 8). При возведении стены и очага наряду с глиной были использованы фрагменты обожженных кирпичей, принадлежащих двум разным форматам. Одни из них имели ширину 19,5 см при толщине 9,5–10 см, толщина других при большей ширине составляла 5 см, возможно, это был уже не прямоугольный, а квадратный кирпич. Помещение заполнено многочисленными горизонтально залегающими мусорными прослойками серого, коричневого и зеленого цвета.

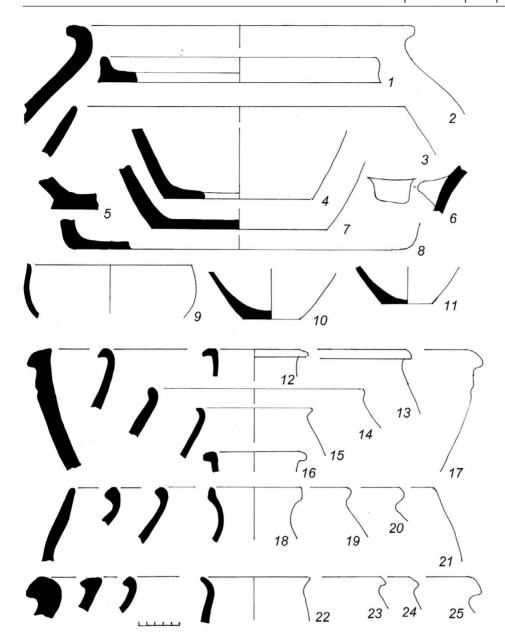
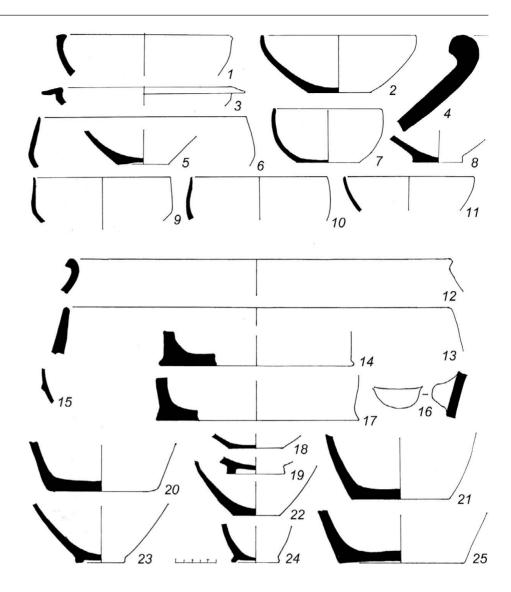


Рис. 9. Шурф № 9. Керамика из XI – верхней части XII яруса

К юго-востоку от стены имеется большая яма, заглубленная значительно ниже основания стены. Заполнение ее – плотная слежавшаяся засыпка (лёсс). Время возникновения ямы точно не определено. Наиболее вероятно, что она возникла в период запустения рассматриваемой постройки, но до формирования отложений 4-го периода.

Изменения в керамике достаточно отчетливо прослеживаются с X яруса. Здесь уже полностью отсутствуют бокалы на высоких ножках, чаши с S-образным профилем. Наиболее показательны хумы с частыми вмятинами на внешней стороне валикообразного венчика. Известны также круто отогнутые наружу венчики хумов (рис. 9. 25). В мусоре, заполнившем помещение в период запустения, часто встречаются обломки кухонной керамики. Фрагменты сильно измельчены, форма точно не восстанавливается, но можно предполагать, что это были широкодонные горшки с бочковидной или цилиндрической формой резервуара

Рис. 10. Шурф № 9. Керамика из XII– XIII ярусов



(рис. 9. 5; 10. 14, 17). Вверху диаметр значительно уменьшался, верхний край горшка оформлен небольшим отворотом (рис. 9. 22). Крупные горшки с диаметром венчика более 40 см отворотов не имели (рис. 9. 3, 21). С этими горшками, очевидно, связаны небольшие ручки-держаки в виде парных (?) округлых выступов (рис. 9. 6). Вся кухонная керамика изготовлена лепным способом, из теста с обильной примесью шамота. Черепок в изломе коричневый, иногда желтый, обжиг обычно равномерный. Подобную же фактуру имеют немногочисленные крышки и сковороды (рис. 9. 1).

Горизонт 6 залегает на 7 м шурфа (XIII–XIV яруса). Его, вероятно, следует определять, как нивелирующую подсыпку под строение слоя 5. Керамический материал обилен, но это, опять же, мелкие разрозненные фрагменты (рис. 10, 11). Существенных изменений в составе находок нет. Обильнее и разнообразнее представлены чаши и миски с горизонтально или почти горизонтально отогнутым венчиком (рис. 10. 3; рис. 11. 8, 12, 20). Интересна небольшая чашечка с крутым перегибом стенки (рис. 11. 26). Много глубоких тонкостенных чаш полусферической формы. Разнообразны горшки с хорошим качеством черепка. Венчики у них обычно слегка утолщены и отогнуты наружу (рис. 11. 2, 3). Впервые встречен

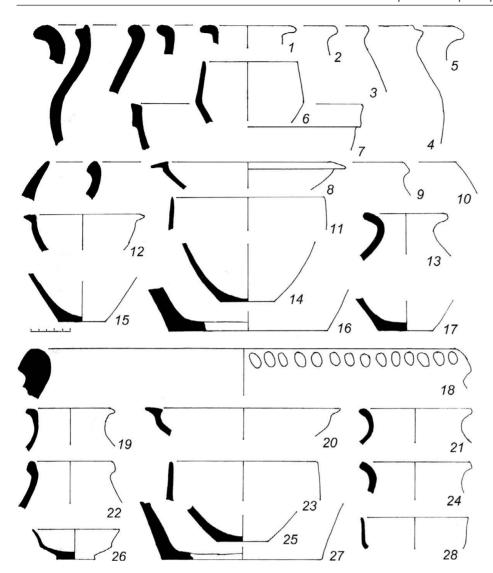


Рис. 11. Шурф № 9. Керамика из XIII– XIV ярусов

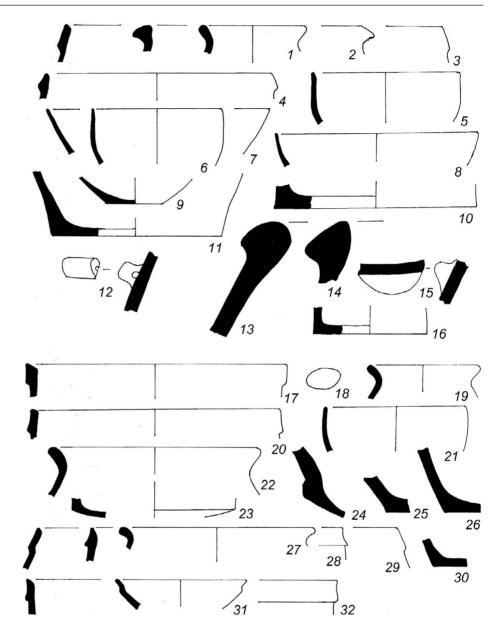
манжетовидный венчик, но, судя по его постановке, он принадлежит не корчаге, а большой глубокой миске, диаметр – 29 см (рис. 11. 7).

Горизонты 7–8. Указанная выше подсыпка лежит на неровных (в разрезе волнистых) мусорных прослойках зеленого и коричневого цвета (слой 7). Они, в свою очередь, перекрывают мощный слой горизонтально залегающих прослоек постепенно накапливавшегося серого мусора. В этом нижнем слое вырыта большая яма, которая сначала была частично заполнена надувными отложениями, а затем перекрыта слоем 7, который следует определять как мусорный сброс (рис. 3).

Находки из слоя 7 практически не отличаются от находок из слоя 5. В слое 8 находок мало, в большинстве своем они невыразительны. Наиболее важное изменение – увеличивается количество фрагментов, восходящих к ахеменидскому времени – манжетовидных венчиков корчаг и фрагментов сосудов с «подкосами» (рис. 12).

Горизонт 9. Представлен двумя горизонтальными прослойками, занимающими почти весь 9-й метр (XVII—XVIII ярус). Внизу залегает слой желто-коричневой супеси, который перекрыт более тонкой прослойкой мелкого (надувного?) песка с комочками глины. Из этого горизонта происходит небольшое количество

Рис. 12. Шурф № 9. Керамика из XV яруса (№№ *1–12*); XVI яруса (№№ *13–16*); XVII яруса (№№ *17–25*); XVII–XVIII ярусов (№№ *26–32*)



фрагментов керамики (рис. 12). Среди них доминируют венчики корчаг ахеменидского типа, но имеются также плоские днища крупных горшков. Найдено овальное каменное ядро для пращи (рис. 12. 18). Эти отложения можно рассматривать как слой запустения, фиксирующий какой-то перерыв в жизни поселения.

Горизонт 10. (XIX – начало XX яруса). Рыхлый культурный слой с относительно многочисленными находками фрагментов керамики. Керамика из этого слоя обнаруживает тесную связь с комплексами ахеменидского времени (рис. 13). Ведущая форма – крупные цилиндроконические и биконические сосуды с подкошенной (конической) нижней частью. Этого вида сосуды формовались в чашевидных подставках с применением песчаной подсыпки. Все эти изделия снабжены манжетовидными, реже подтреугольной формы венчиками. Один венчик с четкими угловатыми формами близок к «клювовидным» (рис. 13. 20). Помимо корчаг обнаружено дно высокого стаканообразного кубка, уже совершенно лишенного «подкоса» (рис. 13. 12). Из других форм следует отметить крупные

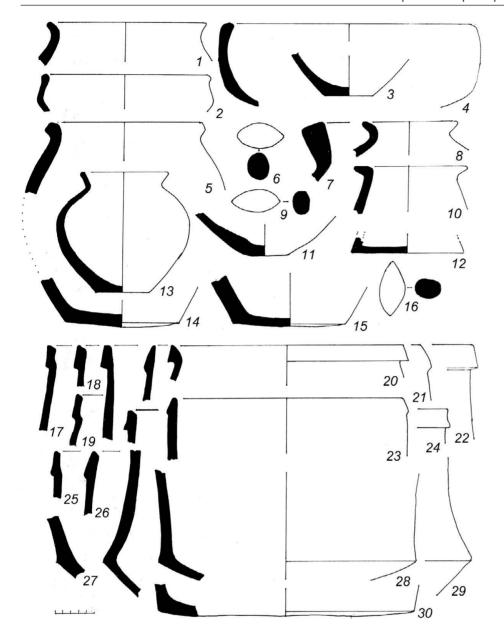
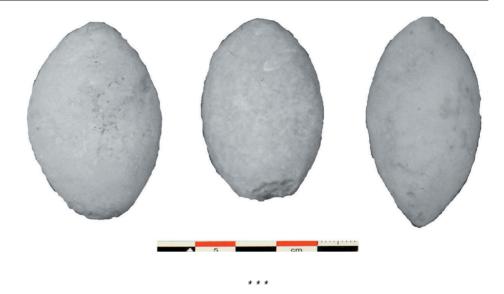


Рис. 13. Шурф № 9. Керамика из XIX – начала XX яруса

глубокие миски (рис. 13. 2, 4). Большие и малые плоскодонные (без «подкосов») горшки с отогнутыми наружу венчиками (рис. 13. 5, 13, 14). Все эти изделия изготовлены круговым способом из формовочной массы хорошего качества. Единственное исключение — фрагмент «подкоса», содержащего в формовочной массе обильную примесь дресвы, черепок плотный хорошего обжига. Оригинален утолщенный венчик хума (рис. 13. 7). Помимо керамики из этого слоя происходит полтора десятка «биконических» ядер для пращи, выточенных преимущественно из местного плотного кристаллического гипса (рис. 14). Но имеются ядра и из других пород камня. Найден обломок зернотерки из темно-серого зернистого камня. Она имела вид относительно тонкой плиты толщиной около 3 см. Ширина сохранившегося обломка — 16 см., но надо полагать, что в средней своей части зернотерка имела ширину не менее 20 см. Возможно в качестве оселка использовалась шиферная пластина с заглаженной поверхностью. Размеры ее 7,2×2,9×0,8 см.

Рис. 14. Шурф № 9. Ядра для пращи



В представленном выше техническом описании материалов шурфа на территории «шахристана» старой керкинской крепости приведены общие ориентиры для определения хронологических рамок того или иного стратиграфического горизонта.

При их датировке в пределах крупных хронологических периодов особых проблем не возникает. Нижний культурный слой, имеющий толщину более 3 м, определенно относится к ахеменидскому периоду. 12 На это надежно указывают ведущие керамические формы – крупные цилиндро-конические сосуды («корчаги»), характерными признаками которых служит «подкос» (резкое сужение придонной части резервуара, следствие формовки сосудов в специальных чашевидных подставках), утолщенные манжетовидные венчики. Еще один не систематически встречающийся признак – горизонтальная гофрировка стенок резервуара. Другая определяющая форма – небольшие цилиндроконические бокалы (кубки). Изделия этого рода характерны для всех южных земледельческих областей Средней Азии, кроме Гиркании.

Следующий исторический период – эллинистический, начало которого большинством исследователей связывает с появлением в Средней Азии грекомакедонской армии под предводительством Александра Македонского, а конец с вторжением юэчжей, которое согласно китайским источникам приходится на третью четверть 2 в. до н.э. Здесь, однако, следует отметить, что продолжительность эллинистического периода была неодинаковой в разных историко-культурных областях. Самым коротким он был в Парфии, которая вышла из-под греческого контроля в середине 3 в. до н.э., т.е. здесь он продолжался 80-90 лет. Затем от греческой власти освободился Согд. Наиболее продолжительным эллинистический период был в Маргиане (в середине 2 в. до н.э. ее завоевали парфяне) и Бактрии, южная часть которой продолжала сохранять какую-то автономию и при юэчжах. Традиционно этот эллинистический период почти везде определяется одинаково 3-2 вв. до н.э. Далее следует юэчжийский период, который формально ограничивается второй половиной 2 в. до н. э. и двумя первыми третями 1 в. до н.э. Сейчас с ориентацией большинства историков и археологов на начальную дату эры Канишки около 120 г.н.э. эта хронология опять приближена к круглым датам – греко-бактрийский период – 3–2 в. до н.э..

¹² В этот период среднеазиатскими археологами традиционно включается и первая половина 6 в. до н.э., которая фактически относится к доахеменидскому периоду.

юэчжийский – 1 в. до н.э. и, наконец, кушанский 1–2, первая половина 3 в.н.э. Позднеантичный период (под которым для территории Бактрии имеется в виду позднекушанский и сасанидо-кушанский этапы) в целом, обычно датируется 3–4 вв., хотя среди исследователей по-прежнему сохраняются разногласия относительно времени сасанидского завоевания Кушаншахра и времени существования Кушано-Сасанидского доминиона.

С датировкой отдельных стратиграфических горизонтов керкинской крепости в рамках этой общей хронологической схемы проблем нет. Нижние культурные слои толщиной более 3 м уверенно относятся к ахеменидскому периоду, слои с XVII по X ярус к эллинистическому, слои, расположенные в пределах IX–V ярусов, связываются с юэчжийским периодом (может быть с концом греко-бактрийского) и верхние III и IV ярусы относятся к кушанскому периоду (1–3 вв. н. э.). Слоев и материалов позднекушанского времени на «шахристане» Старой крепости не обнаружено.

Такие датировки были разработаны и считались приемлемыми во второй половине 20 в. Но сейчас они уже не удовлетворяют исследователей, и предпринимаются попытки создания дробных хронологических определений с точностью до века или даже половины столетия. При исследовании конкретных памятников такие определения нередко предлагаются, но на поверку обнаруживается множество допущений, волюнтаристских определений. Ограничусь двумя печальными фактами. Для Бактрии и практически всей Средней Азии эталонным памятником уже многие десятилетия считается городище Ай-Ханум, но на поверку оказывается, что даже на этом объекте многие определения условны и нет единого мнения относительно даты основания города. 13

Второй пример, в некоторых работах детально, вплоть до десятилетий, датируются отдельные стратиграфические горизонты, но до сих пор нет четкого представления об основных диагностирующих признаках раннеэллинистического комплекса времен Александра и диадохов, селевкидского и греко-бактрийского.

Третья застарелая проблема связана с так называемыми «переходными комплексами». Переход от традиций ахеменидского времени к новым реалиям эллинистического периода, естественно, имел свое конкретное выражение в материальной культуре и определенный хронологический диапазон. При переводе данной проблемы в археологические реалии она в основном сводится к определению времени окончательного исчезновения старой традиции формовки сосудов в чашевидных подставках, т. е. исчезновения из массового употребления сосудов с цилиндроконическим силуэтом.

При решении этого вопроса обнаруживаются три разных подхода. Одни исследователи считают, что это явление – результат внутреннего развития местного керамического производства и никак не связано с греческим влиянием.
Чсследователи хорезмской школы считали, что Хорезм вышел из-под ахеменидского влияния в 5 в. до н.э., и с того времени в данном регионе получил распространение так называемый раннекангюйский комплекс, который сейчас предпочитают называть древнехорезмийским.

Однако в последнее десятилетие был открыт и активно исследовался новый памятник Акшахан-кала. ¹⁵ В существующей литературе о датировке этого объекта приводятся противоречивые данные. ¹⁶ В этих обстоятельствах я обратился за разъяснениями к лучшему современному знатоку древнехорезмских керамических комплексов С.Б. Болелову. Под влиянием результатов раскопок на Акшахан-кала и полученных при этом радиоуглеродных дат он пересмотрел свои

¹³ Лионе 2000, 75–80; Lerner 2005, 464–476; 2010, 58–79.

¹⁴ Воробьева 1959, 63–220; 1973; Вайнберг 2004, 93–147; Болелов 2004, 48–55.

¹⁵ В ранних публикациях он именуется Казаклы Яткан.

¹⁶ Betts, Yagodin, Grenet 2012, 127; Ртвеладзе 2013, 93–95; Хожаниязов 2013, 109–128.

прежние взгляды на датировку. По его мнению, древнехорезмийский комплекс левобережья Амударьи идентичен керамике Акшахан-калы и на основании радиоуглеродных дат их следует датировать 3–2 вв. до н.э. Таким образом вопрос о приоритетном развитии Хорезма в середине первого тысячелетия до н.э. следует считать закрытым.

Другая группа исследователей считает, что изменения в местном производстве керамических изделий начались сразу после появления македонян и греков в Средней Азии одновременно с радикальными изменениями в фортификационном строительстве: переход от прямоугольного сырцового кирпича к квадратному, замене полукруглых башен на квадратные, внедрение бойниц стреловидных очертаний и массовое появление городов и крепостей с четкими прямоугольными очертаниями. Таретья группа исследователей, к которой принадлежит и автор данной работы, предполагает, что в местном керамическом производстве новшества не носили столь радикального характера и не внедрялись столь стремительно, как в архитектуре. Этот процесс начался не сразу после македонского завоевания, он имел длительное развитие и в силу различных факторов принимал разные формы в разных историко-культурных областях.

В краткой тезисной форме суть этого процесса можно представить в следующем виде. Местное керамическое производство имело свои давние устойчивые традиции и высокий уровень технического развития. Местная массовая бытовая керамика по своему качеству практически не уступала аналогичным греческим изделиям. У местного населения (керамистов) не было внутренних побудительных причин к изменению технологии керамического производства и радикальной смене существующего репертуара изделий.

Инициатива, вероятно, исходила от греков. Очутившись далеко от родины, они, тем не менее, стремились сохранять привычный образ жизни. Доставлять керамику с родины возможности не было. Самим заниматься изготовлением привычной керамики на месте, в силу нового социального статуса (господствующий класс), им было зазорно. Кроме того, сомнительно, что в войске Александра Македонского были бывшие профессиональные гончары. По этой причине они были вынуждены прибегать к услугам местных керамистов, которые по немногим, имеющимся у «среднеазиатских греков» образцам изготовляли (имитировали) привычную для греков посуду. Соответственно надо предполагать, что первоначально изготовлением керамики à la grecque занималась относительно небольшая группа местных керамистов, работавших в местах концентрации греческого населения - в городах и военных поселениях. Со временем круг потребителей такой продукции расширился. В Средней Азии появился класс колоборацианистов, который был настроен на сотрудничество с греками и стремился соответствовать своим патронам и в быту. Следующий достаточно легко прогнозируемый этап – сбыт «излишков» этой продукции широким кругам местного населения. Так постепенно экзотические образцы иноземной посуды были адаптированы к местной среде. Ключевое слово в этой фразе – постепенно. Процесс становления так называемых комплексов «айханумского типа» был длительным и для местного населения сугубо добровольным. У греков не было особой заинтересованности в активном внедрении своих бытовых пристрастий в среду местного населения.

Общий вывод из этих умозрительных рассуждений – в период бурных политических событий последней трети 4 в. до н.э. тесные контакты победителей и побежденных на бытовом уровне были маловероятны. Основная масса

¹⁷ Выражаю признательность С.Б. Болелову за данное разъяснение.

¹⁸ Напр.: Исамиддинов 2002, 136; Сверчков 2006, 105–124.

местного населения продолжала сохранять свою традиционную культуру, т.е. пользоваться привычным набором керамических изделий, так называемого «ахеменидского типа». Интерес к некоторым образцам греческой посуды в местной среде пробудился значительно позже — в селевкидский, а в сельской глубинке может быть даже и в греко-бактрийский период. Полное исчезновение старых традиций (пресловутых цилиндроконических форм и манжетовидных венчиков), вероятно, произошло в первой половине 3 в. до н. э. Это можно считать довольно надежно установленным для Маргианы в и Этека основания предполагать аналогичную ситуацию в Бактрии, Согде и даже Хорезме. Но для превращения этих деклараций в признанные научные выводы требуется длительная, кропотливая работа с конкретным археологическим материалом. В первую очередь требуется его существенное количественное увеличение. Несколько венчиков, добытых из шурфов, не дают необходимого представления о соответствующих комплексах.

Если вернуться к шурфу № 9 на старой керкинской крепости, то попытки узкой датировки отдельных стратиграфических горизонтов наталкиваются на множество трудностей.

- 1. Несовершенство методики исследования, вернее не всегда точное следование всем ее предписаниям. Как правило, археологи не имеют возможности неспешно исследовать объекты (особенно при прохождении шурфов) послойно, в соответствии с методическими установками, и копают горизонтальными «штыками», при этом нередко происходит смешение материала, особенно из тонких наклонно залегающих прослоек.
- 2. При работах разведывательного характера, особенно в шурфах, бывает трудно определить природу тех или иных отложений (естественный слой запустения, завал, забутовка, нивелировочная засыпка, мусорная прослойка, образовавшаяся в процессе эксплуатации архитектурного объекта или мусорный сброс в уже опустевшее здание и т. д.) Все это, в сочетании с маловыразительностью скудного материала, слабой методической разработанностью «теории слоя», не дает возможности правильно определить природу мелких стратиграфических контекстов и предложить для них обоснованную узкую датировку.

При анализе результатов исследований в шурфе № 9 условность хронологических определений обнаруживается уже при оценке общих хронологических рамок освоения данного участка поселения. Работы в шурфе по техническим причинам остановлены на 10-м метре от репера. Ниже еще залегает 3-х метровая толща культурных отложений «ахеменидского» времени. Это было установлено по более ранним зачисткам южного обрыва остатков поселения (рис. 15).

Большинство исследователей под этим понимает наборы с определенными хорошо известными признаками, которые датируют 6–4 вв. до н.э.²¹ Почти всеми данный комплекс рассматривается как монолитное единство, попытки проследить динамику его развития на протяжении трех столетий предпринимаются крайне редко.²² В этих условиях более точное определение неизбежно принимает гадательный характер. Исследователи, в основном, ориентируются на количество выявленных строительных горизонтов или на общую толщину культурных отложений.

На подобных субъективных аргументах основывается и время основания «шахристана». В нижних частях обрыва прослеживаются многочисленные зольные и гумусные прослойки, свидетельствующие о том, что здесь, видимо, представлено еще несколько стратиграфических горизонтов. На образование

⁹ Усманова 1963, 20–94; 1969, 13–55; Усманова, Филанович, Кошеленко 1985, 226–242, 378–389; Филанович 1989, 62–76; Гаибов 2004, 600–608.

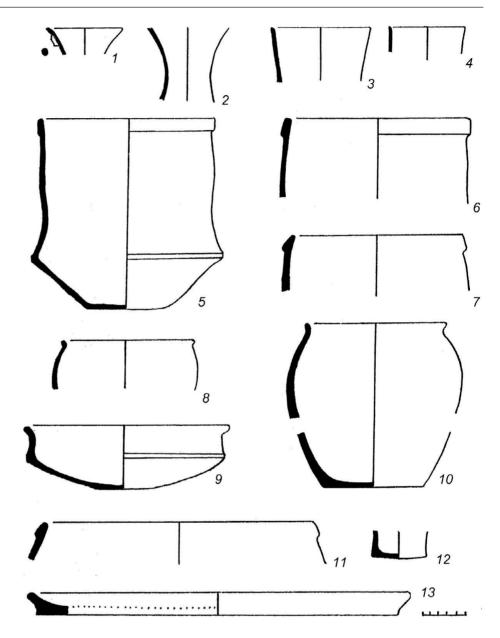
²⁰ Пилипко 1987, 52–59; 1990, 60–76; 2015, 70–89.

²¹ Выше я коротко касался этого вопроса. В детальном его обсуждении в данной работе публикационного характера нет возможности и необходимости. Подробное его обсуждение содержится, например, в следующих работах: Сагдуллаев 1978, 1982, 229–234; Болелов 2004, 48–55; Сверчков 2006, 105–124.

²² Например: Сулейманов 2000, 160–164, 228–245.

²³ На цитадели ситуация могла быть иной.

Рис. 15. «Шахристан» старой керкинской крепости. Керамика из нижней части южного обрыва



3-х метровой толщи отложений явно потребовалось больше одного века. Исходя из этих косвенных показаний время основания «шахристана» следует относить к 5 в. до н.э.

С определением верхнего, кроющего слоя древнего «шахристана» ²⁴, казалось бы, не должно быть тех осложнений, которые затрудняют определение времени основания поселения. Кушанский период на территории Бактрии без всяких оговорок – самый изученный. Проведены широкомасштабные раскопки на многих поселениях. Датировка культурных отложений контролируется многочисленными монетными находками, керамические комплексы представлены полными формами, прослежено их поэтапное хронологическое развитие. Кушанские комплексы имеют четкие хронологические индикаторы. Даже долгие дискуссии относительно абсолютной даты «Эры Канишки» не оказали существенного влияния на относительную последовательность комплексов. Археологи участвовали в дискуссиях об абсолютном возрасте того или иного комплекса,

²⁴ Позднейшее его освоение в 18–19 вв. здесь оставляется без внимания.

но у них практически не было разногласий о размещении того или иного конкретного археологического комплекса в рамках кушанского периода (раннекушанский, великокушанский, позднекушанский этап; время Сотер Мегаса, Канишки, Васудевы и т. д.). Все это позволяет хорошо документированные слои уверенно определять с точностью до века и даже десятилетий. В конкретном случае с керкинской крепостью ситуация осложнена поздними деформациями верхней части кушанского слоя. По этой причине и малым размерам шурфа имеется очень невыразительный, сильно фрагментированный керамический материал, монеты и другие, относительно точно датируемые артефакты вообще отсутствуют. В этих условиях невозможно точно определить дату окончательного запустения данного поселения.

В определенной степени остается открытым вопрос о времени появления слоя запустения в XVII-XVIII ярусах. Он, возможно, свидетельствует о какой-то катастрофе в жизни поселения и даже о полном или частичном его запустении. В первом своем сообщении о древнейшем керкинском поселении 25 я высказал предположение, что это может быть свидетельством его разрушения воинами Александра Македонского. Но сейчас, имея определенный опыт, я уже не могу быть столь категоричным. Конечно, из сохранившихся письменных источников известно, что Александр в Согде и отчасти в Северной Бактрии встретил активное сопротивление и подавлял его с показательной жестокостью. Однако, трудно полагать, что запустение сотен и даже тысяч поселений по всей Средней Азии произошло с исторической точки зрения практически одномоментно и это дело рук одного Александра. Наши представления о реальной политической жизни того времени очень скудны. Надо полагать, что в конце 4 – первой половине 3 в. до н. э. на территории Средней Азии происходило множество битв, и гибель всех поселений с кроющим слоем, определяемым как «ахеменидский», это не одномоментный акт, а длительный процесс, затронувший жизнь двух или трех поколений, и только плохое знание материальной культуры этого периода, вынуждает все свести к трем годам пребывания Александра Македонского в Средней Азии.

Все это на данном этапе исследований заставляет ограничиться следующим выводом. Материалы из шурфа № 9, несомненно, очень важны. Они происходят из нового пункта, представляющего почти сплошную стратиграфическую колонку от Ахеменидов до Кушан. Они, несомненно, должны использоваться в общих работах по хронологии и материальной культуре эллинистического периода. Но пока какие-либо радикальные выводы на них делать нельзя.

Это первые пробные раскопки. Но они показали, что Старая крепость в Керки – это очень перспективный археологический объект, активное изучение которого может дать результаты, имеющие большое значение для всего среднеазиатского региона.

Уже проведенные работы на Старой крепости в Керки имеют важное значение для пополнения и уточнения региональной (областной) шкалы археологических комплексов. ²⁶

В этой шкале раздел, связанный с поздним этапом раннего железного века (периоды РЖ–III, Яз–III), практически целиком базируются на материалах керкинской Старой крепости. Более того, материалы шурфа № 9 дают основания для выделения самого позднего этапа его развития, представленного находками из XIX яруса шурфа. Правда, предстоит еще уточнить действительно ли он относится к позднеахеменидскому времени (в данном случае третьей четвертью 4 в. до н. э.) или это комплекс, связанный с концом этого столетия.

²⁵ Пилипко 1982, 83–86.

²⁶ Имеется в виду бассейн Амударьи на участке от Босага до Ходжамбасса и Халача, условно определяемый как Северо-Западная Бактрия.

Материалы из XVII—XIV ярусов, вероятно, представляют раннеэллинистический период. Если в дальнейшем это подтвердится, появятся реальные основания для суждения о составе местных керамических комплексов селевкидского времени и выделения признаков, отличающих эту керамику от греко-бактрийского комплекса.

Материалы из XI–XII ярусов уверенно датируются греко-бактрийским периодом, а материалы V–VIII ярусов определенно не выходят за рамки второй половины 2–1 в. до н. э. Совместно с материалами из Мирзабек-калы²⁷ и могильника Баба-Шов,²⁸ они дают возможность составить достаточно полное представление о местной керамике «юэчжийского» периода. Даже на современном этапе исследований Старую крепость в городе Керки следует рассматривать как один из основных источников сведений о материальной культуре Северо-Западной Бактрии.

ЛИТЕРАТУРА

Болелов С.Б. 2004. К вопросу о периодизации раннего этапа истории Древнего Хорезма // Transoxiana: история и культура. Ташкент, 48–55.

Вайнберг Б. И. 2004. Керамика // Б. И. Вайнберг (ред.), Калалы-Гыр 2. Культовый центр в Древнем Хорезме IV–II вв. до н. э. Москва.

Вактурская Н. Н. 1959. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX–XVII вв.) // Керамика Хорезма (Труды ТХАЭЭ 4). Москва, 261–342.

Воробьева М. Г. 1959. Керамика Хорезма античного периода // Труды ТХАЭЭ 4. Москва, 63–220.

Воробьева М. Г. 1973. Дингильдже. Москва.

Гаибов В. А. 2004. Раннеэллинистическая керамика Маргианы // ПИФК XIV, 600-608.

Екимова Е. Е. 1959. Гончарное производство в Хивинском районе (По материалам поездки в Узбекистан в 1930 г.) // Керамика Хорезма (Труды ТХАЭЭ 4). Москва, 343–378.

Исамиддинов М. Х. 2002. Истоки городской культуры Самаркандского Согда (проблемы взаимодействия культурных традиций в эпоху раннежелезного века и в период античности). Ташкент.

Лионе Б. 2000. Греческая оккупация Согдианы. Результаты сравнительного анализа керамики Афрасиаба и Ай Ханум // Средняя Азия: археология, история, культура. Москва, 75–80.

Мандельштам А. М. 1975. Памятники кочевников кушанского времени в северной Бактрии // Труды Таджикской археологической экспедиции 7. Ленинград.

Массон М. Е. 1973. Прошлое города Керки // Памятники Туркменистана 1. Ашхабад, 7–8. Пилипко В. Н. 1977. Еще раз о так называемом Керкинском кладе 1988 года // Известия АН ТССР. Серия обществ. наук 5. Ашхабад, 36–42.

Пилипко В. Н. 1982. О времени основания древнего поселения в Керки // Известия АН ТССР. Серия общ. наук 1. Ашхабад, 83–86.

Пилипко В. Н. 1985а. Побережье Средней Амударьи // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии (Археология СССР). Москва, 243–249.

Пилипко В. Н. 1985б. Поселения Северо-Западной Бактрии. Ашхабад.

Пилипко В. Н. 1987. Средний слой юго-западного холма поселения Коша-депе у Баба-Дурмаза // Известия АН ТССР. Серия общ. наук 5. Ашхабад, 52–59.

Пилипко В. Н. 1990. Раннеантичное поселение Капыр-кала у Каушута // Древняя и средневековая археология Средней Азии. Ташкент, 60–76.

Пилипко В. Н. 2015. Становление и развитие парфянской культуры на территории Южного Туркменистана. Санкт-Петербург.

Ртвеладзе Э. В. 2013. Выдающиеся памятники археологии Узбекистана. Ташкент.

²⁷ Пилипко 1985a, 243–249; б, 216.

²⁸ Мандельштам 1975, 64-130.

- Сагдуллаев А.С. 1978. Культура Северной Бактрии в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Автореферат дисс. канд. ист. наук. Ленинград.
- Сагдуллаев А.С. 1982. Заметки о раннем железном веке Средней Азии // СА 2, 229-234.
- Сверчков Л. М. 2006. Опыт синхронизации керамических комплексов эпохи эллинизма (Капыр-кала, Термез, Джига-тепе, Курганзол) // Материалы Тохаристанской экспедиции 5. Ташкент, 105–124.
- Сулейманов Р. Х. 2000. Древний Нахшаб. Проблемы цивилизации Узбекистана VII в. до н.э. VII в. н.э. Самарканд–Ташкент.
- Усманова З. И. 1963. Эрк-кала // Труды ЮТАКЭ XII. Ашхабад, 20-94.
- Усманова З. И. 1969. Новые данные к археологической стратиграфии Эрк-калы // Труды ЮТАКЭ XIV. Ашхабад, 13–55.
- Усманова З.И., Филанович М.И., Кошеленко Г.А. 1985. Маргиана // Г.А. Кошеленко (ред.), Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии (Археология СССР). Москва, 226–242.
- Филанович М. И. 1989. Историко-культурные археологические таблицы по городищу Гяур-кала в Старом Мерве. Древний Мерв // Труды ЮТАКЭ XIX. Ашхабад, 62–121.
- Хожаниязов Г. X. 2013. Фортификация городища Акшахан-кала // Приаралье на перекрестке культур. Самарканд, 109–128.
- Betts A., Yagodin V.N., Grenet F., Kidd F., Minardi M., Bonnat M., Khashimov S. 2012. The Akchakhan-kala Wall Paintings: New Perspectives on Kingship and Religion in Ancient Chorasmia // Journal of Inner Asian Art and Archaeology 7. Turnhout, 125–165.
- Lerner J. D. 2005. Greek Ceramic Period IV of Aï Khanoum // Центральная Азия. Источники, история, культура II. Москва, 464–476.
- Lerner J. D. 2010. Revising the Chronologies of the Hellenistic Colonies of Samarkand-Marakanda (Afrasiab II–III) and Aï Khanoum (Northeastern Afghanistan) // Anabasis 1. Rzeszów, 58–79.

Г.В. Требелева

ИССЛЕДОВАНИЯ МАРКУЛЬСКОГО ГОРОДИЩА В 2019 ГОДУ: ДАЛЬНЯЯ БАШНЯ^{*}

Аннотация. Работы 2019 года проводились на Северной (Дальней) башне Маркульского городища. В ходе раскопок было выявлено два уровня пола и стена, разделяющая внутреннее пространство башни, расположенная на верхнем полу. Обнаруженная краснолаковая керамика и кирпичи, в основном стандарта толщиной 3 см, позволяют датировать сооружение цебельдинским периодом. Важным результатом раскопок стало обнаружение архитектурных деталей. Их можно разделить на две группы: декоративные и строительноархитектурные элементы. Они говорят о том, что сооружение не было просто боевой башней. Стены сооружения ниже дневной поверхности покрыты плотным слоем белой штукатурки. Это тоже указывает на жилой характер здания. Однако толщина стен более 1,5 метров, наличие отдельной подпорной стены с северо-западного угла, которая, возможно, выполняла и функцию контрфорса, а также привратной насыпи, позволяет утверждать, что оборонительные функции данное сооружение также выполняло. Поэтому наиболее корректная интерпретация этого сооружения, скорее всего, – замок.

Ключевые слова. Абхазия, цебельдинский период, замок, Апсилия, барельефы, львы, барсы, строительная керамика, кирпичи, ритуальное захоронения, кости быка.

G. V. Trebeleva INVESTIGATIONS AT THE MARKULSKOE CITY-SITE IN 2019: THE REMOTE TOWER

Abstract. In 2019, the North (Remote) tower of the Markulskoe city-site was investigated. Two levels of the floor were uncovered along with the wall built over the upper floor and dividing the internal space of the tower. Red-glazed pottery and bricks, mainly of the 3 cm standard thickness, allow dating the structure to the Tsebelda period. Important were the finds of architectural details. Two groups can be distinguished – decorative and constructive elements. It means that the structure was not just a defensive tower. Its walls below the daylight surface were covered with a thick layer of white plaster, which also indicates that the structure was used as a dwelling. However, the walls over 1.5 m thick and the presence of a separate supporting wall in the northwest corner, as well as of a mound by the gates, imply that the structure also served certain defensive functions. Therefore, the most probable interpretation of the building would be a castle.

Key-words. Abkhazia, Tsebelda period, castle, Apsilia, bas-reliefs, lions, leopards, architectural decorations, bricks, ritual burial, bull bones.

В 2017 г. были начаты первые работы по изучению фортификационных сооружений Маркульского городища. Южная оборонительная башня городища, известная в литературе как Алахаш-абаа¹, имеет уникальную степень сохранности: она сохранилась практически на всю свою высоту — 6,5—6,7 м. Она была исследована с помощью фотограмметрии² и частично — в процессе раскопок. Исследования показали, что возведена Алахаш-абаа была в «римское время» (точнее пока сказать не представляется возможным, предположительно II–IV вв.), и, пережив ряд пожаров и ремонтов-перестроек, скорее всего, прекратила свое функционирование как оборонительная башня в XV либо в начале XVI вв., т. е. в период междоусобиц влиятельных князей Шервашидзе с менгрельскими князьями.³

Северная башня комплекса (рис. 1) практически полностью разрушена. Размеры башни по внешнему периметру изначально нами были определены как 12×12 м.4 Но позднее при частичной зачистке от зелени были выявлены остатки

^{*} Исследование выполнено в рамках НИР ИА РАН по теме «Археологические культуры евразийских степей и античный мир – контакты и взаимовлияния» (АААА-А18-118011790093-2).

¹ Адзинба 1958, 100–101.

² Требелева и др. 2019а, 230-239.

³ Требелева и др. 2019б, 326.

⁴ Требелева и др. 2015, 298.

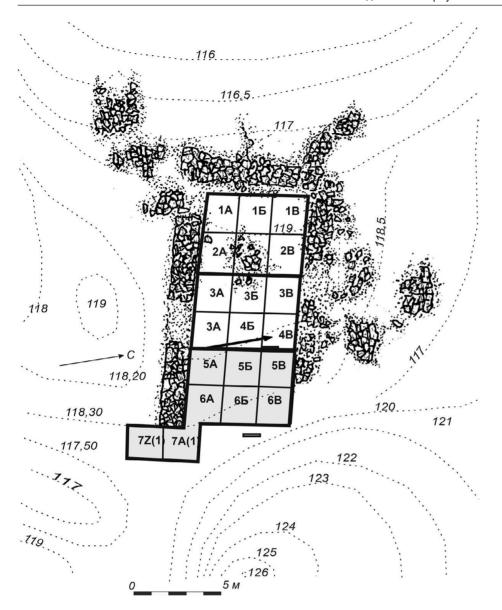


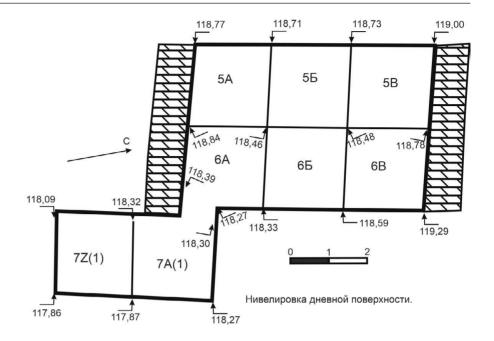
Рис. 1. План Северной (Дальней) башни с сеткой квадратов

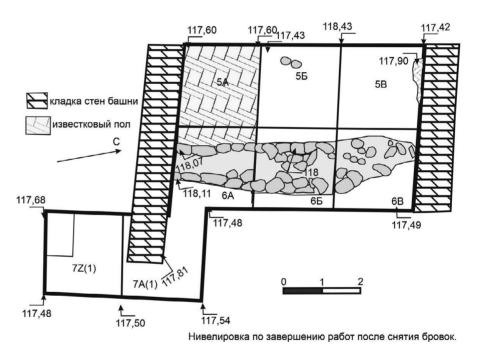
стен, обвалившихся с основной конструкции. Проведение фотограмметрической съемки позволило уточнить план и определить размеры башни как 12×6 м, т. е. по своим размерам северная башня практически полностью совпадает с южной башней Алахаш-абаа. Толщина кладки стен – от 1,2 до 1,5 м, высота сохранившихся остатков – от 0,1 до 1,5 м. С северного конца западной стены под углом 45 градусов к ней на 3,5 м вниз по склону уходит подпорная стена, которая, возможно, выполняла и цели контрфорса.

Из-за плохой сохранности башни фотограмметрическое обследование не позволило выявить специфических конструктивных особенностей и как-либо датировать сооружение. Поэтому, чтобы лучше понять характер объекта, определить время его сооружения, в том числе, проверить, синхронно оно или нет другим архитектурным объектам комплекса, работы 2019 г. было решено посвятить раскопкам на данной башне.

У башни визуально над дневной поверхностью идентифицировались лишь 3 стены: южная, северная и западная, и части обрушенных стен вниз по склонам.

Рис. 2. Планы нивелировки поверхности раскопа на уровне дневной поверхности (а) и по завершению работы после снятия бровок (б)





При этом северная стена практически вплотную примыкала к склону холма, возвышающемуся над руинами башни. Вокруг этого холма проходила старая грунтовая дорога, проложенная трактором в середине XX в. и сейчас практически заросшая. Поэтому целью работ 2019 г. стало выяснить наличие или отсутствие четвертой (восточной) стены, чем и было обусловлено место закладки раскопа на предположительном месте данной стены.

Раскоп (рис. 1, 2) был разбит основной сеткой квадратов между двумя сохранившимися продольными стенами. Ориентация стрелки севера с азимутом в 11 градусов к западу. Для удобства и упрощения названий в дальнейшем стены называются условно «северная» и «южная» (или продольные), «западная» и «восточная» (или поперечные) с учетом того, что есть это отклонение по линии стен на 11 градусов к западу. Общая площадь раскопа составила 32 м 2 , из них 24 м 2 внутри башни и 8 м 2 — снаружи, за границей видимых стен, дабы определить, есть ли продолжение продольных стен, или они завершаются видимой частью.

Верхние два слоя внутри продольных стен показали, что ближе к северному участку стены, в квадрате 6В, находится большой завал камней, в том числе и с элементами кладки, когда часть камней связана раствором друг с другом. Присутствуют камни со следами обработки для формирования стыка между собой, а также – фрагменты кирпичей и черепицы в единичных экземплярах. В южной части (квадрат 6А) завал камней меньше, но выше процент кирпичей и черепицы. По всей видимости, трактор, который прокладывал грунтовую дорогу вокруг холма, разрушил и перенес восточную стену к северу, по ходу маршрута движения. Более того, на севере, вниз по склону, мы находим большие фрагменты обвалившейся стены. Изначально предполагалось, что это опавшие с северной стены части, но, возможно, это и фрагменты восточной стены, разрушенной трактором.

Ниже завала камней в раскопе, примерно по центру линии 6, т. е. не у самого края стен, а внутри башни, открылась стена шириной 1 м, пристроенная не вперевязь между южной и северной стенами. Забегая вперед, сразу отметим, что в квадрате 7А (1), разбитом за пределами видимой части южной стены, вскрылось продолжение кладки продольной стены еще на 1,2 м от конца участка, видимого над дневной поверхностью. Таким образом, внутренняя стена пересекает башню на расстоянии 2 м от края внешней стены, вскрытой в раскопе (рис. 3). Сохранность внутренней стены различна: в южной части и в центре ее состояние лучше, в северной – она более разрушена. Найти границу между верхним завалом и стеной было очень сложно: кладка нижней стены была раздавлена и рассыпалась.

Ниже уровня этой стены оказался слой известкового пола, вскрытого нами на запад от нее. И если над уровнем пола основные артефакты были представлены строительной керамикой, то под полом была обнаружена в основном керамика посудная. Уровень пола был обнаружен на отметке 117,90, т.е. на глубине от 50 до 70 см (в южном части) до почти 1,4 м (в северной части). Толщина самого пола составила около 10 см.

Примерно на 30 см ниже (на отметке 177,60) мы вышли на уровень второго известкового пола. Здесь, в южной части раскопа, в северо-западном углу квадрата 5А был обнаружен слой очага. Первые следы углей появились сразу же после снятия верхнего слоя пола, но они были немногочисленны. По мере углубления количество углей увеличилось. На полу рядом с очагом были обнаружены фрагменты краснолаковой тарелки. Также фрагменты краснолаковой керамики были обнаружены у северной стены, квадрат 5В, на этом же уровне — на поверхности уровня второго пола.

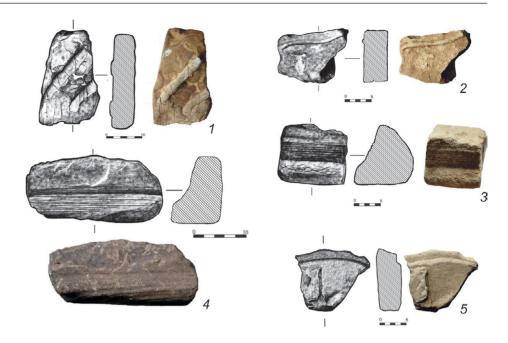
Чуть поодаль от очага было найдено захоронение костей быка. Оно примечательно тем, что обряд захоронения костей быка рядом с очагом в доме до сих пор сохраняется в абхазских традициях, и культ быка, зародившийся в глубокой древности, известен и сегодня. О глубоких корнях и широком развитии культа быка у абхазов свидетельствует целый ряд фольклорных, обрядовых и археологических материалов. Так, по одному мифологическому преданию абхазов, Земля расположена на рогах рыжего быка, а землетрясения возникают в момент перенесения тяжести с одного рога на другой. О быке гигантских размеров и о быке-покровителе мальчика повествуют абхазские волшебные сказки.

⁵ Кварацхелия 2020.

⁶ Абхазский фольклор 1995, 41, № 195.

⁷ Шакрыл, Бгажба 1965, 232–233; Зухба 1976, 118–123.

Рис. 3. Каменные архитектурные элементы: 1 — барельеф с «кошачьими лапами», 2 — камень с кантом, 3 — малый карниз, 4 — большой карниз, 5 — подставка под колонну или скульптуру



Здесь возникает интересная параллель с результатами раскопок в башне Алахаш-абаа. Возле очага, обнаруженного нами в башне, были захоронены нижние челюсти животных: дикого кабана и куницы. Нижние челюсти животных используются абхазами в обрядах, связанных с охотой. Таким образом, мы видим, что в обеих башнях очаг играл в том числе и культовую роль. Но ритуальные действия, совершаемые у очагов, были различны по своему «рангу»: в башне Алахаш-абаа они были связаны с охотой, а в Дальней башне – с культом быка, более крупным и главенствующим в абхазской традиционной религии.

Работы были завершены на 7-м слое, за исключением квадрата 5А, где второй известковый слой не снимали (рис. 2). После снятия известкового пола № 2, толщина которого составила примерно 15 см, мы вышли на уровень залегания основных стен башни. Другими словами, второй уровень пола — это уровень основания башни. т. е. стена покоится на скальном грунте, примерно на отметке 117.45.

Что касается квадратов линии 7, заложенных за пределами видимой части стен, то, как выше упомянули, в них было обнаружено продолжение южной стены примерно еще на 1 м. Но в целом стена в данном квадрате сильно разрушена. Артефакты здесь четко фиксировались с «внутренней стороны» данной стены в квадрате 7A (1) и практически полностью отсутствовали (за исключением самого верхнего слоя) с «внешней стороны», т. е. в квадрате 7Z (1).

Общее количество керамических находок в ходе раскопок сезона 2019 г. составило 1280 экземпляров (с учетом профильных частей и массового материала). Четверть этих находок относится к кирпичам и черепице. Из них 42% составляют остатки круглой черепицы, 30% – плоской черепицы, 28% – кирпичам. При сравнении доли строительной керамики с аналогичными показателями из раскопок в храме и в Южной башне (Алахаш-абаа) мы видим, что в храме эта доля доходила до 50%, а в башне Алахаш-абаа составляла 7%. Стоит отметить, что на втором объекте черепица отсутствовала полностью, и весь строительный материал был представлен кирпичами толщиной 3 см. В храме доля кирпичей составляла 12%, что примерно в 2 раза меньше, чем в Северной башне. Причем

все кирпичи, полученные с раскопок храма, имеют толщину 5 см, тогда как кирпичи из башни Алахаш-абаа – толщину 3 или 4 см, при этом доля кирпичей с толщиной 3 см составляют 83%.

В Северной башне доля кирпичей толщиной 3 см составляла 91%, а кирпичей толщиной 5 см и 4 см одинакова – 4,5%. Таким образом, мы видим, что, если опираться на анализ обнаруженных кирпичей, по технологии строительства Северная башня близка к Алахаш-абаа. Однако в башне Алахаш-абаа доля кирпичей очень незначительна, и на данный момент, несмотря на ее хорошую сохранность, кирпичи в кладке не обнаруживаются. Поэтому вопрос о применении кирпичей в строительстве башни Алахаш-абаа пока остается открытым.

Более высокая доля кирпичей в Северной башне, а также то, что часть из них обнаружена со следами раствора или в частях обрушившихся фрагментов кладки (спаянных раствором камней и кирпичей) однозначно говорит о том, что кирпичи использовались в кладке. При этом основным стандартом явно были кирпичи с толщиной 3 см. Их можно считать маркером нижней даты башни, тогда как кирпичи толщиной 4 и 5 см явно будут маркировать следы последующего ремонта.

Тарная и посудная керамика представлена в основном керамикой красноглиняной: тесто плотное, хорошо отмученное, с небольшим количеством примесей. Такая керамика составляет 90% от общего числа. Остальные 10% представлены фрагментами керамики бурого цвета – 50% (от вышеуказанных 10%), фрагментами светлоглиняной (светлого бежевого цвета) – 33%, ярко-оранжевой глины с большим содержанием слюды – 10%, «каменной» – 4%. Два последних типа керамики мы встречали в значительно большей доле к общему числу находок при раскопках на юго-западном склоне (раскопы Нижний и Нижний 2, шурф у колодца), но она полностью отсутствовала при раскопках на храме и в башне Алахаш-абаа.

Из металлических находок представляют собой интерес обнаруженные бронзовые пластины на глубине 4-го слоя, т.е. под верхним слоем пола. К сожалению, одно изделие полностью рассыпалось, но второе можно интерпретировать как пластину от пояса или другого элемента костюма. Подобного типа бронзовые находки на Маркульском городище обнаружены впервые: до этого из бронзы встречались лишь кольца и колокольчики-подвески для кадил на храме. На этой же глубине было найдено и прозрачное стекло толщиной 1 мм (обнаруженные фрагменты очень небольшого размера).

Интересна и находка камня, покрытого глазурью. Обычно подобная глазурь образуется на камнях в результате воздействия на них высоких температур в печах (плавильных, для обжига). Подобная печь нами пока не была обнаружена, но наличие данного камня говорит, что, скорее всего, печь находится не очень далеко от исследуемого объекта.

Отдельно хочется сказать о такой очень важной группе находок, как каменные архитектурные элементы, не очень сложные и явно грубой техники. Их можно разделить на две группы: декоративные и строительно-архитектурные. К декоративным мы можем отнести фрагмент барельефа с «кошачьими лапами» (рис. $3.\ 1)^8$ и камень с декоративным кантом по краю (рис. $3.\ 2$). К архитектурным строительным элементам – два камня в виде каменного карниза (рис. $3.\ 3,\ 4$), а также камень – «подставку под колонну» (рис. $3.\ 5$).

Что касается камня с кантом (рис. 3. 2), то по наличествующему фрагменту сказать что-либо сложно: линия неровная, фрагмент камня небольшой. Такие элементы иногда встречаются в надгробных плитах или в верхних частях плит с орнаментом.

⁸ Фото: Требелева Г.В.; рисунок: Кизилова А.А.

Интереснее барельеф с «кошачьими лапами» (рис. 3. 1). По имеющемуся изображению мы не можем точно опередить род представителя кошачьих, но сохранившиеся небольшие следы краски – чёрной и терракотовой – позволяют сделать предположение, что зверь был покрыт пятнистой раскраской, а значит, на барельефе изображены лапы леопарда.

В связи с этим возможна параллель с известным храмом и святилищем в Абхазии на горе Лашкендар в Ткварчальском районе. На архитравной балке этого храма имеется рельефное изображение. М.М. Трапш считал, что здесь присутствует изображение собаки, и связывал это с толкованием топонима «Алышкендар» (по-абхазски «Алыс'кынтыр» или «Алышкынтыр»), относящегося к культу собаки содно из значений этого слова — «божество собак» или «болезнь собак». 10

Однако с ним не был согласен Ю. Н. Воронов 11, и позднее его мнение поддержал С. М. Саканиа 12 Эти авторы апеллируют к тому, что изображения собак в византийской церкви не приветствовались. Не известно ни одного изображения собаки в церквях Византии, начиная с 4 в. и до падения Константинополя. В то же время, изображение льва является общепризнанной частью раннехристианской символики наряду с крестами, рыбами, павлинами и быками. Да и само слово «Алыс'кынтыр» или «Алышкынтыр» имеет и иное значение — «леопард» или «барс». 13 Более того, есть свидетельства, что в горах Абхазии охотники зафиксировали места, связанные с обитанием этих животных. В Очамчирском районе есть село под названием Лашкиндар. Оно никак не связано с горой Лашкиндар, но, по преданиям, в нем были встречены барсы, поэтому село и получило такое название.

Учитывая все вышеизложенное, а также то, что трактовка данного слова в значении «божество собак» не указывает прямо на то, что само это божество и есть собака, нам, скорее, стоит согласиться с толкованием изображений на храме Лашкинадр как с изображением двух представителей семейства кошачьих. В таком случае мы находим здесь прямые аналогии с найденным нами фрагментом барельефа. И связано данное изображение, скорее всего, с раннехристианской символикой льва, образ которого запечатлен местным населением в виде более известной им породы крупных кошачьих хищников.

Здесь возникает еще одна параллель с раннехристианскими храмовыми символами: изображение льва вместе с быком. Такое сочетание мы встречаем и на рельефе из храма в поселке Мрамба¹⁴, и на рельефе из Анакопии. ¹⁵ Л.Г. Хрушкова отмечает, что традиция как парного, так и раздельного изображения быка и льва (других представителей семейства кошачьих) на Кавказе очень распространена, и ее корни заложены задолго до евангельских мотивов и связаны с религий древнего Востока. ¹⁶ Наш рельеф является лишь частью какого-то изображения, мы не видим полной композиции. Но на связь быка и представителя семейства кошачьих (льва—леопарда—барса) наводит обнаруженное нами здесь же ритуальное захоронение костей быка. Учитывая упрощенный стиль изображения, низкий и плоскостной характер самого рельефа, то, что изображение скорее обобщённое и тяготеет не к прорисовке художественных деталей, а к символическому образу, датировать этот рельеф, конечно, с большой осторожностью, можно в пределах 4—7 вв.

Что касается строительно-архитектурных деталей, то они также отличаются грубой отделкой. Выполнены они из известняка. Камень — «подставка под колонну» (рис. 3. 5) представляет собой часть (не более ¼) круглой основы со слегка обломанным краем, гладким полукруглым приступком и, возможно, остатками верхней

⁹ Трапш 1975, 185.

¹⁰ Кварчия 2019, 206.

¹¹ Воронов 1978, 127–129.

¹² Саканиа 2006, 318–320.

¹³ Хеция 2005, 55.

¹⁴ Ендольцева 2019, 13, илл. 3.

¹⁵ Ендольцева 2011, 115, илл. 1.

¹⁶ Хрушкова 1978, 7; 1980, 29.

части колонны или скульптуры. Реконструируемый диаметр основания – 30 см, толщина основания – 10 см, т.е. колонна была не очень крупного размера.

Две другие архитектурные детали, также выполненные из известняка, представляют собой подобие карниза. Один из них (рис. 3.3) — фрагмент длиной 9 см, шириной бортика — 3.5 см, толщиной — 3 см у края и 6.5 см у камня. Фронтальная часть под бортиком украшена горизонтальными линиями.

Второй карниз (рис. 3. 4) значительно крупнее. Длина камня – 45 см, бортик выступает на 7,5 см, полукруглый в сечении, по поверхности оформлен горизонтальными бороздами. Фронтальная часть карниза частично сколота, но по маленькой ее части также видны горизонтальные полосы. Таким образом, оба эти карниза оформляли здание в разных участках, а возможно, что и в разное время существования сооружения. Датировать их пока не представляется возможным.

Так или иначе, наличие подобных архитектурных элементов говорит о том, что сооружение не было просто боевой башней, а служило, скорее, дворцом или замком местного князя. Стены сооружения ниже дневной поверхности покрыты плотным слоем белой штукатурки. Это тоже указывает на жилой характер здания. Однако толщина стен – более 1,5 метров, наличие отдельной подпорной стены с северо-западного угла, которая, возможно, выполняла и функцию контрфорса, а также привратной насыпи (то ли земляного вала, то ли остатков какого-либо сооружения – раскопки на данном участке пока не проводились) пока неопределённого назначения, позволяет нам однозначно утверждать, что оборонительные функции данное сооружение также несло. Поэтому правильная интерпретация сооружения, скорее всего, именно замок.

Какова же его датировка? Однозначно пока определить ее невозможно. Но, учитывая наличествующие данные, можно предположить, что замок возник в 3 в. и существовал на протяжении жизни городища или, как минимум, его цебельдинского периода истории.

Почему мы предполагаем в качестве даты 3 век? Картина развития городища нам представляется следующей. Жизнь на поселении начиналась на югозападном склоне. В эллинистический и римский период поселение вело торговые отношения с античными центрами, о чем мы можем судить по наличию здесь импортной керамики из них. Но где-то в первые века нашей эры ситуация начинает кардинально меняться. На юго-западном склоне мы не встречаем керамику позднее первых веков нашей эры. Мы не может точно сказать, в какой конкретно период произошли эти изменения и люди покинули незащищенный склон. Но можно предположить, что толчком к поднятию на плато и сооружению укреплений могло быть готско-сарматское нашествие середины 3 в.: «Когда скифы стали опустошать всё, что было на их пути, жители понтийского побережья удалились вглубь страны в более укрепленные места» (Zosim HN, I. 32). В любом случае, исследования замка планируется продолжить.

ЛИТЕРАТУРА

Абхазский фольклор 1995. Абхазский фольклор. Записи Артура Аншбы. Сост., текстолог. упорядочение записей, предисловие, комментарии и указатели З. Д. Джапуа. Сухум.

Адзинба И. Е. 1958. Архитектурные памятники Абхазии. Сухуми. Воронов Ю. Н. 1978. В мире архитектурных памятников Абхазии. Москва.

¹⁷ Требелева и др. 2018, 265-272.

- Ендольцева Е.Ю. 2011. Каменные рельефы Анакопии // Искусство Абхазского царства VIII—XI веков. Санкт-Петербург, 87–208.
- Ендольцева Е. Ю. 2019. Архитектурная пластика Абхазского царства (VIII–XI вв.): Из коллекции Абхазского государственного музея (г. Сухум, РА) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия V. Вопросы истории и теории христианского искусства 33, 9–30.
- Зухба С. Л. 1976. Абхазские сказки. Сухуми.
- Кварацхелия С. 2020: Сердце быка и тайны Бытхи: как посвящают в абхазские жрецы // Sputnik Абхазия [Электронный ресурс. Режим доступа: https://sputnik-abkhazia.ru/Abkhazia/20200221/1029499573/Po-sledam-Poslednego-iz-ushedshikh-vozrozhdenie-svyatilischa-Bytkha.html].
- Кварчия В. Е. 2019. Собрание трудов в 7-ми томах. Т. 1. Лексикология. Сухум.
- Саканиа С. М. 2006. Храмовый комплекс на горе Лашкендар // Древние культуры Кавказского Причерноморья, их взаимодействие с культурами соседних регионов. Сохранение культурного наследия. Сухум, 318–320.
- Трапш М. М. 1975. Материалы по археологии средневековой Абхазии // Труды в 4-х томах. Т. 4. Сухуми.
- Требелева Г.В., Кизилов А.С., Глазов К.А., Хондзия З.Г., Юрков Г.Ю. 2019. Оборонительные сооружения Маркульского городища. К вопросу датировки // КСИА 256, 230–239.
- Требелева Г.В., Хондзия З.Г., Шведчикова Т.Ю., Юрков Г.Ю. 2018. Исследования на юго-западном склоне Маркульского городища // КСИА 252/2, 265–272.
- Требелева Г. В., Хондзия З. Г., Яворская Л. В., Юрков В. Г. 2019. Результаты раскопок в башне Алахаш-абаа Маркульского городища в 2018 г. // Проблемы исследования древних и средневековых поселений и могильников Западного Кавказа. К 110-летию со дня рождения Н. В. Анфимова («Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа IX). Краснодар, 326–333.
- Требелева Г.В., Сакания С.М., Юрков Г.Ю. 2015. Маркульский археологический комплекс // КСИА 237, 292–301.
- Хеция А. Д. 2005. Абхазская лексика, связанная с названием зверей // Абхазский Институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа АН Абхазии. XLIX Итоговая научная сессия (Тезисы докладов). Сухум, 54–56.
- Хрушкова Л. Г. 1978. Скульптура и декоративная пластика раннесредневековой Абхазии (V–IX вв.). Автореферат дисс. канд. ист. наук. Ленинград.
- Хрушкова Л. Г. 1980. Скульптура раннесредневековой Абхазии V–X века. Тбилиси.
- Шакрыл К. С., Бгажба Х. С. 1965. Абхазские сказки. Т. 1. Сухуми (на абх. яз.).

М. Ю. Трейстер

ПОЗДНЕАРХАИЧЕСКИЙ ЗОЛОТОЙ ПЕРСТЕНЬ ИЗ ФАНАГОРИИ

Аннотация. Статья посвящена атрибуции золотого перстня с изображением на щитке безбородого обнаженного юноши с диадемой на голове и венком – в обеих опущенных вниз руках. Перстень был найден в 2018 г. в заглубленном в грунт помещении из сырцового кирпича (святилище № 835). И форма перстня, и стиль изображения на его щитке не оставляют никаких сомнений в датировке перстня позднеархаическим временем, скорее всего, около рубежа 6–5 вв. до н. э. Сюжет, представленный на щитке перстня, чрезвычайно редок и практически не имеет параллелей в глиптике, на произведениях которой рассматриваемого времени чаще всего венки изображались в руках Эрота. Тем не менее, параллели в чернофигурной вазописи дают основание скорее связывать изображение обнаженного безбородого юноши в диадеме, с венками в опущенных руках с мотивами педерастического круга или связанными с симпосием, нежели спортивного. В подобной интерпретации греческого украшения нет, собственно, ничего удивительного, за исключением того, что нам открываются новые грани жизни греческого населения позднеархаической Фанагории (в том случае, если имела место первая версия).

Ключевые слова. Фанагория, Северное Причерноморье, Ольвия, золотые перстни, позднеархаический период, чернофигурная вазопись, иконография, Эрот, венок, изображения комастов, педерастов.

M. Ju. Treister LATE ARCHAIC GOLD FINGER RING FROM PHANAGORIA

Abstract. The article is devoted to the attribution of a golden finger ring with the image of a beardless nude youth with a diadem on his head and two wreaths – each in every hand, lowered down, on the bezel. The finger ring was found in 2018 in a room made of mud bricks (sanctuary no. 835) under the stone foundation of a temple in Phanagoria. Both the shape of the ring and the style of the image on its bezel leave no doubt about the dating of the ring to the Late Archaic period, most likely around the turn of the 6th-5th centuries BC. The subject, presented on the ring's bezel, is extremely rare and has practically no parallels in glyptics – in the items dated to the period under consideration, wreaths were most often depicted in the hands of Eros. Nevertheless, the parallels in the black-figure vase painting give reason to associate the image of a naked, beardless young man in a diadem, with wreaths in lowered hands with motives of a pederastic circle or those associated with a symposium, rather than sports. In such an interpretation of a Greek piece of jewelry there is, in fact, nothing surprising, except that new facets of the life of the Greek population of the Late Archaic Phanagoria are revealed to us (in the event that the first version of interpretation is correct).

Key-words. Phanagoria, North Pontic area, Olbia, gold finger rings, Late Archaic period, black-figure vase painting, iconography, Eros, wreaths, images of ἐρώμενοι and κωμασταί.

1. Описание

Перстень с маленьким щитком вытянуто-овальной формы, заостренным на концах. Шинка округлого сечения имеет примерно одинаковую ширину, в том числе и на стыке со щитком, но толщина ее варьирует (рис. 1. 1-3).

На щитке – внизу линия земли. Фигура безбородого обнаженного юноши в профиль вправо. Груди и руки развернута *en face*. На голове – диадема с за-

вязками сзади. В опушенных руках – по венку. Работа очень схематичная, грубая, без проработки деталей (рис. 1. 4).

Размеры. В. 1,75 см, шир. макс. 1,98 см. Щиток: дл. 1,25 см, шир. 0,58 см, толщ. 0,7 мм. Шинка: шир. 1,1–1,2 см, толщ. 1,1–1,6 мм.

Золото. Вес 1.80 г.

Сохранность. Дужка слегка помята, набольшие царапины и зарубки.

Место находки. Перстень был найден в 2018 г. в помещении 1 заглубленной постройки из сырцового кирпича (святилище № 835).

Литература: Кузнецов 2019, 404, 407, рис. 6. *6.*

2. Форма

В. Д. Кузнецов отнес перстень к позднеархаическому времени, сопоставив его с формой N, по классификации Д. Бордмана. 1 Между тем и по форме щитка, заостренного на концах, и по форме шинки, более округлой и с покатыми плечиками (рис. 1), по сравнению с формой N (Бордман называет форму шинки stirrup/«стремечковидной», что вполне соответствует контуру), фанагорийский перстень, очевидно, следует относить к типу М. Д. Бордман указывал на то, что этот тип также относится к позднеархаическому времени, отмечал тонкую дужка, указывал на то, что они «do not really constitute a distinct type, but most seem Greek». 2 Близкую форму шинки и щитка имеет, в частности, золотой перстень с изображением льва с повернутой назад головой, хранящийся в Пфорцхайме.³ Перстни стремечковидной формы продолжали использоваться и в эпоху ранней классики – Д. Бордман относит их к типу І перстней классического времени, которые бытовали вплоть до середины 5 в. до н.э. 4 Грань между перстнями стремечковидной формы позднеархаиаческого и раннеклассического времени довольно неопределенная, в отличие от раннеклассической формы перстней типа II, которые по округлой форме шинки вполне сопоставимы с позднеархаическими перстнями типа М, но плечики которых расширяются при переходе к щитку, а сам щиток зачастую выгнут по форме кольца. 5 Таким образом, если исходить из классификации Д. Бордмана, фанагорийский перстень можно достаточно уверенно относить к позднеархаическому времени.

В погребениях позднеархаического некрополя Ольвии золотые перстни с изображениями чрезвычайно редки – среди золотых украшений здесь преобладали бусы, нашивные бляшки, серьги и височные подвески. Собственно, к архаическому времени О.Я. Неверов, рассматривая перстни из Северного Причерноморья, относит лишь серебряный перстень из Ольвии с электровыми штифтами и изображением льва на ромбовидном щитке. Другие, происходящие как из Ольвии, так и, в основном, из боспорских некрополей, золотые и серебряные перстни с изображениями на щитках О.Я. Неверов выделяет в свой тип II и датирует первой половиной – серединой 5 в. до н.э., отмечая, что они имеют стремечковидную форму. В

Таким образом, новая фанагорийская находка выделяется на фоне перстней из драгоценных металлов с изображениями на щитках, происходящих из Северного Причерноморья. Тем не менее нельзя не отметить, что близкую форму шинки — округлую, не стремечковидную, и щитка (близка не только форма, но и пропорции) имеют и более массивные, происходящие из датируемого последними десятилетиями 5 в. до н. э. погребения скифского аристократического кургана Близнец-2 золотой перстень с изображением коленопреклоненного луч-

¹ Boardman 2001, 156–157, fig. 198. N.

² Ibid., 156–157, fig. 198. M.

³ Ibid., 188, pl. 439.

⁴ Ibid., 212–213, fig. 217. I.

⁵ Ibid., 212–214, fig. 217. II.

⁶ Скуднова 1988, 21; ср. Скржинская 1987, 180–181.

⁷ Неверов 1986, 18, табл. І. 1; ІІІ. 1.

⁸ Там же, 18–19, табл. І. 2, 3; ІІІ. 2.



Рис. 1. Золотой перстень из Фанагории. Государственный историко-археологический музейзаповедник «Фанагория». Фото М.Ю. Трейстера, 2019

ника⁹, а также золотой перстень из погребения № 6 греческого некрополя Пичвнари. ¹⁰ В то же время укажем, что форма и пропорции щитка перстня из Фанагории, слегка заостренного на концах, находит параллели и на некоторых перстнях типа II, по классификации О. Я. Неверова и типа I, по классификации раннеклассических перстней Д. Бордмана, в частности, на относимых Д. Бордманом к группе Пенелопы (The Penelope Group) 11 , золотых перстнях из погребений курганов, раскопанных в $1869 \, \text{г.}$ (гробница 2) $^{12} \, \text{и}$ 17/1876 (гробница 8) 13 некрополя Нимфея, серебряного перстня из окрестностей Фанагории $^{14} \, \text{и}$ из гробницы № $12 \, \text{в}$ Тарросе на о. Сардиния. $^{15} \,$

3. Изображение на щитке перстня

Изображение на щитке перстня необычно. Мы встречаем изображение летящего Эрота с венком в каждой из рук на щитке близкой формы золотого позднеархаического перстня из собрания Драйфуса в Базеле. Щиток этого перстня имеет не только близкую форму, но и размеры – дл. 1.3 см ¹⁶, однако, в отличие

⁹ Ромашко, Скорый 2009, 64–65, рис. 63. *1, 2*.

¹⁰ Kakhidze 2007, 222, 291, fig. 41. *4*; Kakhidze et al. 2015, 30, no. 35.

¹¹ Boardman 2001, 215.

¹² Ibid., 215, 296, pl. 657; Despini 1996, 200, fig. 203; 262; Vickers 2002, 26–27, pl. 7, в центре. ¹³ ОАК за 1877 г., 238, № 23, табл. 3. *35, 36*; Силантьева 1959, 71, 74, рис. 38. *3*; Boardman 2001, 215, 296, pl. 658; Калашник 2014, 64. ¹⁴ ДБК, т. 1, 132 (как золотой); т. 3, табл. 18. *14*; ОАК за 1877 г., табл. 3. *36*; Furtwängler

^{14;} ОАК за 1877 г., табл. 3. 36; Furtwängler 1900, Bd. 1, Taf. 10. 10; Bd. II, 50; Неверов 1986, 19; Boardman 2001, 215, 296, pl. 659.

¹⁵ Cat. London 1994, 239, no. 153; Boardman 2001, 215, 296, pl. 660.

¹⁶ Boardman 2001, 188, pl. 437.

- ¹⁷ См. выше прим. 14.
- ¹⁸ Boardman 1967, 25.
- ¹⁹ Ibid., 26, nos. N3–5, pl. 7; Boardman, Vollenweider 1978, 30, no. 130, pl. XXIII. См. также Beazley 1920, 27–28, pl. 2. *32*, *33*.
- ²⁰ Фармаковский 1906, 139–140, № 98, рис. 82, 83; Прушевская 1955, 328, 329, рис. 4; Козуб 1974, 87, 88, рис. 41. *3, 6*; Неверов 1986, 19, табл. І. 2; Скржинская 1987, 176, рис. 55. *8*; 180; Cat. Los Angeles 2007, 108–109, no. 28; Калашник 2014, 52–53.
- ²¹ Мозолевский, Полин 2005, 138, № 108; 140, рис. 74. *1* (конский набор № 1).
- ²² Cat. San Antonio 1999, 291–293, no. 146; Treister 1999–2000, 16–17; 40, fig. 8; 2005, 506–507, табл. 9. *4*; Мозолевский, Полин 2005, 138–139, № 111.
- ²³ Афины, Национальный музей, инв. № 1959: Ridgway 1977, 166, note 23, 181, fig. 53; Despinis, Kaltsas (eds.) 2014, 424–432, no. l.1.378; pl. 463, no. 1239 (A. Delivorrias).
- ²⁴ Rolley 1994, 234, fig. 228.
- ²⁵ Ibid., 238, fig. 233; Despinis, Kaltsas (eds.)
 2014, 455–460, no. I.1.393; pls. 478–480, nos.
 1265–1270 (N. Kaltsas).
- ²⁶ Rolley 1994, 238, fig. 234.
- ²⁷ Британский музей, инв. № 1865,1118.39. Dierichs 1993, 96–97, Abb. 172; 2008, 103, Abb. 72; Dover 1989, 78, 92, 95–96, 98, no. B250; Reinsberg 1989, 201, Abb. 110; Shapiro 1992, 56–57, fig. 3. *1*; Barringer 2001, 75–76, fig. 35; Lear, Cantarella 2008, 66, fig. 2. *1*; Smith 2010, 95, 104, 111, pl. 23C; Parkinson 2013, 46–47; Sutton 2014, 326, 332, no. 16; Parker 2015, 108, no. 10 с лит.; Mackay 2015, 91, fig. 3; 92. BAD no. 320395.
- ²⁸ Мюнхен, Античное собрание, инв. № 1468: CVA München, Museum antiker Kleinkunst 7, 48–49, Beil, D4, Taf. (1557) 343.2; Reinsberg 1989, 169, Abb. 92; 170; Dover 1989, 70, 95, 99, no. B271, Barringer 2001, 75, fig. 34; Lear, Cantarella 2008, 30, fig. 0.4; Smith 2010, 332, pl. 24D. BAD no. 301629.
- ²⁹ Smith 2010, 68, 99–100, 165, pls. 14B, 32A, 34A
- ³⁰ Parker 2015, 62, fig. 1. 7; 115, no. 50.
- ³¹ Lear, Cantarella 2008, 28–29; cp. Parker 2015, 46.
- ³² Smith 2010, 68–70, 99–100.
- ³³ lozzo 2006, 115, pl. X. 6; Sutton 2014, 325, 331, no. 10; Chiarini 2018, 328–329. Флоренция, Национальный археологический музей, Коллекция Ваньонвиль, Corpus no. AVI3521, BAD no. 9036651, Band cup BF (Frs.), 550–500 гг. Provenance Chiusi: A=B: nude youth carrying two wreaths, man embracing another youth who holds up a wreath.

от публикуемого перстня он обрамлен низким валиком с косыми поперечными насечками по краю.

Очень близкий сюжет с изображением летящего Эрота с венком и повязкой представлен на аналогичном по форме щитка серебряном перстне из Фанагории. ¹⁷ Д. Бордман отмечал ¹⁸, что перстни с изображением летящего Эрота с венком или венком и лирой характерны для Кипра, где три экземпляра происходят из Мариона, и указывал на то, что это сюжет характерен для позднеархаических скарабеев. ¹⁹ Также и перстни, относимые Д. Бордманом к группе Пенелопы, имеют изображения, размещенные в горизонтальной плоскости по длине щитка, тогда как изображение на щитке фанагорийского перстня вертикальное – голова и ноги персонажи, соответственно размещены в острых углах щитка, подобно изображению Данаи на щитке перстня из некрополя Ольвии. ²⁰

Изображения стоящего Эрота с венком из листьев лавра (?) в опущенной правой руке и ветками с листьями плюща (или также венком) в опущенной – левой украшает серебряный конский налобник шестиугольной формы из погребения № 2 второй—третьей четверти 4 в. до н. э. скифского кургана Бабина могила ²¹ (в комплекте с явно импортным набором фаларов и налобником македонского или фракийского происхождения ²²).

Изображение фигуры в профиль с разворотом верхней части тулова *en face* является (рис. 1. 4) свидетельством того, что оно выполнено в стиле, характерном еще для архаического рельефа. Об этом же говорят и мощные бедра изображенного юноши. Все это напоминает, в частности, изображение так наз. марафонского бегуна²³, которое датируется ок. 510 г. до н. э. ²⁴ Однако в отличие от последнего с характерной архаической прической в виде завитых штопором локонов, ниспадающих на плачи, изображенный на перстне персонаж имеет короткую прическу, детали которой не проработаны, подобно коротким прическам безбородых обнаженных юношей-атлетов на мраморной базе статуи куроса, найденной на Керамике в Афинах, которая также датируется ок. 510 г. до н. э. ²⁵ Другой пример изображения фигуры обнаженного юноши с подобным представленному на перстне разворотом верхней части туловища — на еще одной мраморной базе статуи куроса, также происходящей с Керамика. ²⁶ Таким образом, основываясь на стиле, изображение на щитке перстня может быть датировано еще последним десятилетием 6 в. до н. э.

Однако все рассмотренные выше изображения с одним или двумя венками представляют фигуры Эрота. В данном случае у нас нет никаких оснований для такой атрибуции.

Изображения обнаженного юноши с венком (венками) в руке (руках) чрезвычайно редки, но известны в чернофигурной вазописи, чаще всего, в сценах педерастического характера, в которых некоторые персонажи, как правило, ἐρώμενοι, изображены с венком в опущенной руке, как на аттических чернофигурных амфорах из Вульчи: датируемой ок. 540 г. до н.э. амфоре вазописца Берлин 1686 в Британском музее²⁷ или амфоре вазописца Кембридж 47 – в Мюнхене, датируемой ок. 550 г. до н.э. ²⁸ Венки изображаются в руках обнаженных юношей или комастов²⁹, как на чернофигурной амфоре вазописца Тимиада ок. 570–560 гг. до н.э. в Музее Нинагава³⁰, и трактуются не только как призы за победу в соревнованиях³¹ но и как атрибут симпосия.³²

На фрагментах чернофигурного килика второй половины 6 в. до н.э. из Кьюзи изображены обнаженный юноша, несущий два венка, и мужчина, обнимающий другого юношу с двумя венками (рис. 2. 3).³³ Юноши-комасты с одним или двумя



Рис. 2. Изображения обнаженных юношей с венками в руках на вазах на кубках 6 в. до н. э. 1- Происхождение неизвестно. Брюссель, Музей искусства и истории, инв. № А 2321 (по: CVA Brussels 3); 2- Фивы, участок Зуламоглу, могила № 21. Фивы, Археологический музей, инв. № 46080 (по: Sabetai, Avronidaki 2018); 3- Кьюзи. Флоренция, Национальный археологический музей. Коллекция Ваньонвиль (по: lozzo 2006); 4- предположительно из Фив. Берлин, Государственные музеи, инв. № VI 3320 (по: CVA Berlin 4)

венками в опущенных руках изображены на чернофигурном беотийском скифосе третьей четверти 6 в. до н.э., предположительно происходящем из Кабириона в Фивах, хранящемся в Берлине, и выполненном в так наз. силуэтном стиле (рис. 2. 4). 4 Фигуры обнаженных юношей с венком в каждой руке представлены и на беотийских канфарах второй половины 6 – начала 5 в. до н.э. (рис. 2. 1–2). 5 кабираю половины 6 – начала 5 в. до н.э. (рис. 2. 1–2). 6 кабираю половины 6 – начала 5 в. до н.э. (рис. 2. 1–2). 6 кабираю половины 6 – начала 5 в. до н.э. (рис. 2. 1–2). 6 кабираю половины 6 – начала 5 в. до н.э. (рис. 2. 1–2). 6 кабираю половины 6 – начала 5 в. до н.э. (рис. 2. 1–2). 6 кабираю половины 6 – начала 5 в. до н.э. (рис. 2. 1–2). 6 кабираю половины 6 – начала 5 в. до н.э. (рис. 2. 1–2). 6 кабираю половины 6 – начала 6 в. до н.э. (рис. 2. 1–2). 6 кабираю половины 6 – начала 6 в. до н.э. (рис. 2. 1–2). 6 кабираю половины 6 – начала 6 в. до н.э. (рис. 2. 1–2). 6 кабираю половины 6 – начала 6 в. до н.э. (рис. 2. 1–2). 6 кабираю половины 6 – начала 6 в. до н.э. (рис. 2. 1–2). 6 кабираю половины 6 – начала 6 в. до н.э. (рис. 2. 1–2). 6 кабираю половины 6 – начала 6 в. до н.э. (рис. 2. 1–2). 6 кабираю половины 6 – начала 6 в. до н.э. (рис. 2. 1–2). 6 кабираю половины 6 – начала 6 в. до н.э. (рис. 2. 1–2). 6 кабираю половины 6 – начала 6 в. до н.э. (рис. 2. 1–2).

Тот факт, что изображение на щитке перстня вполне могло быть связано не только с сексуальной ориентацией его владельца, но и относительно юным возрастом подчеркивает и миниатюрность самого перстня, и его очень незначительный вес.

Ближайшей параллелью изображения обнаженного юноши с венком в руке в глиптике мы находим на агатовом скарабее в золотой оправе, происходящем из грабительских раскопок курганов в Восточной Лидии. ³⁶ Изображенный в профиль влево юноша в слегка опущенной и вытянутой вперед правой руке держит венок, а в левой, также вытянутой вперед, расположенной над ней – канфар с высокими петлевидными ручками (рис. 3). ³⁷ С наибольшей вероятностью погребение в кургане у Икизтепе, из которого скорее всего происходит и рассматриваемый скарабей в оправе, датируется между 516 и 486 г. до н. э. ³⁸

³⁴ Берлин, Государственные музеи, инв. № VI 3320: CVA Berlin 4, Deutschland 33, pl. 200 (1626). *3–6*; ThesCRA II, 2004, 378, no. 254; Smith 2010, 160, 165, 166, 169, 174, pl. 31A–B; Sabetai, Avronidaki 2018, 322, note 38.

³⁵ Брюссель, Музей искусства и истории, инв. № A 2321: CVA Brussels 3, Belgium 3, IIIG, pl. 5 (114). *1*a–b; Sabetai, Avronidaki 2018, 314, 315, 365, no. B2. – Фивы, участок Зуламоглу, могила № 21. Фивы, Археологический музей, инв. № 46080: Avronidaki, Sabetai 2016, 22, εικ. 16, 17 = Sabetai, Avronidaki 2018, 314, 315, fig. 2; 364, no A3.

³⁶ См. находки: Özgen, Öztürk 1996. Реконструкция их возможного контекста, см. II 2009, 748–761.

³⁷ Özgen, Öztürk 1996, 145, no. 100; Meriçboyu 2001, 130 (илл. вверху).

³⁸ II 2009, 761.

Рис. 3. Агатовый скарабей в золотой оправе из грабительских раскопок курганов в Восточной Лидии. Ушак, Археологический музей, инв. № 1.75.96 (по: Özgen, Öztürk 1996)







4. Выводы

И форма перстня, и стиль изображения на его щитке не оставляют никаких сомнений в датировке перстня позднеархаическим временем, скорее всего, около рубежа 6–5 вв. до н.э. Сюжет, представленный на щитке перстня, чрезвычайно редок и практически не имеет параллелей в глиптике, на произведениях которой рассматриваемого времени чаще всего венки изображались в руках Эрота. Тем не менее, параллели в вазописи дают основание скорее связывать изображение обнаженного безбородого юноши в диадеме, с венками в опущенных руках с мотивами педерастического круга или связанными с симпосием, нежели спортивного. В подобной интерпретации греческого украшения нет, собственно, ничего удивительного, за исключением того, что нам открываются новые грани жизни греческого населения позднеархаической Фанагории (в том случае, если имела место первая версия), известные отчасти и по граффити из Ольвии³⁹, и по изображениям найденного в некрополе Ольвии аттического чернофигурного лекифа вазописца Карлсруэ ок. 540–530 гг. до н.э. 40

Автор выражает искреннюю признательность В. Д. Кузнецову за предоставленную возможность изучения и публикации перстня.

³⁹ Журавлев 2006, 152.

⁴⁰ Скуднова 1988, 120, № 182.13; Cat. Los Angeles 2007, 100–102, no. 20; Parker 2015, 109–110, no. 18.

ЛИТЕРАТУРА

- Журавлев Д.В. 2006. Однополая любовь // Любовь и Эрос в античной культуре. Москва, 151–152.
- Калашник Ю.П. 2014. Греческое золото в собрании Эрмитажа. Памятники античного ювелирного искусства из Северного Причерноморья. Санкт-Петербург.
- Козуб Ю. І. 1974. Некрополь Ольвії V–IV ст. до н. е. Киев.
- Кузнецов В. Д. 2019. Древнейшая Фанагория: некоторые проблемы // ДБ 24, 398-416.
- Мозолевский Б. Н., Полин С. В. 2005. Курганы скифского Герроса IV в. до н.э. Бабина, Водяна и Соболева могилы. Киев.
- Неверов О. Я. 1986. Металлические перстни эпохи архаики, классики и эллинизма из Северного Причерноморья (опыт классификации) // Н. Л. Грач (ред.), Античная торевтика. Ленинград, 17–27.
- Прушевская Е.О. 1955. Художественная обработка металла (торевтика) // В.Ф. Гайдукевич, М.И. Максимова (ред.), Античные города Северного Причерноморья. Очерки истории и культуры І. Москва–Ленинград, 325–355.
- Ромашко, В.А., Скорый, С.А. 2009: Близнец-2: скифский аристократический курган в Днепровском правобережном надпорожье. Днепропетровск.
- Силантьева, П. Ф. 1959. Некрополь Нимфея // В. Ф. Гайдукевич (ред.), Некрополи боспорских городов (МИА 69). Москва-Ленинград, 5–107.
- Скржинская М.В. 1987. Украшения и предметы туалета // С.Д. Крыжицкий (ред.), Культура населения Ольвии и ее округи в архаическое время. Киев, 175–183.
- Скуднова В.М. 1988. Архаический некрополь Ольвии: публикация одной коллекции. Ленинград. Трейстер М.Ю. 2005. Об изделиях торевтики из скифского кургана Бабина Могила // Б. Н. Мозолевский, С. В. Полин. Курганы скифского Герроса IV в. до н.э. Бабина, Водяна и Соболева могилы. Киев, 502–512.
- Фармаковский Б. В. 1906. Раскопки в Ольвии в 1902–1903 гг. (ИАК 13). Санкт-Петербург. Avronidaki C., Sabetai V. 2016. "White Birds of Boeoti" ("Δευκά πουλιά της Βοιωτίας") // Μ. Γιαννοπούλου, Χ. Καλλίνη (eds.), ἠχάδιν Ι, Τιμητικός τόμος για τη Στέλλα Δρούγου. Αθήνα, 6–50.
- Barringer J. M. 2001. The Hunt in Ancient Greece. Baltimore-London.
- Beazley J. D. 1920. The Lewes House Collection of Ancient Gems. Oxford.
- Boardman J. 1967. Archaic Finger Rings // Antike Kunst 10, 3–31.
- Boardman J. 2001. Greek Gems and Finger Rings. Early Bronze Age to Late Classical. 2 nd ed. London.
- Boardman J., Vollenweider M.-L. 1978. Catalogue of the Engraved Gems and Finger Rings. I. Greek and Etruscan. Ashmolean Museum, Oxford.
- Cat. London 1994. D. Williams, J. Ogden, Greek Gold. Jewellery of the Classical Period. London.
- Cat. Los Angeles 2007. A. Trofimova (ed.), Greeks on the Black Sea: Ancient Art from the Hermitage. Los Angeles.
- Cat. San Antonio 1999. E. D. Reeder (ed.), Scythian Gold. Treasures from Ancient Ukraine. New York.
- Chiarini S. 2018. The So-called Nonsense Inscriptions on Ancient Greek Vases. Between Paiseia and Paidiá, Leiden–Boston.
- Despini Ai. 1996. Greek Art. Ancient Gold Jewellery. Athens.
- Despinis G., Kaltsas, N. (eds.) 2014. Γλυπτά των αρχαϊκών χρόνων από τον 7ο αι. έως το 480 π. Χ. Vols. 1–2. Athens.
- Dierichs A. 1993. Erotik in der Kunst Griechenlands. Mainz.
- Dierichs A. 2008. Erotik in der Kunst Griechenlands. Mainz.
- Dover K.J. 1989. Greek Homosexuality. Cambridge, Mass.
- Furtwängler A. 1900. Die antiken Gemmen: Geschichte der Steinschneidekunst im Klassischen Altertum. 1–3. Leipzig– Berlin.
- II Ö. 2009. Tumuli Asiae Minoris: Untersuchung zu den phrygischen und lydischen Tumulusgräbern der Eisenzeit im zentralen und westlichen Kleinasien. Inaugural-Dissertation. Heildelberg.

Iozzo M. 2006. Osservazioni sulle più antiche importazioni di ceramica greca a Chiusi e nel suo territorio (circa 650/620–550/520 a. C.) // J. La Genière de (ed.), Les clients de la céramique grecque. Actes Colloque Paris 2004 (Cahiers CVA France, 1), Paris 107–132, 231–242.

Kakhidze A. 2007. The Classical World in the Eastern Black Sea Area. The Fifth Century BC Greek Necropolis at Pichvnari (Pichvnari II). Batumi–Oxford.

Kakhidze A., Shalkikadze T., Partenadze T. 2015. Batumi Archaeological Museum Treasure. Catalogue. Tbilisi.

Lear A., Cantarella E. 2008. Images of Ancient Greek Pederasty. Boys Were Their Gods. London.

Mackay A. 2015. Figures of Comparison. A Study of the Potential for Animal and Bird 'Similes' in Attic Black-Figure Vase-Painting // C. Lang-Auinger, E. Trinkl (Hrsg.), Phyta kai zoïa = Pflanzen und Tiere auf griechischen Vasen (Corpus Vasorum Antiquorum Osterreich Beiheft 2). Wien, 87–96.

Mericboyu Y. A. 2001. Antikçağ' de Anadolu takilari. Istanbul.

Özgen I., Öztürk J. 1996. Heritage Recovered. The Lydian Treasure. Istanbul.

Parker H. N. 2015. Vaseworld. Depiction and Description of Sex at Athens // R. Blondell, K. Ormand (eds.), Ancient Sex: New Essays. Columbus, 23–142.

Parkinson R. B. 2013. A Little Gay History. Desire and Diversity Across the World. London.

Reinsberg C. 1989. Ehe, Hetärentum und Knabenliebe im antiken Griechenland. München.

Ridgway B. S. 1977. The Archaic Style in Greek Sculpture. Princeton.

Rolley C. 1994. La sculpture grecque. T. 1. Paris.

Sabetai V., Avronidaki, C. 2018. The Six's Technique in Boiotia: Regional Experiments in Technique and Iconography // Hesperia 87/2, 311–385.

Shapiro H. A. 1992. Eros in Love: Pederasty and Pornography in Greece // A. Richlin (ed.), Pornography and Representation in Greece and Rome. New York, 53–72.

Smith T. J. 2010. Komast Dancers in Archaic Greek Art. Oxford.

Sutton R. F. 2014. A Type γ Courting Scene for Alan: The Spitzer Amphora at Bryn Mawr College // A. Avramidou, D. Demetriou (eds.), Approaching the Ancient Artifact: Representation, Narrative, and Function, Berlin–Boston, 319–333.

Treister M. 1999–2000. Toreutic Objects from the Scythian Kurgan Babina Mogila // II Mar Nero 4, 9–42.

Vickers M. 2002. Scythian and Thracian Antiquities. Oxford.

СОКРАЩЕНИЯ

АМА – Античный Мир и Археология АН ТССР – Академия наук Туркменской ССР

БИ — Боспорские Исследования
БС — Боспорский Сборник
БФ — Боспорский Феномен
ВВ — Византийский Временник
ВДИ — Вестник Древней Истории
ВУА — Военно-Ученый Архив
— Древности Боспора

ДБК – Древности Босфора Киммерийского. Т. 1–3. Санкт-Петербург, 1854

ИАК – Императорская Археологическая Комиссия ИМКУ – История Материальной Культуры Узбекистана

ИНИОН – Институт Научной Информации по Общественным Наукам

КСИА – Краткие Сообщения Института Археологии

КСИИМК – Краткие Сообщения Института Истории Материальной Культуры МАИКЦА – Международная Ассоциация по Изучению Культур Центральной Азии

МАИЭТ – Материалы по Археологии, Истории и Этнографии Таврии

МИА – Материалы и Исследования по Археологии СССР

МИАСК – Материалы и Исследования по Археологии Северного Кавказа

НЭ – Нумизматика и Эпиграфика

ОАК – Отчет Археологической Комиссии. Санкт-Петербург

ПИФК – Проблемы Истории, Филологии и Культуры

РА – Российская Археология

РГБ – Российская Государственная Библиотека

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив

СА – Советская Археология

САИ — Свод Археологических Источников ТБНЭ — Труды Байсунской Научной Экспедиции

ТГИМ – Труды Государственного Исторического музея

ТХАЭЭ – Труды Хорезмской Археолого-Этнографической Экспедиции

Фанагория – В.Д. Кузнецов (ред.), Фанагория. Результаты археологических исследований. Москва

ЮТАКЭ – Южно-Туркменистанская Археологическая Комплексная Экспедиция

AJA – American Journal of Archaeology

AVI – H.R. Immerwahr, R. Wachter, Attic Vase Inscriptions: https://avi.unibas.ch/databasesearch.html

BAD – The Classical Art Research Centre, loannou Centre for Classical and Byzantine Studies, University of

Oxford. Beazley Archive: http://www.beazley.ox.ac.uk/xdb/ASP/dataSearch.asp

BCH – Bulletin de Correspondance Hellénique

BSS – Black Sea Studies, Aarhus

CH VIII – Wartenberg U., Jessop Price M., Gregor K. A. Coin Hoards. Vol. VIII. Greek Hoards. London, 1994 CIRB – Corpus Inscriptionum Regni Bosporani (Корпус боспорских надписей). Москва-Ленинград, 1965.

CIRB-Album – Corpus Inscriptionum Regni Bosporani – Album. Санкт-Петербург, 2005

CVA – Corpus Vasorum Antiquorum

DOC 3/2	 Grierson Ph. Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection. Vol. III. Leo III to Nicephorus III. 717–1081. Pt 2. Basil I to Nicephorus III. 			
DOC 4/1	 (867–1081). Washington, 1993 Hendy M.F. Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection. Vol. IV. Pt 1. Alexius I to Alexius V (1081–1204). Washington, 1999 			
DOC 4/2	 Hendy M.F. Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection. Vol. IV. Pt 2. The Emperors of Nicaea and Their Contemporaries (1204–1261). Washington, 1999 			
EAA	European Association of Archaeologists			
Hypanis	– Hypanis. Труды Отдела классической археологии ИА РАН			
IG II–III ²	- Inscriptiones Graecae. Vol. II-III ² . Berolini, 1913-1940			
LGPN	- A Lexicon of Greek Personal Names. Vol. I-VC. Oxford, 1987-2018			
LSJ	 Liddle H.G., Scott R. A Greek-English Lexicon. 9th ed., rev. H.S. Jones. Oxford, 1996 			
LSJ Suppl.	 A Greek-English Lexicon: A Supplement, E.A. Barber (ed.). Oxford, 1996 			
PRyl	 Catalogue of the Greek Papyri in the John Ryland Library at Manchester: Vol. II. Documents of the Ptolemaic and Roman Periods (Nos. 62–456). Manchester, 1915 			
RIC VIII	 Kent J.P.C. The Roman Imperial Coinage. Vol. VIII. The Family of Constantine I. A.D. 337 364. London, 1981 			
RIC IX	- Pearce J.W.E. The Roman Imperial Coinage. Vol. IX. Valentinian I - Theodosius I. London, 1951			
SEG	- Supplementum Epigraphicum Graecum			
SNG BM I	 Sylloge Nummorum Graecorum Great Britain. Vol. IX. British Museum. Pt. I. Price M. The Black Sea. London, 1993 			
SNG SPMFA	 Sylloge Nummorum Graecorum Russia. Kovalenko S.A. State Pushkin Museum of Fine Arts Coins of the Black Sea Region. Pt 1. Ancient Coins from the Northern Black Sea Littoral (Colloquia Antiqua 3). Leuven–Paris–Walpole, 2011 			
SNG Stanc.	 Sylloge Nummorum Graecorum Great Britain. Vol. XI. The William Stancomb Collection of the Black Sea Region. Oxford, 2000 			
The Athenian Agora	 The Athenian Agora. Results of Excavations Conducted by the American School of Classical Studies at Athens. Princeton 			
ThesCRA II, 2004	 Thesaurus Cultus et Rituum Antiquorum. Vol. II. Purification. Initiation. Heroization and Apotheosis. Banquet. Dance. Music. Rites and Activities related to Cult Image. Los Angeles 			

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

HYPANIS Труды отдела классической археологии ИА РАН Том 2

Под общей редакцией В. Д. Кузнецова

Научное издание

Подготовка иллюстративного материала и изготовление оригинал-макета: В. Б. Степанов

Подписано в печать 10.11.2020. Формат $60 \times 90/8$ Усл. печ. л. 30,5. Уч.-изд. л. 22,8. Тираж 300 экз.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии Российской академии наук 117292 Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Отпечатано в типографии: ООО «Новые решения»

ISBN 978-5-94375-324-4